

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ЦЕНТР ЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ
И РЕГИОНАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

КОЧЕВАЯ АЛЬТЕРНАТИВА
СОЦИАЛЬНОЙ ЭВОЛЮЦИИ

Москва 2002

Серия “Цивилизационное измерение”

Том 6

Редколлегия серии:

И.В. Следзевский (главный редактор), Д.М. Бондаренко, Н.А. Ксенофонтова, А.М. Васильев

Ответственные редакторы тома: д.и.н. Н. Н. Крадин

д.и.н. Д. М. Бондаренко

Книга написана антропологами, историками и археологами, специализирующимися в области кочевниковедения и посвящена различным аспектам одной проблемы: каким образом небольшие кочевые народы, населявшие окраины земледельческих государств, смогли покорить гигантские пространства от Средиземноморья до Японского моря? Какие силы придали внутренний импульсномадам, перед которыми трепетали королевские дворы Европы и Азии? Было ли это проявлением закономерности, или же не поддающейся объяснению случайностью? В качестве примеров обсуждается большое число кочевых народов. В книге используется много новых фактических данных. Книга будет полезна не только специалистам в области истории, археологии и этнографии кочевого мира, но и более широкому кругу исследователей, интересующихся теорией социальной эволюции, вопросами взаимодействия различных культур и цивилизаций, а также преподавателям вузов, аспирантам и студентам.

ISBN

© Н.Н. Крадин, Д.М. Бондаренко, авторы, 2002

© Центр цивилизационных и региональных исследований РАН, 2002

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие

Введение: Социальная эволюция, альтернативы и номадизм
Д.М. Бондаренко, А.В. Коротаев, Н.Н. Крадин

Кочевники евразийских степей в исторической ретроспективе
А.М. Хазанов

Мир кочевников скотоводов
Т. Барфилд

Типология потестарных и политарных систем кочевников
С.А. Васютин

Культурный капитал, набеги за скотом и военное превосходство традиционных скотоводов
У. Айонс

Структура власти в кочевых империях
Н.Н. Крадин

Особенности общественного развития сармато-аланов и их восприятию в других культурах
С.А. Яценко

Развитие иерархических структур в обществах эпохи бронзы и раннего железного века юга Восточной Европы (опыт диахронного историко-археологического анализа)
А.П. Медведев

Проникновение кочевников на юг Аравии и становление племенной организации среди земледельческого населения Северо-Восточного Йемена
А.В. Коротаев

Модели социально-политической эволюции у скотоводов народностей тсвана
А.А. Казанков

Кризисы, идентичность и конфликты с центральной властью у туарегов
А. Буржо

Киданьское государство Ляо как кочевая империя
Г.Г. Пиков

Структура власти монгольских кочевников эпохи Чингис-хана
Т.Д. Скрынникова

Политическая культура тюрко-монгольских кочевников в историко-этнографической перспективе
С.В. Дмитриев

Чингисиды и их статус в Центральной Азии и Восточной Европе
Д.Ю. Арапов

Управление коренным населением Туркестанского края в Российской империи
Д.В. Васильев

Сведения об авторах

CONTENTS

Introduction: Social Evolution, Alternatives and Nomadism

D. M. Bondarenko, A. V. Korotaev, N. N. Kradin

A Historical Background for The Nomads in the Old World

A. M. Khazanov

The World of Pastoral Nomads

T. Barfield

A Typology of Power and Political Systems of Nomads

S. A. Vasutin

Cultural Capital, Livestock Raiding and the Military Advantage of Traditional Pastoralists

W. Irons

The Power Structure of Nomadic Empires

N. N. Kradin

Some Aspects of the Social Organization of Sarmato-Alans and its Perception in Other Cultures

S. A. Yatsenko

The Development of Hierarchical Structures in the Bronze and Early Iron Age Societies of the South of Eastern Europe
(Implications of Diachronic, Historical and Archaeological Analysis)

A. P. Medvedev

The Nomadic Infiltration in South Arabia and Formation of Tribal Organization among the North-Western Yemeni
Agriculturalists

A. V. Korotaev

Models of Socio-Political Organization of the Tswana Pastoralists

A. A. Kazankov

Crisis, Identity, and Ruptures among the Tuaregs

A. Bourgeau

The Chidan Liao State as Nomadic Empire

G. G. Pikov

Hierarchy and Power among the Mongols in the Time of Chingis Khan

T. D. Skrynnikova

A Historical Perspective for the Turk Mongolian Nomads Political Organization

S. V. Dmitriev

The Chingisides and their Status in Asia and East

Europe

D. Yu. Arapov

Government of the Turkistan Region Native Population in the Russian Empire

Dmitri V. Vasiliev

Contributors

ПРЕДИСЛОВИЕ

В июне 2000 г. в Москве Центром цивилизационных и региональных исследований РАН совместно с Российским государственным гуманитарным университетом была проведена международная конференция "Иерархия и власть в истории цивилизаций". В конференции приняло участие большое количество исследователей из разных стран мира. Обсуждался весьма широкий круг вопросов - от социобиологических предпосылок отношений доминирования до изучения механизмов власти в постсоветских странах. Одной из секций этой конференции была "Иерархия и власть в обществах кочевников" (организатор секции - Н.Н. Крадин). В ее работе приняли участие более двадцати ученых из Украины, США, Франции и различных городов России - Владивостока, Воронежа, Москвы, Новосибирска, Санкт-Петербурга, Улан-Удэ.

Хорошо известно, что большинство теоретических вопросов кочевниковедения, в частности касающихся характера общественного строя номадов, до сих пор не получило однозначного разрешения. До настоящего времени существует множество теорий, которые по-разному интерпретируют типичные черты обществ кочевых скотоводов (предклассовое общество, раннее государство, различные интерпретации "кочевого феодализма", теории "номадного способа производства, "ксенократическая" теория и пр.). Могли ли кочевники самостоятельно преодолевать порог государственности, и если да, то как следует определять природу этих обществ? Почему экономическая основа номадизма мало изменилась за тысячелетия, тогда как политическая организация кочевых обществ эволюционировала от акефальных племен и вожеств до иерархических "кочевых империй"? Как соотносятся реалии кочевых обществ с такими понятиями, как "государство", "класс", "собственность", "феодализм"?

Все эти вопросы были поставлены во время работы конференции. В ходе обсуждения возникла идея подготовить коллективную монографию по итогам работы секции. Также было принято решение расширить число авторов за счет приглашения некоторых авторитетных специалистов в данной области. Так появилась эта книга.

В центре внимания авторов книги оказались следующие проблемы: (1) теории исторического процесса и номадизм; (2) типы сложных обществ у кочевников Евразии (союзы племен, вожества, империи и пр.); (3) структура власти в кочевых обществах; (4) особенности взаимодействия кочевников и земледельцев; (5) типы и модели лидерства в обществах кочевников скотоводов; (6) эгалитаризм и неравенство в кочевых обществах. Мы надеемся, что данная работа послужит стимулом для активизации дискуссии о специфике общественного развития кочевников скотоводов. В то же время мы рассчитываем на то, что новая дискуссия будет вестись на основе новых методологических подходов, а наиболее важными для обсуждения вопросами станут выяснение места номадизма в контексте всемирно-исторического процесса и выявление особенностей социальной эволюции в различных временных и экологических условиях.

Считаем своим долгом выразить признательность сотрудникам ЦЦРИ РАН Е.Б. Деминцевой и А.А. Токовину за помощь в подготовке рукописи монографии к печати.

*Д.М. Бондаренко
Н.Н. Крадин*

SUMMARY

The book is written by anthropologists, historians, and archaeologists specializing in nomadic studies. All the chapters presented here discuss various aspects of one significant problem: how could small nomadic peoples at the outskirts of agricultural civilizations subjugate vast territories between the Mediterranean and the Pacific? What was the impetus that set in motion the overwhelming forces of the nomads which made tremble the royal courts of Europe and Asia? Was it an outcome of any predictable historical process or a result of a chain of random events? A wide sample of nomadic peoples is discussed, mainly on the basis of new data.

Научное издание

КОЧЕВАЯ АЛЬТЕРНАТИВА СОЦИАЛЬНОЙ ЭВОЛЮЦИИ

*Утверждено к печати
Институтом Африки РАН*

*Зав. РИО Н.А. Ксенофонтова
Компьютерная верстка Г.Н. Терениной
Макет-дизайн Г.М. Абишевой, Н.А. Ксенофонтовой*

И.Л. № 040962 от 26.04.99
Подписано к печати
Объем п.л.
Тираж экз.
Заказ №

Отпечатано в ПМЛ Института Африки РАН
103001, Москва, ул. Спиридоновка, 30/1

Серия “Цивилизационное измерение”:

Том 1. *Цивилизационные модели политогенеза*. Д.М. Бондаренко и А.В. Коротаев
(отв. ред.)

Том 2. *Доимперский Бенин: формирование и эволюция системы социально-политических институтов*. Д.М. Бондаренко

Том 3. *Агрессия в архаических обществах*. А.А. Казанков

Том 4. *"Местник Божий" на царском троне: христианская цивилизационная модель сакрализации власти в российской истории*. Л.А. Андреева

Том 5. *Древние Майя: цивилизационная модель политогенеза*. Д.Д. Беляев

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ВВЕДЕНИЕ: СОЦИАЛЬНАЯ ЭВОЛЮЦИЯ, АЛЬТЕРНАТИВЫ И НОМАДИЗИМ

Д.М. Бондаренко, А.В. Коротаев, Н.Н. Крадин

В современных социальных науках и истории существуют четыре группы теорий, которые по-разному объясняют основные законы возникновения, дальнейшего изменения, а иногда гибели сложных человеческих систем. Первая группа - это различные однолинейные теории развития или эволюции (марксизм, неозволюционизм, теории модернизации и др.). Они показывают, как человечество прошло длинный путь от маленьких групп примитивных охотников к современному постиндустриальному мировому обществу. Вторая группа - это теории цивилизаций. Сторонники этих теорий считают, что единой мировой истории нет. Есть сгустки активности культуры - цивилизации. Цивилизации подобно живым организмам рождаются, живут и умирают (Данилевский 1871; Тойнби 1991; Шпенглер 1998; Сорокин 2000 и др.).

Промежуточное место между этими двумя полюсами занимают мир-системный подход и многолинейные теории эволюции. Мир системный подход (Wallerstein 1984 etc.; Chase-Dunn and Hall 1997 etc.) подобно однолинейным теориям развития выделяет три модели общества: мини-системы, мир-империи и мир-экономики. Но они рассматриваются не во времени, а в пространстве. Это делает представления об истории более полными. Современные многолинейные теории (Коротаев и др. 2000; Bondarenko, Korotayev 2000a и др.) постулируют, что существует несколько возможных вариантов трансформации политических систем. Одни из них предполагают развитие иерархических структур, например, от вождества к национальному государству, другие – усложнение общинной организации без появления бюрократии (например, греческие полисы), третьи подразумевают сохранение в определенных экологических условиях племенной системы.

По сути, речь идет о различных измерениях мировой истории, которая разворачивается сразу в нескольких плоскостях. Каждое измерение отражает на своей координатной сетке соответствующие параметры жизнедеятельности социальных систем. Однако каждая из перечисленных парадигм далеко не полностью передает особенности изучаемого явления. Только в совокупности эти теории могут объяснить нам то или иное социальное явление в исторической перспективе. Важно отметить, что даже противоположные теории могут не исключать друг друга, а отражать важные структурные параметры изучаемого объекта.

В этой книге речь идет, главным образом, об эволюционистской интерпретации исторического процесса в ее многолинейной вариации. При этом большинство авторов рассматривает кочевой мир как особую альтернативу социальной эволюции. Но прежде чем обратиться к данной проблеме, необходимо ответить на более общий методологический вопрос об альтернативности в эволюционных процессах. Ниже мы попытаемся показать, как решается эта проблема в современной социальной антропологии и истории.

Эволюция и альтернативы

Существует несколько самостоятельных подходов к изучению социальной эволюции. Каждый из них представлен рядом теорий. Их рассмотрение потребовало бы отдельной монографии. Поэтому здесь мы остановимся только на наиболее актуальной для проблематики данной книги схеме – соотношении однолинейного и многолинейного подходов.

Линия одномерна. Поэтому представляется вполне возможным говорить о линии или о траектории эволюции (линии развития) отдельного общества. Однако если мы говорим о линии эволюции значительного числа обществ, это будет оправдано только в том случае, если соблюдается хотя бы одно из двух ниженазванных условий.

1) О единой линии социальной эволюции можно говорить, если мы применяем единственный критерий эволюции (которая в таком случае обычно отождествляется с развитием и/или прогрессом). Такой подход, очевидно, не выдерживает никакой серьезной критики, но, тем не менее, иногда применяется. Например, наиболее распространенная в настоящее время однолинейная трехчленная схема, постулирующая существование универсальных стадий присваивающего, аграрного и индустриального хозяйства (к которым зачастую добавляется постиндустриальная стадия), кажется просто-напросто результатом последовательного применения одного-единственного технологического критерия. Другая однолинейная эволюционистская схема такого рода восходит к Гегелю и опирается на последовательное применение одного-единственного "критерия свободы" (при этом, едва ли не при "оруэлловском" понимании самой "свободы") – в России попытки ее использования предпринимались еще в 1960-е годы (Поршнева 1966: 190–201). Однако это отнюдь не единственная и не основная форма однолинейного эволюционизма, ибо в настоящее время практически никто не настаивает всерьез на возможности применения одного-единственного эволюционного критерия. Поэтому ниже мы сосредоточимся на втором условии, которое могло бы оправдать однолинейный эволюционизм:

2) О единой линии социальной эволюции можно было бы вполне обоснованно говорить, если бы существовала полная, стопроцентная корреляция (или, другими словами, функциональная зависимость) между **всеми** основными одномерными показателями социальной эволюции. Даже если бы нашлось всего лишь одно исключение, уже в этом случае, строго говоря, однолинейная схема искажала бы реальность, и следовало бы вести речь не о линии, а о плоскости эволюции. В реальности же ситуация обстоит несравненно более драматическим образом – нет **ни одной** пары значимых эволюционных показателей, между которыми наблюдалась бы стопроцентная корреляция, функциональная зависимость. По крайней мере, более чем за столетие активных поисков подобных корреляций ни одной реальной функциональной зависимости между какими-либо социо-эволюционными показателями обнаружено не было (см., например: Levinson, Malone 1981; Ember, Levinson 1991). Уже из этого очевиден тот факт, что в реальности речь может идти не о линии, даже не о плоскости или трехмерном пространстве, но лишь о многомерном пространстве-поле социальной эволюции.

И все же остановимся несколько подробнее на той версии однолинейного эволюционизма, которая сохраняет свое определенное влияние вплоть до настоящего времени как в отечественной, так и в зарубежной науке. Речь идет о марксистском однолинейном эволюционизме. Действительно, мысль о наличии стопроцентной корреляции (функциональной зависимости) между всеми основными эволюционными параметрами была сформулирована Марксом предельно четко:

Возьмите определенную ступень развития производственных сил людей, и вы получите определенную форму обмена и потребления. Возьмите определенную ступень развития производства, обмена и потребления, и вы получите определенный общественный строй, определенную организацию семьи, сословий или классов, – словом, определенное гражданское общество. Возьмите определенное гражданское общество, и вы получите определенный политический строй (Маркс 1846: 530).

В действительности ни одному из значений любого из вышеназванных параметров не соответствует однозначно значение другого параметра. Можно взять определенную ступень развития производства, обмена и потребления, и получить самые разные типы

общественного строя, организации семьи, сословий или классов. Например, африканские охотники-собиратели хадза и сан (бушмены) Калахари, с одной стороны, и охотники-собиратели Центральной Австралии, с другой стороны, находятся на одной и той же "ступени развития производства, обмена и потребления", однако с точки зрения "организации семьи" они находятся едва ли не на противоположных полюсах эволюционного спектра. Если семья хадза или бушменов характеризуется равноправным положением женщины, то среди австралийских аборигенов положение женщин является исключительно неравноправным, при этом уровень их неравноправия по многим параметрам превосходит таковой у подавляющего большинства всех известных науки обществ (включая и сложные стратифицированные общества) – ср., например, Woodburn 1972; 1982; Whyte 1978: 49–94; Артемова 1987; 1993; Artemova 2000 и др.).

Или, скажем, средневековые общества "Большой Ойкумены" (пояса развитых цивилизаций Евразии и Северной Африки) находились на принципиально одной ступени развития материальных производительных сил (как это было убедительно показано, например, В.П. Илюшечкиным [1990 и др.]). Но мы находим в них, к примеру, различные виды связи специализированного ремесла и земледелия, от почти полного господства товарно-рыночных отношений в некоторых западноевропейских обществах (Северная Италия, Южная Германия, Нидерланды и др.) до преобладания форм государственно-распределительных (в частности, в городском ремесле фатимидского Египта) или общинно-реципрокных (в "сельском секторе" Северной Индии) – см., например: Алаев 1981: 67–71. Это не значит, что развитие по двум данным параметрам никак между собой не связано. Определенная закономерность здесь, безусловно, присутствует, но она проявляет себя в виде именно не очень жесткой корреляции. Нетрудно показать, что то же самое относится и ко всем остальным постулированным Марксом функциональным зависимостям: продемонстрировать, что во всех случаях речь может идти лишь о не очень жестких корреляциях. Соответственно любые однолинейные модели в таких случаях оказываются в конечном счете абсолютно неприемлемыми.

Однолинейные схемы плохо объясняют и специфику кочевых обществ. Необходимо отметить, что для марксистской теории исторического прогресса, номадизм стал таким же "крепким орешком", что и "азиатский способ производства". Как интерпретировать неподвижный, подчас застойный номадизм в рамках однолинейной периодизации пяти способов производства? Как, исходя из диалектического принципа соответствия "базиса" и "надстройки", объяснить возникновение, расцвет и гибель степных империй? Экономический "базис" кочевых скотоводческих обществ оставался неизменным: у современных масаев и арабов он такой же, что и у древних хунну и скифов. Однако если экономический "базис" не менялся, то и "надстройка" должна была бы оставаться неизменной. В то же время "надстройка" кочевых обществ в отличие от "базиса" не сохраняла своего постоянства в. Номады то создавали гигантские степные империи, то распадались на отдельные ханства или акефальные линиджные образования, а это противоречило принципам марксистской теории (Gellner 1988: 93-97, 114).

Защитники теории кочевого феодализма и "пятичленной" схемы формаций попросту закрыли глаза на различие возможностей и пределов роста между кочевыми и земледельческими обществами, тем самым существенно завывсив уровень развития "базиса" номадизма. Так возникло ошибочное деление на "ранних" (древних дофеодальных и рабовладельческих) и "поздних" (средневековых феодальных) кочевников, хотя древние и средневековые империи номадов были гораздо больше по численности населения и сложнее в организационной иерархии, чем ханства и племенные конфедерации Нового и рубежа Новейшего времени.

Сторонники концепции предклассового развития номадов выступили с критикой теории кочевого феодализма. Как истинные творческие марксисты, они опирались на главный

постулат теории К. Маркса – о детерминирующей роли материального производства. Поскольку уровень развития "базиса" номадов практически не изменился с течением длительного времени, то первобытный, догосударственный "базис" кочевых обществ должен был предполагать и первобытную "надстройку". Следовательно, утверждалось, что номады в общественной эволюции достигали, самое большее, позднепервобытной ("дофеодальной", "предклассовой" и т. д.) стадии.

Подобный подход, несомненно, являлся шагом вперед, поскольку большинство обществ номадов действительно не имело никакого отношения к феодализму. Об этом, в частности свидетельствуют данные кросс-культурных исследований (Коротаяев 1991:157, табл. XI). Однако вывод о предклассовой сущности номадизма в ряде кочевниковедческих теорий привел к занижению уровня развития "надстройки" ряда пасторальных обществ – степных империй. Эти империи также были объявлены предгосударственными и, в соответствии с диамазовскими категориями "случайного и необходимого", обозначены как временные и эфемерные образования. Но настолько ли эфемерными выглядят кочевые империи, в частности, в сравнении с тоталитарными государствами XX столетия?

Альтернативность в эволюции

Уже при анализе в первом приближении все многообразие путей эволюции можно свести к двум сущностно различным, но во всемирно-историческом масштабе равноценным и одинаково магистральным группам гомологических рядов, ибо любое общество строится по принципу иерархическому (вертикальному, недемократическому) или же гетерархическому (горизонтальному, демократическому). Это фундаментальное различие между социумами, в том числе одноуровневыми, вероятно, коренится в природе приматов (см.: Бутовская и Файнберг 1993; Бутовская 1994) и проходит красной нитью через всю социально-политическую историю человечества от так называемых "неэгалитарных" и "эгалитарных" раннепервобытных, сообществ (Woodburn 1982; Khazanov 1985: 91–95; Артемова 1993; Artemova 2000; Казанков 2000) до современных тоталитарных монархий и республик (см.: Bondarenko, Korotayev 2000a:6–8). Следовательно, степень социально-политической иерархизированности общества не является верным критерием оценки уровня его развития, хотя и выдается за таковой сторонниками однолинейных концепций социальной эволюции.

С одной стороны, вопреки марксистским, эволюционистским и неэволюционистским взглядам, не все ранние человеческие сообщества были эгалитарными, и процесс эволюции не сводился к появлению и последующему нарастанию социально-политической иерархии. Напротив, социальное неравенство существует в человеческом обществе изначально (Dahrendorf 1970; Rousseau 1985; Trigger 1985; Геллнер 1992; Artemova 2000; Schweitzer 2000; Крадин 2001в и др.). С другой стороны, опять же вразрез с постулатами вышеупомянутых теорий, можно привести немало примеров сложных неиерархических обществ, в совокупности образующих эволюционный ряд, альтернативный чрезвычайно широко распространенной в современной науке однолинейной схеме форм-стадий социально-политической организации "локальная группа – племя (или независимая община) – вождество – сложное вождество – государство"¹.

А ведь критерий построения этой до 1990-х гг. едва ли не канонизированной схемы (см.: Березкин 1995; Коротаяев 1995; Классен 2000; Claessen 2000 и др.) – нарастание иерархичности от этапа к этапу, т.е. степень иерархизированности социума выдается за главную и по сути дела единственную "лакмусовую бумажку" уровня его развития. Как писала несколько лет назад Э.М. Брумфил,

сопряжение [социально-политической] дифференциации с иерархией столь крепко в наших умах, что требуется огромное интеллектуальное усилие даже для того, чтобы представить, какой могла бы быть дифференциация без иерархии (Brumfiel 1995:130).

Само существование сложных, но не иерархически организованных обществ, как правило, если и признается (например, в рамках такого неэволюционистского течения, как холокультурализм), то считается исторической случайностью, аномалией. Подобные социумы провозглашаются способными достигать лишь невысоких уровней сложности, им отказывается в возможности обретения внутренней стабильности (Tuden, Marshall 1972:454–456).

В то же время на последующих уровнях анализа становится ясно, что дихотомия "иерархически (вертикально, недемократически) организованное общество – социум, выстроенный гетерархически (горизонтально, демократически)" отнюдь не сверхжесткая. С одной стороны, несомненно, что в действительности в системе функционирования любого общества могут быть выделены и вертикальные (господство – подчинение), и горизонтальные (равноправные) связи (Smith 1985; Blanton 1998; Marcus, Feinman 1998:11 и др.). Таким образом, в действительности, любое общество, даже самое "эгалитарное", иерархично. Социумы, обозначенные здесь как "гетерархические", на самом деле также обладали внутренней иерархией. С другой стороны, по ходу истории общества оказываются в состоянии радикально менять модель своей социально-политической организации, в процессе усложнения превращаясь из иерархических в гетерархические или же, наоборот, – из демократических в недемократические (Crumley 1988: 164–165; 1995: 4; Bondarenko, Korotayev 2000a; Dozhdev 2000; Крадин 2001 и др.). Однако также известно немало случаев сохранения обществами прежнего уровня сложности и интегрированности при переходе с одного эволюционного ряда в другой.²

Следует отметить, что переход от более иерархичной структуры к менее иерархичной при условии не понижения меры приспособленности организма к окружающей среде не рассматривается как признак его деградации, регресса и в современной биологической теории эволюции. Заложивший ее основы А.Н. Северцов назвал этот вид эволюции "ароморфозом" (Северцов 1949; 1967).

И государство как таковое, даже раннее государство, не универсально: история знает общества, которые, с одной стороны, не были государственными, а с другой стороны, не уступали государствам в степени социокультурной сложности и уровне развития всех подсистем, в способности адекватно отвечать на серьезные "вызовы" среды. То есть общества, о которых здесь идет речь, представляют воплощения альтернативных государственному "проектов" социально-политической эволюции.

Бесспорно, из всех типов обществ, альтернативных государству, ярчайший след в истории и культуре человечества оставили греческий полис, а также подобная ему римская цивитас. Едва ли у кого-то когда-либо возникали сомнения в высоком, не уступающем государственному уровню развития многих полисов и цивитас, в особенности классического периода. Однако и мысль, время от времени высказывавшаяся с давних пор, – о негосударственном характере этой формы социально-политической организации, – как представляется, ныне получила обоснование благодаря трудам Е.М. Штаерман и М. Берента (Штаерман 1989; Verent 1994; 2000; Берент 2000 и др.). И это притом, что, опять же вопреки весьма распространенному в науке мнению, полис как форма социально-политической организации был известен далеко за пределами античного мира – и в географическом, и в хронологическом отношении (Агларов 1988; Коротаев 1995; Бондаренко 1998; Бондаренко, Коротаев 1999 и др.).

Греческого полиса и римской цивитас – одного из источников и первооснов современной Западной цивилизации – уже было бы достаточно для того, чтобы важность исторического и культурно-антропологического изучения феномена сверхсложных, но не государственных социумов оказалась осознанной исследователями, а сами социумы такого рода не относились к "боковым линиям" (Гринин 2001) процесса политогенеза. Но в контексте проблемы не

универсальности государства, в качестве альтернатив ему можно упомянуть, скажем, и такие своеобразные общества, как туарегов Сахары XIX в., исландцев до середины XIII в. или Казачье Войско до конца XVII столетия. Примеры в данном случае можно было бы приводить еще довольно долго. И полис, и цивитас, и социально-политические образования туарегов, исландцев, казаков были организованы демократически. Таким образом, возможно рассмотрение как альтернативных друг другу эволюционных путей, ведущих общества к политической централизации и отделению власти от народа, и путей, обусловивших существование социумов, основу которых составляло развитие демократических общинных начал и институтов самоуправления.

Однако и эта схема, как и та, однолинейная, что уже давно утвердилась в науке, есть лишь идеальные логические модели. Вовсе не в каждом конкретно-историческом случае – не в каждом обществе на протяжении всего периода его существования – та или иная из этих схем реализуется в полном объеме и без пересечений с другим эволюционным рядом (см. Blanton 1998). Так, данные по Бенину XIII–XIX вв. показывают, что не только гетерархические, но и иерархические общества, достигая очень высокого (несопоставимого с характерным для сложного вожества) уровня развития и социокультурной сложности, будучи в большой степени политически централизованными, могут так никогда и не трансформироваться в государство. Бенинский материал свидетельствует и о том, что автономность общины не является гарантией движения социума по неиерархическому пути эволюции. С другой стороны, традиционная схема не предполагает существования общинной автономии при недемократичности надобщинных институтов и общей иерархичности общественно-политической системы социума. Однако именно такая ситуация сложилась в Бенине (см. Бондаренко 1995; 2000; Bondarenko 2000 и др.). В целом же характер того или иного сложного общества, как представляется, в большей мере определяется не тем, как соотносятся локальный и надлокальные уровни организации общества, а спецификой локального (субстратного) института – общины (Бондаренко 2000; Бондаренко, Коротаев 1999; Bondarenko, Korotayev 2000a; 2000b; 2001).

Итак, альтернативность по отношению друг к другу характеризует не только две основные макрогруппы человеческих сообществ – социумы иерархические и гетерархические. Альтернативность существует и внутри каждой из них. В частности, на высшей ступени сложности и интегрированности социально-политической организации государство (по крайней мере, в доиндустриальном мире) "конкурирует" не только с неиерархическими системами институтов (например, с полисом), но и с некоторыми формами общественной организации, не менее иерархичными, чем оно само. Одним из примеров здесь, безусловно, может служить в высокой степени и весьма жестко политически иерархизированное, территориально крупное, могущественное политическое образование зулусов первой половины XIX в. (Gluckman 1940; Ritter 1955; Service 1975:104–116).

Альтернативу государственным могут составлять и общества с глубоко разработанной жесткой кастовой системой (Quigley 1999:114–169; Kobishchanov 2000:64). Кстати, и в демократической части спектра типов социально-политического устройства гражданские общины-полисы имеют альтернативы не только в виде иерархических систем институтов, но и в лице уже упомянутых исландской, казацкой, а также некоторых других общественных моделей.

А что же кочевники? В какую из перечисленных альтернатив вписываются они? Или, может быть, для них был характерен свой, самостоятельный путь эволюции?

Кочевая альтернатива

Социальная эволюция кочевников скотоводов изучена хуже, чем общие аспекты социальной эволюции. В трудах зарубежных теоретиков модернизации и неэволюционистов проблема эволюции кочевников-скотоводов не является широко

обсуждаемой. В обобщающих эссе главное внимание уделено процессам роста аграрных культур и цивилизаций (Service 1962; 1975; Polanyi 1968; Adams 1975; Johnson and Earle 1987; Sanderson 1995 и др.). Редкие авторы включали кочевников в свои схемы культурной интеграции (Sahlins 1968; Lenski 1973; Hallpike 1986). Пожалуй, единственное исключение - книга Л. Крэдера (Krader 1968) о происхождении государства.

Большее внимание этой проблеме уделили марксистские антропологи в ходе так называемой дискуссии о "кочевом феодализме" (подробнее об этой дискуссии см.: Федоров-Давыдов 1973; Хазанов 1975; Марков 1976; 1998; Першиц 1976; Коган 1981; Халиль Исмаил 1983; Khazanov 1984; Попов 1986; Gellner 1988; Bonte 1990; Крадин 1992; Масанов 1995; Васютин 1998 и др.). Дискуссия прошла несколько этапов. До середины 1930-х годов были высказаны практически все основные точки зрения на природу кочевых обществ (от первобытнообщинной до развитой феодальной). После 1934 г. в советской науке утверждается так называемая теория "кочевого феодализма". Было выдвинуто несколько версий этой теории, но постепенно возобладало упрощенное сталинское понимание "степного феодализма". С середины 1950-х годов вновь предлагаются новые интерпретации феодализма у кочевников, согласно которым главным средством производства в степных обществах являлся скот. В годы "оттепели" появились и другие точки зрения.

Постепенно сформировалась богатая палитра мнений об общественном строе кочевников-скотоводов: одни ученые считали, что кочевники самостоятельно могли подниматься только до предгосударственного уровня развития, тогда как другие полагали, что наиболее крупные объединения степняков имели оформившийся раннегосударственный характер. По мнению третьих, кочевники достигали стадии феодализма; четвертые же отстаивали тезис об особом, "номадном", способе производства.

В последнее десятилетие эта дискуссия продолжалась в основном в русскоязычной литературе (подробнее см.: Крадин 2001а; 2001б). При этом в ней в той или иной степени нашли отражение все высказывавшиеся ранее точки зрения. Однако наиболее активными оказались попытки обосновать особый путь развития обществ кочевников-скотоводов. Предмет дискуссии сконцентрировался вокруг вопроса о том, что является основой специфичности кочевничества: внутренняя природа скотоводства, являющаяся основой так называемого кочевничества или же особенности внешней адаптации кочевников к земледельческим "мир-империям". В то же время в условиях преодоления формационного монизма совершались попытки рассмотрения кочевничества с точки зрения цивилизационного подхода, проявилось стремление обосновать существование в истории особой "кочевой цивилизации".

Совершенно очевидно, что кочевники-скотоводы создавали самые разнообразные по степени сложности формы политической организации. Наименее сложные из них можно обнаружить, например, у африканских нуэров. Это сегментарные деревенские и линиджные фракции, объединенные отношениями реального и фиктивного родства в рыхлые неструктурированные образования численностью до нескольких десятков тысяч человек. Такие объединения не имели никаких общих органов управления. Единственная политическая фигура - "вождь в леопардовой шкуре", выполняющий посреднические функции в случае возникновения конфликтов (Эванс-Причард 1985).

Более сложная племенная модель была характерна для многих кочевников-скотоводов Северной Африки и Евразии (арабов, туарегов, пуштунов и др.). Их племена делились на роды (кланы), которые в свою очередь дробились на более мелкие родственные подразделения вплоть до небольших общин или домохозяйств. Власть вождей была невелика. В их обязанности могли входить организация военных походов и распределение добычи, руководство перекочевками, разрешение споров по поводу территорий, угона скота, нарушения обычаев, членовредительства и убийства. Вожди не обладали иной возможностью воздействовать на соплеменников, кроме как силой убеждения, авторитетом

или, наконец, угрозами применения своих магических способностей. У одних номадов (белуджей, туарегов) вожди занимались отправлением всех функций, у других же существовало разделение на гражданских и военных вождей (арабы бедуины).

Следующая по степени сложности модель политической системы, вождество – стратифицированное общество, основанное на иерархии и неравном доступе к ресурсам (подробнее см. Service 1962; 1975; Carneiro 1981; Earle 1987; 1991; Крадин 1995; Redmond 1998; Beliaev et al. 2001). Политии такого рода описаны, в частности, в данной книге, в разделе А.А. Казанкова. Он отмечает у некоторых групп тсвана наличие вождеств с численностью населения несколько десятков тысяч человек во главе с наследственными вождями *кгоси*. Вождь олицетворял единство и благополучие социума, совершал важнейшие ритуалы. Ему подчинялись военные отряды, состоявшие из молодых воинов. В обществе существовало генеалогическое и возрастное неравенство, имущественная стратификация, основанная на количестве скота, патронажно-клиентные отношения саунного типа.

С точки зрения антропологических теорий социальной эволюции, ключевым является вопрос о том, могли ли кочевники создавать собственную государственность. В мировой науке имеется две наиболее популярные группы теорий, призванных объяснить процесс возникновения государства: "интегративная" и "конфликтная" (Fried 1967; Service 1975; Claessen and Skalnik 1978; 1981; Cohen and Service 1978; Haas 1982; Gailey and Patterson 1988; Павленко 1989 и др.). Однако ни с той, ни с другой точки зрения нельзя считать, что государственность была для кочевников внутренне необходимой. Все основные экономические процессы в скотоводческом обществе протекали в рамках отдельных домохозяйств. По этой причине необходимости в специализированном, бюрократическом, аппарате, занимающемся управленческо-редистрибутивной деятельностью, не было. Все политические и социальные противоречия разрешались в рамках традиционных институтов. Сильное давление на кочевников могло привести к откочевке или к применению ответного насилия, поскольку каждый свободный номад был одновременно и воином (Lattimore 1940; Марков 1976; Irons 1979; Khazanov 1984; Fletcher 1986; Barfield 1992; Крадин 1992; Масанов 1995 и др.).

Нужда в объединении кочевников возникает только в случае войн за природные ресурсы, организации грабежей земледельцев или экспансии на их территорию, при установлении контроля над торговыми путями. В данной ситуации складывание сложной политической организации кочевников в форме "кочевых империй" есть одновременно и продукт внутренней интеграции, и следствие конфликта между номадами и земледельцами. Кочевники скотоводы выступали в данной ситуации как "класс-этнос" и специфическая, ксенократическая (от греч. "*ксено*" – наружу и "*кратос*" – власть) политическая система. Образно говоря, они представляли собой нечто вроде "надстройки" над оседло-земледельческим "базисом" (Крадин 1992; 1996; 2001a; 2001b). С этой точки зрения создание "кочевых империй" – это частный случай популярной в свое время "завоевательной" теории политогенеза (Л.Гумплович, Ф.Оппенхаймер), согласно которой война и завоевание являются предпосылками для последующего закрепления неравенства и стратификации.

Все это предопределило двойственную природу "степных империй". Снаружи они выглядели как деспотические завоевательные государствоподобные общества, так как были созданы для изъятия прибавочного продукта у земледельцев. Но изнутри "кочевые империи" оставались основанными на племенных связях без установления налогообложения и эксплуатации скотоводов. В кочевых империях отсутствовал главный признак государственности согласно многим современным теориям политогенеза: если правитель вождества обладает лишь консенсуальной властью, то есть по сути авторитетом, то в государстве правительство может осуществлять легитимизированное насилие (Service 1975: 16, 296-307; Claessen and Skalnik 1978: 21-22, 630, 639-40 и др.). Власть же правителя степного общества, как правило, основывалась не на возможности применения легитимного

насилия, а на его умении организовывать военные походы и перераспределять доходы от торговли, дани, и набегов на соседние страны.

Вне всякого сомнения, данную политическую систему нельзя считать государством. Однако это не свидетельствует о примитивности такой структуры управления. Сверхсложные общества – такие, которые В.Г. Чайлд называл "цивилизациями" - могли появляться без бюрократической организации управления. Глубокие исследования специалистов в области истории античности показывают, что греческий и римский полис также не могут считаться государством. Государственность с присущей ей бюрократией появляется здесь достаточно поздно – в эпоху эллинистических государств и Римской империи (Штаерман 1989; Берент 2000).

Некоторые разделы настоящей книги напрямую касаются данной проблемы. А.П. Медведев убедительно показывает различия между скотоводческими обществами восточноевропейских степей эпохи бронзы (Аркаим и Синташа) и периода раннего железного века (скифская культура), основываясь на таких археологических показателях, как типы и размеры поселений и жилищ, погребальный обряд и пространственная иерархия поселений и городищ. Автор противопоставляет данные общества как "ранжированные" и "стратифицированные". Он осторожно замечает, что в настоящее время невозможно ответить на вопрос, были ли различия между этими обществами обусловлены разными путями эволюции или они носили стадийный характер. Однако ни в первом, ни во втором случае неправомерно говорить об особой "цивилизации кочевников".

С.А. Яценко демонстрирует, что тезис об отсталости сарматов по сравнению со скифами - это миф античной историографии. Археологические и письменные источники показывают наличие у сарматов многоступенчатой социальной стратификации, его института царской власти, системы оседлых поселений и городских центров (городищ?), развитых международных отношений, использования для дипломатической переписки письменности земледельческих соседей. К сожалению, имеющихся данных недостаточно для того, чтобы определенно судить, было ли это вождество или ранее государство, но в приводимых С.А. Яценко сведениях хорошо просматривается ксенократическая природа сарматского общества.

Для подобных социумов, более многочисленных и структурно развитых, чем сложные вождества, но в то же время не являющихся государствами (даже "зачаточными" ранними государствами), был предложен термин *суперсложное вождество* (Крадин 1992: 152; 2000; 2001a; 2001b; 2001в и др.). Этот термин был принят коллегами кочевникововедами (Трепавлов 1995; 2000; Скрынникова 1997; 2000; Марей 2000; см. также разделы С.А. Васютина и А.П. Медведева в этой книге), хотя первоначально четких логических критериев, отделяющих суперсложное вождество от сложного вождества и от раннего государства предложено не было.

В теориях социальной эволюции простые вождества представляются как группы общин, иерархически организованных под властью одного постоянного вождя (Carneiro 1981:45). Сложные же вождества – это иерархически организованные группы нескольких простых вождеств (Earle 1987; 1991; Крадин 1995 и др.). Однако суперсложное вождество – не механическая группа сложных вождеств. Отличия здесь имеют не количественный, а качественный характер. При простом объединении нескольких сложных вождеств в более крупные политии, последние редко оказываются способными справиться с сепаратизмом местных вождей. Принципиальным же отличием суперсложных вождеств является появление механизма наместников, которых верховный вождь посылал управлять региональными структурами. Это не сформировавшийся аппарат государственной власти, поскольку количество таких лиц невелико. Однако это важный структурный импульс к последующей политической интеграции (честь открытия данного механизма принадлежит

Р. Карнейро [2000]; в то же время, нам кажется, что в наиболее развитой форме он присущ скорее номадическим, нежели оседло-земледельческим обществам).

Таким образом, способом поддержания структурного единства "имперской конфедерации" кочевников был институт наместников. Административно-иерархическая структура степной империи включала несколько уровней. На высшем уровне держава делилась на две или три части - "левое" и "правое" крылья, либо "центр" и крылья. В свою очередь, "крылья" могли делиться на "подкрылья". На следующем уровне данные сегменты подразделялись на "тьмы" – военно-административные единицы, которые могли выставить примерно по 5-10 тыс. воинов. В этнополитическом плане данные единицы должны были примерно соответствовать племенным объединениям или сложным вождествам. Последние опять же делились на более мелкие социальные единицы – вождества и племена, родо-племенные и общинные структуры разной степени сложности, которые в военном отношении соответствовали "тысячам", "сотням" и "десяткам". Начиная с уровня сегментов порядка "тьмы" и выше, включавших несколько племенных образований, административный и военный контроль вверялся специальным наместникам из числа ближайших родственников правителя степной империи и лично преданных ему лиц. В немалой степени именно от этих наместников зависело, насколько метрополия будет иметь власть над племенами и вождествами, входившими в имперскую "конфедерацию" (Крадин 1996; 2000; 2001a и др.).

Суперсложное вождество в форме кочевых империй – это уже реальный прообраз раннего государства. Такие вождества имели сложную систему титулатуры вождей и функционеров, вели дипломатическую переписку с соседними странами, их главы заключали династические браки с правителями земледельческих государств и соседних кочевых империй. Для суперсложных вождеств были характерны зачатки урбанистического и монументального строительства, а иногда даже письменность. Соседями подобные кочевые общества воспринимались как самостоятельные субъекты международных отношений.

Могли ли суперсложные вождества создаваться оседло-земледельческими народами? Известно, что численность населения сложных вождеств измеряется, как правило, десятками тысяч человек и они, как правило, этнически гомогенны. Однако население полиэтничного суперсложного вождества составляет многие сотни тысяч человек и даже больше (кочевые империи Внутренней Азии – до 1-1,5 млн. чел.). Территория суперсложных вождеств кочевников была в десятки и сотни раз больше площади, необходимой для существования простых и сложных вождеств земледельцев. В то же время на территории, сопоставимой с размерами любой кочевой империи, могло бы проживать в несколько порядков раз больше земледельцев, которые вряд ли могли бы управляться негосударственными методами.

Управление таким большим пространством у кочевников облегчалось спецификой степных ландшафтов и наличием мобильных верховых животных. В то же время всеобщая вооруженность кочевников, обусловленная отчасти их дисперсным (рассеянным) расселением, их мобильность, экономическая автаркичность, воинственный образ жизни на протяжении длительного исторического периода, а также ряд иных факторов, мешали установлению стабильного контроля над скотоводческими племенами и отдельными номадами со стороны высших уровней власти кочевых обществ. Исходя из этого, можно предположить, что суперсложное вождество, если и не являлось формой политической организации, характерной исключительно для кочевников, то, во всяком случае, именно у номадов получило наибольшее распространение как в виде могущественных кочевых империй, так и в форме подобных им квазиимперских ксенократических политий меньшего размера.

Для суперсложных вождеств кочевников скотоводов характерны некоторые черты, которые не были присущи оседло-земледельческим вождествам и государствам (см., например, разделы А.М. Хазанова, Т. Барфилда, С.А. Васютина, Н.Н. Крадина, Г.Г. Пикова,

Т.Д. Скрынниковой, С.В. Дмитриева). К их числу следует отнести особый дуально-триадный (крылья, центр) принцип административного деления империи, тотальная пронизанность всех уровней политической иерархии родо-племенными отношениями, поголовное включение всех мужчин в число воинов, политику грабежа оседло-земледельческих обществ и др. Некоторые из перечисленных черт могут быть обнаружены не только в доиндустриальных кочевых империях, но и в ряде современных государств Азии, основные народы которых исторически являлись кочевниками. Все это позволяет сделать вывод об особой линии социальной эволюции, характерной для кочевников скотоводов.

Некоторые комментарии к другим разделам книги

Данная книга посвящена рассмотрению номадизма как особого варианта социальной эволюции. Однако истоки этой проблемы лежат в специфике взаимодействия между кочевниками и земледельцами. У. Айонс, Т. Барфилд, А.В. Коротаев, А.М. Хазанов показывают, какое огромное влияние оказали номады на ход исторического развития, особенности политической организации и культуру соседних земледельческих обществ.

В то же время невозможно объяснить своеобразие кочевых скотоводческих обществ только исходя из логики внутреннего развития номадов. Эти идеи восходят к знаменитой книге О. Латтимора *Границы Китая во Внутренней Азии* (Lattimore 1940), в которой было показано, что специфика обществ номадов не может быть правильно понята без обращения к культурной экологии и отношениям кочевых скотоводов с оседло-земледельческими соседями. В более позднее время сначала А.М. Хазанов (Khazanov 1984; Хазанов 2000), а затем Т. Барфилд (Barfield 1981; 1992) привлекли внимание коллег к этой проблеме. В частности, А.М. Хазанов убедительно показал, что крупные общества кочевников (он относит их к стадии раннего государства) создавались вследствие асимметрии отношений между номадами и их внешним (оседлым) окружением. Эти идеи суммированы в его разделе в настоящей книге. Т. Барфилд, отвергая диффузионистские интерпретации заимствования номадами государства у земледельцев, показал, что степень централизации степного общества была напрямую связана с уровнем политической интеграции оседлого земледельческого общества. Впоследствии идеи об опосредованности политогенеза у кочевников связями с земледельческим миром были развиты на материале средневековых номадов восточноевропейских степей П. Голденом (Golden 1992; Голден 1993).

Для марксистской науки подобные идеи были неприемлемы, поскольку исходя из теории формаций, государство могло возникнуть только вследствие внутренних причин – роста производительных сил и борьбы классов. С этой точки зрения, даже ранние идеи А.М. Хазанова, высказанные в его книге об эволюции скифского общества (1975), выглядели достаточно ревизионистскими. Традиция выводить особенности кочевых обществ только (или главным образом) из механизмов внутреннего развития сохраняется в отечественной номадистике и в наши дни (Калиновская 1996; Кычанов 1997; Марков 1998 и др.). Тем не менее и в русскоязычной литературе есть сторонники линии Латтимора - Хазанова - Барфилда (Крадин 1992; 1996; Фурсов 1995; Скрынникова 1997; Васютин 1998; Гуркин, Петров 1999 и др.).

Нельзя не признать, что эти идеи становятся все более популярными. Аргументация упомянутых зарубежных и российских авторов изложена также в их разделах в настоящем издании. Новый импульс развитию данного направления может придать мир-системный подход (см., в частности: Wallerstein 1984; Hall 1991; Chase-Dunn and Hall 1997; Крадин 2001б). Если рассматривать номадизм в понятиях данной методологии, то в доиндустриальную эпоху кочевники, как правило, занимали место "полупериферии", которая объединяла в единое пространство различные региональные экономики (локальные цивилизации, "мир-империи"). В каждой региональной зоне политическая степень структурированности кочевой "полупериферии" была прямо пропорциональна размерам

"ядра". Соответственно, кочевники Северной Африки и Передней Азии для того, чтобы торговать с оазисами или нападать на них, объединялись в племенные конфедерации или вождества, номады восточноевропейских степей, существовавшие на окраинах античных государств – Византии и Руси, создавали "квазиимперские" государствовподобные структуры, а во Внутренней Азии, например, таким средством адаптации стала "кочевая империя". С этой точки зрения, по аналогии с законом Ньютона, можно вывести *мир-системный закон тяготения*, согласно которому величина кочевых обществ и их могущество прямо пропорциональны размерам и силе оседло-земледельческих обществ "центра", входящих с номадами в общую региональную мир-систему.

Изменения в "центре" региональных суперсистем влияют на процессы, происходящие в периферийных и полупериферийных обществах. Номадам нужны продукты земледельческого хозяйства, шелк, предметы роскоши. Получить их ханы могли только от общества со стабильной экономической системой. Т. Барфилд (Barfield 1992: 8-16; см. также его раздел в этой книге и Крадин и др. 2000:314–336) попытался выявить синхронность процессов роста и упадка земледельческих "мир-империй" и периодов взлета и упадка степных народов Внутренней Азии. Как утверждает Т. Барфилд, самые влиятельные китайские династии существовали примерно в одно время с наиболее могущественными кочевыми империями (Хань - хунну, Тан - тюрки, Сун и Цзинь - Монгол улус).

Этот тезис вызвал справедливую критику со стороны А.М. Хазанова и С.А. Васютина, которые указали на некоторые фактические несоответствия. Действительно, например, тот же Первый Тюркский каганат возник на несколько десятилетий раньше, чем Китай вновь был стянут обручем власти династии Сун. Так или иначе, идеи Т. Барфилда стимулируют поиск новых контраргументов, более углубленную разработку проблемы соотношения циклов расцвета/упадка кочевых империй и земледельческих цивилизаций.

Еще один фактор, объясняющий причины возникновения степных империй, раскрывается в статье У. Айонса. Он обращает внимание на некоторые важные культурные особенности кочевых скотоводческих обществ, которые обусловили их военное преимущество на протяжении многих столетий. В их число исследователь включает мобильность кочевников, позволяющую легко уходить со скотом и имуществом от преследования, "фактор своего поля" - неудобство территорий кочевников для ведения земледельцами продолжительных военных кампаний, родство и чувство племенного единства, легко объединявшие большие общности степняков, а также хорошую военную подготовленность номадов и наличие у них большого количества выносливых лошадей.

Не менее важна проблема типологии кочевых обществ. Существует большое количество предложенных схем. Так или иначе большинство из них основано на степени вовлеченности номадного общества оседло-земледельческими государствами в седентеризационные и аккультурационные процессы (Wittfogel, Feng 1949; Tamura 1974; Хазанов 1975; Плетнева 1982; Khazanov 1984; [см. также его раздел в настоящей книге]; Крадин 1992; Barfield 2000 и др.). Еще одна типология предложена в разделе С.А. Васютина. Она развивает типологию кочевых империй Н.Н. Крадина и включает семь типов обществ (в порядке усложнения): (1) децентрализованные родоплеменные общества; (2) децентрализованные крупные родоплеменные союзы; (3) вождества; (4) кочевые ксенократические империи; (5) кочевые суперимперии; (6) политики с высокой долей подчиненного земледельческого населения; (7) государства, созданные кочевниками на территории земледельческих цивилизаций.

С точки зрения таксономии, как и выбранных примеров, данная классификация, по всей видимости, потребует доработки. Например, не совсем ясно, чем отличаются модели 2 и 3, 4 и 5, 6 и 7. Из этой схемы выпали сегментарные общества, такие как нуэры или динка. Тем не менее нельзя не согласиться с автором, что вопрос создания *универсальной* типологии кочевых обществ давно назрел. Во всяком случае, весьма своевременным является предложение Васютина развести модели номадного и ксенократического (экзополитарного)

способов производства, поскольку их сторонники пытаются экстраполировать свои построения на общества кочевников разной степени сложности.

Разделы Н.Н. Крадина, Т.Д. Скрынниковой и С.В. Дмитриева посвящены рассмотрению структуры власти в кочевых империях. Статья Н.Н. Крадина находится на пересечении проблематики политической и экономической антропологии номунизма. Он акцентирует внимание на редистрибутивных функциях власти, на том, что власть правителя кочевого общества во многом зависела от того, насколько успешно он обеспечивал своим подданным получение доходов от военных кампаний, дани и грабежа соседних земледельческих государств. При этом важное значение имело не только реальное перераспределение богатств, но и наделение подданных частью сверхъестественной благодати, которая передавалась правителем вместе с даром.

Не все, правда, с этим согласны. В частности, С.А. Васютин в своем разделе полемизирует с данной идеей, полагая, что война преобладала над перераспределением "подарков". Это, несомненно, верно (что и не отрицалось). Но не нужно забывать, что нередко результаты военных походов также перераспределялись после завершения военных действий. Кроме того, речь идет о доиндустриальном, более того, архаическом обществе, в котором рациональное и иррациональное в экономическом поведении людей не были разделены, а тесно переплетались между собой (Godelier 1984). Даже если власть степного правителя зависела от его реальных военных успехов, она воспринималась современниками иррационально. Примером здесь могут служить материалы раздела С.В. Дмитриева, который обращается к анализу ряда элементов политической символики евразийских кочевников, таких как отрубленная голова, бунчук, практика разорения могил у кочевников. На их примере он убедительно демонстрирует, что сакральное и мирское в политической культуре кочевников тесно переплетались. Владелец власти в степном мире (но это справедливо не только в отношении кочевников) выступает выразителем некоего сакрального пространства, точкой концентрации магической силы.

Т.Д. Скрынникова углубляет свои более ранние изыскания в области политической власти степных империй (Скрынникова 1994; 1997; 2000). На примере Монгольской империи она обращается к анализу административно-политической системы крыльев кочевой империи и изучает распределение в них власти. Она приходит к выводу (в рамках веберовской концепции "традиционного" идеального типа господства), что особенности сосредоточения властных функций в крыльях степных империй опосредовались господствовавшими представлениями о сакральности власти, согласно которым ее носитель должен быть способен поддерживать мировой космический порядок и стабильность общества. Нерасчлененность архаического сознания создавала предпосылки для соединения в одних руках ритуальных, властных и военных функций.

Еще одна тема, затрагиваемая в данной книге, – это проблема судеб кочевников и их наследия в периоды формирования и развития индустриальной мир-системы. Эта проблема рассматривается в разделах Д.Ю. Арапова, А. Буржо, Д.В. Васильева и А.М. Хазанова. Д.Ю. Арапов обращает внимание на статус Чингизидов в местных элитах народов Центральной Азии. Он приходит к выводу, что уважение принадлежности к "Золотому роду" потомков "Потрясателя Вселенной" сохранялось вплоть до вхождения этого региона в состав Российской империи.

А. Буржо рассматривает взаимодействие туарегов с колониальной администрацией. Он показывает, что конфликты с властями и восстания туарегов были вызваны самыми разнообразными причинами, такими как борьба за независимость и этнонациональное самоопределение, попытки урезания пастбищ, голод и засухи, трудности включения скотоводов в мировую экономику, динамика цен на вывозимые из Африки ценные ресурсы. Д.В. Васильев обращается к схожим вопросам. Он анализирует методы управления кочевым населением Средней Азии в составе Российской империи. Автор демонстрирует, что

первоначально в Туркестанском крае господствовала система "косвенного" управления колониальными окраинами, однако политика царского правительства способствовала формированию "симбиотических" форм, сочетавших традиционные черты политической системы местного населения и общеимперские механизмы административного управления. Эта тенденция, как совершенно справедливо полагает А.М. Хазанов, была усугублена в советское время, когда была сделана ставка на насильственную седентеризацию и разрушение кочевого образа жизни.

В настоящее время нomaдизм находится перед сложным выбором. Смогут ли народы, занимающиеся скотоводческой деятельностью, гармонично вписаться в динамичный, но неустойчивый мир глобальной экономики? Многие склонны считать, что в новом столетии кочевничеству уже не будет места (Humphrey, Sneath 1999), и изучение "кочевой альтернативы" останется уделом одних лишь историков и антропологов. Прогноз меньшей части исследователей не столь пессимистичен (Томоржав, Эрдэнцогт 1999). К сожалению, не столь многое в решении этой проблемы зависит от научного сообщества. Но по мере своих сил и возможностей антропологи и историки должны способствовать его поиску.

Примечания

1. В этой связи см. ее фундаментальную критику М. Манном (Mann 1986), наиболее радикально негативное отношение к данной схеме, выраженное с позиций идеи об "альтернативности траекторий" социальной эволюции, Н. Йоффи (Yoffee 1993), ряд коллективных трудов последних лет (Gailey, Patterson 1988; Ehrenreich et al. 1995; Крадин, Лынша 1995; Крадин, Коротаев и др. 2000; Kradin, Korotayev et al. 2000; Bondarenko, Korotayev 2000a), материалы недавних конференций (Бондаренко 1996; Butovskaya et al. 1998: 94–100; Bondarenko & Sledzevski 2000), а также работы Ю.Е. Березкина и А.В. Коротаева, посвященные альтернативам вождеству и сложному вождеству (Березкин 1994; 1995; 1997; Коротаев 1995; 1997; 1998; 2000; Korotayev 1995; 1996 и др.), Н.Н. Крадина, Л.Е. Гринина и Г.Л. Поссела об альтернативах государству (Крадин 1992: 146–152; 1996; 2001a; 2001b; Possehl 1998; Гринин 2001 и др.).
2. Примеры см.: van der Vliet 1987; Ferguson 1991; Коротаев 1996; 1997; 1998; 1999; 2000; Korotayev 1995; 1996; Lynsha 1998; Weir 1998; Beliaev 2000; Chamblee 2000: 15–35; Dozhdev 2000; Ковалевски 2000; Крадин 1996; 2001a и др.; философское обоснование закономерности кардинальных общественных трансформаций, не сопровождающихся изменением уровня социокультурной сложности см.: Шемякин 1992: 18–19.

ЛИТЕРАТУРА

- Агларов, М.А. 1988. *Сельская община в Нагорном Дагестане в XVII – начале XIX в.* М.
- Алаев, Л.Б. 1981. *Сельская община в Северной Индии. Основные этапы эволюции.* М.
- Артемова, О.Ю. 1987. *Личность и социальные нормы в раннепервобытной общине (по австралийским этнографическим данным).* М.
- Артемова, О.Ю. 1993. Первобытный эгалитаризм и ранние формы социальной дифференциации. *Ранние формы социальной стратификации: генезис, историческая динамика, потестарно-политические функции.* Отв. ред. В.А. Попов. М.: 40–70.
- Березкин, Ю.Е. 1994. Апатани и древнейший Восток: альтернативная модель сложного общества. *Кунсткамера: этнографические тетради*, № 4: 5–19.
- Березкин, Ю.Е. 1995. Вождества и акефальные сложные общества: данные археологии и этнографические параллели. *Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности.* Отв. ред. В.А. Попов. М.: 62–78.

- Березкин, Ю.Е. 1997. Америка и Ближний Восток: формы социополитической организации в догосударственную эпоху. *Вестник древней истории*, № 2: 3–24.
- Берент, М. 2000. Безгосударственный полис: раннее государство и древнегреческое общество. *Альтернативные пути к цивилизации*. Отв. ред. Н.Н.Крадин, А.В. Коротаев и др. М.: 235-258.
- Бондаренко, Д.М. 1995. *Бенин накануне первых контактов с европейцами: Человек. Общество. Власть*. М.
- Бондаренко, Д.М. 1996. Африка: общества, культуры, языки. Становление государства и его альтернативы. *Восток*, № 5: 163–167.
- Бондаренко, Д.М. 1997. *Теория цивилизаций и динамика исторического процесса в доколониальной Тропической Африке*. М.
- Бондаренко, Д.М. 1998. Многолинейность социальной эволюции и альтернативы государству. *Восток*, № 1: 195–202.
- Бондаренко Д.М. 2000. *Доимперский Бенин: Формирование и эволюция системы социально-политических институтов*: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М.
- Бондаренко, Д.М., Коротаев, А.В. 1999. Политогенез, "гомологические ряды" и нелинейные модели социальной эволюции (К кросскультурному тестированию некоторых политантропологических гипотез) *Общественные науки и современность*, № 5: 128-138.
- Бутовская, М.Л. 1994. *Универсальные принципы организации социальных систем у приматов включая человека*: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М.
- Бутовская, М.Л., Файнберг, Л.А. 1993. *У истоков человеческого общества*. М.
- Васютин, С.А. 1998. *Социальная организация кочевников Евразии в отечественной археологии*. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул.
- Геллнер, Э. 1992. Марксистская Книга Бытия. *Этнографическое обозрение*, № 2: 35–51.
- Голден, П.Б. 1993. Государство и государственность у хазар: власть хазарских каганов. *Феномен восточного деспотизма: структура управления и власти*. Отв. ред. Н.А. Иванов. М.: 211-233.
- Гринин, Л.Е. 2001. Генезис государства как составная часть процесса перехода от первобытности к цивилизации. *Философия и общество*, № 4.
- Гуркин, С.В., Петров, М.А. 1999. Рец. на: Кычанов Е.И. "Кочевые государства от гуннов до маньчжуров". М., 1997. *Донская археология*, № 2 (3): 92-97.
- Данилевский, Н.Я. 1871. *Россия и Европа*. М.
- Илюшечкин, В.П. 1990. *Эксплуатация и собственность в сословно-классовых обществах*. М.
- Казанков, А.А. 2000. Особенности адаптаций охотников-собирателей в полупустынных зонах: эгалитаризм как эволюционная альтернатива. *Альтернативные пути к цивилизации*. Отв. ред. Н.Н. Крадин, А.В. Коротаев и др. М.: 207–218.
- Калиновская, К.П. 1996. О кочевничестве в связи с книгой В.В. Матвеева "Средневековая Северная Африка". *Восток*, № 4: 153-158.
- Карнейро, Р. 2000. Процесс или стадия: ложная дихотомия в исследовании истории возникновения государства. *Альтернативные пути к цивилизации*. Отв. ред. Н.Н. Крадин, А.В. Коротаев и др. М.: 84-94.
- Классен, Х.Дж.М. 2000. Проблемы, парадоксы и перспективы эволюционизма. *Альтернативные пути к цивилизации*. Отв. ред. Н.Н. Крадин, А.В. Коротаев и др. М.: 6-23.
- Коган, Л.С. 1981. *Проблемы социально-экономического строя кочевых обществ в историко-экономической литературе (на примере дореволюционного Казахстана)*. Автореф. дис. ... канд. экон. наук. М.
- Ковалевски, С. 2000. Циклические трансформации в Северо-Американской доистории. *Альтернативные пути к цивилизации*. Отв. ред. Н.Н. Крадин, А.В. Коротаев и др. М.: 171-185.

- Коротаев, А.В. 1995. Горы и демократия: к постановке проблемы. *Восток*, № 3: 18–26.
- Коротаев, А.В. 1996. От вожества к племени? Некоторые тенденции эволюции политических систем Северо-Восточного Йемена за последние две тысячи лет. *Этнографическое обозрение*, № 2: 81–91.
- Коротаев, А.В. 1997. *Сабейские этюды. Некоторые общие тенденции и факторы эволюции сабейской цивилизации*. М.
- Коротаев, А.В. 1998. *Вожества и племена Страны Хашид и Бакил: общие тенденции и факторы эволюции социально-политических систем Северо-Восточного Йемена (X в. до н.э. – XX в. н.э.)*. М.
- Коротаев, А.В. 1999. *Общие тенденции и факторы эволюции социально-политических систем Северо-Восточного Йемена (X в. до н.э. – XX в. н.э.)*. Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М.
- Коротаев, А.В. 2000. От государства к вожеству? От вожества к племени? (Некоторые общие тенденции эволюции южноаравийских социально-политических систем за последние три тысячи лет). *Ранние формы социальной организации: генезис, функции, историческая динамика*. Отв. ред. В.А. Попов. СПб.: 224–302.
- Коротаев, А.В., Крадин, Н.Н., Лынша, В.А. 2000. Альтернативы социальной эволюции (вводные замечания). *Альтернативные пути к цивилизации*. Отв. ред. Н.Н. Крадин, А.В. Коротаев и др. М.: 24–83.
- Крадин, Н.Н. 1992. *Кочевые общества*. Владивосток.
- Крадин, Н.Н. 1995. Вожество: современное состояние и проблемы изучения. *Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности*. Отв. ред. В.А. Попов. М.: 11-61.
- Крадин, Н.Н. 1996. *Империя Хунну*. Владивосток.
- Крадин, Н.Н. 2000. Имперская конфедерация хунну: социальная организация суперсложного вожества. *Ранние формы социальной организации: генезис, функции, историческая динамика*. От. Ред. В.А. Попов. СПб.: 195–223.
- Крадин, Н.Н. 2001а. Кочевничество в современных теориях исторического процесса. *Время мира. Альманах. Вып. 2: Структуры истории*. Новосибирск: 369-396.
- Крадин, Н.Н. 2001б. Общественный строй кочевников: дискуссии и проблемы. *Вопросы истории*, № 4: 21-32.
- Крадин, Н.Н. 2001в. *Политическая антропология: Учебное пособие*. М.
- Крадин, Н.Н., Коротаев, А.В., Бондаренко, Д.М., Лынша, В.А. 2000 (ред.). *Альтернативные пути к цивилизации*. М.
- Крадин, Н.Н., Лынша, В.А. 1995 (ред.). *Альтернативные пути к ранней государственности*. Владивосток.
- Кычанов, Е.И. 1997. *Кочевые государства от гуннов до маньчжуров*. М.
- Марей, А.В. 2000. Особенности социально-политической организации печенегов. *Альтернативные пути к цивилизации*. Отв. ред. Н.Н. Крадин, А.В. Коротаев и др. М.: 337–343.
- Маркс, К. 1846. Письмо П.В. Анненкову. 28 декабря 1846 г. – К. Маркс, Ф. Энгельс. *Собрание сочинений*. 2-е изд. Т. 29. М.
- Марков, Г.Е. 1976. *Кочевники Азии. Структура хозяйства и общественной организации*. М.
- Марков, Г.Е. 1998. Из истории изучения номадизма в отечественной литературе: вопросы теории. *Восток*, № 6: 110-123.
- Масанов, Н.Э. 1995. *Кочевая цивилизация казахов (основы жизнедеятельности номадного общества)*. Алматы – Москва.
- Павленко, Ю.В. 1989. *Раннеклассовые общества (генезис и пути развития)*. Киев.

- Першиц, А.И. 1976. Некоторые особенности классовообразования и раннеклассовых отношений у кочевников-скотоводов. *Становление классов и государства*. Отв. ред. А.И. Першиц. М.: 280-313.
- Плетнева, С.А. 1982. *Кочевники средневековья*. М.
- Попов, А.В. 1986. Теория "кочевого феодализма" академика Б. Я. Владимирцова и современная дискуссия об общественном строе кочевников. *Mongolica. Памяти академика Б. Я. Владимирцова 1884-1931*. М.: 183-193.
- Поршнева, Б.Ф. 1966. *Социальная психология и история*. М.
- Северцов, А.Н. 1949. *Морфологические закономерности эволюции*. М. – Л.
- Северцов, А.Н. 1967. *Главные направления эволюционного процесса*. 3-е изд. М.
- Скрынникова, Т.Д. 1994. *Харизма и власть в представлении средневековых монголов*: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб.
- Скрынникова, Т.Д. 1997. *Харизма и власть в эпоху Чингис-хана*. М.
- Скрынникова, Т.Д. 2000. Монгольское кочевое общество периода империи. *Альтернативные пути к цивилизации*. Отв. ред. Н.Н. Крадин, А.В. Коротаев и др. М.: 344–355.
- Сорокин П.А. 2000. *Социокультурная динамика*. М.
- Тойнби, А. 1991. *Постижение истории*. М.
- Томоржав, М. Эрдэнцогт, Н. 1999. *Монголын нуудэлчин* [Монгольские кочевники]. Улаанбаатар (на монг. яз.).
- Трепавлов, В.В. 1995. Ногайская альтернатива: от государства к вождеству и обратно. *Альтернативные пути к ранней государственности*. Отв. ред. Н.Н. Крадин и В.А. Лынша. Владивосток: 199-208.
- Трепавлов, В.В. 2000. Бий мангытов, коронованный chief: вождества в истории позднесредневековых номадов Западной Евразии. *Альтернативные пути к цивилизации*. Отв. ред. Н.Н. Крадин, А.В. Коротаев и др. М.: 356–367.
- Федоров-Давыдов, Г.А. 1973. *Общественный строй Золотой Орды*. М.
- Фурсов, А.И. 1995. Восток, Запад, капитализм. *Капитализм на Востоке во второй половине XX века*. Отв. ред. В.Г. Растяльников. М.: 16-133.
- Хазанов, А.М. 1975. *Социальная история скифов. Основные проблемы развития древних кочевников евразийских степей*. М.
- Хазанов, А.М. 2000. *Кочевники и внешний мир*. 3-е Изд. Алматы.
- Халиль Исмаил. 1983. *Исследование хозяйства и общественных отношений кочевников Азии (включая Южную Сибирь) в советской литературе 1950-1980 гг.* Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
- Шемякин Я.Г. 1992. Теоретические проблемы исследования феномена альтернативности. *Альтернативность истории*. Отв. ред. Я.Г. Шемякин, А.В. Коротаев. Донецк: 12–75.
- Шпенглер, О. 1998. *Закат Европы*. Т. 1-2. М.
- Штаерман, Е.М. 1989. К проблеме возникновения государства в Риме. *Вестник древней истории*, № 2: 76-94.
- Эванс-Причард, Э. 1985. *Нуэры*. М.
- Adams, R. 1975. *Energy and Structure. A Theory of Social Power*. Austin, TX and London.
- Artemova, O.Yu. 2000. Monopolization of Information and Social Inequality. *Alternatives of Social Evolution*. Ed. by N.N. Kradin, A.V. Korotayev et al. Vladivostok: 132–137.
- Barfield, T. 1981. The Hsiung-nu Imperial Confederacy: Organization and Foreign Policy. *Journal of Asian Studies* 41 (1): 45-61.
- Barfield, T. 1992. *The Perilous Frontier: Nomadic Empires and China, 221 BC to AD 1757*. Cambridge (First published in 1989).
- Barfield, T. 2000. The Shadow Empires: Imperial State Formation along the Chinese-Nomad Frontier. *Empires*. Ed. by C. Sinopoli, T. D'Altroy, K. Morrison and S. Alcock. Cambridge.

- Beliaev, D.D. 2000. "Joint Government" in Mesoamerican History. *Hierarchy and Power in the History of Civilizations*. Ed. by D.M. Bondarenko and I.V. Sledzevski. Moscow: 13–14.
- Beliaev, D.D., Bondarenko, D.M., Korotayev, A.V. 2001. Origins and Evolution of Chiefdoms. *Reviews in Anthropology*. 30: 373–395.
- Berent, M. 1994. *Stateless polis*. Unpublished PhD thesis. Cambridge, Cambridge University.
- Berent, M. 2000. The Stateless Polis: The Early State and the ancient Greek Community. *Alternatives of Social Evolution*. Ed. by N.N. Kradin, A.V. Korotayev et al. Vladivostok: 225–241.
- Blanton, R.E. Beyond Centralization. Steps Toward a Theory of Egalitarian Behavior in Archaic States *Archaic States*. Ed. by G. Feinman and J. Marcus. Santa Fe, NM: 135–172.
- Bondarenko, D.M. 2000. Benin (1st millennium BC – 19th century AD). *Civilizational Models of Politogenesis*. Ed. by D.M. Bondarenko and A.V. Korotayev. Moscow: 87–127.
- Bondarenko, D.M., Korotayev, A.V. 2000a (eds.). *Civilizational Models of Politogenesis*. Moscow.
- Bondarenko, D.M., Korotayev, A. 2000b. Family Size and Community Organization: A Cross-Cultural Comparison. *Cross-Cultural Research*. 34 (2): 152–189.
- Bondarenko, D.M., Korotayev, A.V. 2001. Family Structures and Community Organization: Theoretical Introduction and Socio-Cultural Background of a Pre-Colonial African Kingdom. *Эволюция традиционных институтов в колониальной и постколониальной Африке*. Отв. ред. И.В. Следзевский, А.Д. Саватеев. М.: 49–58.
- Bondarenko, D.M., Sledzevski, I.V. 2000 (eds). *Hierarchy and Power in the History of Civilizations*. Moscow.
- Bonte, P. 1990. French Marxist Perspectives on Nomadic Societies. *Nomads in a Changing World*. Ed. by C. Salzman and J. Galaty. Naples: 49-101.
- Butovskaya, M., Korotayev, A., and Khristoforova, O. 1998 (eds.). *Sociobiology of Ritual and Group Identity: A Homology of Animal and Human Behaviour. Concepts of Humans and Behaviour Patterns in the Cultures of the East and the West: Interdisciplinary Approach*. Moscow.
- Brumfiel, E.M. Heterarchy and the Analysis of Complex Societies: Comments. *Heterarchy and the Analysis of Complex Societies*. Ed. by R.M. Ehrenreich, C.L. Crumley, and J.E. Levy. Arlington, VA.: 125–131.
- Carneiro, R.L. 1981. The Chiefdom: Precursor of the State. *The Transition to Statehood in the New World*. Ed. by G. Jones and R. Crautz. Cambridge etc.: 37–79.
- Chamblee, J.F. 2000. *The Classic-Postclassic Transition in Central Mixteca Alta, Oaxaca*. Unpublished M.A. thesis. Tucson.
- Chase-Dunn, C., Hall, T.D. 1997 *Rise and Demise: Comparing World-Systems* Boulder, CO.
- Claessen, H.J.M. 2000. *Structural Change: Evolution and Evolutionism in Cultural Anthropology*. Leiden.
- Claessen, H.J.M., Skalnik, P. 1978 (eds.). *The Early State*. The Hague.
- Claessen, H.J.M., Skalnik, P. 1981 (eds.). *The Study of the State*. The Hague.
- Cohen, R., Service, E. 1978 (eds.). *The Origin of the State*. Philadelphia.
- Crumley, C.L. 1988. A Dialectical Critique of Hierarchy. *Power Relations and State Formation*. Ed. by C. Gailey and T. Patterson. Washington: 155–169.
- Crumley C.L. 1995. Heterarchy and the Analysis of Complex Societies. *Heterarchy and the Analysis of Complex Societies*. Ed. by R.M. Ehrenreich, C.L. Crumley, and J.E. Levy. Arlington, VA.: 1–5.
- Dahrendorf, R. 1970. On the Origin of Inequality among Men. *The Logic of Social Hierarchies*. Ed. by E.O. Laumann, P.M. Siegel, and R.W. Hodge. Chicago: 3–30.
- Dozhdev, D.V. 2000. Rome (8th – 2nd Centuries BC). *Civilizational Models of Politogenesis*. Ed. by D.M. Bondarenko and A.V. Korotayev. Moscow: 255–286.

- Earle, T. 1987. Chiefdoms in archaeological and ethnohistorical perspective. *Annual Review of Anthropology* 16: 279-308.
- Earle, T. 1991 (ed.). *Chiefdoms: Power, Economy, and Ideology*. Cambridge etc.
- Ehrenreich, R.M., Crumley, C.L., and Levy, J.E. 1995 (eds.). *Heterarchy and the Analysis of Complex Societies*. Arlington, VA., 1995.
- Ember, C.R., Levinson, D. 1991. The Substantive Contributions of Worldwide Cross-Cultural Studies Using Secondary Data. *Behavior Science Research* 25: 79–140.
- Ferguson, Y. 1991. From Chiefdoms to City-States: The Greek Experience. *Chiefdoms: Power, Economy, and Ideology*. Ed. by T. Earle. Cambridge etc.: 169–192.
- Fletcher, J. 1986. The Mongols: ecological and social perspectives. *Harvard Journal of Asiatic Studies* 46: 11–50.
- Fried, M. 1967. *The Evolution of Political Society: an essay in political anthropology*. New York.
- Gailey, C. Patterson, T. 1988 (eds.). *Power Relations and State Formation*. Washington.
- Gellner, E. 1988. *State and Society in Soviet Thought*. Oxford.
- Gluckman, M. 1940. The Kingdom of the Zulu of South Africa. *African Political Systems*. Ed. by M. Fortes and E. Evans-Pritchard. London: 25–55.
- Godelier, M. 1984. *L'ideel et le materiel. Pensée, economies, societes*. Paris.
- Golden, P.B. 1992. *An Introduction to the History of the Turkic Peoples: Ethnogenesis and State Formation in Mediaeval and Early Modern Eurasia and the Middle East*. Wiesbaden.
- Haas, J. 1982. *The Evolution of the Prehistoric State*. New York.
- Hall, T.D. 1991. Civilizational change and role of nomads. *Comparative civilizations review* 24: 34–57.
- Hallpike, C.R. 1986. *The Principles of Social Evolution*. Oxford.
- Humphrey, C. and Sneath, D. (eds.). 1999. *The End of Nomadism?* Durham, NC.
- Irons, W. 1979. Political Stratification Among Pastoral Nomads. *Pastoral Production and Society*. Cambridge etc.: 361-374.
- Johnson, A.W., Earle, T. 1987. *The Evolution of Human Societies: From Foraging Groups to Agrarian State*. Stanford, CA.
- Kazankov, A.A. Organization of Power in the Communities of the Kalahari Bushmen and Western Desert Australian Aborigines. *Hierarchy and Power in the History of Civilizations*. Ed. by D.M. Bondarenko and I.V. Sledzevski. Moscow: 57–59.
- Khazanov, A.M. 1984. *Nomads and the Outside World*. Cambridge.
- Khazanov, A.M. 1985. Rank Society or Rank Societies: Processes, Stages, and Types of Evolution. *Development and Decline. The Evolution of Sociopolitical Organization*. Ed. by H.J.M. Claessen et al. South Hadley, MA: 82–96.
- Kobishchanov, Yu.M. 2000. The Community-Caste Systems. *Hierarchy and Power in the History of Civilizations*. Ed. by D.M. Bondarenko and I.V. Sledzevski. Moscow: 63–64.
- Korotayev A.V. 1995. *Ancient Yemen: Some General Trends of Evolution of the Sabaic Language and Sabaean Culture*. Oxford.
- Korotayev A.V. 1996. *Pre-Islamic Yemen: Socio-Political Organization of the Sabaean Cultural Area in the 2nd and 3rd Centuries A.D.* Wiesbaden.
- Krader, L. 1968. *Formation of the State*. Englewood Cliffs, NJ.
- Kradin, N.N., Korotayev, A.V., Bondarenko, D.M., de Munck, V., and Wason, P.K. 2000 (eds.). *Alternatives of Social Evolution*. Vladivostok.
- Lattimore, O. 1940. *Inner Asian Frontiers of China*. New York etc.
- Lenski, G. 1973. *Macht und Privileg. Eine Theorie der Sozialen Schichtung*. Frankfurt am Main.
- Levinson, D., Malone, M.J. 1981. *Toward Explaining Human Culture: A Critical Review of the Findings of Worldwide Cross-Cultural Research*. New Haven, CT.
- Lynsha, V.A. 1998. From Chiefdom to Tribe: Svealand in A.D. 400-1100 *Sociobiology of Ritual and Group Identity: A Homology of Animal and Human Behaviour. Concepts of Humans and*

- Behaviour Patterns in the Cultures of the East and the West: Interdisciplinary Approach*. Ed. by M. Butovskaya et al. Moscow: 99-100.
- Mann, M. 1986. *The Sources of Social Power*. Vol. I: *A History of Power From the Beginning to A.D. 1760*. Cambridge etc.
- Marcus, J., Feinman, G.M. 1998. Introduction. *Archaic States*. Ed. by G. Feinman and J. Marcus. Santa Fe, NM: 3–13.
- Polaniy, K. 1968. *Primitive, archaic and modern Economics*. Ed. by G. Dalton. New York.
- Possehl, G.L. 1998. Sociocultural Complexity without the State. The Indus Civilization. *Archaic States*. Ed. by G. Feinman and J. Marcus. Santa Fe, NM: 261–291.
- Quigley, D. 1999. *The Interpretation of Caste*. New Delhi.
- Redmond, E.M. (ed.). 1998. *Chiefdoms and Chieftaincy in the Americas*. Gainesville, FL etc.
- Ritter, E.A. 1955. *Shaka Zulu: The Rise of the Zulu Empire*. London.
- Rousseau, J. 1985. The Ideological Prerequisites of Inequality. *Development and Decline. The Evolution of Sociopolitical Organization*. Ed. by H.J.M. Claessen et al. South Hadley, MA: 36–45.
- Sahlins, M. 1968. *Tribesmen*. Englewood Cliffs, NJ.
- Sanderson, S. 1999. *Social Transformations: A General Theory of Historical Development*. Oxford and Cambridge.
- Schweitzer, P. 2000. Hierarchy and Equality Among Hunter-Gatherers of the North Pacific Rim: Towards a Structural History of Social Organization. *Alternatives of Social Evolution*. Ed. by N.N. Kradin, A.V. Korotayev et al. Vladivostok: 123–131.
- Service, E. 1962. *Primitive Social Organization. An Evolutionary Perspective*. New York.
- Service, E. 1975. *Origins of the State and Civilization. The Process of Cultural Evolution*. New York.
- Smith, M.E. 1985. An Aspectual Analysis of Polity Formations. *Development and Decline. The Evolution of Sociopolitical Organization*. Ed. by H.J.M. Claessen et al. South Hadley, MA: 97–125.
- Tamura, J. 1974. *Chugoku seituko oche-no kenkyu* [Study of Conquest Dynasties in China]. Vol. 1–3. Kyoto.
- Trigger, B.G. 1985. Generalized Coercion and Inequality: The Basis of State Power in the Early Civilizations. *Development and Decline. The Evolution of Sociopolitical Organization*. Ed. by H.J.M. Claessen et al. South Hadley, MA: 46–61.
- Tuden, A. & Marshall, C. 1972. Political Organization: Cross-Cultural Codes 4. *Ethnology* 11: 436–464.
- van der Vliet, E.C.L. 1987. Tyranny and Democracy. The Evolution of Politics in Ancient Greece. *Early State Dynamics*. Ed. by H.J.M. Claessen and P. van de Velde. Leiden etc.: 70–90.
- Wallerstein, I. 1984. *The Politic of the World-Economy*. Paris.
- Weir, S. 1998. Tribal Systems in North Yemen. *Sociobiology of Ritual and Group Identity: A Homology of Animal and Human Behaviour. Concepts of Humans and Behaviour Patterns in the Cultures of the East and the West: Interdisciplinary Approach*. Ed. by M. Butovskaya et al. Moscow: 124.
- Wittfogel, K.A., Feng Chia-sheng 1949. *History of Chinese Society Liao (907–1125)*. Philadelphia.
- Whyte, M.K. 1978. *The Status of Women in Preindustrial Societies*. Princeton, NJ.
- Woodburn, J.C. 1972. Ecology, Nomadic Movement and the Composition of the Local Group among Hunters and Gatherers: An East African Example and its Implications. *Man, Settlement and Urbanism*. London: 193–206.
- Woodburn, J.C. 1982. Egalitarian Societies. *Man* 17: 431–451.
- Yoffee, N. 1993. Too Many Chiefs? (Or, Safe Texts for the '90s). *Archaeological Theory: Who Sets the Agenda?* Ed. by N. Yoffee and A. Sherratt. Cambridge: 60–78.

КОЧЕВНИКИ ЕВРАЗИЙСКИХ СТЕПЕЙ В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ¹

А. М. Хазанов

Экстенсивное и подвижное скотоводство, включая полукочевое скотоводство и чисто кочевое скотоводство как его наиболее крайние формы, представлено, или было представлено, довольно ограниченным числом основных экономических и культурных типов. Они отражают одновременно географическое разнообразие и экономическое сходство данного вида хозяйственной деятельности. Кроме того, формирование этих типов нередко было связано с историческими обстоятельствами, такими, как диффузии, заимствования, миграции и т.п. Исключая промежуточные и маргинальные формы, подвижное скотоводство представлено следующими основными типами: Северный евразийский тип (тундровое оленеводство); Евразийский степной тип, распространенный в умеренной зоне степей, полустепей, и пустынь, от Венгрии до Северного Китая; Ближневосточный тип, географический включающий северо-восточную Африку; Средневосточный тип, распространенный на территории современных Турции, Ирана и Афганистана и в известной мере являющийся промежуточным между Евразийским степным и Ближневосточным типами; Восточноафриканский тип, в котором отсутствуют такие верховые и транспортные животные, как лошадь и верблюд, а крупный рогатый скот играет ведущую роль, и Высокогорный тип Внутренней Азии, наиболее типичными представителями которого являются кочевники Тибета.

Внутри этих основных типов легко можно выделить подтипы, под-подтипы и т.п., однако типологии и классификации не являются темой данной статьи, в основном посвященной скотоводству евразийских степей, полупустынь и пустынь. Этот тип – сравнительно однородный, хотя и в нем можно выделить несколько подтипов: внутреннеазиатский (монгольский), казахстанский, центрально-азиатский, восточноевропейский (в древности и средневековые) и южно-центральноазиатский (туркменский). Различия между этими подтипами, однако, кажутся более культурными и этническими, чем экономическими. Более, чем другие, специфичен южно-центральноазиатский подтип. На территории Туркменистана пустыни умеренной зоны переходят в пустыни субтропической зоны (т.н. Ирано-Туранские или Южно-Туранские пустыни). Соответственно, скотоводство в них приобретает некоторые характеристики, сходные со скотоводством на Среднем и даже на Ближнем Востоке.

Кочевые скотоводство все еще не имеет общепринятого определения. Поэтому я должен начать с моего собственного понимания этого феномена. Некоторые ученые обращают особое внимание на его подвижный характер и поэтому используют термин "кочевничество" в очень широком смысле. Они характеризуют как кочевников не только любых скотоводов, но и бродячих охотников и собирателей, конных охотников на бизонов (индейцев Великих Равнин Северной Америки), некоторые этнопрофессиональные группы (например, цыганские), "морских кочевников" Юго-восточной Азии, и даже некоторые категории рабочих в современных индустриальных обществах. Другие ученые рассматривают кочевничество как особую социально-культурную систему или как особый культурный тип, связанный со специфическим образом жизни, мировоззрением, ценностями и т.п. Все подобные определения кочевничества игнорируют его экономическую сторону, которая, на мой взгляд, является наиболее важной. Подвижное и экстенсивное скотоводство в первую очередь представляет собой особый вид производящей экономики. Поэтому его определение

должно включать две пары оппозиций: между животноводством и земледелием и между подвижностью и оседлостью. Наряду с экологическими факторами, размер и значение земледелия, практикуемого в скотоводческих обществах, определяют степень подвижности их населения и служат критерием для выделения различных форм скотоводства.

В таком случае, следующие характерные черты представляются важнейшими для кочевого скотоводства как наиболее специализированной формы экстенсивного скотоводства:

- (1) Скотоводство является важнейшей формой хозяйственной деятельности; земледелие или вообще отсутствует или практикуется в очень незначительном размере.
- (2) Скотоводство имеет экстенсивный характер, связанный с круглогодичным выпасом скота на естественных пастбищах, без стойлового его содержания и без заготовки кормов.
- (3) Скотоводческое хозяйство требует подвижности в пределах определенных пастбищных территорий, а также между ними.
- (4) В перекочевках участвует все, или большинство населения данного общества.
- (5) Кочевое производство направлено на удовлетворение непосредственных нужд жизнеобеспечения. Традиционная экономика кочевого скотоводства никогда не была ориентирована на получение прибыли, хотя нередко она в довольно значительной мере была ориентирована на обмен.
- (6) Социальная организация кочевых скотоводов основана на родстве, а у кочевников евразийских степей и Ближнего и Среднего Востока – также на различных сегментарных системах и генеалогиях, как реальных, так и фиктивных.
- (7) Культура кочевых обществ обладает рядом характерных черт, связанных с подвижным образом жизни, особенностями социополитической организации, и рядом других факторов.

Любая специализация влечет за собой зависимость, и специализация на кочевом скотоводстве не представляет исключения. Она открыла новые возможности для освоения прежде недостаточно использовавшихся экологических зон. Возникновение экстенсивного скотоводства, а позднее – кочевого скотоводства, сыграло важнейшую роль в распространении производящей экономики в аридной, полуаридной и тундровой зонах ойкумены, потому что в течение очень долгого времени эти формы хозяйственной деятельности имели в них преимущество по сравнению с любыми другими. Более того, во многих регионах это преимущество сохранялось до XX века, а иногда и позднее.

Однако недостатки кочевого скотоводства как экономической системы также вполне очевидны. Во-первых, его специализация была принципиально отличной от специализации не только в индустриальных, но даже в традиционных земледельческо-городских обществах, которая заметна уже на ранних этапах ближневосточной истории (Nissen 1988: 43ff.). Она была межобщественной в гораздо большей мере, чем внутриобщественной. В самих кочевых обществах общественное разделение труда было сравнительно неразвитым. География кочевого скотоводства и связанный с ним подвижный образ жизни оставляли мало возможностей для развития земледелия и ремесел. Поэтому нормально функционирующая кочевая экономика зависела от других экономических систем также, как кочевые общества зависели от других, главным образом, оседлых обществ. Я условно называю такие общества "внешним миром", но в политическом отношении кочевники нередко были интегральной частью этого мира на региональном, а иногда даже на межрегиональном уровнях.

Во-вторых, в отличие от многих форм земледелия, обладающих потенциалом для диахронного технологического развития, в кочевом скотоводстве, роль скоро его формирование было закончено, преобладало простое воспроизводство однотипных и высокоспециализированных форм. Его экологические параметры существенно ограничивали возможность экономического роста за счет технологических инноваций, они же препятствовали стабильной интенсификации производства.

Например, увеличение продуктивности природных пастбищ требует целый ряд дорогостоящих мер, возможных только в индустриальных обществах. Даже временное увеличение поголовья скота достигалось главным образом посредством увеличения пастбищных территорий. В основном это было возможным лишь благодаря военной экспансии, в результате которой поля обращались в пастбища. Древняя и средневековая история изобилуют примерами подобного развития. Однако такой экстенсивный метод увеличения продукции не мог быть постоянным или стабильным. Он слишком зависел от соотношения сил между кочевниками и земледельцами. Кроме того, пастбищные территории, даже увеличенные военным путем, рано или поздно достигали предела своей продуктивности, что делало дальнейший рост скота невозможным.

Зависимость кочевников от внешнего мира определялась также еще одним фактором. Кочевое скотоводство как экономическая система отличается хронической нестабильностью. Оно основано на балансе между тремя переменными: природными ресурсами (такими, как растительность и вода), поголовьем скота и численностью населения. Все они постоянно колеблются, но отнюдь не синхронно, потому что каждая переменная в свою очередь зависит от многих факторов, как постоянных, так и временных, как регулярных, так и нерегулярных. Простейшими и наиболее хорошо известными примерами временного дисбаланса являются массовые потери скота и последующий голод, связанные с природными бедствиями и эпизоотиями. В других случаях, напротив, рост поголовья скота приводит к превышению продуктивные способности пастбищ. Именно такие циклические колебания поддерживали долговременный баланс в экономике кочевого скотоводства, но в кратковременной перспективе их последствия могли быть весьма негативными. Иначе говоря, баланс был не статичным, а динамичным.

Одним из путей преодоления хронических недостатков кочевой экономики было развитие собственного земледельческого производства. И действительно, на протяжении долгих исторических периодов многие, если не большинство, из тех, кто кочевал в евразийских степях, были не чистыми кочевниками, а, скорее, полукочевниками, практиковавшими земледелие в качестве второстепенного и вспомогательного занятия. Однако, как показала советская кампания по освоению целинных земель, даже в XX веке земледелие без ирригации является рискованная занятия в аридных зонах и часто приводит к сверхэксплуатации хрупких экосистем. В древности и средневековье земледелие в этих зонах было еще менее стабильным и надежным. Полукочевничество было неспособно решить проблему неавтаркичности кочевой экономики. Поэтому кочевники нуждались в оседлых обществах как своего рода гарантийном фонде, необходимом для их жизнеобеспечения. Хотя они мало что инвестировали в этот фонд, он был незаменим для них, когда они получали доступ к его прибыли, а иногда даже к основному капиталу. Однако для того, чтобы иметь доступ к этому фонду, они должны были приспособливаться к социополитическим и культурным особенностям внешнего мира.

Интегральной частью идеологий кочевников был антитезис между кочевым и оседлым образами жизни, в известной мере отражавший реальные различия. Этот антитезис, будучи символическим отражением универсальной "ты – они" оппозиции, выполняя интегрирующую функцию внутри кочевых обществ и дифференцирующую – в отношении оседлых. Более того, он представлял в негативном свете оседлый образ жизни. Тем не менее, письменные источники со времен первых упоминаний о кочевниках не оставляют никаких сомнений в том, что земледельческие территории производили существенную часть потребляемых ими продуктов питания. Те же источники, как и археологические данные, свидетельствуют также о том, что значительная часть предметов материальной культуры кочевников производилась на оседлых территориях. Экономическая зависимость кочевников от оседлых обществ влекли за собой не только различные способы политической адаптации к ним, но и важные культурные последствия. Также как кочевая экономика должна была

дополняться земледельческими и ремесленными продуктами, так и культура кочевников нуждалась в культуре оседлого населения как источнике, компоненте и модели для сравнения, заимствования, подражания или, напротив, отвержения. Даже идеологическая оппозиция между кочевыми и оседлыми обществами была относительной. Достаточно напомнить, что, хотя кочевники сами не создали ни одну из мировых и универсальных религий, они внесли существенный вклад в их распространение (Khazanov 1993; 1994a).

Кочевники хорошо понимали связь между своим образом жизни и его определенными социальными преимуществами. В то же время они осознавали, что их культура не является столь же сложной, богатой и рафинированной, как оседлые культуры. Их отношение к последним напоминало отношение к западной культуре многих людей в странах Третьего Мира. Ощущая ее неотвратимую привлекательность, но находясь вне ее социально-экономической сферы, они одновременно отвергают ее в целом, но заимствуют ее отдельные элементы. Правда, кочевники не страдали при этом от комплекса неполноценности и не прибегали к терроризму. Заимствования всегда подвергались селекции на предмет их соответствия кочевым культурам и традициям, а также их утилитарной ценности (Allsen 2001).

Это хорошо заметно на примере тех кочевых государств, в которых возникали новые культуры. Хотя кочевники, точнее их знать, были инициаторами их создания, а также основными патронами и потребителями, они в основном создавались специалистами – ремесленниками, профессионалами, интеллектуалами – выходцами из различных оседлых стран. Поэтому такие культуры были эклектическими гораздо больше, чем синтетическими. Их, вероятно, правильнее всего называть государственными, потому что они должны были обеспечить не только комфорт и роскошь правящих элит, но и, что важнее, способствовать управлению государством. Как метко заметил Крамаровский (Kramarovsky 1991: 256), золотоордынская культура была, а золотоордынского народа не было. Судьбы этих культур прямо зависели от судеб государств, которые вызвали их к жизни. Во всяком случае, они ни в коей мере не были этническими и весьма отличались от синхронных им культур рядовых кочевников. Примерами могут служить культуры сельджукских султанатов, Золотой Орды и отчасти других, одновременных ей монгольских государств, в меньшей степени тюркских каганатов, особенно уйгурского, все еще малопонятна культура Хазарии и, возможно, даже государственная культура Скифского царства.

В ряде центральноазиатских стран, и даже в отдельных республиках Российской Федерации, наблюдается любопытная тенденция в отношении к кочевникам, ставшая особенно заметной в постсоветский период. Она связана со спецификой их националистических мифологий, которые, как и в других странах, стремятся к прославлению реальных или воображаемых предков (анализ и критику националистических идеологий в бывших советских странах см., например: Shnirelman 1996; Аймермахер, Бордюгов 1999). Поскольку эти предки, во всяком случае часть из них, нередко были кочевниками, некоторые ученые и особенно псевдоученые дилетанты стремятся или преувеличивать их уровень развития и достижения или, напротив, утверждают, что они вообще не были кочевниками, а практиковали комплексное скотоводческое-земледельческое хозяйство. В известной мере это является чрезмерной реакцией на советские концепции исторического процесса, которые рассматривали кочевое скотоводство как тупиковый путь развития и превозносили их насильственную седентеризацию и коллективизацию как единственно возможный путь экономического прогресса.

В подлинной науке нет места и нужды в необузданной фантазии и идеологических спекуляциях любого рода. Но даже если славные предки действительно нужны для национального строительства, то нет никаких оснований стыдиться кочевых предков в этой роли. Значение скотоводства в целом и кочевого скотоводства в частности далеко превышало их успешный ответ на вызов, брошенный климатом и экологией.

В политической и этнолингвистической истории Старого Света их влияние трудно переоценить (Khazanov and Wink 2001). Кочевники играли огромную роль в радикальных изменениях политических границ, в разрушении многих государств и империй, и в создании других. Все ещё не ясно были ли первоначальные индоевропейцы скотоводами или ранними земледельцами, но распространение семитских языков, языков, принадлежащих к иранской группе индоевропейской лингвистической семьи, многих алтайских и других языков, было определено связано с миграциями, завоеваниями и политическим господством скотоводов и кочевников.

Кочевники также играли очень важную роль в качестве организаторов и посредников в различного рода культурных обменах между самими оседлыми обществами. Их вклад в трансконтинентальную циркуляцию и трансмиссию культурных и технологических артефактов и инноваций является очень значительным. В этом отношении полиэтнические и поликультурные империи, основанные кочевниками, играли определенную положительную роль (Bentley 1993).

Не только культуры кочевых обществ оказывали влияние на культуры кочевников; кочевые культуры в свою очередь влияли на оседлые. Вооружение, украшения, одежда, мода, и традиции кочевников нередко были объектом подражания в оседлых обществах. Весьма показательным в этом отношении является феномен посткочевничества. Некоторые культурные особенности кочевников, их система ценностей, образ жизни, правила социального поведения и политические традиции считались престижными и долгое время лимитировались в определенных слоях оседлых обществ даже после того, как сами кочевники оседали или переставали быть господствующими в политическом отношении.

И все же бесспорным остается тот факт, что в экономическом отношении кочевники зависели от оседлых, земледельческо-городских обществ гораздо больше, чем те – от кочевников. Кочевая экономика никогда не была, и не могла быть, автаркичной. Поэтому кочевники стремились к приобретению продуктов, производившихся в оседлых обществах, всеми доступными способами. На карте стояло само их выживание. Это обстоятельство было отмечено уже великим арабским средневековым ученым Ибн Халдуном, писавшем:

Цивилизация пустыни уступает городской цивилизации, потому что жители пустынь сами не способны удовлетворить все ее потребности ... В то время как они [бедуины] нуждаются в городах для своего жизнеобеспечения, горожане нуждаются [в продуктах, производимых бедуинами] лишь для комфорта и роскоши (Ibn Khaldûn 1967: 122).

Как и бедуины, кочевники евразийских степей вынуждены были приспособляться не только к природной среде, но и к социополитической и культурной среде внешнего мира. Их взаимоотношения с оседлыми обществами варьировали в очень широком диапазоне, от прямого обмена, торговли, всякого рода посреднических услуг в международной торговле и наймничества до набегов, грабежей, вымогательства, эпизодических платежей или более или менее институционализированных субсидий, получения регулярной дани и, наконец, завоеваний и прямого подчинения оседлого населения.

Эти завоевания и их последствия всегда привлекали большое внимание. Однако другой вопрос, почему кочевники с их ограниченными человеческими и материальными ресурсами на протяжении многих столетий, и даже тысячелетий, были столь сильны в военном отношении, до сих пор не получил достаточного освещения. Конечно, каждый конкретный случай был связан со многими специфическими обстоятельствами и заслуживает специального изучения, но в целом такое положение дел можно объяснить неразвитым разделением труда в кочевых обществах, а также тем, что рядовые кочевники в них не были полностью отстранены от участия в общественных делах. Это давало им ряд преимуществ в военной сфере.

За редкими исключениями, в оседлых государствах военное дело было специализировано и профессионализировано. Напротив, в кочевых обществах каждый мужчина (а иногда и женщины, когда это было необходимо) был воином всадником. Поэтому несмотря на свою сравнительную малочисленность, номады были способны мобилизовать довольно большие армии. Более того, кочевники не испытывали недостатка в верховых животных, а их образ жизни был одновременно почти естественным воспитанием военных навыков. В отношении индивидуальных боевых качеств только средневековые европейские рыцари и ближневосточные мамелюки могли сравниться с воинами кочевников, причем тренировка и вооружение мамлюков нередко отражали военные традиции кочевников (Nicolle 1976; Amitai-Preiss 1995: 214ff; Smith 1997: 255ff).

Таким образом, экономическая и социальная отсталость кочевников оборачивалась военным преимуществом в их взаимоотношениях с оседлыми партнерами. Вплоть до нового времени это преимущество нередко позволяло им придавать политический характер чисто экономическим или культурным связям. Иначе говоря, военные преимущества открывали возможности для политического доминирования с благоприятными для кочевников экономическими последствиями. Такая ситуация была особенно характерна для кочевников евразийских степей и Ближнего и Среднего Востока, крупномасштабные вторжения и завоевания которых были непременной чертой древней и средневековой истории.

Имеется еще один, и очень важный фактор, который необходимо учитывать для правильного представления о функционировании кочевых обществ. Необходимые предпосылки для возникновения кочевого скотоводства впервые появились в связи с переходом от присваивающей к производящей экономике, который обычно называют неолитической революцией (Шнирельман 1980; Clutton-Brock 1987; 1989). В биологическом и культурном отношении доместикация животных включала следующие основные стадии: выбор видов, подходящих для доместикации, поимку индивидуальных животных (в первую очередь молодняк), их дальнейшую изоляцию, приручение, поведенческий контроль, контролируемое размножение, (морфологические изменения), диффузию (перемещение животных в новые природные зоны) и их адаптацию к новому окружению (включая гибридизацию), расширение утилизации скота и продуктов скотоводства (влекущую за собой дальнейшую селекцию).

Земледелие и животноводство обладали потенциалом для распространения и дальнейшей специализации в различных экономических зонах. Однако на протяжении многих тысячелетий после неолитической революции производящие экономики в Старом Свете оставались комплексными, сочетая, хотя и в разных пропорциях, земледелие и скотоводство.

В некоторых своих предыдущих работах (см., например: Khazanov, 1984: 85ff.; Khazanov 1990: 86ff.) я предполагал, что кочевые скотоводство, полностью порвавшее с земледелием, было довольно поздней специализацией, хотя многие из его технологических предпосылок, например, использование верховых животных, возникли значительно раньше (Anthony and Brown 1991). По моему мнению, даже в главных регионах своего спонтанного развития оно появилось не ранее второй половины II тысячелетия до н.э. (имеются в виду те формы кочевого скотоводства, которые без кардинальных изменений продолжали затем существовать на протяжении более трех тысяч лет). В обоих этих регионах исходной формой была смешанная экономика, а промежуточными – различные формы экстенсивного и подвижного скотоводства, продолжавшие практиковать земледелие в качестве вспомогательного занятия. В других регионах кочевое скотоводство появилось еще позднее, испытав прямое или косвенное влияние уже существовавших форм.

Очевидно, в этом вопросе требуется большая осторожность. Я готов допустить теперь возможность того, что некоторые формы примитивного кочевого скотоводства время от времени могли возникать уже в бронзовом веке или даже ранее. На это, кажется, указывают данные археологии, хотя они все еще могут быть интерпретировали различным образом,

несмотря на растущее совершенство методов археологического исследования (Bar-Josef and Khazanov 1992). Однако, если не забывать о недостатках кочевого скотоводства, то надо предположить, что оно нуждалось в триггере, специальном импульсе для своего возникновения, и в благоприятной внешней социополитической обстановке для того, чтобы стать долговременной и жизнеспособной альтернативой оседлому образу жизни и тем более быть способными к территориальной экспансии в другие экологические зоны. Представляется, что обе эти предпосылки, появились только в конце II- начале I тысячелетий до н.э.

С одной стороны, климат в это время стал заметно суше, что, очевидно, привело к изменениям в природных ландшафтах и потребовало дальнейшей специализации скотоводческой экономики. С другой стороны, только начиная с I тысячелетия до н.э. кочевые общества, стали периферией оседлых государств, возникавших на южных границах степной зоны. Только с этого времени внешним мир стал оптимальным для их исторического функционирования. Кочевники нуждались не просто в оседлых обществах, но в таких, которые достигли определенного уровня развития – не первобытных и не индустриальных, а традиционных (т.е. доиндустриальных), но притом уже обладавших своей государственностью. Примером могут служить древние и средневековые государства Ближнего и Среднего Востока, Центральной Азии и Китая.

Большинство работ советских ученых, и ряда западных марксистов (см., например: Krader 1978), посвященных кочевникам, подчас очень глубоких и серьезных, имеет один серьезный недостаток. Их теоретическим основанием являлась концепция универсальных и прогрессивных социально-экономических формаций (исключения см.: Хазанов 1975; Марков 1976). В соответствии с ней каждое общество развивалось сходным образом и в одинаковом направлении, и кочевники не должны были составлять исключение. Идеология поставила советских ученых перед неразрешимой проблемой: как доказать, что кочевники развивались в направлении более сложных социально-экономических систем. Это было нелегко сделать даже в отношении многих оседлых обществ и целых регионов. В отношении кочевников это просто было безнадежным занятием, повлекшим за собой многолетнюю, но едва ли плодотворную дискуссию (один из последних ее обзоров см.: Крадин 1992). Одни ученые писали о кочевом феодализме, другие – о "военной демократии", как уровнях развития, соответствовавших кочевым обществам; третьи – изобрели особую кочевую формацию; четвертые выставляли более сложный эволюционный ряд: архаические империи – варварские государства – раннефеодальные державы (Кляшторный, Султанов 2000: 82), очевидно, пытаясь доказать, что развитие кочевников соответствовало европейским моделям. Обратимый характер функционирования конкретных кочевых обществ иногда признавался – уж слишком очевидно он бросался в глаза. Тем не менее, развитие евразийских кочевников в целом представлялось поступательным историческим процессом. При всех обстоятельствах возникновение кочевой государственности считалось спонтанным процессом, как это и было предписано марксистской догмой. Внешний фактор или преуменьшался или вообще игнорировался.

Сама проблема, однако, является надуманной. Она существует только для однолинейных эволюционистов и марксистов, чье понимание исторического процесса в сущности является телеологическим. В настоящее время только люди с большими схоластическими наклонностями и к тому же игнорирующие огромное количество фактических данных, способны исповедовать допотопную теорию универсальных социально-экономических формаций. До сих пор исторический процесс никогда не был ни универсальным, ни однолинейным. В различных обществах и в различных регионах он принимал различный характер, формы, направления и темпы. Что касается сходных черт, то они были связаны с обменом идеями, культурными и технологическими инновациями, миграции и прямым

навязыванием чужих моделей, по крайней мере, не меньше, чем со спонтанным внутренним развитием.

Я думаю, что основными блоками исторического процесса были не универсальные формации, а историко-культурные регионы. Их нередко называют цивилизации, но я избегаю употребления этого термина из-за его семантической неопределенности. Он связан с бесконечной дискуссией о количестве различных цивилизаций, критериях их выделения и т.п. Иначе говоря, он влечет за собой много спекулятивных и субъективных таксономических и культурологических проблем, которые не имеют прямого отношения к данной статье. Тем не менее, ясно, что серьезные и долговременные различия в региональном развитии связаны со многими факторами географического, экологического, социального, политического, культурного и иного порядка. Все важнейшие качественные изменения в человеческой истории были результатом уникального сочетания многих разнообразных факторов, которое подчас выглядит почти случайным. Во всяком случае, эти изменения отнюдь не были детерминированы. В сущности, в истории прослеживается очень мало закономерностей, а те, которые прослеживаются, относятся в основном к причинно-следственному порядку развития (Gellner 1988: 15ff.).

Начиная с I тысячелетия до н.э. кочевникам евразийских степей были присущи сравнительно большие политии – известный вариант или аналог вождеств, хорошо описанных на примере многих оседлых обществ. Их альтернативно называют племенными ассоциациями, племенными федерациями, племенными конфедерациями и т.п. Эти термины не кажутся мне очень удачными, потому что большинство "федераций" или "конфедераций" создавалось отнюдь не на добровольной основе. Но в конце концов о терминах не спорят, о терминах уславливаются. Важнее уяснить политическую сущность кочевых образований.

Археологическим индикатором их возникновения служат роскошные погребения предводителей, нередко, но далеко не всегда обоснованно называемые "царскими", по аналогии со скифскими. Сами по себе археологические материалы в большинстве случаев не позволяют определить конкретный уровень развития кочевых политий. Как правило, это можно сделать только с помощью письменных источников, особенно в тех случаях, когда они дают достаточное представление о характере их взаимоотношений с оседлыми обществами. Мы с уверенностью можем писать о существовании государства у скифов и сунну, потому что мы в состоянии объяснить их экономические основания. Но я бы остерегся делать подобные заключение в отношении тех, кто оставил такие курганы, как Аржан, Пазарыкские, Иссык, и некоторые другие.

Сегментарные формы социальной организации не исключают полностью возможность возникновения центрального агентства по управлению общественными делами, т.е. правительства, но они сильно затрудняют его появление и функционирование, а также ограничивают сферу его деятельности. Политическая власть в кочевых политиях в значительной мере оставалась диффузной и в основном связанной с военными и организационно-регулятивными функциями. Соответственно, они были рыхлыми, текучими по составу и недолговечными, за исключением тех случаев, когда они подвергались трансформации в результате специфических взаимоотношений с внешним миром. Иными словами, в самых кочевых обществах потребности политической интеграции было недостаточно сильны, чтобы проводить к необратимым структурным изменениям. Их руководящий слой редко обладал той монополией легитимного насилия, которая, по мнению Макса Вебера, составляет основной признак государства. Тем более нет оснований считать их классовыми (противоположное мнение было недавно поддержано Е.И. Кычановым [1997:5]). Лишь в определенных, достаточно редких случаях внутренние процессы в кочевых обществах могли вызвать к жизни наследственную (однако все же обратимую) социальную стратификацию.

В какой-то мере социальная стратификация в кочевых обществах могла усиливаться, когда кочевой аристократии удавалось подчинить другие группы кочевников. Но такое подчинение редко бывало стабильным и долговременным. История различных тюркских каганатов свидетельствует об этом достаточно недвусмысленно. В экономическом отношении традиционные недостатки кочевого хозяйства делали уплату податей подчиненными делом весьма проблематичным и ненадежным. В культурном отношении препятствие заключалось в однотипном образе жизни, связанном с мобильностью и, следовательно, с возможностью откочевов, миграции и т.п. В социально-политическом отношении проблема была в отсутствии достаточно сильного аппарата принуждения. Пример древних тюрков, монголов и многих других демонстрирует, что для создания крупного кочевого государства требовалась мобилизация сил многих кочевых формирований. Но только возможные выгоды от совместной эксплуатации оседлых обществ могли на время примирить одних кочевников с них зависимым статусом от других.

От характера этой эксплуатации в конечном счете и зависело возникновение кочевых государств и их конкретные формы и судьбы. Совместно говоря, сам термин "кочевые государства" в известной мере является условным. Они были кочевыми, потому что были основаны кочевниками и/или потому, что кочевники занимают в них доминирующие позиции. Однако, так или иначе, но все они были связаны с асимметричными отношениями с оседлыми обществами. Без них кочевые государства были не более, чем редкими и кратковременными исключениями, если таковые были вообще.

История кочевых государств Центральной и Внутренней Азии, от сюнну до монголов и даже до маньчжур (последние никогда не были чистыми кочевниками, но во многом заимствовали монгольскую политическую традицию) отнюдь не представляет единый эволюционный ряд, в котором каждое новое государство более высокого уровня, чем его предшественники. Лишь отчасти это было связано с этническими отличиями новых государств от их предшественников. Политическая культура в степях обладала примечательной преемственностью. Различия в оседлых обществах, взаимоотношения с которыми вызывали к жизни кочевые государства, по-видимому, имели большее значение. Необходимо также учитывать характер отношений, складывавшихся между кочевниками и зависимыми от них оседлыми обществами.

Следуя Латтимору (Lattimore 1940), Барфилд предложил интересную модель для объяснения циклов китайской династической истории и кочевой государственности во Внутренней Азии (Barfield 1989; 1991). По его мнению, все кочевые империи в монгольских степях и те китайские династии, которым удавалось объединить всю страну, возникали и гибли в одно и то же время. Напротив, государственность в Маньчжурии развивалась лишь в периоды анархии на северной границе, когда и в Китае и в степях отсутствовала центральная власть.

На мой взгляд, эта модель наряду с сильными сторонами имеет ряд слабых и поэтому нуждается в дальнейшей разработке. Например, государство сюнну возникло в 206 г. до н.э., когда Китай находился на грани гражданской войны, и процветало в начале ханьского периода, когда политическая власть в стране еще не полностью укрепилась (Yamada 1982). Тюркский каганат возник в середине VI в., по меньшей мере за тридцать лет до того, как раздробленный Китай был объединен под властью династии Суй. Трудно согласиться с Барфилдом и в том, что кочевники никогда не имели отношения к гибели империй, правивших над всем Китаем. Достаточно вспомнить в этой связи роль уйгуров в падении династии Тан (Pulleyblank 1955). Очень сомнительно его утверждение, что монгольское завоевание Китая было aberrацией степных порядков. Слово "aberrация" не избавляет от необходимости объяснить как причины завоевания, так и его успех. В целом представляется, что долговременные исторические процессы в Китае были гораздо больше связаны с

внутренними, чем с внешними процессами. Напротив, характер кочевой государственности во Внутренней Азии очень во многом зависел от развития в Китае.

В самом упрощенном и схематичном виде можно выделить два типа кочевой государственности, в зависимости от характера их взаимоотношений с оседлыми обществами. В государствах первого типа они в основном реализовывались в вассально-даннических или иных примитивных и не всегда упорядоченных формах коллективной зависимости и эксплуатации. Как правило, кочевники и оседлое население продолжали обитать раздельно, каждая в своих экономических зонах. Иногда оседлые государства продолжали свое существование, иногда кочевники и земледельцы-горожане оказывались объединенными в составе одного государства. Но даже в последнем случае их интеграция в политической сфере была весьма поверхностной и не затрагивала социально-политических основ оседлого общества.

Рядовые кочевники в подобных государствах оставались их военной и социальной опорой. Поэтому в них продолжали действовать механизмы редистрибуции, а кочевая аристократия по отношению к своему обществу, или субобществу, действовала скорее, как руководящее сословие, чем господствующий класс. Правда, почти во всех кочевых государствах первого типа возникал свой земледельческий и городской сектор – в основном за счет выходцев из оседлых обществ. Однако, как правило, он оставался слишком слабым, чтобы удовлетворять все их экономические потребности. Так, эти государства не могли обойтись без городов – центров политической власти, и в меньшей степени, торговли и ремесел. Но само их возникновение выглядит несколько искусственным. Не столько государство существовало за их счет, сколько сами они гибли место с гибелью государств, которые вызвали их к жизни. Судьба Орду-Балыка, Итиля, Сарая-Бату, Сарая-Берке или Каракорума является в этом отношении весьма показательной.

Примером кочевых государств первого типа могут служить государства скифов и сунну, тюркские каганаты, государство киданей (каракиданей) в Центральной Азии, Монгольская империя при первых ханах и многие другие. Они существовали лишь за счет примитивной эксплуатации оседлых обществ. Они гибли, когда возможности ее существенно сокращались или прекращались вовсе, а вассальные кочевые объединения отпадали. Обычно это сопровождалось соответствующей примитивизацией социально-экономического строя. Лишь изредка в кочевых обществах, напротив, преобладание получали седентаризационные процессы. Чаще всего это случалось в случаях переселения в иные экологические зоны, в результате которого кочевое общество в целом переставало быть таковым, становясь по преимуществу земледельческо-городским. В нем еще мог сохраняться значительный кочевой уклад, но оно развивалось уже совсем в ином русле. Примером могут служить уйгуры, вытесненные кыргызами в Восточный Туркестан.

Кочевые государства второго типа нередко являлись трансформацией государств первого типа, в числе прочего выражавшейся в интеграции кочевников и земледельцев-горожан в единую политическую систему. Особенно часто это происходило, когда кочевники после завоевания оседлых государств переселялись на их территорию. Примером в древности являлась держава кушан, в раннем средневековье – ряд государств, созданных кочевниками в Северном Китае в IV-VI в.в. н.э., позднее – государства киданей и чжурчженей в Китае, Караханидов в Центральной Азии, и Сельджуков на Среднем Востоке, в монгольский период – Юань в Китае и государство Хулагуидов в Иране, в позднесредневековый период – государство Шейбанидов в Центральной Азии.

Эти государства создавались кочевниками и управлялись династиями кочевого происхождения, а социальная стратификация в них в известной мере совпадала с экономической специализацией и этническими различиями. Собственно, поэтому их и можно называть кочевыми. До известной меры кочевники и оседлые население в государствах второго типа могли даже образовывать два отдельных субобщества, но только

в социальном, а не политическом или географическом отношениях. Интеграционный процесс обычно начинался с династии и ее непосредственного окружения, а затем охватывая всю или часть кочевой аристократии, которая становилась привилегированным классом оседлого населения или одним из его привилегированных классов.

В таких государствах наблюдался определенный синтез, хотя и редко полный, сравнительно менее развитых социальных отношений завоевателей с более развитыми отношениями завоеванных. Более того, характер господствовавших в них социально-экономических, а отчасти даже политических отношений, во многом определялся уже отношениями, сложившимися на оседлых территориях. Изменения, происходившие в оседлых субобществах, преимущественно затрагивали привилегированные слои. Аристократия кочевников или правящие слои кочевого происхождения нередко становились при этом земельными сословиями. Однако даже смена правящих элит, как правило, не была полной. В мусульманских странах для победоносных кочевников было гораздо легче устранить "людей меча" - старое военное сословие, чем "людей пера" - бюрократию. Кроме того, кочевники, принявшие ислам, такие, как сельджуки, караханиды, а позднее шейбаниды, никогда и не помышляли посягнуть на другое привилегированное сословие – улама и суфийских шейхов (Бартольд 1963: 369-371). В Китае ученые-бюрократы пережили всех кочевых завоевателей, потому что для управления страной они были незаменимы. Уже сын и наследник Чингиз-хана, Угэдей, усвоил старый афоризм древнекитайского оратора Лу Цзя (III-II в.в. до н.э.), преподанный ему китайским советником Елюй Чу-цаем: *Хотя [вы] получили Поднебесную, сидя на коне, но нельзя управлять [ею], сидя на коне*, и позволил привлечь в гражданскую администрацию ученых-конфуцианцев (Мункуев 1965: 19).

Представляется, что изменения в социальных и экономических структурах оседлых стран, вызванные завоеваниями кочевников, отнюдь не были кардинальными и в основном ограничивались некоторыми пермутациями. В то же время завоеватели охотно принимали те институты завоеванных стран, которые отвечали их интересам. Так, Сельджуки приняли и расширили систему икта, потому что она способствовала их господству над земельным населением.

Таким образом, ведущие формы зависимости и эксплуатации в государствах второго типа проявлялись в отношении кочевой аристократии с завоеванным оседлым населением, как в целом, так и с его отдельными слоями и классами. Однако положение рядовых кочевников также не оставалось неизменным, хотя они не только не являлись основным классом в таких государствах, но даже редко составляли единый класс или сословие. По мере развития государств второго типа, кочевое субобщество в них нередко становилось более дифференцированным. Кочевые группы в них разделяются на привилегированные, менее привилегированные и непривилегированные, в зависимости от их связей с династией и кочевой аристократией, этнической и племенной принадлежности и т.п. Обычно в кочевом субобществе формируются несколько промежуточных сословий или слоев, некоторые из которых были ближе к правящему классу, а другие – к зависимым слоям населения.

По мере развития интеграционного процесса в государствах второго типа кочевая аристократия и особенно династия должны были решать, отождествлять ли свои интересы с интересами государства в целом и его оседлого субобщества, или в первую очередь сохранить лояльность кочевого субобщества, поддерживая его привилегированное положение, и в таком случае идти иногда против интересов государства. Дилемма никогда не была простой, и не всегда можно было достичь согласия по поводу избранной политики даже среди различных групп кочевой аристократии. В результате в кочевых государствах второго типа часто возникали новые конфликты, например, между династией кочевого происхождения и ее сторонниками, с одной стороны, и традиционной кочевой аристократией, с другой; между различными группами кочевников; между династией и рядовыми кочевниками и т. д.

Одним из распространенных путей трансформации таких государств было превращение их в оседлые государства, в которых некоторые кочевники постепенно оседали, в то время как другие постепенно превращались в отсталое социальное, а иногда и этническое меньшинство, инкапсулированное в более развитые социально-экономические и политические культуры. Примером подобного развития может служить Османская Турция. Но все это уже иная история.

Итак, решающим фактором в возникновении и функционировании кочевой государственности были специфические взаимоотношения кочевых и оседлых обществ. Но все же внутренний фактор исключать полностью нельзя. Но он был связан не столько с весьма проблематичным эволюционным развитием, сколько с уже упоминавшейся стабильностью политической культуры в евразийских степях. Эта культура в значительной мере была полиэтничной и отнюдь не ограниченной рамками отдельных кочевых политий и государств (Golden 1982; 2001; Трепавлов 1993; Кляшторный, Савинов 1994; Allsen 1996).

Древние и средневековые современники кочевников, равно как и многие современные ученые, поражались стремительному взлету кочевых государств, которые, казалось, возникали ниоткуда и почти немедленно начинали военные кампании против своих соседей. Возможно, это покажется менее удивительным, если принять во внимание, что к новому времени в евразийских степях оставалось мало кочевников, предки которых не прошли бы через горнило государственного существования. Многие политические модели, традиции и символы сохранялись у кочевников в латентной или полулатентной форме даже в безгосударственные периоды.

Очевидно, уже в I тысячелетии до н.э. в Степи возникла оригинальная политическая культура. Она была представлена многими синхронными и диахронными вариантами, но тем не менее имела удивительно много сходных черт во всем регионе. Эта культура начала претерпевать существенные изменения только, когда культурное пространство евразийских степей было нарушено распространением различных мировых религий, и особенно после того, как большинство кочевников евразийских степей приняло ислам (Cahen 1968). Тем не менее отдельные ее черты были заметны много позднее (Manz 1989). Истоки этой культуры все еще не вполне ясны. Можно лишь предположить, что в ней сочетались как собственно кочевые традиции, так и заимствования из политических традиций самых различных оседлых государств и народов. Равным образом недостаточно изучены и механизмы трансмиссии этой культуры в иноязычной среде (см., однако, Трепавлов 1993: 31 сл.). Самая политическая культура кочевников была, однако, весьма оригинальной. Кочевники могли казаться варварами своим оседлым современникам, а иногда и их далеким потомкам, но на самом деле эти "варвары" были довольно изощренными в политическом отношении. Достаточно сослаться на ряд институтов и концепций, которые на протяжении многих веков имели широкое распространение в Степи.

В их числе можно упомянуть божественный мандат на правление, данный избранному Небом роду или даже божественное происхождение самого этого рода (Golden 1982; 2001)² и *translatio imperii* – представление о возможности перехода верховной власти от одной политики к другой; представление о ниспосланной свыше удаче, счастливой судьбы – иранский хварн, тюркский кут (Bombaci 1965; 1966; Frye 1989; Gnoli 1990); развитию имперскую (царскую) титулатуру,³ символизм, в том числе цветовой, и специфические инвеституные церемонии (Allsen 1997: 85 ff.); наличие *refugia*, священных территорий и культовых центров; понятие о коллективном суверенитете, согласно которому государство и его подданные принадлежали не индивидуальному правителю, а всем членам правящего рода в качестве их корпоративной собственности и соответствующая улусная система; специфические модели наследования власти, основанные на различных вариантах ее коллатеральной ротации и принципе старшинства внутри правящего рода (Fletcher 1979-1980); съезды знати вроде монгольских курултаев; частичное совпадение

административной системы с военной организацией (двоичное или троичное деление государства, деление на правое и левое крыло в тюркских и некоторых других политиях, десятичные системы); патримониальное правление, подразумевавшее распределение различного рода богатств среди вассалов, сторонников и даже рядовых кочевников; и ряд других концепций.

Так продолжалось примерно две с половиной тысяч лет, если не больше. Все изменилось только в конце средневековья и с началом нового времени. "Европейское чудо" - начавшийся переход к современной технологической цивилизации, постепенно стал оказывать влияние и на оседлые страны Азии. А кочевники оставались прежними. Великие географические открытия и усовершенствования в мореплавании резко уменьшили значение трансконтинентальной сухопутной торговли и роль кочевников как посредников в ней (Steensgaard 1973; Rossabi 1989). В Евразии каравеллы победили караваны. Централизованные империи – Россия, Турция, и Китай, создали массовые регулярные армии. Они в возрастающем размере использовали огнестрельное оружие, становившемся все более точным (Headrick 1981). Против таких армий иррегулярная кавалерия кочевников была неэффективна. Луки и копья были игрушками по сравнению с ружьями и пушками.

Последствия не заставили себя ждать. Кочевники теряли свою политическую независимость и были вынуждены приспосабливаться к новой ситуации, находившейся вне их контроля. Увеличивающаяся зависимость от колониальных держав и национальных правительств, от внешнего мира в целом, имела для них много отрицательных последствий. Она сократила размер занятой ими территорий, нарушила традиционные маршруты перекочевков, разрушила их экономику, основанную на удовлетворении непосредственных потребностей жизнеобеспечения, подорвала их социальную строй, идеологию и политическую культуру. Все это привело к тому, что традиционное кочевое скотоводство в евразийских степях, как и повсюду на земном шаре, уже прекратило свое существование (Bruun and Odgaard 1996; Humphrey and Sneath 1996; 1999; Наумкин, Шапиро, Хазанов 1997; Наумкин, Томас, Хазанов, Шапиро 1999; Sneath 2000).

Тем не менее климат и природа неподвластны даже постиндустриальной цивилизации. Подвижное экстенсивное скотоводство, при условии его модернизации, во многих аридных зонах по-прежнему имеет ряд преимуществ, по сравнению со многими другими формами хозяйства. Но для этого оно нуждается в модернизации. Советские коммунисты, и в меньшей степени их монгольские вассалы, уже пытались сделать это по своему, т.е. насильственными, наихудшими и наименее эффективными методами. К чему это привело – хорошо известно. Теперь если не все, то многое надо начинать сначала, преодолевая при этом травмы предшествующего периода. Теперь надо признать, что, как и политика, экономика развития – это искусство возможного. Пока посткоммунистический период особыми успехами в модернизации экстенсивного скотоводства не отмечен. Напротив, преобладающими тенденциями сейчас является сокращение использования современной технологии, транспорта, искусственных кормов, достижений биологической науки и ветеринарии, уменьшение утилизации дальних пастбищ, во многих странах – падение престижа скотоводческого труда.

Начиная с Бронзового века, если не ранее, люди пытались заглянуть в будущее, но к лучшему или худшему, все их попытки неизменно терпели фиаско. XXI век только начинается, и предсказать судьбу экстенсивных скотоводов в нем невозможно. Тем, кому дороги традиции и достижения кочевников, остается лишь надеяться на лучшее для их потомков и по мере сил способствовать ему.

Примечания

1. Наиболее подробно мои взгляды на кочевников изложены в: Khazanov 1994; Хазанов 2000.

2. Концепция верховной власти, санкционированной Небом, по мнению Рачелвица, заимствованная монголами, а до них тюрками, у оседлых обществ (Rachelwitz 1973), отмечена уже у скифов (Хазанов 1975: 36 сл.) и сюнну (Крадин 1996: 70 сл.). Следовательно, она может считаться характерной идеологемой кочевых государств в европейских степях. Вопрос о ее происхождении остается открытым, хотя представляется, что источники ее могли быть различными (см. Crossley 1992).
3. Примечательно, что она была заимствована тюрками от их не-тюркских предшественников (Golden 2001: 39 ff.).

ЛИТЕРАТУРА

- Аймермахер, К.И., Бордюгов, Г. (ред.). 1999. *Национальные истории в советском и постсоветских государствах*. М.
- Бартольд, В.В. 1963. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. *Сочинения*. Т. 1. М.
- Кляшторный, С.Г., Савинов, Д.Г. 1994. *Степные империи Евразии*. СПб.
- Кляшторный, С.Г., Султанов, Т.И. 2000. *Государства и народы евразийских степей. Древность и средневековье*. СПб.
- Крадин, Н.Н. 1992. *Кочевые общества (проблемы формационной характеристики)*. Владивосток.
- Крадин, Н.Н. 1996. *Империя хунну*. Владивосток.
- Кычанов, Е.И. 1997. *Кочевые государства от гуннов до маньчжуров*. М.
- Марков, Г.Е. 1976. *Кочевники Азии: Структура хозяйства и общественной организации*. М.
- Мункуев, Н.Ц. 1965. *Китайский источник о первых монгольских ханах*. М.
- Наумкин, В., Шапиро, К., Хазанов, А. (ред.). 1997. *Пасторализм в Центральной Азии*. М.
- Наумкин, В., Томас, Д., Хазанов, А., Шапиро, К. 1999. *Современное состояние скотоводства и животноводства в Казахстане и перспективы их развития*. М.
- Трепавлов, В.В. 1993. *Государственный строй Монгольской империи XIII в. Проблема исторической преемственности*. М.
- Хазанов, А.М. 1975. *Социальная история скифов. Основные проблемы развития древних кочевников евразийских степей*. М.
- Хазанов, А.М. 2000. *Кочевники и внешний мир*. 3-е Изд. Алматы.
- Шнирельман, В.А. 1980. *Происхождение скотоводства*. М.
- Allsen, T. 1996. Spiritual Geography and Political Legitimacy in the Eastern Steppe. *Ideology and the Formation of Early States*. Ed. by H.J.M. Claessen and J.G. Oosten. Leiden: 165-135.
- Allsen, T. 1997. *Commodity and Exchange in the Mongol Empire: a Cultural History of Islamic Textiles*. Cambridge.
- Allsen, T. 2001. *Culture and Conquest in Mongol Eurasia*. Cambridge.
- Amitai-Preiss, R. 1995. *Mongols and Mamluks: The Mamluk-Ilkhanid War, 1260-1281*. Cambridge.
- Anthony, D.W. and Brown, D.R. 1991. The Origins of Horseback Riding. *Antiquity*, vol. 65: 22-38.
- Barfield, T. 1989. *The Perilous Frontier: Nomadic Empires and China*. Cambridge, MA.
- Barfield, T. 1991. Inner Asia and Cycles of Power in China's Imperial History. *Rulers from the Steppe: State Formation on the Eurasian Periphery*. Ed. by G. Seaman and D. Marks Los Angeles: 21-62.
- Bar-Iosef, O. and Khazanov, A (eds.). 1992. *Pastoralism in the Levant: Archeological Materials in Anthropological Perspectives*. Madison, WI.
- Bentley, J. 1993. *Old World Encounters: Cross-Cultural Contacts and Exchanges in Pre-Modern Times*. New York.
- Bombaci, A. 1965-1966. Qutlug Bolzun! *Ural-Altische Jahrbücher* 36: 284-291; 38: 13-43.
- Bruun, O. and Odgaard, O. 1996. *Mongolia in Transition. Old Patterns, New Challenges*. Richmond, Surrey.

- Cahen, C. 1968. *Pre-Ottoman Turkey. A General Survey of the Material and Spiritual Culture and History c. 1071-1330*. London.
- Clutton-Brock, J. 1987. *A Natural History of Domesticated Animals*. Austin.
- Clutton-Brock, J. (ed.). 1989. *The Walking Larder: Patterns of Domestication, Pastoralism, and Predation*. London.
- Crossley, P. 1992. The Rulership of China. *American Historical Review* 97: 1468-1483.
- Fletcher, J. 1979-1980. Turko-Mongolian Monarchic Tradition in the Ottoman Empire. *Harvard Ukrainian Studies*, 3-4/1.
- Frye, R.N. 1989. Central Asian Concepts of Rule on the Steppe and Sown. *Ecology and Empire. Nomads in the Cultural Evolution of the Old World*. Ed. G. Seaman. Los Angeles: Ethnographics/USC: 135-140.
- Gellner, E. 1988. *Plough, Sword, and Book: The Structure of Human History*. Chicago.
- Gnoli, G. 1990. On Old Persian Farnah. *Acta Iranica XVI* (30): 84-92.
- Golden, P.B. 1982. Imperial Ideology and the Sources of Political Unity amongst the Pre-Činggisid Nomads of Western Eurasia. *Archivum Eurasiae Medii Aevi T. II*: 37-76.
- Golden, P.B. 2001. *Ethnicity and State Formation in Pre-Činggisid Turkic Eurasia*. Bloomington, IN.
- Headrick, D.R. 1981. *The Tools of Empire: Technology and European Imperialism in the Nineteenth Century*. New York.
- Humphrey, C. and Sneath, D. (eds.). 1996. *Culture and Environment in Inner Asia. Vol. 1-2*. Cambridge.
- Humphrey, C. and Sneath, D. (eds.). 1999. *The End of Nomadism?* Durham, NC.
- Ibn Khaldūn. 1967. *An Introduction to History. The Muqaddimah*. London.
- Khazanov, A.M. 1990. Pastoral Nomads in the Past, Present, and Future. A Comparative View. *The Struggle for Land: Indigenous Insight and Industrial Empire in the Semiarid World*. Ed. by P.A. Olson. Lincoln and London.
- Khazanov, A.M. 1993. Muhammad and Jengiz Khan Compared: The Religious Factor in World Empire Building. *Comparative Studies in Society and History* 53 (3): 461-479.
- Khazanov, A.M. 1994. *Nomads and the Outside World. Second Edition*. Madison, WI.
- Khazanov, A.M. 1994a. The Spread of World Religions in Medieval Nomadic Societies of the Eurasian Steppes. *Nomadic Diplomacy, Destruction and Religion from the Pacific to the Adriatic* (Toronto Studies in Central and Inner Asia, N1). Ed. by M. Gerves and W. Schleep Toronto: 11-34.
- Khazanov, A.M. and Wink, A (eds.). 2001. *Nomads in the Sedentary World*. Richmond, Surrey.
- Krader, L. 1978. The Origin of the State among the Nomads of Asia. *The Early State*. Ed. by H.J.M. Claesson and P. Skalnik. The Hague: 97-107.
- Kramarovsky, M.G. 1991. The Culture of the Golden Horde and the Problem of the 'Mongol Legacy'. *Rulers from the Steppe: State Formation on the Eurasian Periphery*. Ed. by G. Seaman and D. Marks. Los Angeles: 255-273.
- Lattimore, O. 1940. *Inner Asian Frontiers of China*. New York.
- Manz, B.F. 1989. *The Rise and Rule of Tamerlane*. Cambridge.
- Nicolle, D. 1976. *Early Medieval Islamic Arms and Armour*. Madrid.
- Nissen, H.J. 1988. *The Early History of the Ancient East*. Chicago.
- Pulleyblank, E.G. 1955. *The Background of the Rebellion of An Lu-shan*. London.
- de Rachewiltz, I. 1973. Some Remarks on the Ideological Foundations of Chingis Khan's Empire. *Papers on Far Eastern History* (Canberra) 7: 21-36.
- Rossabi, M. 1989. The 'Decline' of the Central Asian Caravan Trade. *Ecology and Empire. Nomads in the Cultural Evolution of the Old World*. Ed. by G. Seaman. Los Angeles: 81-102.
- Shnirelman, V.A. 1996. *Who Gets the Past? Competition for Ancestors among Non-Russian Intellectuals in Russia*. Baltimore.

- Sneath, D. 2000. *Changing Inner Mongolia. Pastoral Mongolian Society and the Chinese State*. New York.
- Smith, J, Masson, Jr. 1997. Mongol Society and Military East: Antecedents and Adaptations. *War and Society in the Eastern Mediterranean, 7th-15th Centuries*. Ed. by Yaakov Lev. Leiden: 249-266.
- Steensgaard, N. 1973. *Carracks, Caravans and Companies: The Structural Crisis in the European-Asian Trade in the Early 17th Century*. Copenhagen: Scandinavian Institute of Asian Studies Monograph Series 17.
- Yamada, Nobuo. 1982. The Formation of the Hsiung-nu Nomadic State. *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae* 36: 575-582.

МИР КОЧЕВНИКОВ СКОТОВОДОВ

–
Т. Барфилд

Кочевое скотоводство во Внутренней Азии

Кочевое скотоводство было преобладающим образом жизни в степях Внутренней Азии на протяжении большей части ее истории. Хотя нередко наблюдатели извне незаслуженно отзывались о нем, как о примитивной форме экономической организации, в действительности, это была усложненная специализация по использованию степных ресурсов. Тем не менее, этот образ жизни был настолько чуждым для окружающих оседлых цивилизаций, что непонимание и неверное истолкование были неизбежны. История кочевников и их связи с окружающими регионами основывались на том, что сами кочевники принимали как не требующее доказательств свои циклы движения, требования животноводства, экономические ограничения и основную политическую организацию.

Термин «пасторальный номуадизм» (кочевое скотоводство – прим. отв. ред.) обычно используется для обозначения формы подвижного скотоводства, при которой семьи мигрируют со своими стадами с одного сезонного пастбища на другое в годовом цикле. Наиболее характерное культурное свойство этого экономического приспособления состоит в том, что общества кочевников-скотоводов приспособляются к требованиям подвижности и потребностям своего скота. Следует, однако, отметить, что понятия «номуадизм», «кочевничество», «скотоводство» и «культура» семантически различны. Существуют скотоводы, которые не являются кочевниками (такие, как современные фермеры-животноводы, и кочевые группы, которые не пасут скот, – например, охотники). Существуют также сообщества, в которых подвижные формы скотоводства представляют единственную экономическую специализацию, в которой отдельные пастухи или ковбои нанимаются, чтобы смотреть за животными (как случилось в Западной Европе или Австралии с разведением овец и в Америке с крупным рогатым скотом). Когда разведение скота является профессиональным занятием, твердо внедренным в культуру оседлых народов, отдельное общество скотоводов никогда не существует.

Скотоводство Внутренней Азии традиционно зависело от использования обширных, но сезонных пастбищ в степях и горах. Поскольку люди не могли питаться травой, разведение скота, который мог это делать, было эффективным способом эксплуатации энергии степной экосистемы. Стада состояли из ряда травоядных животных, в том числе овец, коз, лошадей, крупного рогатого скота, верблюдов и иногда яков. Не существовало специализации по разведению отдельных видов, которая развивалась среди бедуинов Ближнего Востока, разводивших верблюдов, и пастухов северных оленей в Сибири. Идеальным для Внутренней Азии было наличие всех видов животных, необходимых для обеспечения продовольствия и перевозок, так что семья или племя могли достичь самообеспечения при скотоводческом производстве. Фактическое распределение животных в стаде отражало и экологические переменные, и культурные предпочтения, но их состав был, в основном, однотипен, независимо от того, использовали ли номуады открытую степь или горные пастбища. Изменения в составе стада были особенно часты среди скотоводов, которые эксплуатировали более маргинальные районы, где, например, козы выживали лучше, чем овцы, либо где засушливость способствовала разведению верблюдов, а не разведению лошадей.

Овцы были, несомненно, самыми важными с точки зрения пропитания и основой пасторализма во Внутренней Азии. Они давали молоко и мясо для питания, шерсть и шкуры

для одежды и жилищ и навоз, который можно было высушить и использовать в качестве топлива. Овцы быстро воспроизводились и рацион их питания был самым изменчивым в степи. На Монгольском плато их насчитывалось от 50 до 60 % всех разводимых животных, хотя их численность уменьшалась в тех частях Монголии, где пастбища были бедны травами, таких как засушливые пустыни, на больших высотах или на границах с лесами. Процент овец достигал своего максимума у тех номадов, которые разводили овец для торговли мерлушками или продавали животных на мясо на городских рынках. Например, при одних и тех же экологических условиях в Кульде (XIX век) (долина Или) овцы составляли 76 % стад у тюркских казахов, которые занимались торговлей мерлушками, по сравнению с 45 % в стадах монгольских калмыков, более ориентированных на продукты питания (Krader 1955: 313).

Хотя овцы были важнее экономически, имелись также лошади, которые являлись предметом гордости у степных номадов. С самого начала традиционный номадизм Внутренней Азии определялся важностью верховой езды. Лошади были жизненно необходимы для успеха номадных сообществ во Внутренней Азии, поскольку они позволяли быстрое передвижение на огромные расстояния, допуская связь и кооперирование среди народов и племен, которые, по необходимости, были сильно рассеяны. Степные лошади были малы и крепки, жили на открытом воздухе всю зиму, обычно без фуража. Они обеспечивали второстепенный источник мяса, а кислое кобылье молоко (кумыс) был любимым напитком степи. Лошади играли особенно большую роль в военных подвигах номадов, придавая их небольшим отрядам подвижность и силу в битвах, которые позволяли им наносить поражения намного превосходящих силам противника. Эпос народов Внутренней Азии воспел образ коня, а принесение лошадей в жертву было важным ритуалом в традиционных религиях степняков. Человек на спине лошади стал истинным символом номадизма, и как метафора вошел в культуры соседних оседлых сообществ. Однако, в то время как некоторые антропологи определяли кочевые культуры как культуры связанные с лошадьми, коневодство никогда не было исключительным делом какого-либо степного племени, несмотря на культурную и военную важность этого вида животных. И в то же время, хотя не существовало великих эпических поэм, посвященных овцам, мелкий скот был основой степной экономики, причем разведение лошадей было важным дополнением к этой более необходимой задаче (Vason 1954; Eberhardt 1970).

Для разведения лошадей и крупного рогатого скота требовались регионы с более влажным климатом. По этой причине их численность была выше в тех частях степи, где были реки и ручьи и хорошие пастбища. Их также следовало пасти отдельно от мелкого скота. Овцы и козы объедают траву слишком низко, чтобы крупный скот был в состоянии пастись после них. Поэтому для крупного скота должны резервироваться специальные пастбища; либо они должны пастись перед овцами и козами, если используются одни и те же пастбища. В засушливых регионах, где лошадей и крупный рогатый скот разводить труднее всего, сильно возрастает поголовье верблюдов. Верблюды во Внутренней Азии обычно двугорбые (бактрианы). В отличие от своих ближневосточных сородичей, верблюды бактрианы имели толстый волосяной покров, который позволяет им переживать холодные зимы. Они были оплотом сухопутных караванных путей более 2000 лет, а их шерсть все еще остается высокоценным экспортом для производства тканей. Яки во Внутренней Азии относительно редки и обитают, главным образом, на границе с Тибетом. Они хороши только на больших высотах, но их можно скрещивать с коровами, чтобы получить гибрид (называемый «дзо» в Тибете и «хайнак» в Монголии), который более приспособлен к низким высотам, более послушен и дает больше молока.

Кочевая жизнь основывается на способности людей перемещаться со своими животными в процессе сезонной миграции. Кров и предметы домашнего обихода должны быть разборными и портативными. В этом отношении нет ничего более поразительного, чем юрта,

используемая во всей евроазиатской степи. Она состоит из набора складных деревянных решетчатых каркасов, которые устанавливаются в круг. Изогнутые или прямые деревянные палки связываются на верху решетчатого каркаса и прикрепляются к круглому деревянному венцу, чтобы образовать полусферический или конический купол, в зависимости от угла, под которым изогнуты палки. Получаемый таким образом каркас мало весит, но, тем не менее, исключительно прочен и очень устойчив при сильном ветре. Зимой юрта покрывается толстыми матами из войлока, которые обеспечивают изоляцию от сильных морозов. Летом боковые войлочные маты снимаются и заменяются тростниковыми матами, которые позволяют воздуху циркулировать. В древние времена юрты сооружались на больших повозках и везде перемещались целиком, но в средние века эта практика стала относительно редкой. Однако использование колесных повозок для перевозки предметов, которые тянут волю или лошади, всегда было характерным для кочевой жизни во Внутренней Азии, тогда как кочевники Ближнего Востока не использовали колесных повозок (Andrews 1973; Bulliet 1975).

В большинстве кочевых обществ пастбища были в общем владении обширных родственных групп, тогда как животные были в личной собственности. Перемещения кочевников с пастбища на пастбище происходили не случайным образом, а в пределах определенного диапазона пастбищ, к которым группа имела доступ. Там, где пастбище было надежным, кочевники стремились иметь только несколько фиксированных стоянок, на которые они возвращались каждый год. Если были доступны только маргинальные пастбища, то миграционный цикл обнаруживал и более частое перемещение, и большее изменение мест расположения стоянок. В отсутствие внешней власти диапазон пастбищ определялся также силой родовой группы. Самые сильные племена и кланы предъявляли права на лучшие пастбища в лучшее время года, более слабые группы могли использовать их только после того, как сильные группы уходили дальше. Для кочевников время и пространство были связанными элементами: их заботило право использовать пастбище в определенное время или сохранять право собственности на фиксированные предприятия, подобные колодцам; исключительное право собственности на землю само по себе имело малое собственное значение (Barth 1960).

Миграционный цикл кочевников Внутренней Азии состоял из четырех сезонных компонент, имевших собственные характеристики. Континентальный климат региона характеризуется значительными перепадами температуры; а зима является самым суровым временем года. Расположение зимних лагерей было, таким образом, важным для выживания, поскольку они должны были обеспечивать и укрытие от ветра, и необходимые пастбища. Будучи однажды выбранными, зимние лагеря имеют тенденцию оставаться неизменными в течение сезона. Благоприятными стоянками могут быть долины в предгорьях, поймы рек и низины в степи. Утепление юрты войлоком и гладкая круглая форма обеспечивали достаточную защиту от сильных ветров даже при чрезвычайно низких температурах. Поскольку кочевники, как правило, не занимались заготовкой фуража, продуктивность зимнего пастбища устанавливала пределы общего количества разводимых животных. Незащищенные от ветра области, свободные от снега, были предпочтительны, когда были доступны, но если почва имела снежный покров, сначала выпускали лошадей, чтобы они могли разбить копытами ледяную корку, и открыть пастбище для других животных, которые не могли добывать корм из-под снега. Зимние пастбища обеспечивали лишь минимум средств пропитания, и под открытым небом скот значительно терял вес.

После таяния снегов и весенних дождей пастбища расцветали вновь. Хотя в другие времена года большая часть степи была бурой и безводной, весной огромные просторы превращались в мягкие зеленые ковры, испещренные красными маками. Группы лагерей широко рассеивались по степи, чтобы воспользоваться преимуществами обильных пастбищ. Углубляясь в эти луга, кочевники приближались к сезонно существующим зонам талого снега в

низинах, чтобы напоить своих лошадей и скот. На таких пастбищах овец вообще не нужно было поить, так как они получали необходимую влагу из травы и росы. Животные, ослабевшие после зимнего холода и голода, начинали восстанавливать свой вес и энергию. Окот начинался весной, и появлялось свежее молоко. Взрослых животных стригли. Хотя обычно это время считалось лучшим, всегда существовала вероятность бедствия, если на степь налетала неожиданная снежная метель, и степь покрывалась льдом. В этих условиях быстро погибало много скота, особенно новорожденного молодняка. Такой случай мог наблюдаться один раз в поколение, но урон скотоводческой экономике наносился на годы вперед.

Передвижение на летние пастбища начиналось, когда весенние травы высыхали, а водоемы испарялись. Номады, использующие плоскую степь, могли перемещаться на север, в более высокие широты, тогда как номады вблизи гор могли двигаться вверх, где пастухи встречали "вторую весну". В летних лагерях животные быстро набирали вес. Кобылиц доили, чтобы приготовить кумыс, умеренно опьяняющий напиток, любимый номадами Внутренней Азии (более сильные алкогольные напитки покупались у представителей оседлых обществ). Избыточное молоко от других животных, главным образом, овец, перерабатывалось в творог, а затем высушивалось в твердые как камень шары, которые использовались зимой. Шерсть овец, коз и верблюдов очищалась и скручивалась в нить, которая затем использовалась для изготовления веревок, либо красилась и сплеталась в коврики, седельные сумки или узелковые ковры. Большое количество овечьей шерсти оставлялось для изготовления войлока, производство которого заключалось в отбивании шерсти, поливании ее кипятком, а затем в ее прокатывании взад и вперед, пока не сплетутся волокна, образовав ткань. Войлок мог быть украшен нанесением слоя окрашенной шерсти на поверхность перед прокатыванием. Тяжелые войлочные полосы, изготовленные из грубой шерсти, использовались для покрытия юрт, тогда как более тонкая шерсть, состригаемая с ягнят, использовалась для изготовления плащей, зимних сапог или седельных попон.

Летний лагерь оставлялся с началом холодной погоды, когда номады начинали возвращение на зимние стойбища. Осень была временем скрещивания овец, чтобы окот пришелся на весну, так как значительная часть ягнят, выпавших из этого сезонного цикла, погибала. Те номады, которые использовали заготовленный фураж, могли потреблять его в это время, но более распространенная стратегия заключалась в том, чтобы держать животных на подножном корму вдали от зимнего лагеря; чтобы сберечь близлежащие пастбища на самые тяжелые времена. В областях, где номады не могли продавать своих животных на оседлых рынках, они резали скот и коптили мясо на зиму, особенно, когда зимние пастбища были ограничены. Вообще же, номады старались сохранять как можно больше живых животных, так как в случае бедствия, когда половина стада терялась вследствие морозов, засух или болезней, владелец стада со 100 животными мог восстановиться намного быстрее, чем владелец с 50 животными. Осень также традиционно была временем, в которое номады предпочитали делать набеги на Китай и другие оседлые регионы, поскольку их лошади были сильными, работа пастбищного цикла была, в основном, завершена, а земледельцы собрали урожай. Эти набеги обеспечивали зерно, чтобы помочь номадам пережить зиму.

Годовой миграционный цикл требовал мобильности, но перемещения происходили в фиксированном диапазоне. Однако способность легко перемещать стада и семьи имела существенное политическое значение. Когда номадам угрожало нападение со стороны оседлых армий, они исчезали, так что захватчик не находил ничего кроме пустой равнины с облаком пыли на горизонте. Когда захватчик уходил, номады возвращались. В более экстренных случаях номады использовали свою мобильность, чтобы эмигрировать из региона полностью, а не оставаться под контролем другого кочевого народа. Целые народы перемещались на сотни и даже тысячи миль в другие места, где они основывали новые

миграционные сферы. Такие массовые передвижения неизбежно вынуждали мигрировать другие народы, приводя к вторжениям в области оседлых народов номадов на границе степи. Такие крупномасштабные миграции, как правило, не были следствием голода и поиска новых пастбищ. Они, скорее, являлись результатом политического решения кочевого народа найти новый дом, а не воевать за старый.

Племенная организация

На территории всей Внутренней Азии исторически известные кочевники-скотоводы имели аналогичные принципы организации, чуждые оседлым обществам. Хотя известно, что детали менялись, полезно, тем не менее, кратко проанализировать социальный мир степи, чтобы объяснить некоторые понятия, которые номады принимали без доказательств в своей повседневной жизни.

Основной общественной единицей в степи было хозяйство, обычно измеряемое количеством шатров. Кровные родственники делили общее пастбище и ставили совместные лагеря, когда было возможно. Описание калмыцкой структуры, выполненное Аберле, было типичным идеалом для Внутренней Азии:

Обширная семья может состоять из нескольких поколений единокровных родственников мужчин, связанных более или менее близко происхождением, вместе с женами и несовершеннолетними детьми, и возглавляться старшим мужчиной из старшей семьи. После женитьбы сын может потребовать свой скот и уйти, но, в идеале, он должен оставаться со своим отцом и братьями. Уход есть признак трудностей между родственниками. Существует тенденция, согласно которой обширные семейные стада находились в общей собственности как можно дольше (Aberle 1953: 9).

Группы, состоящие из больших семей, были хорошо приспособлены к пасторальному производству. Один человек не мог управлять отдельными стадами крупного и мелкого скота без помощи. Поскольку пастбище было в общем владении, а пастух мог эффективно наблюдать за сотнями животных, индивидуальный скот объединялся, чтобы образовать одно большое стадо. Подобным образом, большие семьи облегчали женщинам выполнение совместных работ, таких как переработка молока или изготовление войлока. Но мужчина всегда был ответственен за свой скот и если он не был согласен с их управлением, он имел право покинуть лагерь и уйти в другое место. Большие группы также обеспечивали защиту от воровства и союзников в спорах с другими группами.

Состав групп отражал стадии в развитии домашних хозяйств. Независимое домашнее хозяйство начинало существовать после заключения брака, когда мужчина обычно получал свою долю стада, а женщина получала свой собственный шатер, но ему недоставало скота и рабочей силы, чтобы быть полностью автономным. В течение периода помолвки молодые мужчины иногда приходили к невестам и жили с их родственниками, но обычно пара после заключения брака жила в лагере отца мужа. Когда рождались дети и увеличивалось стадо семьи, она все больше становилась самостоятельной, но когда дети достигали брачного возраста, значительный процент скота домашнего хозяйства расходовался на свадьбы и предупреждающее наследство. Каждый сын получал свою долю стада в зависимости от полного числа братьев, причем одна доля оставалась родителям. Самый младший сын, в конечном счете, наследовал родительское хозяйство вместе со своей собственной долей - это была форма социального обеспечения для его родителей. Хозяйство старшего в семье, в связи с этим, повышало свое влияние, поскольку мужчина мог рассчитывать на поддержку и труд своих взрослых сыновей и их семей. Развитие цикла хозяйства обычно ограничивалось количеством братьев и их сыновей, причем смерть братьев влечет за собой распад группы (Stenning 1953).

Большая семья была культурным идеалом и имела много экономических преимуществ, но ее нелегко было поддерживать, поскольку большие группы были внутренне нестабильны. Поскольку индивиды владели своими собственными животными и могли отделяться от группы, если она их не удовлетворяла, то кооперация была добровольной. В то время как братья обычно поддерживали достаточную солидарность в управлении стадом, их собственные сыновья, группы двоюродных братьев не могли сделать этого. Также трудно было сохранить большие семьи в целостности, если количество животных, которыми они владели, возрастало сверх допустимой нагрузки на местное пастбище. Приспособляемость кочевого скотоводства основывалась на мобильности, и попытка удержать слишком много людей или животных в одном месте уменьшала его жизнеспособность. Когда местное пастбище было недостаточным, некоторые семьи могли мигрировать в другие районы, сохраняя политические и социальные связи, но не проживая больше вместе.

Женщины имели большее влияние и автономность, чем их сестры в соседних оседлых обществах. Среди политической элиты обычным было многоженство, но каждая жена имела собственную юрту. Было невозможно практиковать формы уединения, такие обычные во многих оседлых азиатских обществах. Повседневная жизнь требовала от женщин играть более публичную роль в экономической деятельности. Хотя детали не могут быть подтверждены для всей истории Внутренней Азии, большинство путешественников свидетельствовали, подобно Плано Карпини, посланнику Папы римского к монголам в XIII столетии, в его "Истории Монголов" (§ IV, II-III):

Мужчины ничего не делают, за исключением стрел, а также имеют отчасти попечение о стадах; но они охотятся и упражняются в стрельбе... И как мужчины, так и женщины могут ездить верхом долго и упорно. Жены их все делают: полушубки, платья, башмаки, сапоги и все изделия из кожи, также они правят повозками и чинят их, вьют верблюдов и во всех своих делах очень проворны и скоры. Все женщины носят штаны, а некоторые и стреляют, как мужчины.

Даже если официальная структура была основана на родстве по отцовской линии, женщины также участвовали в племенной политике. Структуры взаимных союзов между кланами давали женщинам важную структурную роль, связывающую племена друг с другом. Так, дочери, хотя и терялись для своей кровной семьи, тем не менее, связывали ее с другими группами. Например, представители клана по линии жены Чингис-хана любили повторять, что их политическая сила заключается в силе их брачных союзов, а не в военной силе:

"Они наши дочери и дочери наших дочерей, которые становятся принцессами в результате их браков, служат защитой против наших врагов, а с помощью просьб, с которыми они обращаются к своим мужьям, они получают благосклонность для нас" (Mostaert 1953: 10; cited in Cleaves 1982: 16, n.48).

Даже после смерти своего мужа женщина сохраняла значительное влияние через своих сыновей, а если они были юны, она часто действовала как законная глава семьи. Со времен хунну во втором столетии до н.э. китайские политические отчеты регулярно описывали женщин из элиты в критических положениях во время конфликтов за наследование лидерства. Лучший пример этого наблюдался в ранней монгольской империи, когда старшая жена "Великого хана" была обычным выбором на регентство во время междуцарствия.

Домашнее хозяйство (семья) и стоянка были наиболее важными элементами в повседневной жизниномада Внутренней Азии, но для того, чтобы вести дела с окружающим миром, необходимо было организоваться в более крупные единицы. Политическая и социальная организация племени основывалась на родственных группах, организованных по принципу конического клана. Конический клан был обширной родственной организацией по отцовской линии, в которой члены общей наследственной группы были ранжированы и

сегментированы вдоль генеалогических линий. Более старшие поколения превосходили по рангу более молодые поколения точно так же, как более старшие братья были выше по статусу, чем младшие братья. При расширении роды и кланы иерархически классифицировались на основе старшинства. Политическое лидерство во многих группах ограничивалось членами старших кланов, но от самого низшего до самого высокого все члены племени имели общее происхождение. Эта генеалогическая привилегия имела важное значение, поскольку она подтверждала права на пастбища, создавала социальные и военные обязательства между родственными группами и устанавливала законность местной политической власти. Когда номады теряли свою автономию и попадали под власть правительств оседлых сообществ, политическое значение этой обширной генеалогической системы пропадало, а родственные связи оставались важными лишь на местном уровне (Krader 1963; Lindholm 1986).

Однако эту идеальную концепцию племени было труднее точно определить на более высоких уровнях организации. Структура конического клана основывалась на ряде принципов, которые подвергались значительным изменениям и подтасовкам. Идеальные объяснения приписывали лидерство старшинству и подчеркивали солидарность родственников по мужской линии против чужаков, но в мире степной политики эти правила часто игнорировались или критиковались в погоне за властью. Племенные вожди набирали личных последователей, которые отрекались от своих собственных родственных связей, присягая на исключительную верность своему патрону. Младшие линии продвигались вверх, убивая большее старших конкурентов, причем эта практика была обычной во многих степных династиях. Подобным образом, простые принципы наследственности по мужской линии, согласно которым члены племени претендовали на наследование от общего предка, часто модифицировались, чтобы присоединить неродственных людей. Например, некоторые группы обосновывали свое включение тем, что их основатель был принят в племя, либо вследствие того, что группа их родственников имела исторические отношения клиентов с доминирующим родом. Группы, имеющие родство по мужской линии, также имели связи, обусловленные перекрестными браками, которые создавали долгосрочные связи с другими кланами или племенами, с которыми они могли заключать союзы даже против прямых родственников. По этим причинам вопрос, были ли когда-либо племена или племенные конфедерации поистине генеалогическими, привел к особенно резким дебатам среди историков (Tapper 1990). Часть проблемы была связана с тем, что не делалось различие между племенем, которое было небольшим элементом объединения, основанного на генеалогической модели, и племенной конфедерацией, которая содержала много племен, образуя надплеменное политическое образование. Поскольку племенные системы Внутренней Азии использовали сегментарные строительные блоки на местном уровне, с последовательно все большими элементами объединения, вводящими больше людей, предполагалось, что каждый более высокий уровень был просто продуктом одних и тех же самых принципов, применяемых ко всевозрастающему количеству людей. Однако редко это было справедливо. "Фактические" родственные связи (основанные на принципах наследования и присоединения в результате браков или принятия) были эмпирически очевидны только в пределах меньших элементов племени: нуклеарных семьях, расширенных домашних хозяйствах и локальных родах. На более высоких уровнях объединения кланы и племена поддерживали связи больше политического происхождения, в которых генеалогические связи играли лишь несущественную роль. В могущественных кочевых империях организация составных племенных групп была обычно продуктом реорганизации, вызванной разделением сверху донизу, а не следствием родства снизу вверх.

Конечно, было возможно, что политическая структура, основанная на родстве, существовала только в умах участников. Например, среди нуэров Восточной Африки не было постоянных лидеров. Фракции организовывались на основе сегментарной оппозиции, в

которой индивид поддерживает более близкие по родству группы против более дальних родственников. Компания братьев в оппозиции к своим двоюродным братьям в семейных конфликтах могла объединиться с ними в борьбе против чужаков. В случае вторжения другого племени враждующие роды и кланы могли объединиться, чтобы нанести поражение агрессору и возобновить свой внутренний конфликт, когда враг разбит. Сегментарная оппозиция, в частности, хорошо подходила скотоводам, поскольку она направляла экспансию против чужаков в пользу всего племени. Однако среди номадов Внутренней Азии сегментарная структура была более, чем мысленной конструкцией, она укреплялась постоянными вождями, которые обеспечивали руководство и внутренний порядок для родов, кланов и целых племен. Такая иерархия руководящих постов выходила далеко за пределы потребностей простого скотоводства. Это была централизованная политическая структура, которая, хотя все еще основана на идиоме родства, была намного сложнее и мощнее, чем отношения, наблюдаемые у номадов в других регионах (Sahlins 1960).

В заключение следует сказать, что родство играло свою самую важную роль на уровне семьи, рода и клана. Элементы организации на племенном уровне или надплеменном уровне были более политическими по природе. Племенные конфедерации, сформированные посредством союза или завоевания, всегда содержали неродственные племена. Однако идиома родства оставалась общеупотребительной при определении законности руководства в пределах правящей элиты, созданной номадной империи, поскольку существовала долгая культурная традиция среди племен центральной степи брать руководство из одного династического рода. Отклонения от этого идеала маскировались подтасовыванием, искажением или даже изобретением генеалогий, которые обосновывали изменения статус кво. Могущественные индивиды смотрели на предков ретроактивно и выдвигали за счет понижения элиты и "структурной амнезии" преданные забвению генеалогически старшие, но политически слабые линии наследования. Эта традиция давала династии беспримерной продолжительности. Прямые наследники основателя империи Хунну Модэ правили степью 600 лет с большим или меньшим умением, прямые наследники Чингис-хана 700 лет, а единственная непокоренная тюркская династия властвовала в Оттоманской империи более 600 лет. Однако эта иерархическая традиция не разделялась всеми номадами Внутренней Азии; номады в Маньчжурии традиционно отвергали наследственное право занятия престола и избирали своих вождей на основании их талантов и способностей. Даже в центральной степи племена – завоеватели могли избавиться от всех старых обязательств посредством продвижения себя к власти, после чего они уничтожали своих соперников или вытесняли их на маргинальные территории.

Политическая организация кочевников и граница

Возникновение номадной государственности построено на противоречиях. На вершине кочевой империи существует организованное государство, руководимое самодержцем, но оказывается, что большинство членов племени сохраняют свою традиционную политическую организацию, которая основывается на родственных группах различных рангов – линиджах, кланах, племенах. В экономической сфере присутствует аналогичный парадокс – не существовало экономического фундамента государства, поскольку общество было основано на экстенсивной и недифференцированной хозяйственной системе. Для разрешения этих противоречий были предложены две серии теорий, которые должны были показать либо, что племенная форма это только оболочка для государственности, либо, что племенная структура никогда не ведет к настоящему государству.

На основании своих наблюдений среди казахов и киргизов в XIX в. В.В. Радлов рассматривал политическую организацию у номадов как копию локального политического поведения на более высоких уровнях иерархии. Основная скотоводческая единица

составляла сердцевину как экономики кочевого общества, так и его политики. Различия в богатстве и власти внутри этих малых групп позволяли определенным людям претендовать на высокие позиции; они улаживали конфликты внутри группы и организовывали ее для защиты или нападения на врагов. Радлов рассматривал рост более крупных единиц как попытку честолюбивых влиятельных индивидов объединить под своим контролем возможно большее число номадов. Это, в конечном счете, могло привести к кочевой империи, но власть степного автократа была исключительно личной. Она определялась его успешной манипуляцией силой и богатством в пределах сложной племенной сети. Такой правитель был узурпатором власти, а после его смерти, созданная им империя снова распадалась на составные части (Radloff 1893a: 13-17). В.В. Бартольд, выдающийся историк средневекового Туркестана, модифицировал модель Радлова, предположив, что степное лидерство могло также основываться на выборе самих номадов, вследствие появления в их среде той или иной популярной личности, подобно консолидации тюрков в ходе создания Второго каганата в VII в. Выбор, согласно его аргументации, являлся дополнением к принуждению, поскольку яркие личности своими успехами в войнах и набегах увлекают за собой добровольных последователей (Barthold 1935: 11-13). Обе теории подчеркивали, что кочевые государства были, по существу, эфемерными, причем государственная организация исчезала со смертью её основателя. По их мнению, кочевое государство только временно доминировало в племенной политической организации, которая оставалась основой для социальной и экономической жизни в степи.

Альтернативные теории решали парадокс соотношения государства и племенной политической организации исходя из предположения, что последняя была разрушена в ходе создания государства, даже если новые отношения были закамуфлированы при помощи старой племенной терминологии. В изучении гуннов венгерский историк Харматта доказывал, что кочевое государство могло возникнуть только в результате процесса, в котором племенной базис кочевого общества был разрушен и заменен классовыми отношениями. Фокусом его анализа должны быть не крупные лидеры, но глубокие изменения в социально-экономическом порядке, которые сделали возможным появление автократов, подобно Аттиле у гуннов (Harmatta 1952). Хотя трудно было продемонстрировать доказательства в подтверждение, Крэдер в своих антропологических сочинениях о кочевниках и становлении государства утверждал, что поскольку государство не могло существовать без классовых отношений, историческое существование кочевых государств предполагало их существование (Kardner 1979). Если эти государства испытывали недостаток стабильности, это объяснялось тем, что основные ресурсы степи всего были недостаточны для любой степени стабильности.

Существование государственности у кочевников было более мучительной проблемой для некоторых марксистских интерпретаций, поскольку номады не только не втискивались в какие-либо однолинейные исторические построения, но и потому, что при распадении кочевых империй, они возвращались к своему традиционному племенному образу существования. С точки зрения однолинейности это невозможно, так как племенные институты должны были бы быть уничтожены в процессе создания государственности. Советские публикации, в частности, посвящались этой проблеме, обычно в обсуждении концепции "кочевого феодализма", впервые предложенной Б.Я. Владимирцовым в его анализе монгольского общества, которая, кстати, получила широкое распространение отчасти по причине того, что сам Владимирцов никогда точно не определил что же это тип общества (Vladimirtsov 1948; резюме советских интерпретаций см.: Khazanov 1984: 228 ff.). Данная форма "феодализма", по мнению интерпретаторов, была основана на предположении, что в пределах кочевого сообщества существовали классы, основанные на собственности на пастбища. Подтверждение этого было получено из организации монгольских аймаков XVIII - XIX при правлении династии Цин, где аймачные князья отделялись от простых членов

племен, которым не разрешалось покидать границы их округов. Аналогичным образом, археологические раскопки на месте средневековой монгольской столицы Каракорума выявили экстенсивное развитие земледельческих обществ окружающей области, что способствовало развитию класса оседлых номадов, кормящих феодальную знать. Однако другие советские теоретики указывали, что владение скотом, а не землей, в сущности, было главным элементом, а они оставались под контролем обычных членов племени и развитие ремесла и земледелия могло довольно легко включиться в существующие структуры родства. Следовательно такие экономические специалисты никогда не образовывали отдельного класса людей (см. "Введение редактора" К. Хэмфри [C. Humphrey] в кн. Vainshein 1980: 13-31). Кроме того, примеры, взятые из Монголии времени Цин или казахов при царском режиме, имели только ограниченное значение для понимания более ранних номадных политий. Следуя политике косвенного управления, такие оседлые империи защищали элитный класс местных правителей, чья экономическая и политическая власть была продуктом колониальной системы.

Было ли основано политическое лидерство кочевого общества на основе классового неравенства или на индивидуальных способностях отдельной личности, и в том и в другом случае предполагается, что создание кочевого государства являлось результатом внутреннего развития. Тем не менее исторические известные государственные образования номадов были организованы на уровне сложности, далеко превосходящей потребности кочевого скотоводства. Радлов и Бартольд подчеркивают эфемерную природу номадных государств, но многие степные империи намного пережили своих учредителей, особенно державы хунну, тюрков, уйгуров и монголов, а правящие династии кочевников, в сравнении с оседлыми соседями, достаточно стабильны. При этом, за исключением монголов, все вышеперечисленные общества остались империями степи, которые использовали государственную организацию без завоевания крупного земледельческого общества.

Те теоретики, подобно Харматте и Крэдеру, кто принимал существование государства, но отрицал непрерывность племенной социальной организации, были вынуждены обосновывать появление классовой структуры в рамках относительно недифференцированной и экстенсивной скотоводческой экономики. В то время как кочевые аристократии обычно имелись во многих обществах степи, такое иерархическое социальное разделение не было основано на контроле над средствами производства; доступ к ключевым пасторальным ресурсам базировался на основе племенной принадлежности. Классовые отношения были незначительно развиты во Внутренней Азии, пока кочевники не стали включенными в оседлые государства в течение последних столетий или когда они покинули степь и влились в классовую структуру земледельческих обществ.

Потенциальный ответ на эту дилемму появился из рассмотрения недавних антропологических исследований в Африке и юго-западной Азии. Корреляции вызывают сомнение в отношении предположения, согласно которому кочевые государства возникли в результате внутренней динамики. В сравнительном исследовании африканских кочевников скотоводов Бернхэм пришел к выводу, что низкая плотность населения и свобода географической мобильности сделали местное развитие какой-либо институализированной иерархии в таких обществах маловероятным. В этих условиях, выяснил Бернхэм, сегментарная оппозиция обеспечивала наиболее оптимальную модель политической организации. Развитие государства у номадов, следовательно, не было реакцией на внутреннюю необходимость. Скорее, оно развивалось, когда номады были вынуждены иметь свои дела с более высокоорганизованными обществами оседло-земледельческих государств (Burnham 1979). Используя случаи из юго-западной Азии, Айонс пришел к такому же заключению и свел его к следующей гипотезе:

Среди обществ кочевников скотоводов иерархические политические учреждения генерируются только внешними отношениями с

государственными обществами и никогда не развиваются исключительно вследствие внутренней динамики таких обществ (Irons 1979: 362).

Этот аргумент имеет ряд широких подтекстов для понимания кочевых государств во Внутренней Азии. Это не диффузионистское объяснение. Кочевники не "заимствовали" государство; скорее, они были вынуждены развивать свою особую форму государственной организации чтобы эффективно вести дела с более крупными и более высокоорганизованными оседло-земледельческими соседями. Эти отношения требовали намного более высокого уровня организации, чем это было необходимо для решения проблем в отношении скота и политических конфликтов внутри кочевого общества. Не случайно, номады с наименее формализованной системой политических институтов были обнаружены в Африке в Сахаре, где они имели дело с немногими государственными обществами, а наиболее жестко политически организованные кочевые общества в результате столкновения с Китаем, крупнейшим в мире и наиболее централизованным традиционным земледельческим государством.

В своем широкомасштабном антропологическом исследовании кочевых скотоводов А.М. Хазанов утверждал, что государства кочевников являлись продуктом асимметричных связей между степными и оседлыми обществами, которые были выгодны для скотоводов. Для Внутренней Азии он сконцентрировал внимание на отношениях, создаваемых покорением оседлых областей кочевыми народами, где они стали правящей элитой смешанного общества (Khazanov 1984). Однако многие кочевые государства устанавливали и поддерживали такие асимметричные отношения без завоевания земледельческих регионов. Используя преимущества в военной мощи, эти государства кочевников вымогали дань у соседних государств, облагали их налогами и контролировали международную сухопутную торговлю, предоставляли свободу организованным налетчикам, которые специализировались на "прямом присвоении" (грабеже), причем кочевники добивались этого, не покидая своих постоянных пристанищ в степи.

В Северной Азии такой была связь между Китаем и степью, которая создавала основу для иерархии среди кочевников. Кочевое государство поддерживалось эксплуатацией экономики Китая, а не экономическим присвоением труда рассеянных скотоводов, которые были эффективно организованы кочевым государством, чтобы сделать подобное вымогательство возможным. Поэтому нет необходимости постулировать развитие классовых отношений в степи, чтобы объяснить существование государства у номадов. Также как нет необходимости прибегать к концепции кочевого самодержца, после смерти которого данное государство было обречено на распад. Однако поскольку государство в степи было структурировано его внешними связями, оно существенно отличалось от оседлых государств, одновременно содержащих и племенную, и государственную иерархию, причем каждая имеет отдельные функции.

Кочевые государства Внутренней Азии были организованы как "имперские конфедерации", автократические и централизованные во внешних делах, но консультативные и гетерогенные внутренне. Они состояли из административной иерархии, по крайней мере, с тремя уровнями: имперский лидер и его двор, имперские губернаторы, назначаемые с тем, чтобы надзирать за племенами, входящими в империю, и местные племенные вожди. На местном уровне племенная структура оставалась нетронутой; властью по-прежнему обладали вожди, которые черпали влияние и силу в поддержке соплеменников, а не в императорском назначении. Таким образом, структура государства мало изменялась на местном уровне, за исключением обеспечения прекращения набегов и убийств, свойственных народам степи при отсутствии централизации. Племена, входившие в империю, были объединены раболепством перед назначенными наместниками, часто членами императорского рода. Имперские наместники решали региональные проблемы, организовывали набор рекрутов в войска и подавляли оппозицию, генерируемую местными

племенными вождями. Кочевая ставка монополизировала внешние дела и войну, ведя переговоры с другими силами от империи в целом.

Стабильность этой структуры поддерживалась извлечением ресурсов из-за пределов степи, чтобы финансировать государство. Добыча от набегов, торговые права и дань получались для кочевников императорским правительством. Хотя вожди местных племен утратили свою автономию, они взамен получали материальные выгоды от имперской системы, выгоды, которые отдельные племена не могли получить сами в силу своей недостаточной мощи. Племенная организация никогда не исчезала на местном уровне, но ее роль в периоды централизации ограничивалась внутренними делами. Когда система разрушалась, и вожди местных племен становились независимыми, степь возвращалась к анархии.

Циклы власти

Имперская конфедерация была самой стабильной формой кочевого государства. Впервые использованная хунну между 200 г. до н.э. и 150 г. н.э., она была моделью, позднее принятой жузнями (V в.), тюрками и уйгурами (VI-IX вв.), ойратами, восточными монголами и джунгарами (XVII-XVIII вв.). Монгольская империя Чингис-хана (XIII-XIV вв.) была основана на намного более централизованной организации, которая разрушила существующие племенные связи и сделала всех вождей имперскими назначенцами. Недолговечная империя сяньби во второй половине II в. н.э. была просто конфедерацией, которая распалась после смерти ее лидеров. В другие периоды, в частности между 200 и 400, и 900 и 1200 гг. степные племена не были под централизованным управлением.

Кочевые императорские конфедерации возникали только в периоды, когда было возможно связаться с китайской экономикой. Кочевники использовали стратегию вымогательства, чтобы получать торговые права и субсидии от Китая. Они делали набеги на пограничные районы, а затем вступали в переговоры о заключении мирного договора с китайским двором. Местные династии в Китае охотно платили кочевникам, поскольку это было дешевле, чем вести войну с народом, который мог избегать возмездия, уходя из пределов досягаемости. В течение этих периодов вся северная граница была поделена между двумя силами.

Вымогательство требовало вполне отличной стратегии, чем завоевание. Хотя общепринятое мнение заключалось в том, что кочевники Монголии бродили как волки за Великой Китайской стеной, ожидая, пока Китай ослабеет, так что они могли завоевать его, имеются факты, что кочевники из центральной степи избегали завоевания китайской территории. Богатства от торговли с китайцами и от даров стабилизировали императорское правительство в степи, и они не желали разрушать этот источник. Уйгуры, например, так зависели от этого дохода, что они даже посылали войска для подавления внутренних бунтов в Китае и удержания у власти уступчивой династии. За исключением монголов, "кочевые завоевания" имели место только после распада центральной власти в Китае, когда не было правительства для вымогательства. Могущественные кочевые империи возвышались и включались в тандем с местными династиями в Китае. Империи Хань и Хунну возникла в течение одного десятилетия, тогда как империя тюрков появилась как раз, когда Китай вновь объединился под властью династий Суй/Тан. Подобным образом, и степь, и Китай вступали в периоды анархии в пределах десятилетий один за другим. Когда в Китае начинались беспорядки и экономический упадок, больше было невозможно поддерживать эту связь, и степь разваливалась на составные племена, неспособные к объединению до тех пор, пока не восстановлен порядок в Северном Китае.

Завоевание Китая иностранными династиями было делом маньчжурских народов - либо кочевников, либо лесных племен из регионов реки Ляохэ. Одновременный политический крах централизованного правления и в Китае, и в Монголии освобождало эти пограничные

народы от господства какой-либо сильной власти. В отличие от племен центральной степи, они имели эгалитарную политическую структуру и тесный контакт с оседлыми регионами в пределах Маньчжурии. Во времена разделения они создавали небольшие королевства вдоль границы, которые объединяли и китайские и племенные традиции в пределах одной администрации. Острова стабильности, они выжидали, пока кратковременные династии, создаваемые китайскими военачальниками или степными племенными вождями уничтожали друг друга в Северном Китае. Когда эти династии терпели крах, маньчжурские народы получали стимул покорить сначала небольшую часть Северного Китая, а затем, в эпоху второй маньчжурской династии (т. е. Цин), даже завоевать весь Китай. В то время как объединение Северного Китая под иностранным правлением создало благоприятные экономические условия для подъема кочевого государства в Монголии, такие государства возникали редко, поскольку династии из Маньчжурии применяли чрезвычайно отличную пограничную политику, чем местные китайские администрации. Маньчжурские династии (автор имеет в виду Ляо, Цзинь и Цин – прим. отв. ред.) практиковали политику политического и военного разрыва, и они вели активную кампанию против номадов, чтобы препятствовать их объединению. Номады из центральной степи, за исключением монголов под правлением Чингис-хана, никогда не имели возможность создать могущественные империи, когда их «кузены» из Маньчжурии правили в Китае.

Существовала циклическая структура этой связи, которая повторилась три раза в течение двух тысяч лет. Действуя с другой точки зрения, Ледъярд в своем исследовании связей между Маньчжурией, Кореей и Китаем наблюдал подобную структуру из трех циклов в международных связях, которую он разделил на фазы *инь* и *ян*, основанные на том, был Китай экспансивным (*ян*) или оборонительным (*инь*). Его фазы *ян* соответствуют нашим местным династиям, правящим всем Китаем, а его фазы *инь* – правлению династий завоевателей. Интересно, что он также обнаружил, что монгольская династия Юань была аномальной, хотя его анализ исключал роль других номадных империй в Монголии (Ledyard 1983). Однако его наблюдения не объясняют, как и почему развивались такие связи.

Чтобы понять, как могла появиться такая циклическая структура, мы должны сфокусировать наш анализ на изменении характера пограничного политического окружения за долгие периоды времени. Был разработан тип политической экологии, в котором один тип династии следовал за другим достаточно предсказуемо, поскольку при одном наборе условий определенная социополитическая организация обладала значительными преимуществами над конкурентами, структуры которых основывались на отличных принципах. Тем не менее, когда условия изменялись, эти самые преимущества, которые привели к политическому успеху династии, закладывали основы для ее собственного замещения.

Процесс был аналогичен экологической последовательности после пожара в старом лесу. В таком лесу небольшое количество крупных акклиматизировавшихся деревьев доминирует в ландшафте, исключая другие виды, которые не смогли выдержать их естественных гербицидов и затенения. При разрушении пожаром или другим бедствием мертвые деревья быстро замещаются последовательностью более изменчивых, но нестабильных видов, которые захватывают пожарище. Быстро растущие и недолговечные сорняки и кустарники с высокими темпами воспроизводства вначале утверждаются сами, создавая новый почвенный покров, пока не замещаются, в свою очередь, более устойчивыми видами быстрорастущих деревьев. В конечном счете, эти деревья формируют смешанный лес, который существует много десятков лет, пока один или два вида деревьев снова не станут полностью доминирующими, вытеснят другие виды из области и возвратят лес в стабильно неравновесное состояние, осуществив полный цикл.

Биполярный мир объединенного Китая и объединенной степи, который разделялся границей между ними, характеризовался таким состоянием устойчивого неравновесия.

Никакие альтернативные политические структуры не могли возникнуть, пока оно существовало. Нарушение порядка и в Китае, и в степи порождало нестабильность. Династии, которые возникали в течение этого периода, были многочисленны, плохо организованы, нестабильны и недолговечны – это была хорошая мишень для атаки любого набирающего силу военачальника или племенного вождя, который мог собрать большое войско. Они замещались лучше организованными династиями, которые восстанавливали порядок и успешно управляли большими регионами. Местные династии на юге и иностранные династии на северо-востоке и северо-западе разделили китайскую территорию между собой. Во время войн объединения, которые уничтожили иностранные династии и привели к объединенному Китаю под правлением местной династии, степь беспрепятственно вновь объединилась, завершив полный круг цикла. Временное запаздывание между падением основной местной династии и восстановлением порядка под стабильным иностранным правлением уменьшалось с каждым циклом: столетия нестабильности следовали после падения империи Хань, десятки лет после падения Тан и почти не было перерыва после свержения династии Мин. Продолжительность иностранных династий обнаружилась подобную структуру – наименьшую в первом цикле и наибольшую в третьем.

По существу, мое утверждение состоит в том, что степные племена Монголии играли ключевую роль в пограничной политике, не становясь завоевателями Китая, и что Маньчжурия, по политическим и экологическим причинам, была питомником для иностранных династий, когда местные китайские династии терпели крах в результате внутренних восстаний. Эта структура существенно отклоняется от ряда предыдущих теорий, предложенных для объяснения связи между Китаем и его северными соседями.

Влиятельное исследование "династий завоевателей" Виттфогеля в китайской истории игнорировало важность степных империй, подобных империям хунну, тюрков и уйгуров – разделяя иностранные династии на подкатегории пасторальных номадов и сельскохозяйственных племен, причем и те, и другие были враждебны по отношению к типично китайским династиям. Это выделение экономической, а не политической организации затемняло замечательный факт, что, за исключением монгольской династии Юань, все династии завоевателей Виттфогеля были маньчжурского происхождения. Он также не сделал различия между номадами Монголии, которые учреждали степные империи, которые успешно управляли границей в тандеме с Китаем в течение столетий, и номадами из Маньчжурии, которые создавали династии в Китае, но никогда не образовывали могущественных империй в степи (Wittfogel, Feng 1949: 521-523).

Возможно, что самой значительной работой по связи между Китаем и племенными народами на севере является классический труд О. Латтимора *"Границы Китая во Внутренней Азии"*. Его личное знакомство с Монголией, Маньчжурией и Туркестаном дало его анализу богатство, которого не найти больше нигде, и через 50 лет он все еще остается вехой в исследованиях по этим проблемам. Особенно влиятельным был его "географический подход" (который сегодня мы могли бы, скорее всего, назвать культурной экологией), который разделил внутреннюю Азию на ключевые регионы, каждый со своей собственной динамикой культурного развития. Основным интересом для Латтимора представляло возникновение степного скотоводства на китайской границе, и он посвятил лишь короткий параграф развитию пограничных отношений в течение периода империй. Хотя настоящий анализ в значительной степени основан на традиции, идущей от Латтимора, мы не можем согласиться с рядом предложенных Латтимором гипотез, связанных с циклами кочевого правления и учреждением династий завоевателей.

Латтимор описал цикл кочевого правления, согласно которому, как он заявлял, продолжительность существования кочевых государств составляла лишь три или четыре поколения, приводя в качестве примера хунну. Сначала государственное устройство включало только номадов, затем оно расширилось в течение второй стадии, в которой

кочевые воины поддерживали смешанное государство, получающее дань от своих оседлых подданных. Такое смешанное государство продуцировало третью стадию, во время которой осевшие гарнизонные войска кочевого происхождения, в конечном счете, получали львиную долю доходов за счет своих менее искушенных соплеменников, которые остались в степи. Такие условия приводили к последней, четвертой стадии и вызывали крах государств, поскольку

разница между реальным богатством и номинальной властью, с одной стороны, и реальной или потенциальной властью и относительной бедностью, с другой стороны, стала нетерпимой, [начиная] развал составного государства и "возврат к номадизму" – политически – среди отдаленных номадов (Lattimore 1940: 521-523).

В действительности, империя хунну не обнаруживает такой структуры. Вожди хунну установили свое правление над другими номадами, а затем оставались в степи, не завоевывая оседлых регионов, которые требовали гарнизонов. Это было государство, правящая династия которого оставалась ненарушенной не на четыре поколения, а на 400 лет. Когда, после падения династии Хань, правитель хунну учредил недолговечную династию вдоль границы Китая, отдаленные номады не возвратились в степь, когда они почувствовали обман с доходами, они вместо этого захватили государство для себя.

В терминах "завоевательной династии" Латтимор признавал, что существовало различие между кочевыми народами открытой степи и краевых пограничных зон, занятых народами смешанных культур. Он отмечал, что существовала маргинальная зона, которая была источником династии завоевателей, а не открытая степь (Lattimore 1940: 542-552). Однако, подобно Виттфогелю, он не отметил, что подавляющее большинство династий завоевателей зарождалось в маньчжурской маргинальной зоне, а не в других местах. Также, посредством включения Чингис-хана в качестве основного примера такого лидера из пограничной полосы, он проигнорировал предложенное им самим различие между обществами открытой степи и пограничными обществами смешанных культур, так как Чингис-хан был так же далек от границы, как и любой лидер из хунну или тюрков, которые предшествовали ему в Монголии. Причиной этого кажущегося географического противоречия было то, что само определение границы радикально изменялось в зависимости от того, местная или иностранная династия правила в Северном Китае. Южная Монголия становилась частью "смешанной пограничной зоны" только тогда, когда иностранные династии осуществляли политику по раздроблению политической организации кочевников степи. Когда местные династии и степные империи делили границу между собой, политически независимые смешанные общества не существовали.

Эта критика свидетельствует и о сложности тенденций во Внутренней Азии и о необходимости исследовать их как следствие изменения связей со временем. Монгольская степь, Северный Китай и Маньчжурия должны анализироваться как части единой исторической системы. Сравнительное описание основных местных и иностранных династий и степных империй дает начало обеспечения такой модели (Таблица 1.1.). Она обеспечивает примерное представление трех циклов замещения династий (причем только монголы появляются не в фазе), которые устанавливают параметры для пограничных связей.

Хань и Хунну были тесно связаны как часть биполярного фронта, который развился в конце третьего столетия до н.э. Когда империя хунну утратила свою гегемонию в степи примерно в 150 г. н.э., она была замещена династией сяньби; которая поддерживала свободно структурированную империю постоянными набегами на Китай до смерти их лидера в 180 г., в том же году, в котором в Китае произошло мощное восстание. В течение 20 лет династия поздняя Хань существовала только по названию, причем и численность ее населения, и её экономика круто снижались. Следует отметить, что не номады, а китайские повстанцы разрушили династию Хань. В следующие полтора столетия, когда военачальники

всех типов воевали с Китаем, маньчжурские потомки сяньби создали малые государства. Из них государство мужунов оказалось самым живучим, и оно установило контроль над северо-востоком в середине четвертого столетия. Они создали основу, которая была принята потом Тоба Вэй, которые свергли династию Янь и объединили весь Северный Китай. Только после объединения Северного Китая, номады в Монголии снова создали централизованное государство под руководством жужаней. Однако жужани никогда не контролировали степь, поскольку тоба держали огромные гарнизоны вдоль границы и вторглись в Монголию с целью захвата стольких пленных и скота, сколько возможно. Они так преуспели в этом, что жужани оказались не в состоянии угрожать Китаю до конца истории династии, когда тоба китаизировались и стали использовать политики умиротворения, подобные политикам, применяемым Хань.

Внутреннее восстание повергло династию Вэй и начался период нового объединения Китая под правлением династий Западной Вэй и Суй в конце шестого столетия. Жужани были свергнуты своими вассалами тюрками, которых так опасались лидеры Китая, что выплатили им большие подарки шелками, чтобы сохранить мир. Граница снова стала биполярной, и тюрки начали политику вымогательства, подобную той, которую практиковали хунну. Во время падения Суй и возвышения Тан тюрки не делали попыток завоевать Китай, но вместо этого поддерживали китайских претендентов на трон. Когда династия Тан пришла к упадку, она стала зависимой от номадов, чтобы обузывать внутренние бунты, призвав на помощь уйгуров, что оказалось решающим в подавлении восстания Ань Лушаня в середине восьмого столетия. Это, вероятно, продлило жизнь этой династии на следующее столетие. После того, как уйгуры стали жертвой нападения киргизов в 840 г., центральная степь вступил в период анархии. Династия Тан была свергнута следующим крупным восстанием в Китае.

Падение династии Тан предоставило возможность для развития смешанных государств в Маньчжурии. Самой важной из них была династия Ляо, которая была установлена кочевниками киданями. Они собрали обломки после падения ряда недолговечных династий Тан в середине десятого века. В Ганьсу возникло тангутское королевство, тогда как остальной Китай находился в руках местной династии Сун. Подобно государству Янь мужунов, существовавшему несколькими столетиями ранее, Ляо использовали двойную администрацию, чтобы приспособить и китайскую, и племенную организацию. Подобно государству Янь, Ляо также стало жертвой еще одной маньчжурской группы, чжурчженей, лесных народов, которые свергли Ляо в начале XII века, чтобы установить династию Цин, и приступили к завоеванию всего Северного Китая, ограничив Сун югом. По существу, первые два цикла были существенно подобны по структуре, но возвышение монголов привело к серьезному разрушению, которое вызвало глубокие последствия не только для Китая, но и для мира.

Кочевое государство никогда не возникало в Монголии в течение периодов, когда Северный Китай был разорван борьбой военачальников после краха долгоживущей династии. Восстановление порядка иностранными династиями из Маньчжурии укрепляло границу и представляло единственную мишень, что благоприятствовало созданию централизованных государств в степи. Эти иностранные династии осознавали опасность, исходящую от Монголии, и разыгрывали племенную политику, чтобы разорвать их, используя стратегии "разделяй и властвуй", проводя массовые вторжения, которые удаляли большие количества людей и животных из степи, и поддерживая систему союзов посредством использования взаимных браков, чтобы привязать к себе некоторые племена. Стратегия работала довольно хорошо: жужани никогда не были способны эффективно взаимодействовать с Тоба Вэй, а во времена династий Ляо и Цин племена в Монголии вообще не смогли объединиться до Чингис-хана. Более поздний успех Чингис-хана не должен затмевать для нас трудности, с которыми он столкнулся при объединении степи

против чжурчжэньской оппозиции – он потратил большую часть своей взрослой жизни и был очень близок к неудаче в ряде случаев. Его государство было непохожим на какое-либо другое. Высокоцентрализованное и с дисциплинированной армией, оно уничтожило власть автономных племенных вождей. Однако, подобно предыдущим объединителям из Монголии, целью Чингис-хана первоначально было вымогательство, а не завоевание Китая. Хотя и высоко китаизированный с культурной точки зрения чжурчжэньский двор отверг умиротворение и отказался сократить дела с монголами. Последующие войны в течение следующих трех десятилетий разрушали большую часть Северного Китая и оставили ее монголам. Отсутствие у них интереса и подготовки, чтобы править (а не вымогать), отразилось в их нежелании объявить династическую фамилию или учредить регулярную администрацию до царствования Хубилай-хана, старшего сына Чингиса.

Победа Чингис-хана демонстрирует, что модель, которую мы представили, является вероятностной, а не детерминистской. В смутные времена всегда существовали племенные вожди наподобие Чингис-хана, но их шансы на объединение степи против маньчжурских государств, которые черпали богатства Китая, были низкими. Таким образом, в то время как жужуни были особенно безуспешными, тюрки, которые следовали за ними, создали империю, большую чем империя хунну, не потому что тюрки обязательно были более талантливы, но потому что они оказались в состоянии эксплуатировать новые китайские государства, которые щедро платили, чтобы не быть разрушенными. Чингис-хан преодолел массивные удары – чжурчжэни были могущественны. Монголия не была объединена со времени падений уйгуров более, чем три столетия назад, и монголы были одним из наиболее слабых племен в степи. Столкновение между могущественным кочевым государством и сильной иностранной династией было своеобразным и высоко деструктивным. Монголы использовали традиционную стратегию жестоких нападений с целью склонения к прибыльному миру, но она не оправдывалась, когда чжурчжэни отвергли метод соглашений и заставили монголов усилить их давление, пока жертва не была разрушена.

Монголы были единственными номадами из центральной степи, которые завоевали Китай, но этот опыт изменил отношение китайцев к номадам на много лет вперед. Ряд политической последовательности, описанный ранее, мог бы предсказать возникновение степной империи, когда чжурчжэни не выдержали внутреннего восстания, а Китай объединился под властью династии, подобной династии Мин. Во времена Мин такие империи возникали, руководимые сначала ойратами, а позднее восточными монголами, но они были неустойчивы, поскольку до середины XVII века номады не были способны создать систему регулярной торговли и подарков от Китая. Когда еще была свежа память о вторжении монголов, династия Мин игнорировала прецеденты государств Хань и Тан и приняла политику не иметь связей, боясь, что номады хотели заменить Мин в Китае. Номады ответили непрерывными набегами на границу, подвергая Мин большому количеству нападений, чем любую другую китайскую династию. Когда, наконец, династия Мин изменила свою тактику, чтобы приспособиться к номадам, нападения, в основном, прекратились, и на границе сохранялся мир. После того, как династия Мин была свалена китайскими восстаниями в середине XVII столетия, маньчжуры, а не монголы были теми, кто завоевал Китай и установил династию Цин. Подобно более ранним маньчжурским правителям, Цины использовали двойную административную структуру и эффективно препятствовали политическому объединению степи посредством кооптирования монгольских лидеров и разделения их племен на небольшие элементы под контролем маньчжуров. Цикл традиционных связей между Китаем и Внутренней Азией закончился, когда современное оружие, транспортные системы и новые формы международных политических отношений нарушили порядок синоцентрического мира Восточной Азии.

Таблица 1.1. Циклы правления: основные династии в Китае и степные империи в Монголии

Китайские династии				Степные империи	
		Местные		Иностранные	
ЦИКЛ 1	(1)	Цинь и Хань (221 до н.э. –220 н.э.)			ХУННУ (209 до н.э. – 155 н.э.)
	(2)	Китайские династии в период распада (220-581)			Сяньби (130-180)
			(3)	Тоба Вэй (386-556) и другие династии	Жужани
ЦИКЛ 2	(4)	Суй и Тан (581-907)			ПЕРВЫЙ ТЮРКСКИЙ (552-630) ВТОРОЙ ТЮРКСКИЙ (683-734) УЙГУРСКИЙ (745-840) каганаты
	(5)	Сун (960-1279)	(6)	Ляо (кидани) (907-1125)	
			(7)	Цзинь (чжурчжэни) (1115-1234)	
			(8)	Юань-----МОНГОЛЫ	
ЦИКЛ 3				(монголы) (1206-1368)	
	(9)	Мин (1368-1644)			Ойраты Восточные монголы
			(10)	Цин (маньчжуры) (1616-1912)	Джунгары

Примечание: Заглавным выделены крупные кочевые империи.

ЛИТЕРАТУРА

- Aberle, D. 1953. *The Kinship of the Kalmuk Mongols*. Albuquerque.
- Andrews, P.A. 1973. The white house of Khurasan: the felt tents of the Iranian Yomut and Goklen. *Journal of British Institute of Iranian Studies* 11: 93-110.
- Bacon, E. Types of pastoral nomadism in Central and Southwestern Asia. *Southwestern Journal of Anthropology* 10: 44-68.
- Barth, F. 1960. The land use patterns of migratory tribes of South Persia. *Norsk Geografisk Tidsskrift* 17: 1-11.
- Barthold, V.V. 1935. *Zwölf Vorlesungen über die Geschichte der Türken Mittelasiens*. Berlin: Deutsche Gesellschaft für Islamkunde.
- Bulliet, R. 1975. *The Camel and the Wheel*. Cambridge, Mass.
- Burnham, P. 1979. Spatial Mobility and Political Centralization in Pastoral Societies. *Pastoral Production and Society*. New York.
- Cleaves, F. 1982 (trans.). *The Secret History of the Mongols*. Cambridge, Mass.
- Eberhardt, W. 1970. *Conquerors and Rulers*. Leiden.
- Harmatta, J. 1952. The Dissolution of the Hun Empire. *Acta Archaeologica* 2: 277-304.
- Irons, W. 1979. Political Stratification Among Pastoral Nomads. *Pastoral Production and Society*. New York: Cambridge University Press: 361-374.
- Khazanov, A.M. 1984. *Nomads and the Outside World*. Cambridge.

- Krader, L. 1955. The ecology of central Asian pastoralism. Bacon, E. Types of pastoral nomadism in Central and Southwestern Asia. *Southwestern Journal of Anthropology* 11: 301-326.
- Krader, L. 1963. *Social Organization of the Mongol-Turkic Pastoral Nomads*. The Hague.
- Krader, L. 1979. The Origin of the State Among Nomads. *Pastoral Production and Society*. New York: 221-234.
- Lattimore, O. 1940. *Inner Asian Frontiers of China*. New York.
- Ledyard, G. 1983. Yun and Yang in the China-Manchuria-Korea Triangle. *China among Equals*. Ed. by M. Rossabi. Berkeley, CA.
- Lindholm, Ch. 1986. Kinship structure and political authority: the Middle East and Central Asia. *Journal of Comparative History and Society* 28: 334-355.
- Mostaert, A. 1953. *Sur quelques passages de l'Histoire secrète ds Mongols*. Cambridge, Mass.
- Murzaev, E. 1954. *Die Mongolische Volksrepublik, physisch-geographische*. Cotha.
- Radloff, W.W. 1893ab. *Aus Sibirien*. 2 vols. Leipzig.
- Sahlins, M. 1960. The segmentary lineage: an organization for predatory expansion. *American Anthropologist* 63: 322-345.
- Spuler, B. 1972. *History of the Mongols: Based on Eastern and Western Accounts of the Thirteenth and Fourteenth Centuries*. Berkeley, CA.
- Stenning, D. 1953. *Savannah Nomads*. Oxford.
- Tapper, R. 1990. Your tribe or mine? Anthropologists, historians and tribes people on tribe and state formation in the Middle East. *Tribe and State in the Middle East*. Ed. by J. Kostiner and P.Khoury. Princeton, NJ: 48-73.
- Vainstein, S.I. 1980. *Nomads of Souts Siberia: The Pastoral Economies of Tuva*. Cambridge.
- Vladimirtsov, B.Ya. 1948. *Le regime social des Mongols: le feodalisme nomade*. Paris.
- Wittfogel, K.A. and Feng Chiasheng 1949. *History of Chinese Society Liao (907-1125)*. Philadelphia.

ТИПОЛОГИЯ ПОТЕСТАРНЫХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ СИСТЕМ КОЧЕВНИКОВ

С.А. Васютин

Многолетние исследования убедили специалистов в специфике социально-экономических и политических процессов у кочевников (Хазанов 1975; Марков 1976; Масанов 1984; Крадин 1992, 1996; 2000а; 2000б 2001а; 2001б; 2001в и др.). Признание уникальности номадных образований нашло выражение в особой терминологии, применявшейся для характеристики кочевых социумов. Концепция номадного способа производства (Андрианов, Марков 1990) подчеркивала, что именно в процессе кочевания, в рамках пастбищно-кочевой системы (Таиров 1993) и возникали основные экономические и социальные связи в среде кочевников (биосоциальные структуры по Н.Э. Масанову [1984] или айильная организация по С.Е. Толыбекову [1971]). Экономические основы кочевого скотоводства, определявшиеся такими факторами как характер ландшафта (полупустыня, степь, лесостепь, межгорные долины, высокогорные урочища) и климатическими колебаниями, в целом мало изменялись на протяжении почти трех тысячелетий (Хазанов 1975: 268-270; Крадин 1992: 45-52). Таким образом, базой для формирования централизованных потестарно-политических систем кочевников во всех вариациях, служила не кочевая экономика, скорее обуславливавшая центробежные тенденции (принцип дисперсности - Масанов 1984: 123; 1987; Марков, Масанов 1985; Крадин 1992: 162), а, прежде всего консолидация социума в ходе военных столкновений с соседями, завоеваний и деятельности традиционных или харизматических лидеров (Крадин 1992: 164; 2000б: 317-320; Скрынникова 1997: 66, 100-112, 116-122, 125, 149-184).

Важнейшей задачей современной номадистики остается разработка типологии потестарно-политических систем кочевников. Исследования в этом направлении особенно интенсивно велись в последнее десятилетие. Теперь очевидно, что ведущей тенденцией в оценке политических образований древних и средневековых кочевников в 1990-е гг. было стремление определить их как составные или суперсложные вождества (Крадин 1992: 143-166; 2000а; 2000б: 328-332; 2000в: 91; Крадин 2001а: 125-128; 2001б: 382-385; Трепавлов, 1993, 2000; Скрынникова, 1997: 30, 48-49, 2000; Марей, 2000). Тем самым активно использовались дефиниции, разработанные на историческом материале земледельческих обществ, т.е. по существу возрождались унитарный подход, характерный и для эпохи господства марксизма, и для периода активного обсуждения идеи раннеклассового общества (1970-1980-е гг.). Ведь определяя кочевую политарную систему как "феодальную", "раннеклассовую" / "раннегосударственную" или как "вождество", исследователи фактически отождествляют их с политическими системами земледельческих народов. Ошибочность таких параллелей тем более очевидна, если учесть, что довольно часто под вождеством понимают не только определенный тип управленческих структур, но и особый вид общественной организации, предшествующей раннеклассовым социумам (Дьяконов 1994: 19; Крадин 1995: 11). Представляется, что более перспективным было бы попытаться сформулировать самостоятельные типологические единицы, которые наиболее адекватно отражали бы особенности социально-политического развития номадов. И в этом направлении уже предпринимаются определенные шаги. Так, Н.Н. Крадин предлагает заменить термин "суперсложное вождество" понятием "кочевая империя" (Крадин, 2000в: 91).

С.А. Плетнева была одной из первых, кто применил термин "кочевая империя" в рамках самостоятельно разработанной типологии номадных образований (Плетнева, 1982: 40-72). Однако

более удачной и признаваемой специалистами считается типология кочевых империй Н.Н. Крадина (1992: 166-178, 2000б: 316). Классификационные признаки тех или иных типов империй выявлялись исследователем с учетом как политических структур, так и экономических отношений, социальных связей, доли оседлого населения и т.д. В частности, Н.Н. Крадин предположил, что экономической основой кочевых империй являлся экзополитарный способ производства (1990; 1992: 125-133; 1996: 48). Нам кажется, что вернее рассматривать экзополитарные отношения не как способ производства, а как вид эксплуатации, которые по отношению к главному кочевому способу производства выступали как уклад. Последний приобретал огромное значение в кочевых империях (исключая "завоевательные" империи, в которых господствовали характерные для земледельцев формы эксплуатации - Крадин 2000б: 316), но производство для кочевников могло быть связано только с процессом кочевания.

Под экзополитарной эксплуатацией понимается целый комплекс связей, присущих взаимоотношениям кочевого и оседлого (а иногда и подчиненного кочевого) населения: а) добыча в ходе набегов и войн; б) дань с подвластных земледельческих территорий; в) неэквивалентная торговля на границах; г) дистанционная эксплуатация, которую, по справедливому замечанию Н.Н. Крадина, не стоит путать с данью, так как речь идет о "подарках" и других поставках товаров в степь, по договору, в случае нарушения которого кочевники начинали военные действия (Крадин 1990; 1996: 50, 52-55; 2000б: 323-325). Не стоит также забывать о прибыли, которую получала кочевая элита благодаря транзитной торговле, которая политически поддерживалась кочевниками, а экономически осуществлялась, как правило, инородцами, обладающими опытом и организацией для международной торговли (согдийцы у тюрок, арабские и персидские купцы у монголов). В конце концов, и Китай был заинтересован в получении лошадей от кочевников, что заставляло кочевников увеличивать долю коневодства в кочевом хозяйстве не только в военных или престижных (скот главное выражение богатства и социального престижа), но и в коммерческих целях. Менее распространена была у кочевников другая форма эксплуатации - подневольный труд вывезенных в степь ремесленников и земледельцев, которые размещались в кочевых столицах или особых поселениях (Материалы 1968: 47, 49, 51, 100; 1973: 20, 57, 60, 137, прим.19; Крадин 1996: 43).

При всей актуальности для любого кочевого общества взаимоотношений с оседлыми народами, было бы неверно отводить внутренним социальным связям у кочевников второстепенную роль. Кроме того, в общих рассуждениях часто упускается из виду, что кочевники совершали набеги и завоевывали не только земледельческие районы, а чаще, гораздо чаще, речь шла о подчинении степных территорий с кочевым населением. Если простые кочевники не несли иных повинностей кроме военной, то существовала разнообразная система подчинения иноэтничных или чужеродных кочевых групп, кланов и т.д. ("кулы" у тюрок; "унаган богол" у монголов; "кыштымы" у более поздних кочевников). Против соседних кочевников применялись грабеж во время набегов, захват скота и пастбищ (хунну вытеснили из Внутренней Монголии дунху и юечжей, сяньбийцы позже заняли земли хунну; монгольская знать поделила половецкие земли в Поволжье и Причерноморье). На зависимых кочевников налагалась всеобщая воинская повинность (весьма характерно в этом отношении мнение китайского хрониста о том, что тюрки, подчинившие телесцев их силами "геройствовали в пустынях севера" - Бичурин 1950: 301) и налог-дань (например: "С тех пор как ухуани были разбиты Маодунем, народ ослабел и всегда подчинялся сюнну, ежегодно поставляя им крупный рогатый скот, лошадей и шкуры овец" [Материалы 1984: 65]; широко известно, что тюрки до восстания 551 г. платили дань жуаньжуаням железом [Бичурин 1950: 228]).

Именно в соотношении кочевой и экзополитарной "экономики", различных форм и методов эксплуатации и стоит искать экономическую основу для классификации кочевых образований. Однако необходимо учесть, что в кочевых империях и других объединениях существовала жесткая военно-политическая "надстройка" определяющая, в том числе и характер экономических процессов внутри империи.

Говоря о потестарно-политических институтах у кочевников, стоит отметить следующее:

1. важным фактором возникновения централизованных управленческих структур у кочевников была необходимость обеспечить покорность зависимых иноэтничных кочевых групп, так как если кочевники и не знали классовой борьбы (Крадин 2000б: 332), то им хорошо была известна борьба межэтническая.
2. учитывая, что управленческие структуры, стоявшие над традиционными социальными институтами, складывались у кочевников не в результате процесса классовообразования, а на базе военной организации (Гумилев 1961; 1993: 61; Марков 1976: 312; Масанов 1984: Марков, Масанов 1985; Кляшторный 1986: 218-219; Крадин 1992: 162-166; 1996: 19-26; 2000б: 319), неправомерно использование для характеристики потестарно-политических систем кочевников и оседлых обществ одних и тех же понятий.
3. политическая система кочевников, основанная на военной организации, отличалась от потестарных и раннегосударственных систем земледельцев. У кочевников чиновничий аппарат возникал и осуществлял свою деятельность, как правило, только в военной и судебной сферах (для большинства кочевых народов характерна жестокость наказаний, как правило, любые нарушения военной дисциплины карались смертью). Сбор налогов тоже был тесно связан с военной деятельностью, так как у кочевников существовало не прямое налогообложение, а дань с подчиненных племен и народов, грабеж во время походов, "дары-откупы" соседей-земледельцев и т.д.
4. признание особого военного характера политических институтов у кочевников позволяет усомниться в утвердившемся среди кочевниковедов мнении о том, что даже самые развитые кочевые социумы оставались на предгосударственном уровне (Гумилев 1993/1967: 63; Хазанов 1975: 123, 127-129; Марков 1976: 308; Масанов 1984: 95-105; Скрынникова 1997: 49; 2000: 347; Крадин 1992: 152, 180). Не случайно в последнее время высказывается точка зрения об особых формах ранней государственности у кочевников (Крадин 1992: 160; 1996: 101-102, 114, 120, 140-142; 2000б: 329). Наглядным примером может служить Монгольская империя. По мнению Т.Д. Скрынниковой, отсутствие формализованных институтов власти вне родоплеменной традиции, фиксированного законодательства, налогообложения и органов по сбору налогов, свидетельствовало о предполитическом характере власти в монгольском обществе периода империи (1997: 37-40; 2000: 347). В этой связи стоит отметить, что сложность политической структуры определялась только военными задачами, а в гражданской жизни сохранялся приоритет родственных связей, которые консолидировали общество перед лицом внешней угрозы. Военно-иерархические органы политического управления возвышались над кланово-линейными связями и тесно переплетались с ними (Крадин 1996: 106). И если внутренне монгольское общество еще не "доросло" до государства, вследствие чего в понятийной системе преобладали традиционные родственные связи, то с точки зрения организации внешней экспансии, управления покоренными народами и обеспечения экзополитарной эксплуатации, наличествовали все внешние признаки ксенократической государственности (Крадин 1996: 140-142; 2000б: 329). К тому же включение в государственную структуру традиционных родоплеменных институтов и "должностных лиц", а также существование совета знати ("хурилтая"), как главного органа управления, характерно и для многих оседлых государств (франкская держава Меровингов, Киевская Русь). Немаловажно и то, что проанализированные исследовательницей сведения "*Сокровенного сказания*" в основном относятся или ко времени предшествующему периоду возникновения империи, или к начальным этапам ее истории. Однако разве широкое использование в судебной практике единого свода обычно-правовых норм и высказываний Чингис-хана ("*Великая Яса*"), наличие уникальной для средневековья информационной (ямской) службы, сохранявшая до середины XIII века централизованный характер системы обложения подчиненных народов, среди которых проведены переписи населения, существование специального аппарата политического контроля в завоеванных землях за местными лидерами и сбором налогов (даруга, бас-

каки), четкая военная пирамида, трансконтинентальные мир-экономические связи (торговые пути), - все это не имеет отношение к судьбе Монгольской империи и не говорит о существенных изменениях в ее политической организации? Что касается одного из важнейших признаков государственной власти - узаконенного права на насилие, - то с учетом военного характера потестарных и раннегосударственных систем у кочевников право на насилие складывалось в первую очередь не в гражданской сфере, а в военной (за опоздание на сборы, отступление без приказа, дезертирство, за халатное несение караульной службы и т.д.).

5. не стоит преувеличивать значение такого аспекта деятельности главы империи, как раздача подарков, в результате которой перераспределяется доход от экзополитарной эксплуатации (Крадин 1996: 102; 2000б: 321). Во-первых, такой вид деятельности лидера был традиционным для всех потестарных обществ. Во-вторых, "дары" в силу их незначительности (Крадин, 1996: 53) довольно часто распределялись только среди малого круга кочевой аристократии, доход же простых скотоводов составляли не раздачи (они осуществлялись, как правило, в случае голода или эпизоотий - Мункуев 1970: 386-402), а грабеж во время завоеваний и набегов на соседей (Крадин 1996: 89-90). Поэтому главная функция главы кочевого общества заключалась в организации военного управления и успешных внешнеполитических акций. В ряде случаев подобные организационные мероприятия (например, реформы Чингис-хана, разделившие все население монгольской империи на тумэны, тысячи, сотни) имели оттенок политической, т.е. государственной деятельности. Таким образом, механизмом соединявшим "правительство и племена" была не престижная экономика, как таковая (Крадин, 2000б: 321), а военно-иерархическая структура.

В связи с названными особенностями политарных систем кочевников нам кажется более перспективным говорить о "кочевой империи" как об одной из форм ранней государственности. Централизация власти и сложность этнической стратификации у кочевников прямо пропорциональна размерам контролируемой территории, количеству подчиненных кочевых этносов и наличию / отсутствию в пределах кочевого государства территорий с земледельческим населением, поэтому Первый тюркский каганат и Монгольскую империю, как наиболее обширные и стратифицированные образования кочевников можно было бы назвать, например, по аналогии с суперсложными вождествами, кочевыми суперимпериями. Именно в данных государствах кочевников письменность служила средством государственной пропаганды, что также свидетельствует о высоком уровне политического развития.

Не стоит исключать и сквозные линии политогенеза, характерные для тех или иных регионов. Так, в Центральной Азии, начиная с хуннского времени и вплоть до распада Монгольской империи, у кочевников с некоторыми перерывами функционировала устойчивая система власти, строившаяся на основе иерархии кочевых этносов (Савинов 1979; Кляшторный Савинов 1994). Военное и политическое управление осуществлялось доминирующей этнической элитой, которая формировала как элитарную культуру (хуннскую, тюркскую, монгольскую), так и целый комплекс военных, мировоззренческих и социально-политических стереотипов всей кочевой общности. Элита стремилась объединить кочевников под своей властью, чтобы совершать набеги и вести войны с Китаем, который, в свою очередь, стимулировал центростремительные тенденции в кочевой среде и способствовал активизации борьбы между конкурирующими этносами за доминирование в степи (Крадин 1996: 55-56). Тем самым одной из задач этнополитической элиты было обеспечение независимости степного ареала. Учитывая соотношение сил (численность населения, материальные ресурсы) кочевников и Китая (среднее соотношение от 1 к 30 до 1 к 40 - Крадин 1996: 19), это было возможно только в рамках централизованной имперской структуры.

Экономическое и культурное влияние Китая вело к кризису кочевых элит. Кочевая аристократия, получая в виде подарков и дани китайские товары, культивируя в своей среде китайские обычаи, имея сверхприбыль от контроля за транзитной торговлей шелком, утрачивала единство. В перспективе были междоусобные войны, поражения от китайской армии и восстания подчи-

ненных кочевых народов. Это прекрасно осознавали китайцы. Ханьский евнух Чжанхуан Юэ, перешедший в 174 г. до н.э. на сторону шаньюя Лаошаня, поучал главу хунну:

Численность сюнну не может сравниться с численностью населения одной ханьской области, но они сильны в одежде и пище, в которых не завидуют Хань. Ныне вы, шаньюй, изменяя обычаям, проявляете любовь к ханьским, но если только две десятых ханьских изделий попадут к сюнну, то сюнну признают над собой власть Хань (Материалы 1968: 45).

В начале VII века тюркская знать подкупалась суйским правительством с помощью подарков и угощений на пирах. Китаизация элиты поставила под угрозу само существование Восточно-тюркского каганата (Гумилев 1993/1967: 146-147, 165). Попытки кагана Кат Иль-хана восстановить тюркское могущество окончательно потерпели крах в 630 г., когда тюрки были разгромлены танскими и телескими войсками. Последние вскоре провозгласили свой каганат Сеяньто. Созданный в ходе антикитайского восстания Второй тюркский каганат, к 40-м гг. VIII в. снова попал под полный контроль Китая. Одновременно внутри каганата сформировалась сильная оппозиция, которую возглавили уйгуры. Совместные усилия мятежников и китайцев привели к падению каганата, а власть в степи перешла к уйгурам.

Скорее всего, и в степи понимали опасность китайского влияния, но привычки, мода, страсть к обогащению кочевой аристократии за счет китайских даров были сильнее. Все это вело к "разложению" кочевой элиты, пренебрегавшей интересами простых кочевников, и к ослаблению организационного начала. В результате понижалась боеспособность, а элита была поглощена внутренними распрями, выразившимися в острой борьбе за престол, возникновении прокитайской и антикитайской партий, провозглашении нескольких правителей одновременно, например, южный и северный шаньюи у хунну. Еще одно следствие ослабления организационного начала – межэтнические конфликты в кочевой среде (неудовлетворенность аристократии подчиненных народов). В итоге происходила смена элиты и объединение кочевников под эгидой нового этноса. Таким образом, каждый раз ослабевшую элиту сменяла более консолидированная, соблюдавшая чистоту кочевых обычаев этническая группа. При этом многое (земли, система управления и военно-иерархическая структура, административно-территориальное деление, этнический состав зависимых жителей) оставалось неизменным. Старая элита, как правило, уничтожалась, а новая давала название "государству".

Механизм смены элит действовал благодаря влиянию нескольких факторов. Во-первых, в географических нишах существовали подчиненные "старой" элите этнические объединения, которые участвовали в военной и политической жизни кочевых империй, но, сохраняя определенную обособленность, не подвергались воздействию китайской культуры и тем самым не теряли своей монолитности, благодаря господству традиционных родственных связей. Во-вторых, данные этнические объединения имели опыт борьбы против элиты (сяньбийцы в державе хунну, тюрки в жуаньжуаньском каганате, теле и уйгуры в тюркских каганатах, кыргызы в уйгурском каганате и т.д.) и были способны совершить переворот. Борьба с кочевой элитой часто сопровождалась восстанием сразу нескольких подчиненных этносов. В-третьих, определенную роль играл фактор этнической и политической преемственности. Так в 91 г. после поражения от китайцев, часть хунну бежали к сяньбийцам и "... стали называть себя сяньбийцами, и с этого времени началось постепенное усиление сяньбийцев" (Материалы 1984: 71).

Таким образом, история сосуществования китайской цивилизации и "варварской" кочевой периферии говорит о том, что Китай и восточный регион степной Евразии представляли собой единый историко-культурный и географический ареал, в котором взаимодействовали два "противоположных мира" ("мир-империя" и степная "полупериферия" - Крадин, 2000б: 318, 326-328; 2001а: 131-137; 2001б: 387-389).

Характер взаимоотношений кочевых элит с китайским государством был различен и зависел от конкретных исторических обстоятельств (Крадин 1996: 68). Это могли быть годы "мирного сосуществования" и даже "культурного взаимовлияния" (хунну и Хань в середине II в. до

н.э.; тюрки и Тан в конце VI в. и в середине VII в.) или годы жестокой войны на истребление (например, после отказа Таншихая заключить договор о мире, основанный на родстве). Поэтому нам кажется не совсем верным постулировать "синхронность процессов роста и упадка" Китая и кочевых образований в Центральной Азии (Крадин 2000б: 318). Конечно, становление кочевой периферии как постоянной системы было связано с активным проникновением китайцев в Орду, которые нанесли хунну нескольких поражений. Активная внешняя политика Цинь Шихуанди вызвала в степи центростремительные процессы и привело к созданию государства хунну. Хунну после победы над своими соседями - дунху и юечжами смогли установить гегемонию в Центральной Азии. "Все народы, натягивающие лук, оказались объединены в одну семью" (Материалы 1968: 43). В данном случае формирование у кочевников военных и управленческих структур во многом носило характер "ответа" на "вызов" оседлой цивилизации. Однако в дальнейшем корреляция между усилением Китая и образованием в степи имперских структур наблюдалась не часто. Так, две суперимперии - Первый Тюркский каганат и Монгольская держава возникли не в период существования единого государства в Китае, как полагает Н.Н. Крадин (2000б: 318), а как раз в момент когда давление на степь отсутствовало. Тюркский каганат возник в 552 г., а к 60-м гг. VI в. тюрки уже дошли до причерноморских степей, в то время как единая империя Суй в Китае оформилась лишь к 589 г. Разрыв в 20-30 лет по историческим меркам весьма солиден. Наоборот, укрепление Суй, а затем и возникновение более мощной Танской империи привело к сравнительно быстрому упадку Первого каганата в 630 г. Схожей была ситуация и с Монгольской империей. На территории Китая к моменту возникновения державы Чингис-хана существовало три государственных образования: Цзинь, Си Ся и Сун. С этой точки зрения вряд ли для какого-то из названных образований государство монголов играло роль периферии. В Китае происходили центробежные процессы и только борьба с монголами их прервала (не случайно столь продолжительным было противостояние особенно Южного Китая - фактически на протяжении жизни трех поколений). Именно борьба с монгольским владычеством привела к образованию нового централизованного китайского государства во главе с династией Мин.

С учетом вышесказанного, мы предлагаем рабочую типологию потестарно-политических систем кочевников:

1. Кочевые суперимперии (один из видов раннегосударственных образований) с жесткой военно-политической структурой, определявшей также и нормы общественной жизни (нойон, являясь военачальником, осуществлял контроль за распределением пастбищ в улусе, был субъектом не только военной, но и гражданской судебной системы - Владимирцов 1934: 111-113; Скрынникова 1997: 51). Примером может служить Монгольская империя до середины XIII в. (к данному типу относится и Первый Тюркский каганат до распада на Западный и Восточный каганаты). Распад кочевых суперимперий на более локальные образования связан не столько с внутренними конфликтами и борьбой против соседних государств, сколько с невозможностью осуществлять эффективное управление огромной территорией из единого центра и с тяготением отдельных частей империи к разным земледельческим центрам.
2. Кочевые ксенократические империи, имевшие некоторые аналогии с суперсложными вождествами земледельцев в общественной системе, но в то же время, обладавшие целым рядом признаков раннегосударственных образований в военно-политической сфере. Важной чертой подобных кочевых империй являлась сложная этническая и родоплеменная стратификация (империя Хунну, Жуаньжуаньское ханство, Второй Тюркский, Уйгурский и Кыргызский каганаты).
3. Этнически более или менее монолитные образования кочевников весьма близкие по своим характеристикам к различным видам вождеств в соответствии с этапами политической эволюции (каганат Сеяньто, Крымское ханство, Ногайская орда). Считаю весьма важным мнение В.В. Трепавлова о необходимости определиться с классификационными признаками власти в кочевых объединениях (Трепавлов 2000: 356-357). Причем необходимо учесть как функ-

циональные аспекты власти, так и сложность ее структуры, степень централизации, авторитаризм лидера и др. Если исходить только из функционального принципа, то весьма различные по другим параметрам образования могут оцениваться одинаково. Тот же В.В. Трепавлов определяет и Монгольскую империю, и Ногайскую орду как суперсложные вожества (1993; 2000), хотя понятно, что они не сопоставимы по сложности структуры управления, степени военно-политической централизации, территориальному охвату. Достаточно указать на тот факт, что ногайские мирзы обладали полной автономностью от мангытского бия, которому не подчинялись даже в случае военного конфликта (Трепавлов 2000: 361). В государстве Чингис-хана с его жесткой военной дисциплиной такое было просто невозможно.

4. Созданные кочевниками образования с высокой долей подчиненного оседлого населения (Западно-тюркский и Хазарский каганаты, Дунайская Болгария в VII в., Западное Ляо, Золотая Орда).
5. Децентрализованные, аморфные, не имевшие единой "политии", но территориально крупные образования с многочисленными традиционными вождями - главами родоплеменных структур (печенежское, половецкое и огузское объединения). Возможно на характер номадных социумов, кочевавших в степной зоне между Волгой и Дунаем, накладывало отпечаток наличие нескольких земледельческих центров - Византии, Киевской Руси, Германской империи, Волжской Булгарии. Поэтому различные этнические сегменты печенежского или половецкого общества являли собой периферию различных земледельческих центров и здесь не могло возникнуть единого политарного образования как в Центральной Азии, где объединившиеся кочевники ("народы натягивающие лук") противостояли "рах Sinica". Что собой представляли отдельные подразделения печенежского или половецкого общества? Характеристика печенежских фем, как вожеств (Марей 2000) представляется конъюнктурной и сомнительной (маловероятно чтобы одна этническая группа членилась на 8 постоянно существовавших (!) вожеств, каждое из которых включало бы всего 5 родов). Печенежские фемы скорее следует рассматривать как сегменты родоплеменной структуры с традиционными лидерами во главе (старейшины родов и племен, военные вожди). Вождества могли возникать у причерноморских кочевников, например, как у половцев союзы орд Боняка и Шарукана (Плетнева 1990: 45-53, 60), но они быстро распадались после смерти вождя или военного поражения.
6. Локальные децентрализованные группы с родоплеменной структурой (теле, дунху, черные клобуки).
7. Развитые государства, созданные кочевниками на территории земледельческих центров (завоевательные империи по Н.Н. Крадину - Ляо, Цзинь, Юань, государство Хулагуидов). Следует добавить, что не всегда речь должна идти только об империях (хуннских государств на территории Китая, уйгурские ханства в Восточном Туркестане). Быстротечные процессы ассимиляции и перехода к оседлой жизни превращали большую часть элиты номадов в чиновников и военно-служилую знать, не связанную с процессом кочевания, поэтому в таких государствах практиковались запреты браков между кочевниками и местным населением, а также велись пограничные войны в целях сохранения боеспособности (например, монголы и маньчжуры в Китае).

В данной статье рассматривались два важных аспекта истории кочевников: типология посттарно-политических систем номадов и влияние оседлых цивилизаций на политарные процессы у кочевников. Задачу номадистов в исследовании этих проблем мы видим в необходимости систематизации накопленного опыта, выработке единых подходов к терминологии, классификации и характеристике кочевых социумов.

ЛИТЕРАТУРА

- Андрианов, Б.В., Марков, Г.Е. 1990. Хозяйственно-культурные типы и способы производства. *Вопросы истории*, № 8: 3-15.
- Бичурин, Н.Я. (Иакинф). 1950. *Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена*. Т. I. М.-Л.
- Владимирцов, Б.Я. 1934. *Общественный строй монголов: монгольский кочевой феодализм*. Л.
- Гумилев, Л.Н. 1961. Орды и племена у древних тюрков и уйгуров. *Материалы по отделению этнографии Географического общества СССР*. Ч.I. Доклады за 1958-1961 гг. Л.: 15-26.
- Гумилев, Л.Н. 1993/1967. *Древние тюрки*. М.: Товарищество "Клышников - Комаров и К."
- Дьяконов, И.М. 1994. *Пути истории: от древнейшего человека до наших дней*. М.
- Кляшторный, С.Г. 1986. Основные черты социальной структуры древнетюркских государств Центральной Азии (VI-X вв.). *Классы и сословия в докапиталистических обществах Азии: проблема социальной мобильности*. М.: С.217-228.
- Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. 1994. *Степные империи Евразии*. СПб.
- Крадин, Н.Н. 1990. Экзополитарный способ эксплуатации в обществах кочевников. *Проблемы исторической интерпретации археологических и этнографических источников Западной Сибири*. Томск: 22-24.
- Крадин, Н.Н. 1992. *Кочевые общества (проблемы формационной характеристики)*. Владивосток.
- Крадин, Н.Н. 1995. Вождество: современное состояние и проблемы изучения. *Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности*. Отв. ред. В.А. Попов. М.: 11-59.
- Крадин, Н.Н. 1996. *Империя хунну*. Владивосток.
- Крадин, Н.Н. 2000а. Имперская конфедерация хунну: социальная организация суперсложного вождества. *Ранние формы социальной организации* Отв. ред. В.А. Попов. СПб: 195-223.
- Крадин, Н.Н. 2000б. Кочевники, мир-империи и социальная эволюция. *Альтернативные пути к цивилизации*. Отв. ред. Н.Н. Крадин, А.В. Коротаев и др. М.: 314-336.
- Крадин, Н.Н. 2000в. Общественный строй жужаньского каганата. *История и археология Дальнего Востока: к 70-летию Э.В. Шавкунова*. Отв. ред. Н.Н. Крадин и др. Владивосток: 80-94.
- Крадин, Н.Н. 2001а. Кочевники в мировом историческом процессе. *Философия и общество*, № 2: 108-138.
- Крадин, Н.Н. 2001б. Кочевничество в современных теориях исторического процесса. *Время мира. Альманах. Вып. 2: Структуры истории*. Новосибирск: 369-396.
- Крадин, Н.Н. 2001в. Общественный строй кочевников: дискуссии и проблемы. *Вопросы истории*, № 4: 21-32.
- Кычанов, Е.И. 1986. Предисловие. *Mongolica. Памяти академика Бориса Яковлевича Владимирцова, 1884 - 1931*. М.: 3-9.
- Малов, С.Е. 1951. *Памятники древнетюркской письменности*. М.-Л.
- Малов, С.Е. 1959. *Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии*. М.-Л.
- Марей А.В. 2000. Особенности социально-политической организации печенегов. *Альтернативные пути к цивилизации*. Отв. ред. Н.Н. Крадин, А.В. Коротаев и др. М.: 337-343.
- Марков, Г.Е. 1976. *Кочевники Азии: Структура хозяйства и общественной организации*. М.
- Марков, Г.Е., Масанов, Н.Э. 1985. Значение относительной концентрации и дисперсности в хозяйственной и общественной организации кочевых народов. *Вестник МГУ, Серия 8: История*, № 4: 86-96.
- Масанов, Н.Э. 1984. *Проблемы социально-экономической истории Казахстана на рубеже XVIII-XIX вв.* Алма-Ата.

- Масанов, Н.Э. 1987. Дисперсное состояние - всеобщий закон жизнедеятельности кочевого общества. *Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций*. Отв. ред. В.М. Массон. Алма-Ата: 21-24.
- Материалы 1968: *Материалы по истории сюнну (по китайским источникам)*. Предисл., пер. и прим. В.С. Таскина. Вып. 1. М.
- Материалы 1974: *Материалы по истории сюнну (по китайским источникам)*. Предисл., пер. и прим. В.С. Таскина. Вып. 2. М.
- Материалы 1984: *Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху*. Предисл., пер. и прим. В.С. Таскина. М.
- Мункуев, Н.Ц. 1970. Новые материалы о положении монгольских аратов в XIII-XIV вв. *Татаро-монголы в Азии и Европе*. Отв. ред. С.Л. Тихвинский. М. 382-418.
- Плетнева, С.А. 1982. *Кочевники средневековья. Поиски исторических закономерностей*. М.
- Плетнева, С.А. 1990. *Половцы*. М.
- Савинов, Д.Г. 1979. Об этническом аспекте образования раннеклассовых государств Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху раннего средневековья. *Этногенез и этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий*. Омск: 41-45.
- Скрынникова, Т.Д. 1997. *Харизма и власть в эпоху Чингис-хана*. М.
- Скрынникова, Т.Д. 2000. Монгольское кочевое общество периода империи. *Альтернативные пути к цивилизации*. Отв. ред. Н.Н. Крадин, А.В. Коротаев и др. М.: 344-355.
- Таиров, А.Д. 1993. Пастбищно-кочевая система и исторические судьбы кочевников урало-казахстанских степей в I тыс. до новой эры. *Кочевники урало-казахстанских степей: Сборник научных трудов*. Екатеринбург: 3-23.
- Толыбеков, С.Е. 1971. *Кочевое общество казахов в XVII - начале XX веков (Политико-экономический анализ)*. Алма-Ата.
- Трепавлов, В.В. 1993. *Государственный строй Монгольской империи XIII в.* М.
- Трепавлов, В.В. 2000. Бий мангытов, корованный chief: вождества в истории позднесредневековых номадов Западной Европы. *Альтернативные пути к цивилизации*. Отв. ред. Н.Н. Крадин, А.В. Коротаев и др. М. 356-367.
- Хазанов, А.М. 1975. *Социальная история скифов. Основные проблемы развития древних кочевников евразийских степей*. М.

КУЛЬТУРНЫЙ КАПИТАЛ, НАБЕГИ ЗА СКОТОМ И ВОЕННОЕ ПРЕВОСХОДСТВО ТРАДИЦИОННЫХ СКОТОВОДОВ

У. Айонс

Введение

Вплоть до недавнего времени засушливые области Старого Света (Северная Африка, Ближний Восток, Центральная Азия) были населены племенами кочевников-скотоводов, имевшими устойчивое превосходство в военных столкновениях с более оседлыми группами. В результате этого военного превосходства оседлые государства зачастую были не в состоянии контролировать своих соседей-кочевников. Временами государства строили отношения с кочевыми группами как с другими державами, вплоть до заключения договоров. Временами, когда преимущество было на стороне государства, участники этих переговоров не были равноправны, но и тогда имели место переговоры, а кочевые племена были в состоянии использовать военную силу против государства в подкрепление своих требований, выдвигаемых в ходе переговоров с государством. Временами кочевники-скотоводы или, что типичнее, обширные союзы различных групп, включая и кочевников-скотоводов, завоевывали государства и устанавливали новые династии, ведущие или отчасти ведущие свое происхождение от кочевников. Ярчайшим примером была Монгольская Империя.

Эта статья посвящена вопросу о причинах этого военного преимущества. Первым, кто наметил проблему военного превосходства кочевников, был Ибн Хальдун, который предположил о существовании общественной закономерности, что при столкновении двух армий, равных в прочих отношениях, побеждает та, в которой больше кочевников. Он объяснял это преимущество тем, что кочевники-скотоводы были объединены на основе кровного родства, тогда как армии оседлых обществ были основаны на гражданстве в государстве, где гражданство предоставлялось всем живущим на территории государства. Ибн Хальдун полагал, что для создания солидарных групп кровное родство было более мощным инструментом, чем гражданство в территориальном государстве.

Я полагаю, что предложенная Ибн Хальдуном общественная закономерность верна, но я думаю, что причины этого явления немного более сложны и не исчерпываются противопоставлением кровного родства гражданству. В данной статье я попытаюсь рассмотреть другие основания военного превосходства наряду с кровным родством. На самом деле, мои идеи очень близки к точке зрения Оуэна Латтимора в *Inner Asian Frontiers of Central Asia*. Я вижу несколько причин, по которым кочевники-скотоводы в военном отношении превосходили оседлых земледельцев. Некоторые причины были рассмотрены мною в более ранних публикациях (Irons 1971, 1974, 1975, 1979, 1994). То новое положение, которое я хотел бы выдвинуть в данном исследовании, заключается в том, что кочевники-скотоводы обладают своего рода культурным капиталом, что дает им некое военное преимущество. Это только один из источников их военного преимущества, и он сочетается с другими факторами, чтобы дать кочевникам общее военное преимущество. Другие факторы в основном состоят в 1) поселенческой мобильности, делающей возможным отступление всего общества перед приближающейся армией, 2) хорошей обеспеченности лошадьми или верблюдами для военных целей в сочетании с обширными знаниями об использовании этих животных и обращении с ними, 3) проживании в регионе, затрудняющем передвижение или маневрирование армий оседлых государств (как правило, засушливые области, где нехватка воды затрудняет передвижение оседлых армий, но иногда это и горы с пересеченной местностью), 4) такая

форма организации как сегментарная система линиджей и/или иерархия вождей, способная организовать широкомасштабные военные операции, 5) вера в общее происхождение (кровное родство у Ибн Хальдуна) и рационализация этого единства в военных целях.

Культурный капитал: концепция и пример

Я познакомился с этой концепцией в книге Томаса Соуэлла *Race and Culture*. Культурный капитал состоит из ценностей, навыков и знаний, приобретаемых личностью как часть опыта взросления в определенной культуре, которая в дальнейшем может быть использована для достижения экономического преимущества как в пределах первоначальной культуры, так и в новых условиях. Соуэлл заинтересовался судьбами иммигрантов и, изучив большое число иммигрантских групп, мигрировавших из одних частей мира в другие, пришел к выводу, что роль иммигрантов в новом окружении в значительной степени определяется тем культурным капиталом, который они приносят с собой из первоначальной среды.

Я могу вкратце проиллюстрировать эту концепцию примером, близким мне, но далеким от скотоводов Старого Света. В 1996 г. в соавторстве с Ли Кронком (департамент антропологии, университет Ратджерз) я проводил ограниченное полевое этнографическое исследование на острове Утила в Гондурасском Заливе. В рамках подготовки к экспедиции я заранее прочитал более раннюю публикацию Давида Лорда по этнографии острова (1975), описывающую его недавнюю историю. Жители Утилы были частью англо-говорящего населения, которое двинулось на запад из Ямайки и Каймановых островов в начале 1800-х годов и расселилось на островах Гондурасского залива, в Белизе и в других областях по побережью Центральной Америки. Первоначально жители Утилы зарабатывали на жизнь выращиванием бананов и кокосов на экспорт. Во времена депрессии их экономика находилась в глубочайшем упадке, но во время Второй Мировой войны положение изменилось, благодаря их культурному капиталу. Во время войны на Американском торговом флоте не хватало годных к службе моряков. Большинство годных к морской службе мужчин в США служили в армии или на военном флоте. Примерно в 1941 году представители Американского торгового флота побывали на Утиле и выяснили, что из местных жителей получают хорошие моряки. При этом были учтены несколько "навыков" местных жителей. Они говорили на английском – языке американских торговых судов. Живя на острове и постоянно пользуясь лодками, они не страдали морской болезнью и знали основы мореходного дела. Американский торговый флот немедленно начал нанимать жителей Утилы за фантастические по островным меркам зарплаты. Это привело к развитию экономики острова, основанному на том, что каждый год мужчины покидали остров для службы на торговом флоте на срок от 9 до 10 месяцев, в то время как заработанные деньги они высылали своим семьям на Утиле. Эта традиция продолжилась после войны, и вплоть до настоящего времени жители Утилы отправляются в Штаты для службы на торговом флоте. Время от времени они занимались и другими видами деятельности, но всегда это было что-то, связанное с морем и с морскими профессиями. Во времена моего визита многие жители острова все еще периодически служили на торговом флоте. Другие работали на морских нефтяных буровых вышках, на буксирах на Миссисипи, в различных портовых службах различных гондурасских фруктовых компаний. Они всегда находили работу, требующую их особых мореходных навыков.

Культурный капитал кочевников-скотоводов

Концепция культурного капитала также приложима для кочевников-скотоводов Старого Света. Здесь ситуация обстоит следующим образом. Основной формой богатства среди скотоводов является скот. Богатство в такой форме особенно легко украсть. Поэтому в скотоводческих обществах, не имеющих сильной центральной власти для поддержания закона и порядка, кража и угон скота – обычное дело. Значительная часть сил скотоводов уходит на защиту собственных стад и набеги на стада соседей. Набеги с угоном скота были чуть ли не

второй экономикой на большей части Среднего Востока до тех пор, пока в скотоводческих зонах не был установлен эффективный правительственный контроль (Irons 1965). Согласно наблюдениям, жестокие и рискованные предприятия особенно привлекают юношей от 18 до 28 лет (Daly and Wilson 1988), и вполне вероятно, что для юношей в традиционных скотоводческих обществах набеги и угон скота были самым привлекательным видом деятельности. Такие набеги могли быть способом собрать приданое, преодолеть проблему ограниченного наследства, компенсировать потери скота из-за болезней или плохой погоды. Это могло быть и средством обогащения для тех, кто имел достаточно, но хотел бы иметь больше.

Как правило, набеги и угон скота проводились против соседних групп, считавшихся социально отличными от угонщиков. В этом есть здравый смысл. Угоняя скот у членов своей же общины, вор приобретает врагов у себя дома. К тому же вполне вероятно, что многие члены одной общины находятся в близком родстве друг к другу. Гораздо лучше преодолеть некоторое расстояние и украсть скот у людей, которые не приходятся родственниками и с которыми не придется повстречаться у себя дома. Этнографическим примером того, как это работает, могут послужить туркмены йомуты, которых я изучал в Иране в 1960-е и 70-е годы.

Йомуты обладали сегментарной системой линиджей (Irons 1975: 39-65), что обозначало фиксированную иерархию групп, основанных на генеалогии, начиная от небольших линиджей из нескольких домовладений, до более крупных групп по общности происхождения, насчитывающих тысячи людей, и так вплоть до всего народа йомутов как одного целого. Наименьшие подгруппы йомутов, внутри которых устанавливался прочный мир, насчитывали (до недавнего прироста населения) что-то в пределах 5000 человек (Irons 1975: 61-65). Таких групп было одиннадцать, и каждая занимала полоску территории от 10 до 30 километров с востока на запад и около восьми и более километров с севера на юг. Большинство этих территорий включали как земли пригодные для земледелия, расположенные на юге области йомутов, где дождей было много, так и земли, пригодные для скотоводства, - на севере области с более засушливым климатом. Как правило, являясь спокойными изнутри, эти группы были враждебны к соседям и нередко совершали набеги для угона скота. Более серьезных столкновений с соседями группы старались избежать. Редкостью были войны с целью захвата территории у соседей, не было набегов для захвата рабов. Набеги ради рабов совершались на земли за пределами области, к югу от гор Элбурц, на Иранском нагорье. Так что насилие удерживалось на приемлемом для местного населения уровне. В то же время, используя свою сегментарную линиджную систему как некий устав, одиннадцать отдельных племен были способны заключить взаимный мир и объединиться, чтобы все йомуты могли, если это необходимо, противостоять значительной внешней угрозе, такой как попытка иранской армии установить какой-то контроль над йомутами. Для военных целей йомуты были способны объединять группы различного размера, что типично для сегментарных линиджей. Так, между уровнем одиннадцати племен горганских йомутов и объединением всех йомутов находились две промежуточные группы (Чони и Шереп), которые также могли объединяться в военных целях. Вероятно, эти группы промежуточного размера активизировались на территории в случае начала войны между меньшими группами.

Схемы совершения набегов на соседей для угона скота, приведенные выше для йомутов, были распространены по всей засушливой зоне Старого Света до тех пор, пока современные правительства не оказались в состоянии взять под эффективный контроль скотоводческое население. В каждом племени благодаря традиции угона скота юноши получали военную подготовку. Они приобретали навыки планирования и проведения небольших военных операций. Таким образом, в политически независимых племенных группах степной зоны Старого Света освоение базовых навыков кавалериста было частью процесса взросления. Благодаря этому племенные лидеры располагали опытными кавалеристами, которых можно было время от времени призвать для проведения военных операций. Не имея постоянного лидера,

йомуты обычно избирали вождей на время войны. Помимо угона скота у соседей, они использовали свои военные навыки для сбора дани с караванов, проходящих через их земли, или с близлежащих оседлых деревень. Также они могли договариваться с государственными организациями о воздержании от набегов в обмен на выплаты государства лидеру какого-нибудь племенного подразделения. Внутри государства такие выплаты нередко назывались выплатами в пользу ополчения, поддерживающего правопорядок. Племенные группы могли также при случае договариваться с властями о предоставлении под государственное командование военных подразделений в обмен на признание независимости в пределах племенных территорий. Нередко племенные группы, занимающие пограничные земли, получали выплаты от одного государства, чтобы не совершать набегов на его территорию, а вместо этого сосредоточить набеги на вражеском государстве. Так, различные туркменские племена временами вступали с Хивинским или Бухарским ханствами в союз против Персии на юге. Эти племенные группы реализовывали свою военную удачу в разнообразных комбинациях. Они могли отстаивать независимость от государственного контроля, избегая, таким образом, налогов и воинской повинности, совершать набеги на соседей, собирать дани и фактически служить наемниками. Большинство этих комбинаций так или иначе имели место в степной зоне Старого Света. Самым важным было то, что эти группы использовали свой военный потенциал, чтобы поддерживать независимость от государства. Также время от времени эти племенные группы могли объединяться в достаточно большие конфедерации, чтобы брать над государством верх и возводить на трон своих лидеров, основывая новые династии в оседлых государствах. Значительная доля царских династий Среднего Востока происходили от кочевников или вели свое происхождение от конфедерации групп, включавших значительный контингент скотоводов-кочевников.

Тем не менее, такие династии, кочевнические по происхождению, обычно не были в состоянии неограниченно контролировать племенные группы, от которых произошли. Латтимор (Lattimore 1940) документировал это явление для границы Китая и Внутренней Азии. Существовала тенденция, что как только династия надежно устанавливалась в оседлом и городском обществе, ее представители теряли связь со своими племенными союзниками, и последние предпочитали сохранять независимость от династий, ими же и возведенных. При этом благодаря изначальному военному превосходству они были в состоянии воспрепятствовать установлению над ними государственного контроля.

Культурный капитал, приобретенный кочевниками-скотоводами в результате постоянного участия в набегах друг на друга для угона скота, не был запланирован. Скорее, это был побочный эффект того, что скот легко украсть и что сильное искушение украсть скот у представителей другой группы возникает в социальной среде, где нет центральной власти, чтобы обеспечивать закон и порядок. Даже контролируя в теории спорные земли, государственные власти зачастую оказываются не способными предотвратить угоны скота среди кочевников-скотоводов в слабозаселенных засушливых областях. Единожды возникнув, как я полагаю, традиция окружала себя новыми институтами. Естественным следствием было образование племен достаточного для самообороны размера и определение социальных и географических границ с другими племенами. Во многих областях существовала тенденция к заключению соглашений, ограничивающих масштабы набегов. Так, среди туркмен особая роль евладов, небольших племен, претендующих на фиктивное происхождение от первых четырех халифов и имеющих особый священный статус, обеспечивала их нейтралитет во всех межплеменных противоречиях и иммунитет от набегов на скот. Эти группы могли беспрепятственно перемещаться между враждующими сторонами и нередко совершали последующие, особенно удачные набеги. В этом случае они ссылались на то, что действовали от имени жертв предыдущего набега, оставшихся без средств к существованию. Особенно много евладов было на ничейных землях между йомутами и гокланами, где в силу социальной дистанции между двумя очень крупными группами по общему генеалогическому происхождению набеги были

обычным делом, а между группами образовалась полоса незаселенной территории – своеобразная ничейная земля.

Военная мощь кочевников-скотоводов

Хотя я предположил, что основным обстоятельством освоения кочевниками определенных военных навыков было то, что их основную форму богатства легко украсть, существовали другие факторы, также способствовавшие развитию их способности противостоять попыткам государства их контролировать. Эти факторы были суммированы мною в более ранней статье, посвященной поселенческой мобильности как иному источнику военной мощи. В той же статье, я подчеркивал значение того обстоятельства, что йомуты располагались на краю обширной пустыни, куда они могли отступить, и где их было нелегко преследовать армиям оседлого, урбанистического персидского государства, и обращал внимание на сегментарную линиджную систему как средство организации военных действий, включая сопротивление государственному контролю.

На практике, степень независимости от государственного контроля, которую данное скотоводческое население было способно отстаивать, напрямую зависела от того, насколько это население располагало вышеупомянутыми обстоятельствами, способствовавшими отстаиванию независимости. Некоторые группы и вовсе были не в состоянии поддерживать независимость от контроля со стороны государства, фактически являясь теми, кого Залцман называет крестьянами-кочевниками. Они находились полностью под контролем оседлого государства, в итоге заканчивая ролью пастухов у оседлых владельцев скота. Другие группы, такие как йомуты или туркмены-теке, были в свое время способны отстаивать полную независимость от государственного контроля.

Модернизация

Ряд исторических изменений свели на нет военное преимущество кочевников. В основном это технические новшества, обеспечивающие преимущество государственных армий над кочевниками. Первым таким нововведением была артиллерия, содержать которую большинству кочевников было не под силу. Затем появилась авиация, доступная армиям государств, но не небольшим кочевым группам. В последующем инновации в военных технологиях изменили баланс сил безоговорочно в пользу оседлых государств. В полной мере эффект этих инноваций дал знать о себе только в прошлом столетии. В течение длительного периода в истории кочевники-скотоводы могли пользоваться плодами военного превосходства над оседлым населением и поддерживать альтернативы государственной организации на своих землях. Иногда эти альтернативные формы были организованы по принципу иерархии, как и государства, но в других случаях организация обширных групп кочевого населения была более эгалитарной, чем государственная организация.

Когда эти группы действительно обладали иерархией вождей, они все равно отличались от государств отсутствием бюрократии и тем, что вождь зачастую не считался обладателем права на монополизацию узаконенного применения силы.

Общественный закон Ибн Хальдуна

Социальный закон, сформулированный Ибн Хальдуном в четырнадцатом веке, в целом верен. Ясно, что действительно повсеместно в засушливых областях Старого Света, во времена до определенных технологических изменений, когда бы ни сталкивались две армии, равные в прочих отношениях, победа доставалась тому, кто имел более кочевой образ жизни. Ибн Хальдун объяснял это преимущество опорой на кровное родство как основу солидарности кочевников в противовес гражданству в территориальном государстве, где гражданство предоставлялось всем живущим на территории государства. Несомненно, родство кочевников в форме теории об общем происхождении и их культурная однородность вместе были

эффективным источником солидарности. Однако, на основании положений, рассмотренных выше, я полагаю, что можно выделить ряд других факторов, способствующих превосходству кочевников-скотоводов в военной сфере. Такие факторы, как поселенческая мобильность и другие упомянутые выше черты кочевых обществ, были рассмотрены в более ранних публикациях (Irons 1974; Lattimore 1940). Новый же фактор заключается в предположении, что набеги для угона скота предоставляли своего рода военную подготовку для юношей в кочевых обществах. Приобретаемые в таких набегах навыки могут считаться примером того, что Томас Соуэлл определяет как культурный капитал. Этот процесс постоянного совершения набегов был практически неизбежным следствием того, что скот легко украсть и что в слабозаселенных областях государству не так-то просто эффективно ограничить эту деятельность.

Примечания

1. Я использую термин "племя" для обозначения групп данного размера как прямой перевод услышанных мною в Иране слов, обозначающих такие группы. Для меня "племя" это группа людей с общим названием, собственной политической организацией, отдельной от государственной, что позволяет группе поддерживать внутренний порядок и организовываться в собственных военных целях, отдельно от государства. На самом деле, слово "племя" особенно подходит для обозначения такого рода групп, поскольку различные группы, фигурирующие в Ветхом Завете как племена, были как раз группами данного типа (см описание древнееврейских "племен" у Фридмана: Friedman 1987). Это то значение слова "племя", которым владеет большинство людей, говорящих по-английски. Некоторая часть ветхозаветного повествования посвящена борьбе между различными монархиями, возникшими среди древнееврейских племен, за создание надплеменного государства (Friedman 1987). Похожие процессы неоднократно имели место в последующей истории засушливых областей Старого Света. Вплоть до недавнего прогресса в военных технологиях, кочевникам-скотоводам удавалось особенно успешно сопротивляться попыткам государства установить свой контроль.
2. Согласно теории биологической эволюции, особи многих видов (включая человека) обладают выработанной в ходе эволюции способностью быть более полезными и менее враждебными к своим близким родичам (Hamilton 1963, 1964). Но это не совсем то кровное родство, на которое ссылается Ибн Хальдун. Племена кочевников-скотоводов слишком велики, чтобы состоять в основном из близких родственников. Отдаленное родство само по себе не могло бы быть серьезной основой для солидарности. Более вероятно то, что вера в общее происхождение и культурная однородность этих групп создавали чувство солидарности, понимаемое в терминах родства. Однако я бы предположил, что реальным основанием их солидарности была форма реципрокности, усугубленная тем, что теоретики называют подлинными символами приверженности взятым обязательствам (Frank 1988; Nesse in press.). Оседлые государства с большей культурной гетерогенностью и большей разницей в благосостоянии различных групп не могли обеспечивать солидарность схожим образом.
3. Политическая организация племен в засушливых областях Старого Света, как правило, есть сочетание иерархии вождей и сегментарной системы линиджей. Племена различаются по соотношению сил между иерархией вождей и сегментарной системой линиджей. Некоторые группы организованы практически полностью на основе иерархии вождей, тогда как другие – на основе линиджей (Salzman 1999).
4. Не так то просто понять, по какому точно принципу следует считать племена горганских йомутов. Группы населения лишь приблизительно соответствуют группам по общности происхождения. Одиннадцать соответствуют именным группам представленным на карте, опубликованной ранее (Irons 1979). Однако, некоторые из этих одиннадцати групп реально состоят из двух групп по общности происхождения, связанных не родством, а дли-

тельными союзными отношениями, другие состоят из одной крупной группы по общности происхождения. Обозначается ли такая составная группа единственным "il" или двумя "il", зависит исключительно от контекста. Иногда одна и та же группа обозначается и так и так при разных обстоятельствах. Более подробные сведения можно найти в предыдущих публикациях (Irons 1979: 39-65).

5. См примечание 1. Это "родство" не то, что рассматривается у Гамильтона (Hamilton 1963, 1964).

ЛИТЕРАТУРА

- Daly, M. and M. Wilson. 1988a. *Homicide*. New York.
- Frank, R. 1988. *Passions within Reason*. New York.
- Fried, M.H. 1967. *The Evolution of Political Society: An Essay in Political Anthropology*. New York.
- Friedman, R.E. 1987. *Who Wrote the Bible?* New York.
- Hamilton, W.D. 1963. The Evolution of Altruistic Behavior. *American Naturalist* 97: 354-356.
- Hamilton, W.D. 1964. The Genetical Evolution of Social Behaviour. (I and II) *Journal of Theoretical Biology* 7: 1-16, 17-52.
- Ibn Khaldun. 1958 [1377] Franz Rosenthal (Trans.) *The mugaddimah: an Introduction to World History*. Vol. 1. London.
- Irons, W. 1965. Livestock Raiding Among Pastoralists: An Adaptive Interpretation. *Papers of the Michigan Academy of Science, Arts, and Letters* 50: 393-414.
- Irons, W. 1968. The Turkmen Nomads. *Natural History* 77: 44-51.
- Irons, W. 1971. Variation in Political Stratification Among the Yomut Turkmen. *Anthropological Quarterly* 44: 143-156.
- Irons, W. 1974. Nomadism as a Political Adaptation: The Case of the Yomut Turkmen. *American Ethnologist* 1: 635-658.
- Irons, W. 1975. *The Yomut Turkmen: A Study of Social Organization Among a Central Asian Turkic Speaking Population*. Anthropological Paper Number 58, Museum of Anthropology, University of Michigan.
- Irons, W. 1979. "Political Stratification among Pastoral Nomads". *Production Pastorale et Societe*. New Rochelle: Cambridge University Press; and Paris: 361-374.
- Irons, W. 1994 Why Are the Yomut Not More Stratified? *Pastoralists at the Periphery: Herders in a Capitalist World*. Eds. C. Chang and H. A. Koster. Tucson: 275-296.
- Lattimore, O. 1951 [1940]. *Inner Asians Frontiers of China*. Boston.
- Lord, D.G. 1975. *Money Order Economy: Remittances in the Island of Utila*. Ph.D. Dissertation. University of California at Riverside.
- Salzman, P. 1999. "Is Inequality Universal?" *Current Anthropology* 40 (1): 48-49.
- Sowell, T. 1994. *Race and Culture: A World View*. New York.

СТРУКТУРА ВЛАСТИ В КОЧЕВЫХ ИМПЕРИЯХ

Н. Н. Крадин

Считается, что понятие "традиционная власть" ввел в научный оборот Макс Вебер. Однако это не совсем так. Согласно Веберу *власть* (Macht) следует отличать от *господства* (Herrschaft). В первом случае подчинение основывается на простом *насилии*, не обязательно основанном на законности. Во втором случае объект власти признает свой более низкий статус законным и подчиняется *господину* в силу существующих норм. В их отношениях присутствует легитимное обоснование подчинения и господства.

В то же самое время смысл русского слова *власть* (однокоренные слова – владеть, властелин, воля, великий) более близок к немецкому термину Herrschaft, чем к понятию Macht (власть, сила, мощь; глагол machen – делать; ср. также с англ. power - власть, сила, энергия и domination - господство). По этой причине, возможно, не будет большой ошибки, если использовать в русскоязычной традиции понятия *власть* и *господство* как синонимы и, следовательно, употреблять такие устойчивые словосочетания как *традиционная власть*, *харизматическая власть* и *рациональная власть*.

Наиболее подробно традиционная власть (в терминологии М. Вебера - традиционное господство) рассматривается в его знаменитом томе "*Хозяйство и общество*" (Weber 1922: 130-140). Самая важная черта традиционного господства заключается в вере в священный характер существующих традиций и правил, "нарушение которых влечет за собой дурные магические или религиозные последствия" (Вебер 1994: 68-69). Для традиционного типа сознания характерна конкретность и образность мышления, вера в существование сверхъестественных сил, которые находятся вне реального мира и в определенных обстоятельствах могут вмешиваться в отношения между людьми или карать их силами природы. Чтобы обеспечить психологически комфортное существование традиционный человек создает мифологическо-ритуальную идеологию, призванную магическими средствами поддержать природную и социальную гармонию.

Функции по поддержанию порядка возложены на некоторых лиц, которые выполняют их благодаря своим личным сверхъестественным способностям или же на лиц, имеющих подобные в силу своего происхождения способности по наследству. Именно они способны вступать в контакты с богами и силами природы и обеспечивать своему народу защиту и стабильное существование.

Традиционное господство основано на **личностном** характере отношений власти. Отношения между правителем и его помощниками строятся не на служебном долге и деловой компетенции, а на личной преданности своему господину. Господин рассматривает управление как функцию своей личности и использует имеющуюся власть в соответствии с собственными стремлениями и интересами. Он рекрутирует и наделяет властными прерогативами чиновников на основе личной преданности. Сколь-нибудь существенное разделение обязанностей между чиновниками отсутствует.

На месте твердой деловой компетенции стоит конкуренция первоначально даваемых господином по свободному усмотрению, затем становящихся долгосрочными, наконец, часто стереотипизированных поручений и полномочий, которыми создается конкуренция за причитающиеся шансы на оплату приложенных усилий как порученцев, так и самих господ: благодаря таким интересам зачастую конструируются деловые компетенции и, тем самым, существование ведомств. Все обладающие долгосрочной

компетенцией порученцы суть прежде всего придворные чиновники господина; не связанная со двором ("экстрапатримониальная") компетенция представляется им по часто довольно поверхностному деловому сходству области деятельности в их придворной службе или же по прежде всего совершенно произвольному выбору господина (Weber 1922: 131-132).

Как правило, в "штабе" господина (так Вебер называет двор правителя) отсутствуют а) твердая "компетенция" по деловым качествам; б) жесткая рациональная иерархия; в) систематическое назначение посредством свободного контракта и упорядоченного повышения; г) специальная подготовка (как правило) е) (часто) конкретное и (еще чаще) выраженное в денежной форме жалованье (Weber 1922: 131).

Соратники правителя расценивают выполнение своих должностных обязанностей как личное служение своему господину. Их права и обязанности в реальности являются привилегиями, которые даны и могут быть отобраны господином в соответствии с его прихотями. В отношениях с подчиненными и простыми людьми соратники господина и чиновники действуют столь же произвольно, что и сам правитель, лишь бы это не противоречило сакральным традициям и указаниям свыше.

"Штаб" помощников господина рекрутируется из различных категорий подданных. Вебер делит их на две категории – "патримониально рекрутируемых" и "экстрапатримониально рекрутируемых". К числу первых он отнес родственников господина, домашних слуг, рабов, колонов, клиентов и вольноотпущенников, ко вторым – вассалов, связанных словом чести, и прочих свободных лиц, находящихся в личных доверительных отношениях с правителем, или являющихся его подданными вследствие пиетета перед ним.

Вебер разделяет рациональную бюрократию и бюрократию вообще. Он констатирует, что бюрократия появилась еще в патримониальных государствах, посредством комплектования чиновников из "экстрапатримониально рекрутируемых" лиц. Однако в традиционных обществах данные чиновники являлись прежде всего личными слугами господина, их продвижение осуществлялось по прихоти правителя.

Традиционное господство базируется не на формальном своде предписанных всем без исключения законов и правил, а, во-первых, на традиционных правовых нормах и, во-вторых, на личных решениях самого господина или облеченных этими обязанностями его приближенных. В соответствии с германской традицией, Вебер называет последнее явление "княжьем правом". Причем, "лично присутствующий господин выше всякой законности" (Weber 1922: 132), он не связан никакими формальными предписаниями.

Моральные этические принципы традиционного общества основываются на вере людей в священные устои. Вследствие этого протест против злоупотреблений со стороны господина или его слуг направляется против конкретных индивидуумов (того же правителя или, как правило, его помощников), но не против всей существующей системы традиционалистских ценностей.

Как возникает традиционная власть? Историки, антропологи и социологи многократно обсуждали вопрос об основных способах достижения власти. Большинство исследователей не склонны сводить власть вождей к какому-либо одному фактору и выделяют большое число каналов развития отношений власти. Так, согласно одному из наиболее известных теоретиков в области социологии власти, Т. Манну, главными силами, ведущими к власти является экономика, политика, война и идеология (Mann 1987; 1993). Другой авторитетный исследователь в этой области, антрополог Т. Ёрл, выделяет три главных источника достижения власти: экономический базис, военную мощь и идеологию (Earle 1997). Еще одна модель важная политогенеза - "торговая" (Webb, 1975; Ekholm, Friedman 1979 etc.). Ее

основная идея заключается в том, что внешнеторговый обмен с последующей редистрибуцией редких и престижных товаров среди подданных является важным компонентом власти вождей и правителей ранних государств.

В целом, можно выделить несколько факторов разной степени важности. В их число могут войти управленческие и редистрибутивные обязанности правителей, контроль над продуктивными ресурсами, внутренним и внешним обменом или торговлей, контроль над ремесленным производством, идеология, военные функции вождей и т.д. (Крадин 2001б). Во всех перечисленных случаях речь идет о разных сторонах единого процесса монополизации различных общественно-полезных функций. В силу занимаемого места в системе управления обществом, владея информацией и ключевыми рычагами в распределении ресурсов, внешних доходов и произведенного прибавочного продукта, правитель и его окружение постепенно начинают использовать свои возможности и статус не только в соответствии с нуждами общества, но и в соответствии с собственными потребностями и интересами.

Рассматривая властные отношения власти в кочевых империях, обязательно необходимо учитывать особенности эволюции кочевых обществ в сравнении с их оседлыми соседями. Если в земледельческо-городском обществе основы власти покоились на управлении обществом, контроле и перераспределении прибавочного продукта, то в степном обществе данные факторы не могли обеспечить устойчивый фундамент власти. Прибавочный продукт скотоводческого хозяйства нельзя было эффективно концентрировать и накапливать.

Во-первых, специфика скотоводства предполагает рассеянный (*дисперсный*) образ существования. Концентрация больших стад животных в одном месте вела к перевыпасу, чрезмерному вытаптыванию травостоя, увеличению опасности распространения заразных заболеваний животных. Во-вторых, скот нельзя было накапливать до бесконечности, его максимальное количество определялось продуктивностью степного ландшафта. В отличие от материальных богатств, скот требовал постоянного ухода и обновления (воспроизводства). В-третьих, независимо от знатности скотовладельца, все его стада могли быть уничтожены джудом, засухой или эпизоотией. Наконец, в-четвертых, значительное притеснение мобильных скотоводов со стороны племенного вождя или другого лица, претендующего на личную власть, могло привести к массовой откочевке от него.

В целом, роль правителей кочевых обществ во внутренней экономической жизни была очень мала и не может идти ни в какое сравнение с многочисленными обязанностями правителей оседло-земледельческих обществ. По этой причине можно только согласиться с мнением с Ю.В. Павленко, что:

В условиях частной собственности на скот централизованная организация труда не предопределяет сколько-нибудь существенной (по сравнению с древнеземледельческими обществами) производственной специализации отдельных групп, чей продукт мог бы перераспределяться по каналам редистрибуции. Каждое кочевое производственное объединение (хозяйственная ячейка) достаточно самостоятельно (1989: 87).

Правда, необходимо иметь в виду, что, в принципе, даже в оседло-земледельческих ранних государствах не существовало интегрированной экономической инфраструктуры, а политический контроль центральной власти был минимален. Исследования политантропологов показывают, что хотя большинство экономических мероприятий в раннегосударственных обществах и проводилось от имени центральной власти, но на практике реальное значение центра было ограничено. Экономика ранних государств была не столько "политической", сколько "моральной". Поэтому важное значение для функционирования экономики раннегосударственных обществ играли ритуальные церемонии и сакральная деятельность правителя (Claessen, van de Velde 1991).

Что же говорить о кочевниках с их практически автономным пасторальным хозяйством. Здесь вся производственная деятельность осуществлялась внутри семейно-родственных и

линиджных групп, лишь при эпизодической необходимости трудовой кооперации сегментов подплеменного и племенного уровня (Bacon 1958; Krader 1963; Толыбеков 1971; Марков 1976; Khazanov 1984; Масанов 1995 и др.). В силу всего этого власть предводителей степных обществ не могла развиваться до формализованного уровня на основе регулярного налогообложения скотоводов. Большинство скотоводов были хозяйственно самостоятельны и лично независимы. Степень влияния на них племенных предводителей и правителей вождеств была невысока. В кочевых обществах, не имевших в своем подчинении земледельческих территорий, обычным скотоводам приходилось компенсировать затраты вождей за отправление последними тех или иных общественных функций (рациональное перераспределение пастбищ и водных ресурсов; координация перекочевков; охрана кочевий от врагов, диких зверей и антиобщественных элементов; политические и торговые связи с иноэтничными группами и народами). Очевидно, что при этом верхушка степного общества имела более высокий статус и пользовалась некоторыми привилегиями, получала подношения, использовала общественные запасы - запретные пастбища, общественные стада и т.д. (Lattimore 1940; Хазанов 1975; Марков 1976; Irons 1979; Khazanov 1984; Fletcher 1986; Barfield 1992; Golden 1992; Крадин 1992; Голден 1993; Масанов 1995 и др.).

Стабильная структура власти в кочевых обществах появлялась только в процессе создания и последующего существования кочевых империй или подобных им ксенократических политий несколько меньшего масштаба. Под кочевой империей следует понимать кочевое общество, организованное по военно-иерархическому принципу, занимающее относительно большое пространство и получающее необходимые нескотоводческие ресурсы, как правило, посредством внешней эксплуатации (грабежей, войн и контрибуций, вымогания "подарков", неэквивалентной торговли, данничества и т.д.). Можно выделить следующие признаки "кочевых империй": (1) многоступенчатый иерархический характер социальной организации, пронизанный на всех уровнях племенными и надплеменными генеалогическими связями; (2) дуальный (на крылья) или триадный (на крылья и центр) принцип административного деления империи; (3) военно-иерархический характер общественной организации "метрополии", чаще всего по "десятичному" принципу; (4) ямская служба как особый способ организации административной инфраструктуры; (5) специфическая система наследования власти (империя - достояние всего ханского рода, институт соправительства, курултай); (6) особый характер отношений с земледельческим миром (Крадин 1992; 1996; 2000).

Необходимо также отличать классические кочевые империи от 1) подобных им смешанных земледельческо-скотоводческих империй с большой ролью в их истории кочевого элемента (Арабский халифат, государство сельджуков, Дунайская Болгария, Османская империя) и 2) более мелких, чем империи "квазиимперских" кочевнических государствоподобных образований (касситы, гиксосы, европейские гунны, авары, венгры, Приазовская Булгария, каракидани, татарские ханства после распада Золотой Орды).

Существовали три модели кочевых империй: 1) кочевники и земледельцы сосуществуют на расстоянии. Получение прибавочного продукта номадами осуществляется посредством *дистанционной* эксплуатации: набеги, вымогание "подарков" (в сущности вымогательство, неэквивалентная торговля) и т.д. (хунну, сяньби, тюрки, уйгуры и пр.); 2) земледельцы зависят от кочевников; форма эксплуатации - *данничество* (Золотая Орда, Юань и пр.); 3) номады *завоевывают* земледельческое общество и переселяются на его территорию. На смену грабежам и данничеству приходит регулярное налогообложение земледельцев и горожан (подробнее см.: Крадин 1992: 166-178).

Кочевые империи были организованы в форме "имперских конфедераций". Эти конфедерации имели автократический и государствоподобный вид снаружи (они были созданы для получения прибавочного продукта за пределами степи), но оставались коллективистскими и племенными внутри. Вне всякого сомнения, данную политическую

систему нельзя считать государством, хотя это не означает, что данная система была примитивной. Учитывая ее негосударственный характер, мной было предложено характеризовать "кочевые империи" как **суперсложные вожества** (Крадин 1992; 1996; 2000; 2001a).

Власть правителей степных империй Евразии, основывалась, главным образом, на внешних источниках господства (Barfield 1981; 1992; Khazanov 1984; Fletcher 1986; Golden 1992; Крадин 1992; 1993; Голден 1993 и др.). Правители являлись верховным военачальниками кочевых империй и обладали монополией на представление степной мультиполитии во внешнеполитических связях с другими странами и народами. Это посредничество накладывало на них обязательство перераспределять "подарки", дань и полученную во время набегов добычу. В делах же внутренних шаньюи и каганы обладали гораздо меньшими полномочиями. Большинство политических решений принималось племенными вождями. Такая же двойственность обнаруживается в экономике любой кочевой империи.

Имперский уровень правительства финансировался ресурсами, получаемыми из-за пределов степи, без обложения налогами скотоводов в империи. Получение этой "иностранной помощи" силой или мирными средствами было первоочередной обязанностью имперского правительства (Barfield 1981: 58).

Американский политантрополог весьма точно подметил двойственный характер природы власти правителя степной державы. Рассмотрев на примере хуннской империи структуру власти хуннского шаньюя, он отметил, что в военное время могущество правителя Хунну держалось на необходимости руководства военными действиями, в мирное же время - его положение определялось его способностями перераспределять китайские подарки и товары. Барфилд подробно проанализировал механизм хуннской имперской машины (Barfield 1981: 52-57), который функционировал примерно следующим образом. Шаньюй использовал набеги для получения политической поддержки со стороны племен - членов "имперской конфедерации". Далее, используя угрозы набегов, он вымогал от Хань "подарки" (для раздачи родственникам, вождям племени и дружине) и право на ведение приграничной торговли (для всех подданных).

Из ханьских "подарков" самую большую ценность представлял шелк. Он был включен в число так называемых "стратегических" товаров, которые не могли обмениваться на торговых рынках. Шелк можно было получить только в качестве "подарков" китайской администрации, в обмен на так называемую "дань", преподносимую императору Понебесной. В литературе данные отношения между Китаем и соседними народами, как правило, интерпретируют как особую форму международной торговли, хотя для обозначения этих отношений используется традиционная тенденциозная терминология древнекитайских источников ("дань", "данническая торговля" и пр.).

Однако, поскольку речь идет о доиндустриальных обществах, в которых отношения между людьми выступают не в форме товарно-денежных, а личных связей, более правомерно было бы говорить о так называемых реципрокных дарообменных отношениях (подробнее см.: Мосс 1996; Polanyi 1968; Dalton 1971; Plattner 1989; Салинз 2000 и др.). С точки зрения рациональных экономических отношений обмен "данью" и "подарками" были совершенно абсурдны, поскольку ответные дары многократно превышали первоначальные подношения (Крадин 1996; 1999).

Механизмом, соединявшим "правительство" степной империи и племенных вождей, были институты престижной экономики. Манипулируя подарками и одаривая ими соратников и вождей племен по мере необходимости, шаньюй, хан или каган увеличивал свое политическое влияние и престиж "щедрого правителя" и одновременно как бы связывал получивших дар "обязательством" отдаривания. Племенные вожди, получая подарки, с

одной стороны, могли удовлетворять личные интересы, а, с другой, могли повышать свой внутриплеменной статус путем раздач даров соплеменникам или посредством организации церемониальных праздников. Кроме того, получая от правителя степной империи дар, реципиент как бы приобретал от него часть сверхъестественной благодати, чем дополнительно способствовал увеличению своего собственного престижа.

Раздачи подарков хорошо отражены в письменных источниках. Китайские источники эпохи династии Тан упоминали, что тюркские и уйгурские каганы раздавали подарки китайских императоров вождям племен, а военные трофеи – своему войску (Бичурин 1950а: 298, 299, 314, 330). Рашид ад-Дин описывал молодого Чингис-хана как типичного редиистрибутора.

Этот царевич Тэмуджин снимает одетую (на себя) одежду и отдает ее, слезая с лошади, на которой он сидит, и отдает (ее). Он тот человек, который мог бы заботиться об области, печься о войске и хорошо содержать улус (Рашид ад-Дин 1952б, кн.2: 90).

Однако массовыми раздачами занимался не только Чингис-хан (Рашид ад-Дин 1952б: 233), но и его ближайшие потомки, правившие империей до ее распада на независимые улусы: Угэдей (он же 1960: 19, 41), Гуюк (он же: 119, 121; Плано Карпини 1957: 77), Мункэ (Рубрук 1957: 146; Рашид ад-Дин 1960: 142), Хулагуиды (он же 1946: 67, 100, 190, 215-217), а также вожди и предводители многих кочевых обществ позднего средневековья и нового времени (Толыбеков 1971: 121; Першиц 1994: 146; Хафизова 1995: 201-202 и др.). Хорошо описаны редиистрибутивные механизмы на примере ритуализированного обмена дарами между различными социальными стратами монгольского общества в Цинское время (с той только оговоркой, что монголы в этот период уже не являлись кочевой империей и не получали добычи от дистанционной эксплуатации Китая):

Низшее свободное сословие платило своему нойону чисто номинальную дань, что рассматривалось не столько как экономическое или политическое подчинение, сколько признание своего 'младшего' положения перед 'старшим' - ханом или нойоном, который принимал подношения и отдаривал младшего какими-либо вещами, скотом, иногда даже крепостными из своего хозяйства. Обмен дарами совершался, как правило, публично, на каком-либо массовом празднике типа Надома нескольких хошунов, и эта публичность в признании зависимого положения в значительной степени компенсировала материальную незначительность даров (Жуковская 1988: 106).

Редиистрибутивные механизмы выступают здесь одновременно как бы в двух ипостасях: как каналы циркуляции реальных ценностей и в то же время как средство развития коммуникативной системы. Надлокальная интеграция стабилизируется, таким образом, через "развитие общественных символов" (Johnson, Earle 1987: 322; Салинз 2000: 174).

Можно предположить, что интеграция племен в имперскую конфедерацию осуществлялась не только посредством символического обмена, даров между вождями различных рангов и ханом. Эту же цель преследовали включение в генеалогическое родство различных скотоводческих групп, разнообразные коллективные мероприятия и церемонии (сезонные съезды вождей и праздники, облавные охоты, возведение монументальных погребальных сооружений и т.д.).

Определенную роль в институционализации власти правителей кочевых обществ играли выполняемые ими функции священных посредников между социумом и Небом (Тэнгри), которые обеспечивали бы покровительство и благоприятствование со стороны потусторонних сил. Согласно религиозным представлениям номадов, правитель степного общества (шаньюй, каган, хан) олицетворял собой центр социума и в силу своих божественных способностей проводил обряды, которые должны были обеспечивать

обществу процветание и стабильность. Эти функции имели для последнего громадное значение, поскольку одним из основных элементов идеологической системы архаических и традиционных обществ была вера в магические свойства сакрального правителя (Фрезер 1986; Куббель 1988; Скрынникова 1997; Бондаренко 2000 и многие др.). Подобный набор идеологических обязанностей был достаточно типичен для правителя традиционного общества. Сравнительно-историческое исследование 21 раннего государства, проделанное Х.Дж.М. Классеном, показывает, что в 18 из 19 случаев правитель обладал сверхъестественным статусом; в 17 из 19 случаев он генеалогически был связан с богами; в 14 из 16 случаев он выступал посредником между миром людей и миром богов; в 5 из 18 случаев правитель раннего государства имел статус верховного жреца (Claessen, Skalnik 1978: 556).

Согласно данным представлениям, считалось, что процветание социума, зависит от данных качеств правителя, от его харизмы, от его умения обеспечить благорасположение со стороны Неба и других сверхъестественных сил. Это можно проиллюстрировать примерами из истории кочевых политий разных эпох, в частности, цитатой из *"Алтан тобчи"*:

Когда он (хаган – Н.К.) там жил, то среди народа не было болезней, не было ни надежда скота, ни гололедицы, ни голода (Лубсан Данзан 1973: 271).

В случае невыполнения правителем своих сакральных функций, если вдруг случался массовый джут, эпизоотия и гибель скота от болезни, то неудачливого вождя могли заменить или даже просто убить. Так, в 492 г. жужани отправились в поход на уйгуров двумя военными отрядами. Каган жужаней потерпел несколько поражений, в второй военачальник, его дядя все сражения выиграл. Номады посчитали, что само Небо требует смена власти. Они убили кагана и возвели на престол его дядю (Материалы 1984: 278). Еще одно яркое свидетельство приведено в летописи *"Цидань го чжи"*, повествующее, что у киданей V-IX вв.:

Если племена страдали от бедствий и моровых болезней, а скот приходил в упадок, восемь племен собирались на совещание и выставляли знамя и барабан перед следующим дажэнем, меняя таким образом князя (Е Лунли 1979: 311).

Однажды на шатер монгольского хана Ариг-буги – брата и противника Хубилая в борьбе за монгольский трон в XIII в. – налетел свирепый смерч. Шатер рухнул и поранил много человек. Многие номады посчитали это событие за божественное предзнаменование и откочевали от Ариг-буги (Рашид ад-Дин 1960: 165).

Данные рассказы являются классическим примером концепций традиционного господства М. Вебера, которые основано на убеждении в священном, непререкаемом характере традиций, нарушение которых ведет к тяжелым магиико-религиозным последствиям. Вся человеческая деятельность в таком социуме нацелена на воспроизводство общности на обеспечение стабильного порядка, устраняющего хаос и нестабильность. Легитимность традиционного господства базируется на вере в наследственные способности правителей и жрецов взаимодействовать с потусторонними силами и обеспечивать с их стороны содействие своему народу.

Тем не менее, идеология никогда не являлась доминирующей переменной в балансе различных факторов власти у кочевников. Жизнь степного общества всегда была наполнена реальными тревогами и опасностями, которые требовали от лидера активного участия в их преодолении. Правитель кочевой империи не мог быть только "Сыном Бога", издали взирающим на копошащихся у его ног подданных, подобно египетским фараонам или китайским императорам. Поэтому только божественного статуса было мало для сохранения единства степной империи. Правитель кочевничества обязательно должен был обладать реальными талантами военного предводителя или же талантами организатора

(отыскав способных полководцев), чтобы привести за собой номадов к успеху на поле брани и обеспечить затем своих сподвижников богатствами оседлых народов.

Судя по данным источников, простые кочевники получали в целом немалую долю добычи (в войске Бату-хана, например, 40% от всех доходов [Тизенгаузен 1998: 188]). Разумеется, все награбленное увезти с собой было нельзя. Источники, в частности, свидетельствуют, что у воинов Тимура,

которые с трудом находили необходимое пропитание", после походов в половецкую степь "скопилось столько лошадей и баранов, что во время возвращения идя назад, они не были в силах гнать их, а поэтому некоторых погнали, а некоторых оставляли (там же: 172).

Часто пленники и рабы гибли от тяжелых условий перехода, повозки с награбленным имуществом приходилось бросать, спасаясь от погони. Однако нет оснований сомневаться, что в случае успешных походов результаты намного превосходили предполагаемые ожидания. "[Обилие добычи и скота] доходило до того, что пешие нукеры возвращались обратно с 10 и 20 головами лошадей, а одноконные - со 100 лошадьми и больше" (Тизенгаузен 1941: 118).

Для простых кочевников война была важным, а нередко и единственным способом поддерживать экономически независимое и достойное свободное существование, а для обедневших - достичь его. И именно рядовые номады нередко являлись зачинателями войн и грабительских набегов, оказывая при этом давление на своих вождей и ханов. Напротив, обеспеченные скотовладельцы, как свидетельствуют факты нового времени (впрочем, насколько указанная тенденция характерна для древности и средневековья - это еще вопрос), далеко не всегда предпочитали принимать участие в набеге и грабежах. Своего имущества у них хватало для безбедного существования, средства для вступления в брак своим сыновьям они могли предоставить и без военной добычи, а участие в походах и сражениях связано с известной долей риска (Калиновская, Марков 1987: 62).

В большинстве кочевых структур правитель был вынужден балансировать между аристократией и простыми кочевниками, и было бы ошибочным рассматривать его как самодержца, единолично принимавшего все ответственные решения. Власть лидера держится до тех пор, пока различные внутренние партии и большие социальные группы видят в ней для себя выгоду. В.В. Радлов писал о кочевом хане, что "чем больше выгод доставляет он своим подданным, тем самостоятельнее становится и его власть и тем значительнее собирается вокруг него государство" (1893: 65). Стоило перегнуть палку, как срабатывали механизмы обратной связи.

Покорность в степи, - заметил в этой связи Л.Н.Гумилев, - понятие взаимообязывающее. Иметь в подданстве 50 тыс. кибиток можно лишь тогда, когда делаешь то, что хотят их обитатели; в противном случае лишишься и подданных и головы (1967: 27-28).

Перед недовольным политикой центра вождем открывались следующие альтернативы: (1) побег на юг в Китай; (2) откочевка со своим племенем от метрополии; (3) восстание. Поскольку евразийский степной коридор на востоке упирается Приамурскую тайгу и Манчжурию, безопаснее было бежать на запад. Здесь степь тянется на многие тысячи километров, и можно откочевать так далеко, что затраты на любую карательную экспедицию будут неоправданны. Не случайно, все вынужденные "великие переселения" кочевых народов в истории Евразии (начало миграции хунну в Европу со II в.; отток жужаней в Венгрию в VI в., уход киданей с Елюем Даши в Восточный Туркестан в XII в., откочевка ойратов в Россию в XVII в.) происходили именно в данном направлении. Все это были универсальные способы борьбы со злоупотреблением властью предводителей практически во всех кочевых империях.

Исходя из всего вышеизложенного, было бы не совсем правильным считать, что возникновение кочевой империи представляло собой качественный скачок от племенного общества с сильными родовыми связями к военно-иерархической организации, в которой система традиционных кланово-линейных связей была бы заменена личными иерархическими отношениями. На самом деле любая степная держава была в сущности "имперской конфедерацией" племен и/или вождеств, в которой новые военно-иерархические отношения не только не сменили, а сосуществовали и переплетались со сложной системой кланово-племенной генеалогии номадов.

Местные племенные вожди и старейшины были инкорпорированы в общеимперскую десятичную иерархию. Но их реальная власть держалась на поддержке соплеменников и в известной степени была автономной от политики центра. Возможности влиять на племена со стороны наместников были ограничены. Следовательно, главная опасность единству империи находилась на уровне, связывающем подчиненные племена и имперских наместников. Данная ситуация осложнялась стремлением иноэтничных кочевых племен и других владений к политической независимости.

Вследствие этого, любая кочевая империя, казавшаяся со стороны незыблемой иерархической пирамидой, на деле являлась, в известном смысле, достаточно хрупким механизмом. Теоретически, ее правитель мог требовать от подданных беспрекословного подчинения и издавать любые приказы, однако в реальности его политическое могущество было ограничено рядом объективных обстоятельств: (1) хозяйственная самостоятельность делала племенных вождей потенциально независимыми от центра; (2) главные источники власти являлись достаточно нестабильными и находились вне степного мира; они были связаны с организацией грабительских войн, перераспределением дани и других внешних субсидий, налаживанием торговли с земледельческими странами; (3) всеобщее вооружение ограничивало возможности политического давления сверху; (4) перед недовольными политикой центра племенными группировками открывались возможности откочевки, дезертирства на юг или восстания.

Поэтому политические связи между племенами и органами управления степной империи не были чисто автократическими. Надплеменная власть сохранялась в силу того, что, с одной стороны, членство в конфедерации обеспечивало племенам политическую независимость от соседей и ряд других важных выгод, а, с другой стороны, верховный хан и его окружение гарантировали племенам определенную внутреннюю автономию в рамках империи.

Как можно было поддерживать вертикаль власти в этом мультиполитическом обществе? В отношениях с другими племенами верховный вождь или хан мог рассчитывать, в первую очередь, на поддержку своих родственников. Поэтому для сохранения единства, помимо редистрибуции военной добычи и подарков, правители кочевых империй использовали институт наместников из числа родственников и лично зависимых сподвижников. Подобная система, в частности, была прослежена на примере Хуннской кочевой империи (Barfield 1981; Крадин 1996). В ней часть из высших в империи сановников, носивших титул "темника", были поставлены во главе особых надплеменных подразделений, объединявших подчиненные или союзнические племена в "тмы" численностью примерно по 5-10 тыс. воинов. Данные лица должны были являться проводниками политики метрополии на местах. Точно так же были организованы другие кочевые империи Евразии. Система улусов существовала во всех мультиполитиях кочевников евразийских степей: у усуней (Бичурин 1950б: 191), у европейских гуннов (Хазанов 1975: 190, 197), в Тюркском (Бичурин 1950а: 270) и Уйгурском (Barfield 1992: 155) каганатах, в Монгольской империи (Владимирцов 1934: 98-110).

Кроме этого, во многих кочевых империях были специальные функционеры более низкого ранга, занимавшиеся поддержкой центральной власти в племенах. В империи Хунну такие лица назывались *гудухоу* (Pritsak 1954: 196-9; Крадин 1996: 77, 114-117). В Тюркском

каганате существовали функционеры, посылаемые для контроля над племенными вождями (Бичурин 1950а: 283). Тюрки также посылали своих наместников *тутуков* для контроля над зависимыми народами (Бичурин 1950б: 77; Материалы 1984: 136, 156). Чингис-хан после реформ 1206 г. приставил к своим родственникам для контроля специальных нойонов (Козин 1990: § 243).

Несмотря на все это, всегда имелись причины, которые потенциально способствовали структурной неустойчивости кочевых империй: (1) нестабильные внешние источники поступления прибавочного продукта в отличие от земледельческо-городских обществ; (2) экстенсивная природа скотоводческого хозяйства, не благоприятствовавшая внутренней интеграции и дифференциации экономической инфраструктуры; (3) мобильность и вооруженность кочевников, вынуждавшая верховную власть империй балансировать в поисках консенсуса между различными политическими группами; (4) специфическая (так называемая "удельно-лествичная") система наследования власти, поощрявшая внутренний сепаратизм, согласно которой каждый из представителей правящего линиджа от главных жен имел право в соответствии с очередью по возрасту право на повышение административного статуса и в том числе права на престол; (5) полигамия в среде высшей элиты кочевников (у Чингис-хана, например, было около 500 жен и наложниц и множество сыновей от них; у Джучи 114 сыновей, у Хубилая около 50 сыновей и т.д.; один из чингизидов за то, что он имел более ста сыновей имел шутовское прозвище "сотник"). Даже если теоретически допустить, что "среднестатистический" хан имел, допустим, пять сыновей от главных жен, то при таких же темпах рождаемости он должен был иметь не менее 25 внуков и 125 правнуков. В такой прогрессии уже через 60-70 лет конкуренция за наследство, как правило, должна была привести к кровавым усобицам и, в итоге, к гражданской войне, заканчивающейся резней большей части конкурентов или к распаду улуса. Такую закономерность удалось, в частности, проследить на примере истории Хуннской державы (Крадин 1996). Аналогичные процессы происходили и в других кочевых империях.

В результате, судьба кочевой державы всякий раз зависела от того, насколько ее правитель был способен решить все перечисленные выше проблемы, направить энергию своих многочисленных родственников и соратников вовне собственного социума. Таким образом, степная стихия предъявляла к кандидатам в правители кочевых империй особые требования. Кроме сильных личных амбиций претендент должен был обладать острой интуицией в области политики и войны. Он должен был быть незаурядной личностью, чтобы заново подчинить своей воле подвластные его предшественнику племена и вожества скотоводов, заставить их беспрекословно подчиняться во время войны, проявлять щедрость и великодушие во время дележа добычи и распределения "подарков". Если этого сделать не удавалось, империя номадов была обречена на распад и историческое забвение.

ЛИТЕРАТУРА

- Бичурин, Н.Я. 1950аб [1851]. *Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена*. Т. I.-II. М.- Л.
- Бондаренко, Д.М. 2000. *Доимперский Бенин: Формирование и эволюция системы социально-политических институтов*: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М.
- Вебер, М. 1994. *Избранное. Образ общества*. М.
- Владимирцов, Б.Я. 1934. *Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм*. Л.
- Голден, П.Б. 1993. Государство и государственность у хазар: власть хазарских каганов. *Феномен восточного деспотизма: структура управления и власти*. Отв. ред. Н.А. Иванов. М.: 211-233.
- Гумилев, Л.Н. 1967. *Древние тюрки*. М.

- Е Лунли 1979. *История государства киданей (Цидань го чжи)*. Перев., введ. и комм. В.С.Таскина. М.
- Жуковская, Н.Л. 1988. *Категории и символика традиционной культуры монголов*. М.
- Калиновская, К.П., Марков, Г.Е. 1987. Общественное разделение труда у скотоводческих народов Азии и Африки. *Вестник МГУ, серия История*, № 6: 56-69.
- Козин, С.А. 1990 (перев.). *Сокровенное сказание монголов*. Улан-Удэ.
- Крадин, Н.Н. 1992. *Кочевые общества*. Владивосток.
- Крадин, Н.Н. 1993. Структура власти в государственных образованиях кочевников. *Феномен восточного деспотизма: структура управления и власти*. Отв. ред. Н.А. Иванов. М.: 192-210.
- Крадин, Н.Н. 1996. *Империя Хунну*. Владивосток.
- Крадин, Н.Н. 1999. Экономика кочевой империи: механизм власти хуннских шаньюев. *Традиционная культура Востока Азии*. Вып. 2. Отв. ред. Д.П. Болотин, А.П. Забияко. Благовещенск: 225-232.
- Крадин, Н.Н. 2000. Кочевники, мир-империи и социальная эволюция. *Альтернативные пути к цивилизации*. Отв. ред. Н.Н. Крадин, А.В. Коротаев, Д.М. Бондаренко, В.А. Лынша. М.: 314-336.
- Крадин, Н.Н. 2001а. Кочевничество в современных теориях исторического процесса. *Время мира. Альманах. Вып. 2: Структуры истории*. Новосибирск: 369-396.
- Крадин, Н.Н. 2001б. *Политическая антропология*. М.
- Куббель, Л.Е. 1988. *Очерки потестарно-политической этнографии*. М.
- Лубсан Данзан 1973. *Алтан Тобчи ("Золотое сказание")*. Пер. Н.П.Шастиной. М.
- Марков, Г.Е. 1976. *Кочевники Азии. Структура хозяйства и общественной организации*. М.
- Масанов, Н.Э. 1995. *Кочевая цивилизация казахов (основы жизнедеятельностиномадного общества)*. Алматы: Социнвест; М.
- Материалы 1984: *Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху*. Введ., перевод и коммент. В.С. Таскина. М.
- Мосс, М. 1996. *Общества. Обмен. Личность: Труды по социальной антропологии*. М.
- Павленко, Ю.В. 1989. *Раннеклассовые общества (генезис и пути развития)*. Киев.
- Першиц, А.И. 1994. Война и мир на пороге цивилизации. Кочевые скотоводы. *Война и мир в ранней истории человечества*. М., 1994: 129-244.
- Плано Карпини, Дж. 1957. История Монгалов. *Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука*. Отв. ред. Н.П. Шастина М.: 23-83.
- Радлов В.В. 1893. *К вопросу об уйгурах*. СПб. (Приложение к LXXIIМу тому Записок Имп. Акад. наук № 2).
- Рашид ад-Дин. 1946. *Сборник летописей*. Т. III. М.- Л.
- Рашид ад-Дин. 1952аб. *Сборник летописей*. Т. I. Кн. 1-2. М.- Л.
- Рашид ад-Дин. 1960. *Сборник летописей*. Т. II. М.- Л.
- Рубрук, Г. 1957. Путешествие в восточные страны. *Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука*. Отв.ред. Н.П. Шастина. М.: 85-194.
- Салинз, М. 2000. *Экономика каменного века*. М.
- Скрынникова, Т.Д. 1997. *Харизма и власть в эпоху Чингис-хана*. М.
- Тизенгаузен, В.1884. *Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды*. Т.I. СПб.
- Тизенгаузен, В. 1941. *Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды*. Т.II. М.- Л.
- Толыбеков, С.Е. 1971. *Кочевое общество казахов в XVII - начале XX века. Политико-экономический анализ*. Алма-Ата.
- Фрэзер, Дж. 1986 [1923]. *Золотая ветвь*. М.
- Хазанов, А.М. 1975. *Социальная история скифов. Основные проблемы развития древних кочевников евразийских степей*. М.

- Хафизова, К.Ш. 1995. *Китайская дипломатия в Центральной Азии XIV-XIX вв.*. Алматы.
- Bacon, E. 1958. *Obok. A Study of Social Structure of Eurasia*. New York.
- Barfield, T. 1981. The Hsiung-nu Imperial Confederacy: Organization and Foreign Policy. *Journal of Asian Studies* 41 (1): 45-61.
- Barfield, T. 1992. *The Perilous Frontier: Nomadic Empires and China, 221 BC to AD 1757*. Cambridge (First published in 1989).
- Claessen, H.J.M., Skalnik, P. 1978 (eds.). *The Early State*. The Hague.
- Claessen, H.J.M., van de Velde, P. 1991 (eds.). *Early State Economics*. New Brunswick & London.
- Dalton, G. 1971. *Economic anthropology and Development, Essays of tribal and peasant economies*. New York.
- Earle, T. 1997. *How Chiefs Come to Power: The Political Economy in Prehistory*. Stanford (Cal.).
- Ekhholm, K. Friedman, J. "Capital" imperialism, and exploitation in ancient world systems. *Power and propaganda. A symposium on ancient empires*. Ed. by M.T. Larsen. Copenhagen: 41-58.
- Fletcher, J. 1986. The Mongols: ecological and social perspectives. *Harvard Journal of Asiatic Studies* 46 (1) 11-50.
- Golden P.B. 1992. *An Introduction to the History of the Turkic Peoples: Ethnogenesis and State Formation in Mediaeval and Early Modern Eurasia and the Middle East*. Wiesbaden.
- Irons, W. 1979. Political Stratification Among Pastoral Nomads. *Pastoral Production and Society*. Cambridge.
- Johnson, A.W., Earle, T. 1987. *The Evolution of Human Societies: From Foraging Groups to Agrarian State*. Stanford (Cal.).
- Khazanov, A.M. 1984. *Nomads and the Outside World*. Cambridge.
- Krader, L. 1963. *Social Organization of the Mongol-Turkic Pastoral Nomads*. The Hague.
- Lattimore, O. 1940. *Inner Asian Frontiers of China*. New York and London.
- Mann, M. 1987. *The Sources of Social Power*. Vol. I: *A History of Power From the Beginning to A.D. 1760*. Cambridge etc.
- Mann, M. 1993. *The Sources of Social Power*, Vol. II: *The Rise of Classes and Nation-States, 1760-1914*. Cambridge.
- Plattner, S. 1989 (ed.). *Economic Anthropology*. Stanford.
- Polanyi, K. 1968. *Primitive, archaic and modern Economics*. Ed. by G. Dalton. New York.
- Pritsak, O. 1954. Die 24 Ta-ch'en: Studie zur Geschichte des Verwaltungsaufbaus der Hsiung-nu Reiche. *Oriens Extremus* 1: 178-202.
- Webb, M. 1975. The Flag Follows the Trade. An Essay on the Necessary Interaction of Military and Commercial Factors in State Formation. *Ancient Civilization and Trade*. Ed. by J. Sabloff and C. Lamberg-Karlovsky. Albuquerque: 155-209.
- Weber, M. 1922. *Wirtschaft und Gesellschaft*. Tubingen: Verlag von J.C.B. Mohr (P. Siebeck).

ОСОБЕННОСТИ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ САРМАТО-АЛАНОВ И ИХ ВОСПРИЯТИИ В ДРУГИХ КУЛЬТУРАХ

С. А. Яценко

Для изучения социального развития ранних кочевников обычно привлекают "эталонные" материалы причерноморских скифов-сколотов и монгольских хунну. При этом вне поля зрения исследователей остаются данные по таким важнейшим группам племен, как южноказахстанские усунь (исключение: Кычанов 1997: 46-50) и кангюйцы, европейские сарматы и ранние аланы.

Объективно яркий и обильный сарматский материал представляет огромный интерес для кочевниковедения. У далеких потомков кочевников римского времени – осетин документируются такие ценнейшие реликты как весьма архаичные нартский героический эпос и этнографические традиции, во многом восходящие к очень ранним эпохам (о переменах отношения ученых к этим источникам см: [Яценко 1998г: 67-68]; одну из подобных попыток см.: [Чочиев 1985]). Однако исследователи пока не приступали к всестороннему анализу этого материала. Сколько-нибудь крупные работы по социальному строю сарматов отсутствуют, несмотря на то, что их археологические памятники на сегодняшний день, пожалуй, изучены среди ранних кочевников Евразии наиболее полно. Представителям различных наук (археологии, классической филологии, лингвистики, фольклористики и этнологии) еще предстоит объединить усилия для плодотворного исследования социальных структур сармато-аланов.

Письменные сведения на эту тему в сравнении с аналогичными данными по скифам лишней раз демонстрируют тенденциозность и необъективность греко-римских авторов. Если скифы зачастую идеализировались, представлялись как мудрый народ, живущий простой жизнью, непобедимый благодаря справедливым обычаям и не совсем чуждый усвоению норм эллинской цивилизации, то в отношении сарматов и ранних аланов мы не находим и следов подобных восторгов.

Весьма характерно замечание Флора: они якобы "коснеют в таком диком варварстве, что даже не понимают мира" (Flor. Liv. Epit. II. 29); постоянно звучат упреки им в вероломстве (Тацит, Тертуллиан и др.). Более чем сдержанны и похвалы римлян в отношении сарматского ремесла и искусства; лишь Павсаний, описывая, видимо, богато декорированный сарматский боевой доспех, хранящийся в храме Асклепия в Афинах, вынужден на его примере признать, что "варвары способны к искусству ничуть не меньше эллинов" (Pausan. I. 21. 5). Как справедливо отметил английский исследователь Д. Браунд (1994: 169), у античных авторов "сарматская "дикость" разрабатывается как средство исследования греко-римской "цивилизации". Это означает, что классические описания сарматов... глубоко идеологизированы".

Думаю, для подобных откровенно негативных оценок были определенные основания, связанные с разницей в культурной ориентации. Действительно, сарматы, в отличие от скифов, были явно ориентированы на контакты не с греко-римской, а с более восточными цивилизациями (Китай, парфянский Иран, Кушания и др.), гораздо меньше поддавались античному влиянию и, напротив, сами смогли оказать заметное воздействие на греческих колонистов, особенно – со II в. н.э. (т.н. "сарматизация") (Яценко 1994а: 201). Недавно был точнее переведен с китайского и прокомментирован фрагмент из "Вэй люэ" (цитируемый Чэнь Шоу в "Саньго чжи", XXX), свидетельствующий о сильной и длительной политической зависимости части сарматов (вплоть до Нижнего Дона – Лю?) от казахстанской "кочевой

империи" Кангюй / Кангха примерно с начала I по начало III вв. н.э. (Зуев 1995: 39-40). Любопытно, что с политическим усилением Кангюя в начале I в.н.э. совпадает и появление в Сарматии дорогих подражаний изделиям т.н. "бирюзово-золотого звериного стиля" с изображениями среднеазиатской фауны (гепард, чубарый олень и др.), заметно отличающихся по облику от бактрийских и парфянских изделий (Яценко 2000а: 178-179).

Если тенденциозность греко-римских писателей легко объяснима, то труднее понять причины игнорирования многих известных сведений современными учеными. Фактически, мы отчасти оказались в плену античных стереотипов и оценок сарматов и скифов. Исследователей также, вероятно, дезориентирует ряд принципиальных отличий социальной структуры, системы ценностей, представлений о погребальных обрядах знати от скифских (традиционно воспринимаемых как эталонные, более яркие и изученные гораздо раньше). Например, ведущие специалисты убеждены, что "социальные различия сарматов во все времена фиксировались, в первую очередь... затратой трудовых ресурсов на устройство погребальных сооружений" (Скрипкин 1992: 29).

Однако в реальной действительности все обстоит наоборот: в отличие от скифских, богатейшие курганы которых буквально утопали в золоте, самоцветах и шелках, погребения царей сармато-аланов были внешне неприметными холмиками со скромными сооружениями под насыпью и несколькими боковыми тайничками (куда и помещались основные ценности). Сарматское общество гораздо более экономно и разумно относилось к материальным ценностям: для умершего царя уже не помещают в могилу десятки задушенных слуг и лошадей (даже одна целая лошадь символически заменяется уздечкой), саму могилу не помпезно демонстрируют, а прячут; положенная с умершим драгоценная утварь обычно типологически гораздо более однородна (и далеко не охватывает основные стороны быта). Именно эти разумные ограничения, стадийно более поздние, почему-то до сих пор иногда воспринимаются как еще одно свидетельство отсталости сарматов по сравнению со скифами (Яценко 1994а: 203).

Основателем сарматологии был всемирно известный ученый М.И. Ростовцев. Будучи лучшим среди сарматологов знатоком античных письменных источников и обладая блестящей исследовательской интуицией, он еще в начале 1920-х годов сформулировал свои основные идеи по культурной и социальной истории сарматов. Он предполагал частые миграционные волны в Европу из разных частей Западного Туркестана и изначально восточную ориентацию этих этносов. По мнению Ростовцева, сарматы создали серию примитивных государств (1989: 198) с городскими центрами и достаточно развитой социальной структурой и оказали большое культурное влияние на греческих колонистов и подчиненные земледельческие племена.

После вынужденной эмиграции на Запад работы "буржуазного ученого", "белоэмигранта" и убежденного монархиста М.И. Ростовцева, высказанные им положения стали объектом постоянной явной и скрытой критики советских исследователей-марксистов. Можно сказать, что эта полемика отчасти и создала ряд ведущих постулатов сарматологии, которые являлись как бы зеркальным отражением (со знаком "минус") концепции Ростовцева.

Основные контраргументы (зачастую априорно выводимые из ряда общетеоретических положений) сводились к следующему. Роль миграций в истории сарматских народов (в соответствии с официально одобренным Сталиным учением академика Н.Я. Марра) была ничтожной. Следовательно, вся картина социального развития десятков разных племен, сменявших друг друга в течение многих веков в Сарматии, была лишь единым и медленным поступательным движением (из последних публикаций: (Гутнов 1997: 16). Фактически признаются только внешние стимулы развития общества (торговля и др.). Слабые контакты с античной цивилизацией однозначно свидетельствуют об их большей примитивности, чем скифов. Все племена имели одинаковый уровень развития. О государственности,

наследственной царской власти, сколько-нибудь сложной социальной структуре, о наличии устойчивых прото-сословий, полупрофессиональной торговли, ремесел и городов, о монетной чеканке не может быть и речи (все сведения древних авторов и эпиграфики в пользу противоположного объяснялись цепочкой недоразумений, неточными указаниями информаторов и т.п.). Сарматы, как теперь утверждалось, имели крайне примитивные культуру и искусство, а потому о серьезной сарматизации соседних народов говорить не приходится. Все яркие художественные произведения негреческого и неперсидского облика автоматически объявлялись импортом из дальних стран, проникавшим благодаря функционированию "Шелкового пути". Опорой этой концепции, к сожалению, до сих пор служат весьма произвольно отобранные немногочисленные факты, иллюстрированные версии более чем полувекковой давности. Из работы в работу переходили ссылки на якобы существующие у сарматов традиции "матриархата", решительное (и при этом – априорное) отрицание государственности¹ (постоянно цитировались туманные сообщения из "Авесты" (Vend. I. 20. 76-78) о неких кочевниках на Волге, живущих "без главы", "не знающих власти верховных правителей") и утверждения, что их оседание на землю будто бы при любых обстоятельствах было невозможно.

Не вызывают симпатий современных авторов и попытки сарматов (в отличие от скифов) во многих случаях самостоятельно, без помощи греко-римских мастеров проиллюстрировать в искусстве собственные мифологию и эпос (Яценко 1996б; 2000б; 2000в), оформить оригинальные атрибуты власти и т.п. В этом по непонятной причине тоже видят свидетельство их "отсталости".

При сопоставлении культур скифов и сармато-аланов ученые невольно используют "двойной стандарт": например, наличие большого процента погребений женщин-воительниц у сарматов свидетельствует, якобы, об особом архаизме их социальной организации, а у скифов – нет! (Яценко 1994а: 202-203; табл. 1,1). Не упомянутые ни в одном источнике города и иные стационарные поселения скифов долго выявились и тщательно исследовались, а многократно упоминаемые "поселения сарматов" (Hippol. Port. Lib. Generat. 34) объявляются фантомами, результатом "ошибок" древних авторов, путаницы их информаторов и т.п. и никогда не разыскивались (Яценко 1994в: 69-70). В результате исследовался лишь один из раннеаланских городов – Зилги на Северном Кавказе (Осетия) II-IV вв. (Arzhantseva, Deopik, Malashev 2000: 211-250).

Оригинальная история исследования общественного строя и культуры сарматов, ее своеобразная "отрицательная зависимость" от "эталонных" выводов, сделанных по скифам, уже неоднократно служили предметом моего специального внимания. С 1990 г. в ряде докладов² и статей мною постепенно обобщались данные по социальному строю сармато-аланов – как письменные, так и археологические. Выявляемая картина оказалось весьма неожиданной и для меня и для многих коллег-сарматологов. Ведь общепринятым было мнение, что "об общественных отношениях... письменные источники сообщают нам чрезвычайно мало сведений" (см., например: Мошкова 1988: 208).

Более детальный обзор письменных источников (прежде всего – греко-римских и армянских)³ напротив, показал, что объем сведений по общественному строю по объему и качеству информации не только не уступает, но по многим параметрам превосходит аналогичные данные по скифам (причем большинство свидетельств никогда не привлекались в данном контексте). При этом данные римских и армянских авторов часто нуждаются в дополнительном источниковедческом анализе (выяснение источников информации, датировка сообщений и их территориальная локализация) (Яценко 1996а: 152-156).

В действительности во многих отношениях письменные источники по сарматам уникальны для ранних кочевников в целом. Например, только в них мы находим подробную информацию о церемонии венчания на царство (Plut. De Fluv. XIV. 3) и атрибутах правителей, об особом статусе цариц (Dio Chrys. Orat. Borisph. II. 48; Polyæn. Strat. VIII. 56)

о наличии братьев-соправителей ("Картлис цховреба" - Базук и Амбазук и, вероятно, Ферош и Кавтия; "величайшие цари Аорсии" в ольвийской надписи?). Уникальны также сведения о мобилизациях и подготовке женщин-воительниц (Pomp. Melae. De Chorogr. I. 21. 5, 114; III. 4. 35), об отрядах профессиональных дружинников (Фавстос Бузанд. История Армении. III. 6). Значительный интерес представляют наблюдения Корнелия Тацита, впервые для ранних кочевников описывающего городскую фортификацию (Успа у сираков) и сообщающего о царских дворцах у сарматов-аорсов (Tacit. Annal. XII. 17-18). Упоминается целая серия возникших в Степи городов (с названиями и даже географическими координатами: прежде всего Ptol. Geogr. V. 8). Именно сарматы первыми из евразийских номадов стали частичными последователями одной из "мировых религий": уже на рубеже II-III вв. Тертуллиан отдельные их племена, видимо – дунайских языгов, называет среди якобы "принявших веру Христа" (Tertul. Advers. Iud. VII). В целом часто воевавшие с сарматами римляне гораздо более подробно описывают их военные обычаи, чем греки – скифские (тактику в сражении, организацию набегов, захват и выкуп пленных, подготовку женщин-воительниц).

Сарматские правители (точнее – правящий царский род: Lucian. Tox. 51; Мовсес Хоренаци. История Армении. II. 50, 58) проявляли большую дипломатическую активность, их послы и переводчики добирались до самого Рима, многих отдаленных стран. Языками сарматской дипломатии были, видимо, как латынь, так и греческий (именно на них явно написаны и сохранившееся письмо Эвнона Аорского императору Клавдию и письма царя кавказских аланов Трдату III армянскому). Кочевники Сарматии создавали в случае подготовки масштабной войны большие коалиции со многими оседлыми независимыми племенами, как это было во 2-й пол. I – нач. II вв. на Кавказе ("Картлис цховреба") и в Крыму (энкомий воспитателя Савромата I, обнаруженный в 1985 г. в Керчи: [Vinogradov 1994: text 15]). Дань на побежденных (например, на озов в Центральной Европе: Tacit. Germ. 43) могла налагаться пополам совместно с земледельческими союзниками. Видимо, особую роль у сарматов играла массовая организация выкупа пленных противников их родственниками (имеется целая серия подобных разновременных свидетельств: Ованнес Мамиконян. История Тарона; Dio Cass. Hist. Rom. LXXIII. 3; Ambros. De Excid. Urb. Hieros. V. 1). Сопоставление письменных источников разных стран с археологическими уже позволяет детально восстановить этно-политическую историю одного из "позднесарматских" этносов II-IV вв. на Северном Кавказе (аланы – маскуты/массагеты равнинного Дагестана: [Яценко 1998в: 86-95]).

По наблюдениям В.И. Абаева, цари сарматов носили титул, близкий скифскому ksais, а вожди мелких племен и местные князья – титул ardar / рукодержец (последних можно сопоставить со "скипетроносцами": Tacit. Annal. VI.33);⁴ рабов именовали čagar. Вероятно, рядовых свободных мужчин-воинов называли "благородными" (Amm. Marc. Res gestae. XXXI. 2. 25), что сохранялось в наиболее архаичных общинах Осетии еще в XIX в. (Бзаров 1994: 43). Имеются сведения и о некоторых общественных должностях ранних аланов, например – о "втором человеке" после царя, "возлежавшем на втором месте" и не принадлежавшем к царскому клану (Антон Пустынный) и о судьях в общинах, выбираемых из рядовых опытных воинов (Amm. Marc. Res gestae. XXXI. 2).

Гораздо сложнее оказалось выявить социальные группы на археологическом материале (по находкам в погребениях). Е.Л. Гороховский выделял 4 типа сарматских погребений: княжеские, аристократические, рядовые и бедные (1989: 19). Если до середины 1980-х годов сарматологов интересовали, в основном, погребения рядовых скотоводов, то в последнее десятилетие возник интерес даже к публикации аристократических курганов, изученных на рубеже XIX-XX вв. Раскопки последних 15 лет показали. Что именно могилы сарматских царей (при том, что практически все они дошли до нас частично разрушенными или ограбленными), возможно, были наиболее богатыми среди ранних кочевников и часто содержали тысячи золотых вещей (тайник такого кургана как "Дачи").

В упомянутом докладе 1990 г. мною были предложены критерии различения частично разграбленных могил представителей царских родов (группа 1)⁵ и высшего сословия аристократов-ардаров (группа 2)⁶ в I – сер. II вв. В группе 1 встречены золотые гривны с зооморфными изображениями или геммами, комплекты предметов импортной серебряной посуды и точильные камни в золотой оправе. Кроме этого, для мужчин характерны такие атрибуты как обильно украшенные золотом пояс и меч, личные знамена (Дачи), конская упряжь с золотыми бляхами, серебряные сосуды разных типов с изображениями местных мифо-эпических сцен, серебряные кубки с зооморфными ручками. У женщин встречены золотые диадемы и браслеты с мифологическими сюжетами, золотые кубки с зооморфной ручкой и туалетные флаконы. В группе 2 у мужчин представлены пояса и конская упряжь с позолоченными пряжками и бляхами и простые по оформлению золотые браслеты, меч с более скромным золотым декором, бронзовая импортная посуда. У женщин известны скромные диадемы или гривны с включением мелких золотых элементов, особые скипетры, специфические ожерелье из амулетов и сумочка с амулетами, единичные идольчики, серебряные туалетные флаконы и перстни, большинство предметов окрашено в красный цвет. В целом только для сарматов известна серия погребений людей (знатных женщин) с ярко выраженными культовыми функциями, с большими наборами разнообразных амулетов и иных культовых атрибутов (Яценко 1986: 182-184). Они, в частности, особенно характерны для предполагаемых жен правителей небольших племен *ardar* – "скипетроносцев" (подробнее см.: Яценко 1994б: 85-86).

Исключительное значение имеет большая группа известных в эпиграфике соседних греческих городов имен-прозвищ проникших в эти центры сарматов. Такие имена (сохранившиеся в греческой транскрипции) давались явно уже взрослым людям и отражали их социальный статус, профессиональную специализацию, религиозные представления и т.д. Особенно интересны имена-прозвища предполагаемых дружинников, оседлых ремесленников и торговцев (Яценко 1998б: 54-55). Установлено, что финно-угорские соседи переняли у сарматов такие слова как "приятель", "князь", "божество", наряду с теми, которые связаны с военными набегами ("жеребец", "перекресток дорог", "бояться", названия меча и боевого топора и др.) (Абаев 1981: 87-88).

Положение женщины в сарматском обществе было более высоким, чем у скифов (что отражается у элиты в отсутствии сведений о гаремах и неоднократных упоминаниях о финансовой и иной самостоятельности замужних цариц: Polyaeu. Strat. VIII. 56; Dio. Chrys. Orat. Botrisph. II. 48), а также в меньшей доле женщин-воительниц в погребениях (ведь у скифянок, похоже, многие так и не могли убить положенного числа врагов и оставались незамужними) (Яценко 2001). Однако и в этом нет оснований видеть пережитки далекой ранней первобытности; подобная разница может свидетельствовать скорее об иной ментальности и этнокультурной специфике. Интересно, что у племен позднесарматского времени (сер. II – кон. IV вв.) известна традиция хоронить в курганных некрополях преимущественно пожилых мужчин определенного статуса (Балабанова 2000: 206). Сарматы (точнее – донские аланы рубежа II-III вв. н.э.) ввели в употребление в Степной зоне стандартную экипировку дружинников-профессионалов (Безуглов 1997: 137-138).

В целом мнение о существовании социальной отсталости всех сармато-аланских племен по сравнению, например, с европейскими скифами V-IV вв. до н.э. не подтверждается. Сегодня также ясно, что в среднем каждые 100-150 лет во многие регионы Сарматии вливались новые группы восточных мигрантов, привнося в местные процессы существенные коррективы (Яценко 1998а: 146).

Примечания

1. В числе немногих исключений – мнения отдельных ученых о наличии государства у сираков Кубани (Струве 1968: 187 и др.) и донских аланов I - II вв. (Гаглойти 1966: 83 и др.).
2. Прежде всего это доклад "О социально-политическом развитии сармато-аланов" в скифо-сарматском отделе Института археологии, Москва, 16.05.1990.
3. Активному привлечению письменных источников мешает и распространившийся в последнее десятилетие гиперскептицизм в отношении их использования археологами (а не только филологами-классиками и эпиграфистами). Многим__сейчас дело представляется так, будто последние (как узкие специалисты) гарантированы от ошибок, или же археолог не способен в случае необходимости уточнить перевод у хорошего эпиграфиста...
4. По данным древнейшей армянской агиографии, попавшие в Армению аланские аристократы на родине были "прославлены и могучи, принадлежали к высшему сословию и были первыми в бою" ("Мученичество Воскянов").
5. К ним можно отнести: Дачи; Косика, могила 1; Высочино VII, курган 28; Садовый; Пороги; Запорожский (мужчины); Хохлач, Кобяково, курган 10; Мигулинская; Ногайчин; Армавир, покупка 1904 г.; Тузлуки, курган 2/1 (женщины).
6. К ним относятся: Никольское, курган 12; Кирсановский III, курган 2; Волга-Чограй XXXVIII, курган 1 (?); Грушка; Первомайский VII, курган 14; (мужчины); Соколова Могила; Чугуно-Крепинка, курган 2; Сладковка, курган 14; Тифлисская, курган 20; Усть-Лабинская, курган 32 (женщины).

ЛИТЕРАТУРА

- Абаев, В.И. 1981. Доистория индоиранцев в свете арио-уральских языковых контактов. *Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности (II тысячелетие до н.э.)*. Отв. ред. М.С. Асимова и др. М.: 84-89.
- Балабанова, М.А. 2000. Демография поздних сарматов. *Нижневожский археологический вестник*. Вып. 3. Волгоград: 201-107.
- Безуглов, С.И. 1997. Воинское позднесарматское погребение близ Азова. *Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону*. Вып. 14. Азов: 133-142.
- Бзаров, Р.С. 1994. Осетинская гражданская община. *Тезисы докладов на международной научной конференции по осетиноведению, посвященной 200- летию со дня рождения А.М. Шегрена* Отв. ред. А.А. Магомедов. Владикавказ: 41-44.
- Браунд, Д. 1994. "Препарируя сарматов": проблемы источниковедческой и археологической методологии. *Вестник древней истории*, № 4: 168-173.
- Гаглойти, Ю.С. 1966. *Аланы и вопросы этногенеза осетин*. Тбилиси.
- Гороховский, Е.Л. 1989. *Хронология ювелирных изделий первой пол. I тыс. н.э. Лесостепного Поднепровья и Побужья*. Автореф. дисс... канд. ист. наук. Киев.
- Гутнов, Ф.Х. 1997. *Средневековая Осетия: проблемы социальной истории*. Автореф. дисс... докт. ист. наук. Владикавказ.
- Зуев, Ю.А. 1995. Сармато-Аланы Приаралья (Яньцай-Абзойя). *Культуры кочевников на рубеже веков: проблемы генезиса и трансформации*. Отв. ред. К.Б. Кекилбаев. Алматы: 38-45.
- Кычанов, Е.И. 1997. *Кочевые государства от гуннов до маньчжуров*. М.
- Мошкова, М.Г. 1988. *Пути и особенности развития савромато-сарматской культурно-исторической общности*. Автореф. дисс... докт. ист. наук. М.
- Ростовцев, М.И. 1989. Скифия и Боспор. Т. III. Гл. V. *Вестник древней истории*, № 1: 192-209.
- Скрипкин, А.С. 1992. *Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии, периодизации и этнополитической истории*. Автореф. дисс... докт. ист. наук. М.

- Струве, В.В. 1968. *Этюды по истории Северного Причерноморья, Кавказа и Средней Азии*. Л.
- Чочиев, А.Р. 1985. *Очерки истории социальной культуры осетин*. Цхинвали.
- Яценко, С.А. 1986. Сарматские "жрицы". *Хозяйство и культура доклассовых и раннеклассовых обществ. Тез. докл. III конференции молодых ученых ИА АН СССР*. Отв. ред. В.С. Ольховский. М.: 182-184.
- Яценко, С.А. 1994а. К истории формирования одного из ключевых стереотипов сарматологии. *Элитные курганы степей Евразии в скифо-сарматскую эпоху*. Отв. ред. А.Ю. Алексеев и др. СПб.: 200-204.
- Яценко, С.А. 1994 б. Наборы амулетов среди атрибутов одной из групп знатных сармато-аланок европейских степей сер. I – сер. II вв.н.э. *"Вещь в контексте культуры"*. *Материалы научной конференции*. Отв. ред. Т.Н. Димитриева, В.А. Хршановский. СПб.: 85-86.
- Яценко, С.А. 1994в. Процесс оседания кочевых аланов в Приазовье в сер. I – сер. III вв.н.э.: города и кочевые стоянки. *Взаимоотношения культур и цивилизаций и ритмы культуругенеза*. Отв. ред. В.М. Массон. СПб.: 69-70.
- Яценко, С.А. 1996 а. Письменные и археологические источники о государственности и общественном строе кочевых сармато-аланов I-IV вв.н.э. *Международная конференция "100 лет гуннской археологии. Номадизм - прошлое, настоящее в глобальном контексте и исторической перспективе. Гуннский феномен"*. Тез. докл. Ч. I. Отв. ред. С.В. Данилов. Улан-Удэ: 182-185.
- Яценко, С.А. 1996 б. Некоторые культовые сюжеты в искусстве сарматов Северного Кавказа I в. до н.э. – I в.н.э. *Между Азией и Европой. Кавказ в IV-I тыс. до н.э. Материалы конференции*. (Отв. ред. Ю.Ю. Пиотровский). СПб.: 154- 158.
- Яценко, С.А. 1998 а. К вопросу о "застойности" кочевых обществ (на материале европейских номадов сарматской эпохи). *Социальная антропология на пороге XXI века. Тезисы и материалы конференции*. (Отв. ред. Ю.М. Резник). М.: 145- 147.
- Яценко, С.А. 1998 б. Имена аланов из Танаиса второй пол. II – первой пол. III вв. н.э. как исторический источник. *Донская археология*, № 1: 54-55.
- Яценко С.А., 1998 в. "Бывшие массагеты" на новой родине – в Западном Прикаспии (II-IV вв. н.э.). *Историко-археологический альманах*, вып. 4. Армавир, М.: 86-95.
- Яценко, С.А. 1998 г. Сарматские погребальные ритуалы и осетинская этнография. *Российская археология*, № 3: 63-74.
- Яценко, С.А. 2000 а. О мнимых "бактрийских" ювелирных изделиях на территории Сарматии I-II вв. н.э. *Нижневолжский археологический вестник*, вып. 3. Волгоград: 172-185.
- Яценко, С.А. 2000 б. Эпический сюжет ираноязычных кочевников в древностях Степной Евразии. *Вестник древней истории*, № 4: 86-104.
- Яценко С.А., 2000 в. Антропоморфные образы в искусстве ираноязычных народов Сарматии II-I вв. до н.э. *Stratum plus*, № 4. СПб., Кишинев (В печати).
- Яценко, С.А. 2001. Статус женщины в сарматском обществе: проблемы интерпретации источников. *Методы изучения культуры в России*. (Отв. ред. Г.И. Зверева) М. (В печати).
- Arzhantseva, I., Deopik, D., Malashev, M. 2000. Zilgi: An Early Alan Proto-City of the First Millenium AD on the Boundary Between Steppe and Hill County. *Colloquia Pontica*. Vol. 5. Leiden, Boston, Köln: 211-250.
- Vinogradov, Yu.G. 1994. Greek epigraphy of the North Black Sea coast, the Caucasus and the Central Asia(1985-1990). *Ancient Civilizations from Scythia to Siberia*, vol.1. Leiden: 1-14.

РАЗВИТИЕ ИЕРАРХИЧЕСКИХ СТРУКТУР В ОБЩЕСТВАХ ЭПОХИ БРОНЗЫ И РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА ЮГА ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ (опыт диахронного историко-археологического анализа)*

А. П. Медведев

Одним из позитивных явлений современной отечественной археологии является поиск новых исследовательских подходов к изучению древних обществ, которые раньше в нашей науке рассматривались как позднепервобытные. В частности, это относится к переоценке уровня социокультурного развития населения эпохи бронзы и раннего железного века степной и лесостепной Евразии, "непервобытный" характер которых становится все более очевидным. К пересмотру устоявшихся концепций исследователей побуждал ряд обстоятельств как объективных, так и субъективных. К 1980-м годам они все чаще вступали в противоречие с новыми археологическими материалами, прежде всего с яркими результатами раскопок памятников эпохи бронзы типа Синташты и Аркаима. Их курганные некрополи содержали захоронения с колесницами и другим престижным инвентарем, а поселения выделялись сложными планировочными структурами радиально-круговой планировки и наличием укреплений (Генинг 1977: 54-72; Генинг и др. 1992: 375-387; Зданович 1995: 21-42). Изучение последних с каждым сезоном все нагляднее свидетельствовало об ином уровне социокультурного развития оставивших их сообществ, нежели допускала старая научная доктрина.

С другой стороны, с 1970-х годов при интерпретации уровня развития скотоводов эпохи бронзы и раннего железного века ученые все активнее стали привлекать заключения Ж. Дюмезиля, который, как тогда казалось, надежно доказал изначальное деление обществ индоевропейцев и индоиранцев на три социальных слоя - жрецов, воинов и трудовое население (Dumezil 1958). Обращение историков и археологов к богатому теоретическому наследию французского ученого стимулировало исследования по этносоциальной тематике и идеологии обитателей Евразийских степей II - I тыс. до н.э., нацеливало их на более конкретную социальную интерпретацию памятников (Хазанов 1974: 183-192; Кузьмина 1974: 68-87; Смирнов, Кузьмина 1977: 54-57; Раевский 1977: 145-147), хотя и далеко не во всем подтвердило его основную идею (Медведев 1997: 99-113).

Появлению нового спектра оценок древних скотоводческих обществ безусловно способствовали достижения современной исторической политологии и потестарной этнографии в изучении общетеоретических проблем социогенеза, в частности, разработка понятийного аппарата для описания переходных ступеней от первобытно-общинного строя к классовому обществу и государству, таких как "комплексное общество", "раннеклассовое общество", "вождество", "раннее государство" (Куббель 1988; Павленко 1989; Коротаев, Чубаров 1991; Крадин 1995; Крадин, Лынша 1995; Попов 1995). Наконец, к пересмотру устоявшихся концепций многих исследователей побуждал цивилизационный подход, который стал активно внедряться в нашу науку с рубежа 1980-1990 годов на смену ранее безраздельно господствовавшему формационному.

Не прошли мимо его и археологи. С начала 1990-х годов в отечественной археологической науке явственно ощущается стремление использовать ставшую ныне престижной новую "цивилизационную" терминологию к обществам эпохи бронзы и раннего

* Работа выполнена при финансовой поддержке Министерства образования Российской Федерации по гранту ГОО -1.2-127.

железного века степной и лесостепной Евразии и тем самым как бы "приподнять" (а на самом деле - модернизировать) уровень их исторического развития. Причем, на мой взгляд, в большинстве работ последних лет это достигалось не скрупулезным анализом и осмыслением источников, а чаще всего путем простого наложения ныне модного ярлыка "цивилизация" и производных от него на эти древние скотоводческие общества, хотя зачастую весь их облик, реконструируемый теми же археологами, во многом противился этому. В результате сам термин ставится впереди теории, еще до ее сколько-нибудь аргументированной, системной разработки. Но как показывает опыт развития нашей науки, со временем такая оценка становится все более привычной, приобретая форму аксиомы, хотя нормальная процедура ее обоснования отсутствует или базируется на явной подмене понятий.

Пожалуй, раньше всего цивилизационный подход к древним обществам евразийских степей проявился в работах А.И. Мартынова, посвященных осмыслению такого яркого культурно-исторического явления раннего железного века как "скифо-сибирское единство" (1987: 3-8; 1989: 284-292). Он предложил интерпретировать это явление как особую скотоводческую степную цивилизацию кочевников. Исследователь усматривал ее истоки в предшествующей эпохе - в культурах степной бронзы II тыс. до н.э. По его мнению, у скифов, саков, древнего населения Алтая, носителей тагарской культуры и кочевников Ордоса уже бесспорно существовали государства. Однако практически никто из видных скифологов не поддержал эту смелую идею, хотя она вызвала в науке определенный резонанс. В 1990 г. в Отделе скифо-сарматской археологии Института археологии РАН было проведено специальное совещание по этой проблеме. На нем специалисты по скифской, сарматской, сакской проблематике почти единодушно высказали достаточно обоснованное мнение, что совокупность своеобразных кочевнических культур Степной Евразии скифо-сарматского времени невозможно расценить как некое этническое или культурное единство и уж тем более как цивилизацию (Совещание 1993: 3). Против отнесения всех обществ ранних кочевников к этой стадии выступили и исследователи ранних цивилизаций (Башилов 1993: 36-37). В резюме совещания признана явно завышенной оценка А.И. Мартыновым уровня социально-политического развития народов - носителей культур "скифо-сибирского мира". Другими исследователями также были высказаны весьма резонные сомнения в существовании "скифской цивилизации" (Зуев 1991: 58-63).

С рубежа 1980-1990 гг. цивилизационный подход начинает проникать в проблематику эпохи бронзы. Безусловно, к этому ученых сильно подтолкнули упомянутые выше сенсационные открытия в Синташте и Аркаиме. К памятникам синташтинско-аркаимского типа исследователи начинают широко применять понятия "протоцивилизация", "протогородская цивилизация", "древний очаг цивилизации" и т.п. (Зданович 1989: 179-189; Зданович 1995: 21-42; Зданович 1997: 47-62; Зданович и др. 1995: 48-62; Бочкарев 1995: 18-29; Отрощенко 1996: 24). Заговорили о цивилизационных процессах в обществах пастушеских скотоводов эпохи бронзы Евразийской степи и лесостепи" и даже о некоем "цивилизационном скачке" (Пряхин 1996: 3), который, правда, завершился "несостоявшейся цивилизацией" (Зданович 1995: 39-42). Появились и такие словесные монстры как индоевропейская (индоиранская) неурбанистическая цивилизация эпохи палеометаллов евразийской скотоводческой историко-культурной провинции" (Малов 1995: 7-10). За всем этим научным словотворчеством и даже своего рода состязанием исследователей в оценке обществ эпохи бронзы с почти обязательными эпитетами "цивилизация", "цивилизационный" стоит не просто очередной курьез, а интересное научное явление - попытка выработать новую исследовательскую парадигму. Но очень важно, чтобы она соответствовала изучаемому явлению, была ему адекватна.

По Т. Куну переход к новой научной парадигме обычно сопровождается постановкой целого ряда новых вопросов и разработкой конкурирующих вариантов их решения (Кун

1977: 117-127). Однако, не смотря на активное научное словотворчество, до сих пор не появилось ни одной аналитической работы, действительно демонстрирующей современный цивилизационный подход к обществам Юга России эпохи бронзы и раннего железного века. Более того, ни один из известных мне исследователей не дал дефиниции своего понимания "цивилизации" применительно к древним скотоводческим обществам Евразии. Предложенные же для описания этих обществ критерии (высокий уровень скотоводства, выделение ремесел и т.п.) или не соответствуют феномену цивилизации в том его понимании, как оно утвердилось в нашей научной литературе, или же описывают совсем иное состояние общества, мало похожего на цивилизацию (в последнее время приведен ряд весомых аргументов против применения термина "цивилизация" даже к синташтинской культуре [Григорьев 1999: 109-110]). Более того, сейчас в ряде археологических публикаций явно ощущается стремление расширить понятие "цивилизация" до такого предела, чтобы "уложить" в него степные и лесостепные культуры эпохи бронзы. Но при этом оно теряет свое конкретное содержание, а значит и свою эвристическую ценность (Березкин 1999: 61).

Поэтому стоит, хотя бы очень кратко, остановиться на основных подходах к пониманию цивилизации в современной науке. В отличие от ее многочисленных дефиниций (известно более 300) их не так уж много - не более четырех (Гринин 1998: 10-13; Мчедлова 1999: 139-153).

1. стадийно-исторический - цивилизация понимается как высшая ступень развития человеческого общества и его культуры, начиная со стадии классового образования и возникновения государственности. Своими корнями это понимание восходит к известной триаде А. Фергюсона, Л. Моргана, Ф. Энгельса ("дикость - варварство - цивилизация");

2. культурологический - цивилизация как тип культуры со своим неповторимым своеобразием, стилем в духе О. Шпенглера и А. Тойнби;

3. нормативно-оценочный - цивилизация как воплощение мирского, материального, повседневного противопоставляется культуре как чему-то возвышенному, духовному (И. Кант и последующие немецкие мыслители);

4. "французский" - во французском языке слово *civilisation* обозначает культуру безотносительно к уровню ее развития (Littre 1889: 670). Поэтому для французского ученого вполне правомерно выделение в Тропической Африке "цивилизации леса", "цивилизации лука", "цивилизации копья", "цивилизации зернохранилищ" (Маке 1974).

В нашей археологической литературе последних лет встречается очень расширительное понимание цивилизации во французском "духе". Но все же в силу известной традиции в большинстве работ исподволь чувствуется тяготение к стадийно-историческому подходу Моргана - Энгельса. В трудах ряда исследователей ощущается стремление обнаружить в местных культурах эпохи бронзы археологические признаки цивилизации, хотя мне неизвестно ни одной статьи, где бы была прямо поставлена эта проблема.

Какие я вижу пути ее решения? Их как минимум три. Все они основаны на сравнительно-историческом методе. Уровень социокультурного развития древних скотоводческих обществ можно определить путем их сопоставления с:

1. классическими цивилизациями Древнего Востока и Средиземноморья;
2. более поздними обществами кочевников I тыс. до н.э., по которым имеются
3. письменные свидетельства;

реконструируемыми этнологами и историками первобытного общества

4. переходными стадиями его развития к раннеклассовому обществу и государству.

Первый путь - это сравнение скотоводческих обществ с синхронными цивилизациями Древнего Востока и Средиземноморья. Его условно можно назвать цивилизационным. Для раннего железного века такое сопоставление частично реализовано в статье покойного Ю.В. Андреева о греческом и варварском обществах в Северном Причерноморье (1996: 3-17), для более позднего периода - в работе А.М. Буровского (1997: 151-164). Для эпохи

бронзы подобные работы мне неизвестны. Но, кажется, что само по себе это сопоставление даст лишь отрицательный результат, так как мы имеем дело с обществами разного уровня исторического развития, социальной интеграции и культурной традиции, восходящими еще к первому крупному общественному разделению труда.

Как известно, в современной науке используется несколько общепринятых критериев для выделения ранних цивилизаций. Важно, что многие из них фиксируются археологически. Чаще всего используют известную триаду:

(1) появление городов; (2) монументальной светской и храмовой архитектуры; (3) письменности (Kluckhohn 1960; Renfrew, 1972). Думаю, что этим список диагностических признаков цивилизации не исчерпывается. Но все они скорее характеризуют культурный комплекс цивилизации, тогда как внутреннюю социально-экономическую сущность этого феномена все-таки составляет появление классового общества и государства (Массон 1989: 9). Наличие последних в обществе находит определенное отражение и в археологическом материале, хотя надо признать, что выявление структуры исчезнувших обществ относится к числу реконструкций высшей степени сложности (Ольховский 1995: 91).

Мне представляется перспективным второй, диахронный путь, который по характеру сопоставляемых источников можно обозначить как археологический. Его преимущество состоит в том, что сопоставляются не реконструкции - всегда в большей или меньшей степени субъективные и умозрительные, а реальные археологические параметры сравниваемых обществ эпохи бронзы и раннего железного века. Можно указать конкретные типы археологических памятников и отдельных объектов, которые несут ступки такой информации. Однако гораздо сложнее найти такие виды источников, которые не просто бы присутствовали в археологии эпохи бронзы и раннего железного века, но были бы соизмеримы, сопоставимы по основным признакам. Таковыми могут быть:

1. Поселенческие структуры или точнее остаточные схемы расселения, так или иначе отражавшие уровень социально-пространственной организации оставивших их сообществ.

2. Господствующие типы и размеры поселений, сами по себе несущие весьма разнообразную демографическую и социальную информацию.

3. Размеры жилищ, в конечном итоге обусловленные такими важными социальными показателями как тип и состав семьи.

4. Различия в размерах погребальных сооружений, указывавшие на социальную неоднородность общества.

5. Место престижных захоронений в структуре могильников и отдельных курганов.

Важно, что все они представляют достаточно хорошо фиксируемые реалии, которые легко измерить, свести к единому знаменателю.

Для разработки поставленных целей из всех перечисленных показателей я бы на первое место поставил поселенческие структуры, достаточно надежно выделяемые методами современной "пространственной археологии" (Clark 1977). Для стадии формирования цивилизации и государственности характерно появление и развитие многоуровневой организации общества (Carneiro 1967: 234-243). Она находит отражение в определенной (двух- и трехчленной) иерархии поселений самых разных размеров и типов в пределах одного археологического микрорегиона, на что впервые обратил внимание МакАдамс при изучении системы поселений в окрестностях Урука (McAdams, Nissen, 1972). Действительно, вертикальным социальным структурам соподчинения, если они есть, должны соответствовать горизонтальные, которые в археологии выявляются прежде всего как иерархия поселений различных размеров с разными функциональными признаками. Известно, что без иерархической организации любая сколько-нибудь сложная социальная система оказывается неспособной адекватно реагировать на внешние возмущения и внутренние стрессы и в конечном счете начинает распадаться (Кашанина 1999: 93). Сейчас глубина иерархии все чаще используется как важная единица измерения сложности

общества. По мнению ряда исследователей, переход от двухуровневой системы поселений, свойственной вождествам, к трех- и четырехуровневой может рассматриваться как свидетельство появления уже государственной организации (Джонсон 1986: 98-100; Антонова 1998: 122-126).

Изучение степных и лесостепных поселений эпохи средней и поздней бронзы показывает, что экономически и политически они скорее всего были вполне независимы друг от друга (здесь я не беру во внимание сезонные стоянки). Они были приблизительно одинаковы по своей внутренней структуре и в сущности составляли один "административный" уровень. Каких-нибудь заметных признаков развития иерархических структур в остаточных схемах расселения обитателей южнорусских степей и лесостепей в эпоху бронзы пока неизвестно

(Пряхин 1990: 22-29). Весьма показательна, что не выявлено сколько-нибудь выраженной иерархии поселений даже в "Стране городов" Южного Зауралья XVII - XVI вв. до н.э., где, судя по имеющимся на сегодняшний день данным, проживало население, наиболее "продвинувшееся" в социальном и культурном развитии.

Развитие иерархических поселенческих структур отчетливо фиксируется в восточноевропейской лесостепи с VII-VI вв. до н.э., когда повсеместно возникают сотни больших и малых городищ с сопутствующей им свитой поселений более низкого ранга (Медведев 1992: 59-60; Бойко 1994: 30-31; Болтрик, Фиалко 1995: 40-43). Почти все они вместе с расположенными поблизости курганными могильниками образуют достаточно четко выраженные микрорайоны памятников, которые в социальном плане скорее всего соответствовали отдельным вождествам (Медведев 1996: 14). Это один из самых ярких и массовых показателей уже "непервобытного" характера обществ раннего железного века, вышедших на надлокальный, надобщинный путь развития.

С только что рассмотренных признаков тесно связан другой - размеры и типы поселений, которые содержат информацию не только о количественных демографических, но и качественных социальных характеристиках оставивших их обществ. Еще со времен Г. Чайлда едва ли не самым распространенным археологическим критерием города считаются такие размеры поселения, где могло проживать более 5 тысяч человек (Childe 1950: 9). Хотя этот критерий далеко не бесспорен, но лучшего до сих пор не предложено. Поэтому если им воспользоваться, то мы не найдем, так сказать, "городов" в эпоху средней и поздней бронзы. Даже поселения типа Аркаима не дотягивают до этого показателя - их площадь не превышает 2-3 га, а максимальная расчетная численность обитателей 2-2,5 тысяч человек (Зданович 1995: 35). Для того же Аркаима характерна застройка из практически однотипных по размерам и планировке жилищ, которые окружали незастроенную центральную площадку. Весьма показательна, что на ней не обнаружено каких-либо археологических следов административного или сакрального центра, свойственного городам (Медведев 1999а: 124-148). Скорее всего здесь еще не завершился процесс институализации власти, оторванной от народа, имевшей свои резиденции и атрибуты. Да и ранговых различий между отдельными укрепленными поселениями "Страны городов" не отмечается (Березкин 1995: 38). Площадь остальных, даже самых крупных поселений эпохи бронзы очень редко превышает 1-2 га, а число обитателей 100 - 200 человек (Грязнов 1953: 146; Березанская 1990: 92; Пряхин 1993: 14; Бровендер 1996: 4-8). Некоторое исключение составляли лишь довольно крупные оседлоземледельческие поселения сабатиновской культуры причерноморской полосы, где по оценкам специалистов могло одновременно проживать до 500-600 человек (Шарафутдинова 1982: 42).

Иная картина наблюдается в раннем железном веке Восточной Европы. С VII-VI вв. до н.э. в лесостепи сооружаются сотни хорошо укрепленных городищ, размеры которых подчас многократно превышают минимальный количественный показатель Г. Чайлда. В Поднепровье появляются городища-гиганты такие как Матронинское (200 га),

Трахтемировское (500 га), Немировское (1000 га), Большое Ходосовское (2000 га), не говоря уж о знаменитом Бельском городище площадью 4400 га. По самым скромным подсчетам Б.А. Шрамко на нем могло проживать не менее 40-50 тысяч человек (1984: 225). Такая концентрация населения требовала принципиально новых управленческих, по существу уже потестарно-политических структур, отличных от традиционных первобытных.

Со второй половины V в. до н.э. большие городища возникают и в степи. Это прежде всего хорошо известные Каменское и Елизаветовское городища, которые были не только торгово-ремесленными, но и административными центрами отдельных областей Скифии. Как бы мы не оценивали все эти памятники скифского времени с позиций цивилизационного подхода, следует признать, что объективно они свидетельствуют о качественно ином состоянии общества по сравнению с эпохой бронзы, о наличии в нем сильных властных структур, способных подвигнуть эти общества к выполнению гигантских по объему работ и т.п. По-видимому, их археологическим отражением являются расположенные поблизости от степных городищ аристократические могильники, содержащие курганы "царского" ранга типа Чертомлыка, Огуза, "Пяти братьев". Последние служат наглядным показателем концентрации власти в руках скифских царей и их номархов, которые по размерам погребальных сооружений и роскоши сопровождающего инвентаря не имеют аналогов даже в более поздних "кочевых империях" Средневековья. Они же являются яркими свидетельствами существования у кочевников не только сложных, но и суперсложных вождеств, перерастающих в раннегосударственные образования.

На мой взгляд, исследователи далеко не в полной мере обратили внимания еще на один важный археологический критерий, отражающий уровень социального развития общества - это размеры жилищ. А они также в целом разительно отличаются в культурах эпохи бронзы и раннего железного века Восточной Европы. Для поселений эпохи средней и поздней бронзы характерны жилища больших и очень больших размеров площадью от 50-70 до 150-300 и более квадратных метров. Такие постройки сооружались в Синташте и Аркаиме, они доминируют в абашевской, алакульской, срубной и других культурах эпохи поздней бронзы (Поселения и жилища 1983; Пряхин 1993: 71; Зданович 1995: 29; Сергеева 2000: 118-120). По практически единодушному мнению исследователей, они служили жилищами большой патриархальной семьи или даже патронимии. Е.Е. Кузьмина (1994: 84) удачно сопоставила этот тип жилища с иран. *dmana* и санск. *dama* - "дом". Весьма показательным то, что в "Ригведе" и "Авесте" этим словом обозначалось не только жилище, но и сама большая патриархальная семья, которая вела общее хозяйство (Елизаренкова 1999: 19-48).

Совсем другой тип жилищ мы находим на городищах и поселениях раннего железного века Юга Восточной Европы. Их обычные размеры от 10-12 до 20-30 кв.м, что указывает на иной тип малой патриархальной (нуклеарной) семьи (Моруженко, 1968: 232-241; Шрамко 1987: 37-69; Пузикова 1981: 14-21; Медведев 1999: 66, табл. 3). Численность такой семьи исследователи определяют в пределах от 3-4 до 6-7 человек, что находит подтверждение и в античной традиции (Хазанов 1975: 72-76). Вообще, если под этим углом зрения посмотреть на размеры жилищ в обществах переходного типа, где появляются признаки цивилизации, то почти повсеместно от Ближнего Востока до Средиземноморья мы увидим их резкое сокращение до площади, необходимой для проживания одной малой семьи. В этом смысле домостроительные традиции степного и лесостепного населения раннего железного века определенно стоят гораздо ближе к ступени цивилизации, нежели таковые в большинстве культур бронзового века.

Наконец, следует остановиться еще на одном виде археологических источников, которые чутко отражают состояние общества, отсутствие или наличие в нем социальной стратификации. Это курганные могильники - самый массовый и, пожалуй, наиболее исследованный тип археологических памятников степной и лесостепной Евразии. В работах специалистов по эпохе бронзы с 1970-х годов широко бытует мнение о наличии в

оставивших их сообществах выраженной социальной стратификации. Исследователи с большей или меньшей степенью осторожности пишут о социальной дифференциации и стратификации, о сословном делении общества, о выделении в нем социальных групп и даже сословий жрецов, воинов-колесничих (колесничной аристократии) и рядовых общинников-скотоводов (Кузьмина 1974: 85; Матвеев 1991: 117-119; Пряхин 1995: 30; Цимиданов 1996: 79-81; Кузнецов 1996: 29; Зданович 1995: 46; Синюк 1996: 293-323). А некоторые находят в наших степях все признаки варнового и даже кастового строя по древнеиндийской модели (Пустовалов 1995: 21-32; Нелин 1999: 51-60).

Однако при ознакомлении с этой проблемой у меня сложилось впечатление, что вопрос о наличии социальных групп и тем более сословий в обществах скотоводов II тыс. до н.э. не так уж ясен и очевиден, как об этом пишут многие археологи (Медведев 1997: 165-171; 1997а: 99-113). Я бы хотел обратить внимание на то, что одно дело - выделить серию престижных погребений, например, колесничих, и совсем иное дело - доказать, что они действительно были организованы в сословие. Для определения сословного статуса умершего не достаточно присутствия в его погребении одних социальных параметров - **необходимо установить их связь с пространственной организацией могильника и даже отдельного кургана**. Только наличие такой достаточно жесткой завистимости позволяет говорить о принадлежности погребенного к данной корпоративной группе (Акишев 1999: 29).

Специалистам по кочевническим культурам раннего железного века хорошо известны не только царские некрополи типа Чертомлыка и Солохи (Геродотов Геррос?), но и воинские дружинные могильники типа Посульских или Среднедонских курганов скифского времени или "Золотого кладбища" сарматской эпохи на Кубани (Ильинская 1968; Гущина, Засецкая 1994; Медведев 1999). В последних не менее 50% погребенных - то есть практически вся мужская часть - действительно имели основные атрибуты воинов, включая не только наступательное вооружение, но зачастую и защитный доспех. Как правило, они погребались под индивидуальными насыпями, которые составляли большие могильники, насчитывающие десятки, а иногда и сотни насыпей. Похоже, что начиная со скифской эпохи мы имеем все основания утверждать о наличии в обществах скотоводов профессиональных воинов-дружинников и военной аристократии. Для этого времени уместно говорить о **сословном делении общества**. Ведь сословия - это социальные группы, различающиеся прежде всего по положению в обществе, которое закреплено обычаями, религией, а позже - юридически (Утченко, Дьяконов 1970: 129-149; Куббель 1986: 190-191). Хорошо известно, что в сословном (варновом, кастовом и т.п.) обществе представителей различных сословий как правило погребали на разных некрополях или в различных частях одного кладбища. Так, например, афинских эвпатридов хоронили отдельно от демоса на особом некрополе (Яйленко 1990: 19). Как показывает история переселения в Рим рода Клавдиев и получения ими усыпальницы у подножья Капитолийского холма (*Suet., Tib., I, 1*) одним из важнейших атрибутов патрицианского сословия также было обладание общим местом погребения, включая *gentilius tumulus* - родовой курган.

Как кажется, даже самые яркие и наиболее полно исследованные могильники эпохи средней бронзы типа Синташты - Потаповки не отвечают полностью этому важному критерию. Они содержали погребения и рядового населения и отдельные захоронения воинов-колесничих. Более того, почти повсеместно престижные и рядовые погребения совершались под одной насыпью, что обычно рассматривается исследователями как свидетельство их родства или принадлежности к одной социальной группе, семье, клану. В одних курганах наиболее престижные по размерам погребальных сооружений и сопровождающему инвентарю захоронения располагались по центру, а рядовые - на периферии, в других - и среди периферийных погребений встречались захоронения со всеми археологическими признаками высокого социального статуса. На мой взгляд, эти факты достаточно однозначно свидетельствуют о том, что оставившие их роды или семейные

группы включали лиц как высокого, так и обычного (рядового) социального статуса. Во всяком случае он еще не передавался по наследству. Под одним курганом сначала могли похоронить "прародителя" высокого ранга, а затем - его сородичей и потомков явно рядового статуса. Под другим курганом основное погребение могло принадлежать рядовому члену социума (во всяком случае оно никак особо не выделялось), а одно из наиболее поздних периферийных - представителю более высокого социального ранга. Поэтому даже у скотоводов эпохи средней бронзы социальная стратификация лиц еще не была институализирована до уровня обособления могильников знати, хотя ранговая институализация уже налицо, о чем прежде всего свидетельствует дифференциация инвентаря захоронений воинов-колесничих от погребений основной массы скотоводов.

Представляется, что в этом случае правомернее говорить не о стратифицированном обществе, а **об обществе ранжированном**, если использовать известную классификацию М. Фрида (Fried 1960: 715-721). Как известно, в догосударственную эпоху он выделял эгалитарные, ранжированные и стратифицированные общества. Если вернуться к нашему вопросу, то данные археологии скорее свидетельствуют лишь **о начале процесса выделения военно-аристократической верхушки даже в самых развитых обществах скотоводов рубежа средней и поздней бронзы**, так как по материалам больших могильников не прослеживается наличия института наследования статуса погребенных. Здесь принадлежность к определенному социальному рангу обуславливало еще не происхождение, а физические и профессиональные качества индивидуума, его личные заслуги, например, воинская слава. Сами же эти могильники, видимо, еще были общими (семейно-родовыми) кладбищами, где совершались захоронения и рядовых скотоводов и выделяющейся знати. Для обозначения подобного явления А.Н. Гей (1991: 66) применил термин "ситуационное ранжирование", когда в условиях повышенной военной опасности или дальних миграций в обществе возникают подобные военизированные структуры. Это название представляется мне весьма продуктивным. Оно не только весьма удачно описывает, но и в какой-то мере объясняет феномен стремительного появления и такого же быстрого (по масштабам археологии) исчезновения воинов-колесничих в скотоводческих обществах Евразии XVII-XVI вв. до н.э.

Как известно, ранжированным обществам было еще далеко до стадии государства и цивилизации. Да многие из них до этой стадии и не дорастали. Поэтому мне кажется более правомерной оценка скотоводческих обществ эпохи бронзы В.М. Массоном как комплексных или даже ранних комплексных (Массон 1998: 41-47). Нужно отметить, что в современной науке все более утверждается идея о неуниверсальности государственной формы организации непервобытных обществ (Бондаренко 1998: 195). По-видимому, к этому типу начальной социально-потестарной организации могли принадлежать некоторые скотоводческие общества эпохи средней бронзы, в том числе и наиболее "продвинутое" синташтинско-аркаимское. Пришедшие же им на смену срубно-алакульские социумы демонстрируют явные черты социального регресса. На мой взгляд, они обладают рядом существенных признаков так называемых акефальных обществ (Березкин 1995а: 62-78).

Итак, изучение в диахронии обществ эпохи бронзы и раннего железного века Юга Восточной Европы показывает **весьма существенные структурные различия между ними**. Последние имели более сложную социально-политическую организацию нежели первые. Они отличались появлением определенной иерархии поселений внутри локальных микрорайонов, наличием очень крупных укрепленных поселений, которые выполняли не только торгово-ремесленные, но и важные административные функции, повсеместным распространением жилищ небольших размеров для одной малой патриархальной семьи, наконец, сооружением отдельных некрополей для властвующей военно-аристократической элиты. Ее владычество в Скифии прямо подтверждают античные источники (*Herod.*, II, 167; *Ps.-Hyp., De aere*, 22, 30; *Luc., Scyth.*, 1, 3, 5; *Athen.*, XII, 27). Они же не оставляют сомнений в

наличии у тех же скифов не только аристократии, но и государственности с правящей царской династией (Граков 1954: 18; Хазанов 1975: 149-179). Развитие этого института надежно документируется не только свидетельствами античных авторов, но и иконографическими образами хищников, в том числе в характерных геральдических позах, служивших символами власти в развитых вождествах и ранних государствах (Березкин 1995а: 66), не говоря уж о сюжетах греко-скифского антропоморфного искусства, а также нумизматических материалах с легендами скифских царей (Раевский 1977: 145-171). Наличие достаточно развитых властных структур не только в степи, но и в лесостепи подтверждает упоминание Геродотом "царей" будинов, гелонов, меланхленов и других лесостепных этносов, участвовавших в военном совете скифов в самый напряженный момент войны с Дарием (*Herod.*, IV, 102, 119). О том же свидетельствуют курганы местной лесостепной знати от Днепровского Правобережья на западе до Среднего Подонья на востоке. Причем, даже по составу керамического комплекса инвентарь последних резко отличался от культуры рядового населения близлежащих городищ (Медведев 1999: 117). Видимо, в скифо-сарматскую эпоху мы явно имеем дело с моделями политогенеза, направленными на становление ранней государственности, что в археологии наглядно проявляется в формировании субкультуры властвующей элиты.

Однако, при всем этом я бы сейчас не решился утверждать о наличии у скифов или сарматов цивилизации в стадийно-историческом смысле. И дело здесь не только в принципиальной несовместимости цивилизации в изначальном смысле этого слова - а оно все-таки всегда вызывает определенные ассоциации с гражданским обществом, заложенные в его латинской основе (от *civis* - гражданин), и номадизма, где признаки гражданского общества явно отсутствуют. Существеннее другое. У скифов, как впрочем, и у других номадов, не получил развития такой важнейший атрибут цивилизации как **письменность**. Ряд современных исследователей вполне резонно рассматривают именно письменность в качестве обязательного признака цивилизации, отличающего ее от первобытных доисторических обществ. Так, по Т.В. Гамкрелидзе и В.В. Иванову, цивилизация - это культура классового общества, овладевшего письменностью (Гамкрелидзе, Иванов 1984: 885-890), с чем согласны и некоторые археологи (Сафронов 1989: 72). Видимо, связь цивилизации, классового общества и письменности далеко не случайна. По мнению Р. Барта (1994: 304-306), одно из свойств письменности - быть средством социального господства. Действительно, письменность как знак приобщения к цивилизации появляется в большинстве раннеклассовых земледельческих обществ, что осознавали уже и сами древние. На это были свои глубокие социально-экономические и религиозные причины, связанные с особенностями функционирования именно древнейших земледельческих обществ, прежде всего с насущной потребностью во всеохватывающей системе учета и распределения людских и материальных ресурсов в рамках дворцового или храмового хозяйственного механизма.

Скотоводческое общество по самой своей природе не требовало развития таких сложных и изоциренных систем учета и контроля, которые мы знаем в древнейших речных цивилизациях. И данные письменных источников и этнография кочевников свидетельствуют, что у подавляющего большинства пастушеских народов не было своих собственных систем письма по крайней мере до перехода к прочной оседлости и до возникновения у них "кочевых империй". В силу объективных причин у номадов не получала сколько-нибудь глубокого развития письменная культура, хотя различные знаковые системы, в частности, тамги хорошо известны (Драчук 1975). Видимо, тоже самое следует сказать и о культуре более ранних скотоводов эпохи бронзы, хотя в последнее время отдельные исследователи, вопреки имеющемуся материалу постулируют появление письменности уже в пастушеских обществах II тыс. до н.э. (Häusler 1985: 1-9; Harmatta 1990:

124-127; Пряхин 1999: 103) и даже находят в некоторых знаках аналог в прото- и раннеалфавитных системам письма ближневосточного типа (Пустовалов 1998: 47-48).

Высказанные здесь суждения об уровне социокультурного развития пастушеских обществ II тыс. до н.э. и номадов I тыс. до н.э. ни в коей мере не претендуют на роль истины в последней инстанции. Скорее они являются плодом многолетних раздумий и дискуссий автора со своими коллегами по кафедре археологии и истории древнего мира Воронежского университета – специалистами по культурам эпохи бронзы. Однако представляется, что изложенный в настоящей статье подход имеет определенные преимущества перед цивилизационным и этнологическим. Отказ от ставшего уже традиционным для нашей науки изолированного, статичного рассмотрения этих обществ в рамках только "своей" эпохи позволяет выявить весьма глубокие, я бы даже сказал качественные различия между ними. Что стоит за ними – различия типологические или стадийные – однозначно ответить не берусь. Может быть это два разных пути развития скотоводческих обществ Евразии, тем более, что между ними практически не прослеживается преемственности после катастрофы рубежа эпохи бронзы и железного века. Но мне кажется, что в этих двух моделях социальной организации все-таки можно видеть и две стадии в развитии скотоводческих обществ с явными признаками формирования иерархических, а затем и раннегосударственных структур у номадов с I тыс. до н.э.

ЛИТЕРАТУРА

- Акишев, К.А. 1999. Археологические ориентиры прогнозирования структуры древних обществ Степной Евразии. *Комплексные общества Центральной Евразии III-I тыс. до н.э.* Отв. ред. Д.Г. Зданович. Челябинск - Аркаим: 55-59.
- Андреев, Ю.В. 1996. Греки и варвары в Северном Причерноморье. *Вестник древней истории*, № 1: 3-17.
- Антонова, Е.В. 1998. *Месопотамия на пути к первым государствам*. М.
- Барт, Р. 1994. *Избранные работы: Семиотика. Поэтика*. М.
- Башилов, В.А. 1993. Можно ли считать скифо-сибирский мир "цивилизацией кочевников"? *Краткие сообщения Института археологии*, № 207. М.: 36-37.
- Березанская, С.С. 1990. *Усово озеро. Поселение срубной культуры на Северском Донце*. Киев.
- Березкин, Ю.Е. 1995. *Аркаим как церемониальный центр: взгляд американиста. Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи энеолита - бронзы Средней и Восточной Европы*. Отв. ред. В.М. Массон. СПб.: 29-39.
- Березкин, Ю.Е. 1995а. Вождества и акефальные сложные общества: данные археологии и этнографические параллели. *Ранние формы политической организации*. Отв. ред. В.А. Попов. М.: 62-78.
- Березкин, Ю.Е. 1999. Вождество или протогород? Американские и европейские реконструкции дописьменных обществ (1940-1990). *Комплексные общества Центральной Евразии III-I тыс. до н.э.* Отв. ред. Д.Г. Зданович. Челябинск - Аркаим: 59-63.
- Бойко, Ю.Н. 1994. Социология восточноевропейского города I тыс. до н.э. (по материалам Бельского городища и Ворсклинской региональной системы скифского времени). *Древности*. Отв. ред. В.И. Кадеев. Харьков. Вып.1: 30-31.
- Болтрик, Ю.В. Фиалко, Е.Е. 1995. Басовское городище – центр Посульского узла памятников эпохи раннего железа. *Древности*. Отв. ред. В.И. Кадеев. Харьков. Вып.1: 40-43.
- Бондаренко, Д.М. 1998. Многолинейность социальной эволюции и альтернативы государству. *Восток*, № 1: 195-202.
- Бочкарев, В.С. 1995. Карпато-Дунайский и Волго-Уральский очаги культурогенеза эпохи бронзы. *Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи энеолита - бронзы Средней и Восточной Европы*. Отв. ред. В.М. Массон. СПб.: 18-29.

- Бровендер, Ю.М. 1996. Топография и планировка поселений срубной культуры в Среднем Подонцовье. *Северо-Восточное Приазовье в системе евразийских древностей*. Отв. ред. А.Д. Пряхин. Донецк. Ч. 2: 4-8.
- Гамкрелидзе, Т.В., Иванов, В.В. 1984. *Индоевропейский язык и индоевропейцы*. Т. 2. Тбилиси.
- Гей, А.Н. 1991. Ново-Титаровская культура(предварительная характеристика). *Российская археология*, № 1: 54-71.
- Генинг, В.Ф. 1977. Могильник Синташта и проблема ранних индоиранских племен. *Советская археология*, № 4: 54-72.
- Генинг, В.Ф., Зданович, Г.Б., Генинг, В.В. 1992. *Синташта*. Челябинск.
- Григорьев, С.А. 1999. "Протогородская цивилизация" и реалии синташтинской культуры. *Комплексные общества Центральной Евразии III - I тыс. до н. э.* Отв. ред. Д.Г. Зданович. Челябинск – Аркаим: 107-110.
- Гринин, Л.Е. 1998. Формации и цивилизации. *Философия и общество*, № 2: 5-89.
- Грязнов, М.П. 1953. Землянка бронзового века близ хутора Ляпичева на Дону. *Краткие сообщения Института истории материальной культуры*, Вып. 50: 137-148.
- Гущина, И.И., Засецкая, И.П. 1994. "Золотое кладбище" римской эпохи в Прикубанье. СПб.
- Джонсон, Г.А. 1986. Соотношение между размерами общества и системой принятия решений в нем (приложение к этнологии и археологии). *Древние цивилизации Востока*. Отв. ред. В.М. Массон. Ташкент: 92-103.
- Драчук, В.С. 1975. *Системы знаков Северного Причерноморья*. Киев.
- Елизаренкова, Т.Я. 1999. *Слова и вещи в "Ригведе"*. М.
- Зданович, Г.Б. 1989. Феномен протоцивилизации бронзового века Урало-Казахстанских степей. Культурная и социально-экономическая обусловленность. *Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций*. Отв. ред. В.М. Массон. Алма-Ата: 179-189.
- Зданович, Г.Б. 1995. Аркаим: арии на Урале или несостоявшаяся цивилизация. *Аркаим: исследования, поиски, находки*. Отв. ред. Г.Б. Зданович. Челябинск: 21-42.
- Зданович, Г.Б. 1995а (ред.). *Аркаим: исследования, поиски, находки*. Челябинск.
- Зданович, Г.Б. 1997 Аркаим - культурный комплекс эпохи средней бронзы Южного Зауралья. *Российская археология*, № 2: 47-62.
- Зданович, Г.Б., Зданович, Д.Г. 1995. Протогородская цивилизация "Страны городов" Южного Зауралья. *Культуры древних народов степной Евразии и феномен протогородской цивилизации Южного Урала*. Отв. ред. Г.Б. Зданович. Челябинск. Кн. 1: 48-62.
- Зданович, Д.Г. 1995. Могильник Большекараганский (Аркаим) и мир древнейших индоевропейцев Урало-Казахстанских степей. *Аркаим: исследования, поиски, находки*. Отв. ред. Г.Б. Зданович. Челябинск: 43-53.
- Зуев, В.Ю. 1991. К вопросу о "скифской цивилизации". *Древние культуры и их археологическое изучение (Материалы к пленуму ИИМК 26 - 28.11.1991)*. Отв. ред. В.М. Массон. СПб.: 58-63.
- Ильинская, В.А. 1968. *Скифы Днепровского лесостепного Левобережья*. Киев.
- Кашанина, Т.В. 1999. *Происхождение государства и права*. М.
- Коротаев, А.В., Чубаров, В.В. 1991 (ред.) *Архаическое общество: узловыe проблемы социологии развития*. М. Вып.1-2.
- Крадин, Н.Н. 1995. Вождество: современное состояние и проблемы изучения. *Ранние формы политической организации*. Отв. ред. В.А. Попов. М.: 1-61.
- Крадин, Н.Н., Лынша, В.А. 1995 (ред.). *Альтернативные пути к ранней государственности*. Владивосток.
- Куббель, Л.Е. 1988. *Очерки потестарной и политической этнографии*. М.

- Куббель, Л.Е. 1996. Сословие. *Социально-экономические отношения и соционормативная культура*. Отв. ред. А.И. Першиц, Д. Трайде. М.: 190-191.
- Кузнецов, П.Ф. 1996. Проблемы миграций в развитом бронзовом веке Волго-Уралья. *Древности Волго-Донских степей в системе восточноевропейского бронзового века*. Отв. ред. А.В. Кияшко. Волгоград. 40-43.
- Кузьмина, Е.Е. 1974. Колесный транспорт и проблема этнической и социальной истории древнего населения южнорусских степей. *Вестник древней истории*, № 4: 68-87.
- Кузьмина, Е.Е. 1994. *Откуда пришли индоарии?* М.
- Кун, Т. 1977. *Структура научных революций*. М.
- Маке, Ш. 1974. *Цивилизации Африки южнее Сахары*. М.
- Малов, Н.М. 1995. Индоевропейская неурбанистическая цивилизация эпохи палеометаллов Евразийской скотоводческой историко-культурной провинции - звено мозаичной мироцелостности. *Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи энеолита - бронзы Средней и Восточной Европы*. Отв. ред. В.М. Массон. СПб.: 7-11.
- Малютина, Т.С. 1990. Поселения и жилища федоровской культуры Урало-Казахстанских степей. *Археология Урало-Казахстанских степей*. Отв. ред. Г.Б. Зданович. Челябинск: 100-127.
- Мартынов, А.И. 1987. Степи Евразии в истории человечества. *Проблемы археологии степной Евразии*. Отв. ред. А.И. Мартынов. Кемерово. Ч. 1: 3-8.
- Мартынов, А.И. 1989. О степной скотоводческой цивилизации I тыс. до н.э. *Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций*. Отв. ред. В.М. Массон. Алма-Ата: 284-291.
- Массон, В.М. 1989. *Первые цивилизации*. Л.
- Массон, В.М. 1998. Ритмы культурогенеза и концепция ранних комплексных обществ. *Вестник Российского гуманитарного научного фонда*, № 3: 41-47.
- Матвеев, Ю.П. 1991. Воинские погребения эпохи средней бронзы. *Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н.э. - V в.н.э.)*. Отв. ред. Е.В. Яровой. Киев: 117-119.
- Медведев, А.П. 1992. Памятники скифского времени Среднего Дона (опыт пространственного анализа). *Киммерийцы и скифы*. Отв. ред. Б.Н. Мозолевский. Мелитополь: 59-60.
- Медведев, А.П. 1996. К истолкованию феномена Воронежских курганов скифского времени. *Исторические записки*. Вып. 1. Воронеж: изд-во Воронежского госуниверситета: 174-182.
- Медведев, А.П. 1997. Об атрибуции "жреческих" погребений у ираноязычных номадов II - I тысячелетия до н.э. *Исторические записки*. Вып. 2. Воронеж: 165-171.
- Медведев, А.П. 1997а. В поисках древнейших социальных структур индоевропейцев. *Вестник Воронежского гос. ун-та*, Серия 1: гуманитарные науки: 99-13.
- Медведев, А.П. 1999. *Ранний железный век лесостепного Подонья. (Археология и этнокультурная история I тыс. до н.э.)*. М.
- Медведев, А.П. 1999а. Авестийский город Йимы (к истокам мифологии древних сакральных центров). *Норция*. Вып. 3. Воронеж: 124-148.
- Моруженко, А.А. 1968. Жилища лесостепной Скифии VII - III вв. до н.э. *Материалы научной конференции кафедр исторических наук Донецкого госуниверситета*. Харьков-Донецк: 232-241.
- Мчедлова, М.М. 1999. Понятие "цивилизация": история, методология. *Философия и общество*, № 1: 139-153.
- Нелин, Д.В. 1999. К проблеме сложения варны воинов-колесничих (по материалам Южного Зауралья). *Историко-археологические изыскания. Сборник молодых ученых*. Отв. ред. А.А. Выборнов. Самара. Вып. 3: 51-60.
- Ольховский, В.С. 1995. Погребальная обрядность и социологические реконструкции. *Российская археология*, № 2: 85-98.

- Отрощенко, В.В. 1996. Южноуральский очаг культурогенеза на оси пассионарных толчков. *Дона-Донецкий регион в системе древностей эпохи бронзы восточноевропейской лесостепи*. Отв. ред. А.Д. Пряхин. Воронеж: 29-31.
- Павленко, Ю.В. 1989. *Раннеклассовые общества (генезис и пути развития)*. Киев.
- Попов В.А. 1993 (ред.). *Ранние формы социальной стратификации*/ Отв.ред. В.А.Попов. М.
- Попов В.А. 1997 (ред.). *Потестарность: генезис и эволюция*. СПб.
- Пряхин, А.Д. 1990 (ред.). *Археологическое изучение микрорайонов: итоги и перспективы*. Воронеж.
- Пряхин, А.Д. 1993. *Мосоловское поселение металлургов-литейщиков эпохи поздней бронзы*. Кн.1.Воронеж.
- Пряхин, А.Д. 1995. Размышления в связи с феноменом покровских древностей. *Археологические памятники Среднего Поочья*. Отв. ред. В.П. Челяпов. Рязань. Вып.5: 29-30.
- Пряхин, А.Д. 1996. *Мосоловское поселение металлургов-литейщиков эпохи поздней бронзы*. Кн.2. Воронеж.
- Пряхин, А.Д. 1999. Новый этап в исследовании проблематики эпохи бронзы Евразии степи и лесостепи. *Комплексные общества Центральной Евразии III-I тыс. до н.э.* Отв. ред. Д.Г.Зданович. Челябинск–Аркаим: 59-63.
- Пузикова, А.И. 1991. *Марицкое городище в Посеймье*. М.
- Пустовалов, С.Ж. 1995. О возможности реконструкции сословно-кастовой системы по археологическим данным. *Древности Степного Причерноморья и Крыма*. Отв. ред. Г.Н. Тощев. Запорожье. Вып. V: 21-32.
- Пустовалов, С.Ж. 1998. О росписях на дне катакомб ингульской культуры и о проблемах этносоциальной реконструкции катакомбного общества Северного Причерноморья. *Дона-Донецкий регион в эпоху средней и поздней бронзы*. Отв. ред. А.Д. Пряхин. Воронеж: 22-51.
- Пшеничнюк, А.Х. 1983 (ред.). *Поселения и жилища древних племен Южного Приуралья*. Уфа.
- Раевский, Д.С. 1977. *Очерки идеологии скифо-сакских племен*. М.
- Сергеева, О.В. 2000. Опыт социологической реконструкции жилищ эпохи поздней бронзы Нижнего Поволжья. *Взаимодействие и развитие древних культур южного пограничья Европы и Азии*. Отв. ред. Е.В. Максимов. Саратов: 118-122.
- Синюк, А.Т. 1996. *Бронзовый век бассейна Дона*. Воронеж.
- Смирнов, К.К., Кузьмина, Е.Е. 1977. *Проблема происхождения индоиранцев в свете новейших археологических открытий*. М.
- Совещание 1993: Совещание по проблеме "скифо-сибирского мира". *Краткие сообщения Института археологии АН СССР, № 207*. М.
- Утченко, С.Л., Дьяконов, И.М. 1970. *Социальная стратификация древнего общества XIII* Международный конгресс исторических наук. Доклады конгресса. Т. 1. Ч. 3. М: 129-149.
- Хазанов, А.М. 1974. Скифское общество в трудах Ж.Дюмезиля. *Вестник древней истории*, № 3: 183-192.
- Хазанов, А.И. 1975. *Социальная история скифов*. М.
- Цимиданов, В.В. 1996. Воинские погребения эпохи поздней бронзы Нижнего Поволжья. *Древности Волго-Донских степей в системе восточноевропейского бронзового века*. Отв. ред. А.В. Кияшко. Волгоград: 78-82.
- Шарафутдинова, И.Н. 1982. *Степное Поднепровье в эпоху поздней бронзы*. Киев.
- Шрамко, Б.А. 1987. *Бельское городище скифской эпохи*. Киев.
- Шрамко, Б.А. 1994. Фридрих Энгельс и проблема возникновения городов Скифии. *Фридрих Энгельс и проблемы истории древних обществ*. Отв. ред. В.Ф. Генинг. Киев: 218-230.
- Яйленко, В.П. 1990. *Архаическая Греция и Ближний Восток*. М.

- McAdams, R., Nissen, H.J. 1972. *The Uruk Countryside. The Natural Setting of Urban Societies*. Chicago – London.
- Carneiro, R.L. 1967. On the Relationship between Size of Population and Complexity of Social Organization. *Southwestern Journal of Anthropology* 23: 234-243.
- Childe, V.G. 1950. The Urban Revolution. *Town Planning Review* 21 (1): 1-16.
- Clark, D.C. 1977. Spatial information in archeology. *Spatial archeology*. Ed. by D.C. Clark. London: 3-17.
- Dumézil, G. 1958. *L'Ideologie tripartite des indo-européens*. Bruxelles.
- Harmatta, J. 1990. Herodotus, Historian of the Cimmerians and Scythians. *Hérodote et les peuples Non-Grecs*. Par O.Reverdin et B.Grange. Genève-Vandoevres: 115-130.
- Häusler, A. 1985. Frühe Schriftzeichen im nordpontischen Raum. *Zeitschrift für Archäologie*, No 19/1: 1-9.
- Fried, M.H. 1960. On the Evolution of Social Stratification and the State. *Culture in History*. Ed. by S. Diamond. New York: 715-721.
- Kluckhohn, C. 1960. The moral order in the expanding society. *City Invincible: A Symposium on Urbanization and Cultural Development in the Ancient Near East*. Chicago.
- Medvedev, A.P. 2000. The Development of Hierarchical Structures in the Bronze and Early Iron Age. *Hierarchy and Power in the History of Civilisations. International Conference*. Ed. by D.M. Bondarenko and I.V. Sledznevsky. Moscow: 82-83.
- Littre, E. 1889. *Dictionnaire de la langue française*. Paris.
- Renfrew, C. 1972. *The Emergence of Civilization. The Cyclades and Aegean in the Third Millennium B.C.* London.

ПРОНИКНОВЕНИЕ КОЧЕВНИКОВ НА ЮГ АРАВИИ И СТАНОВЛЕНИЕ ПЛЕМЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СРЕДИ ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКОГО НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО ЙЕМЕНА

А. В. Коротаев

Во второй половине I тыс. до н.э. на Северо-Востоке Йемена можно, по-видимому, наблюдать трансформацию политического организма, состоявшего из слабого государства в центре и сильных вождеств на периферии (см., например: Коротаев 1997; 1998; Korotayev 1996), в систему, состоящую из несколько более сильного государства в центре и собственно племен (но не вождеств)¹ на периферии (см., например: Пиотровский 1985; Robin 1982b; Dresch 1989:191; Коротаев 1997).² В этой системе племена и государство образовывали единое хорошо интегрированное целое (Голубовская 1984:11; Пиотровский 1985:70, 97–100; Герасимов 1987:45–55; Удалова 1988:18–19; Obermeyer 1982; Dresch 1982; 1984b; 1989; 1991; Abu: Gha:nim 1985:98–138; 1990; vom Bruck 1993; 1996; Kropp 1994).

Ни одну из этих трансформаций нет никаких оснований рассматривать как "дегенерацию" или "регресс", ибо ни в том, ни в другом случае не происходило потери сложности системы – одна сложная политическая система трансформировалась в структурно другую, но не менее сложную высокоорганизованную систему. Уровень самоорганизации при этом, по-видимому, даже несколько повышался.

Существенное воздействие на генезис племенной организации у земледельческого населения, по-видимому, оказали кочевые арабские племена Центральной Аравии, в тесном контакте с которыми Аравийский Юг находился на протяжении всей поздней доисламской и раннеисламской его истории (Пиотровский 1985:8, 64, 69–70; Chelhod 1970; 1975; 1979; 1985:45–46; al-Hadi:thi: 1978:68, 81–96; H|fner 1959; Robin 1982b:29; 1984:213, 221; 1991d; Wilson 1989:16; von Wissmann 1964a:181–3, 195–6, 403–6; 1964b:493 и т.д.).

Влияние политической культуры североаравийских кочевых племен несомненно сыграло определенную роль в становлении высокостатусного "племенного" земледельческого населения на Северо-Востоке Йемена. Как кажется, их заметным вкладом здесь было хотя бы то, что они принесли на Юг Аравии "генеалогическую культуру". Древние южноаравийские общины были "ша`бами", подчеркнута территориальными сообществами, не располагавшими сколько-нибудь разработанными генеалогиями:

In strong contrast to the North Arabian practice of recording long lists of ancestors (attested also for the pre-Islamic period in the Safaitic inscriptions), E[pigraphic] S[outh] A[rabian] nomenclature consisted simply of given-name plus name of the social grouping (usually the bayt), with optional insertion of the father's given-name, but never any mention of an ancestor in any higher degree. One is irresistably reminded of the remark attributed to the caliph `Umar, 'Learn your genealogies, and be not like the Nabataeans of Mesopotamia who, when asked who they are, say "I am from such-and-such a village", which Ibn Khaldun quotes with the very significant comment that it is true also of the populations of the fertile tracts of Arabia... [The] qabi:la... [is] fundamentally kinship-based and totally different in nature from the sha`b... In the Qur'a:n (49:13) ja`alna:-kum shu`u:b^{an} wa-qaba:'il^a clearly refers to two different types of social organization, and Ibn Khaldun when speaking of the settled populations of Arabia is careful to use the word shu`u:b and not qaba:'il, reserving the latter for the nomads³ (Beeston 1972a:257–258; см. также: Id. 1972b:543; Ryckmans J. 1974:500; Robin 1982a, I; 1982b; Пиотровский 1985:53, 69; Коротаев 1991 и т.д.).

В раннеисламскую эпоху под влиянием приобретшей в мусульманском мире высокий статус культуры североаравийских кочевых племен южноаравийские *ша`бы*, продолжая оставаться в основе своей территориальными (Dresch 1989; Serjeant 1989: XI), трансформировались в *qaba:'il*, племена, построенные формально по генеалогическому признаку.

* * *

Необходимо отметить, что "кабилизация" некоторых сабейских *ша`бов*, по-видимому, началась еще в доисламскую эпоху. Наиболее примечательна здесь надпись Fa 74, датированная (стк. 6–12) месяцем *dhu:-Madhra'a:n* года 614 по химйаритской эре, что соответствует июлю 499 или, вероятнее, 504 г. н.э. (в зависимости от решения проблемы начала химйаритской эры – о текущем состоянии проблемы см.: de Blois 1990; Shahid 1994; Kitchen 1994; Robin 1996a; 1996b; Robin *et al.* 1996). На 6-й стк. данной надписи *SB' KHL*ⁿ обозначен как *s²rt*. Здесь надо отметить, что во II–III вв. *SB' KHL*ⁿ представлял собою "центральный" *ша`б* сабейского культурно-политического ареала, прежде всего гражданско-храмовую общину его столицы, Ма:риба, которая уже в Средний период имела достаточно особую социально-политическую организацию, заметно отличавшуюся от таковой остальных сабейских *ша`бов* (Loundine 1973a; 1973b; Лундин 1969a; 1984; Korotayev 1994a; 1996:гл. III и т.д.); однако в этот период общность эта вполне последовательно обозначалась только как *s²□b*, но никогда как *s²rt* (Ja 653, 1; 735, 1; Sh 7/1; 8/1 и т.д.). В то же самое время термин *s²rt* (соответствующий арабскому обозначению родо-племенной группы [определенного уровня], *ashi:rah*) использовался в сабейских надписях для обозначения именно арабских "генеалогических" племен *qaba:'il*, достаточно определенно отличавшихся сабейцами от южноаравийских территориальных *ша`бов* (Beeston 1972a:257–258; 1972b:543; Ryckmans J. 1974b:500; Пиотровский 1985:53, 69 и т.д.). Следует упомянуть, что *ша`бы* внутренних Нижних земель, видимо, уже задолго до Ислама были не столь абсолютно "антигенеалогичны", как *ша`бы* Нагорья (Robin 1979; 1982b). Кроме того то, что *ша`б* Саба' Кахла:н одним из первых оказался под влиянием процесса "кабилизации", может объясняться во многом и расположением Ма:риба на окраине внутренней пустыни, т.е. в одной из зон Южной Аравии, бывших в I тыс. н.э. объектами наиболее интенсивной инфильтрации со стороны кочевников-арабов.

Необходимо подчеркнуть, что в нашем распоряжении существуют и прямые данные об интеграции определенного числа арабов в *ша`б* Саба' в VI в. н.э. Например, Ry 507 (июль 518 или, вероятнее, 523 г. н.э. – стк. 10) упоминает некоего *TMM^m bn M'Dⁿ d-QSMLT SB'Yⁿ*, "Тами:м, сын [рода] Касмалат, сабеец" (стк. 12). Как было убедительно показано М. Б. Пиотровским (1985:54–57), этот Тами:м явно арабского происхождения – из бедуинского племени Касмала (= ал-Каса:мил) из района Наджра:на; в то время как *SB'Yⁿ* – это не что иное, как вполне ясное обозначение принадлежности к *ша`бу* Саба' (Beeston 1978a:14).

* * *

С другой стороны, трансформация территориальных *ша`бов* в генеалогические племена явилась результатом упорного труда южноаравийцев по разработке своих собственных генеалогий, а также их настойчивой (и вполне успешной) борьбы за признание этих генеалогий арабским миром (и по интеграции, таким образом в арабский этнос, господствовавший в раннеисламском государстве [VII – середина VIII вв.], на довольно высоких позициях – Пиотровский 1977; 1985). Не нужно все-таки забывать, что йеменцам удалось крайне успешно добиться того, чего кроме них не удалось добиться почти никому (за крайне редкими исключениями):

*With the conquests, the Arabs found themselves in charge of a huge non-Arab population. Given that it was non-Muslim, this population could be awarded a status similar to that of clients in Arabia, retaining its own organization under Arab control in return for the payment of taxes... But converts posed a novel problem in that, on the one hand they had to be incorporated, not merely accommodated, within Arab society; and on the other hand, they had 'FORGOTTEN THEIR GENEALOGIES',⁴ suffered defeat and frequently also enslavement, so that they did not make acceptable halāfs; the only non-Arabs to be affiliated as such were the Hamra:' and Asa:wira, Perian soldiers who deserted to the Arabs during the wars of conquest in return for privileged status... It was in response to this novel problem that Islamic walā [т.е. система включения неарабов в исламское общество в качестве зависимых неполноправных *mawāli*: – А.К.] was evolved⁵ (Crone 1991:875).*

Все-таки не может не впечатлять тот факт, что такой высокопрофессиональный специалист по раннеисламской истории, как П. Кроун умудрилась не заметить другого (и несравненно более существенного!) исключения – йеменцев. Дело здесь, видимо, в том, что усилия йеменцев, стремившихся убедить арабов, что южноаравийцы являются такими же арабами как и они,⁶ или даже более чистыми арабами (*al-`Arab al-`a:ribah* [العرب العاربة] в отличие от *al-`Arab al-musta`ribah* [العرب المستعربة] [см., например: Пиотровский 1977:20, 23, 29; 1985:67; Robin 1991e:64 и т.д.]), чем сами арабы, и что они всегда были арабами, оказались столь успешными, что они убедили в этом не только самих арабов (см., например: Ibn al-Kalbi: 1966, I:40–1), но и арабистов. Несмотря на все отличие йеменцев от упоминаемых П. Кроун групп персидских солдат (достаточно вспомнить хотя бы о численности йеменцев, вполне сопоставимой в раннеисламскую эпоху с численностью всех арабов, вместе взятых), определенное сходство между двумя данными случаями все-таки, видимо, есть.

Как и персидским солдатам йеменцам, по-видимому, удалось интегрироваться в раннеисламское общество (VII – середина VIII вв.) в качестве его совершенно полноправных членов во многом именно потому, что исламское общество в это время крайне нуждалось в военной силе, между тем как из йеменцев состояла заметная часть многих исламских армий, а в некоторых из них они составляли большинство воинов.

One reads that the warriors of [the early Islamic conquests] were northerners... It now seems very doubtful that they were predominantly northerners, let alone exclusively so, for the manpower required for such speedy and vigorous military campaigns was to be found only in the Yemen. The Yemen of the 1st/7th century, like the Yemen of today, was the only area of the Arabian Peninsula of sufficient population density to provide large numbers of troops. What is more, we are not simply talking of the other ranks. The presence of vast numbers, often in the majority, of Yemenis participating in the great Islamic conquests of the 1st/7th century in predominantly tribal companies from the highest to the lowest rank is amply attested and, what is more, they were seasoned fighters, not any raw recruits. It follows also that great numbers of those Yemenis participating in the conquests settled in the territories which they helped to conquer¹⁰ (Smith 1990:134; прекрасное фактологическое обоснование вышеприведенных утверждений см. в: al-Mad`aj 1988:69–70, 86–8, 123–5, 127, 132, 140–3).

Оставаясь реалистами, нужно, конечно, признать, что йеменцам удалось столь гладко интегрироваться в раннеисламское общество (и арабский этнос) в качестве его полноправных членов (а не неполноправных *mawāli*:) не потому, что разработанные ими генеалогии выглядели столь уж убедительно, а благодаря, скорее, именно важнейшей роли йеменцев в исламских завоеваниях.⁸ Скорее, именно благодаря исключительно важной роли йеменских отрядов арабы дали себя убедить в том, что их соратники являются такими же арабами, как и они (а значит, и что декларируемые ими генеалогии являются столь же добротными как и у самих арабов). Последовательно настаивать на неарабском происхождении йеменцев, на

неполноценности их генеалогий значило бы настраивать против себя исключительно мощные в военном плане силы, а ни одна из ожесточенно соперничавших между собой арабских группировок раннеисламского общества позволить себе такой роскоши, конечно, не могла.

В любом случае в результате этих процессов основная часть земледельческого населения Северного нагорья оказалась обладательницей глубоких, древних (и вполне "добродетельных" даже с точки зрения северных арабов) генеалогий, что создавало неплохую идеологическую основу для борьбы этого населения за сохранение своего высокого статуса.

Генеалогическая идеология" (представление племен и их конфедераций в качестве потомков эпонимных предков, находящихся между собой в определенных родственных отношениях) оказалась прекрасной основой и для развития племенной политической культуры, помогая налаживанию механизмов гибкого взаимодействия между племенными общностями разных уровней.

Итак, по всей видимости, североаравийские кочевые племена оказали существенное воздействие на формирование во второй половине I тыс. н.э. "племенного этоса" у земледельческого населения Северо-Восточного Йемена.

Примечания

1. Так, по мнению П. Дреша, во времена ал-Хамда:ни: (X в. н.э.) *Upper Yemen may well have been in a state of transition from a quasi-feudal system to the tribal one* ["Нагорный Йемен, по-видимому, находился в состоянии перехода от квазифеодальной системы к племенной"] (Dresch 1989:191); к сходным выводам пришел и Д. Т. Гоченор (Gochenour 1984a:36ff.). Конечно же, как и среднесабейская система средневековой северойеменская политическая система наряду с государством и племенами (а, конечно, не вождествами как в среднесабейском случае) включала в себя и иные важные элементы. Здесь достаточно упомянуть хотя бы "религиозную аристократию", *саййидов* (*sayyid/sa:dah*), ведущих свое происхождение от пророка Мухаммада, и выполнявших в племенных районах наряду с прочим, скажем, важнейшие посреднические политические функции, не занимая там вместе с тем, как правило, никаких формальных политических должностей и оставаясь там вне племенной (и в большинстве случаев государственной) иерархии [Abu: Gha:nim 1985:212–27; 1990; Chelhod 1970a; 1975:70–1; 1979:58f.; Gerholm 1977:123; Dresch 1984b:159f.; 1989:140–5; Obermeyer 1982:36–7; Serjeant 1977; Stookey 1978:95]. Как кажется, в средневековой северойеменской политической системе *саййиды* взяли на себя некоторые функции с одной стороны доисламской системы храмовых центров, а с другой – *кайлей* (при том, что они – в отличие от *кайлей*, возглавлявших *шаби* – практически никогда не выступали в качестве формальных политических лидеров отдельных северойеменских *qaba'il*) (см., например: Serjeant 1977:244).
2. В то же время в Южном (бывшем Химйаритском) ареале продолжали существовать (и развиваться) достаточно регулярные государственные структуры (см., например: Dresch 1989:192).
3. "В резком контрасте с североаравийской практикой составление длинных генеалогических списков (зафиксированной в сафаитских надписях и для доисламского периода) древняя южноаравийская идентификация человека состояла просто из его собственного имени плюс обозначения принадлежности к определенной социальной группе (обычно *байта*) с необязательным добавочным упоминанием имени отца, но никогда с указанием каких-либо предков более высокой степени. Здесь трудно не вспомнить приписываемое халифу ʿУмару высказывание ('Изучайте свои генеалогии и не будьте подобны <<набатеям>> Месопотамии, которые, когда их спрашивают, кто они, отвечают <<Я из такой-то деревни>>'), которое Ибн Халду^зн цитирует с крайне примечательным комментарием, согласно которому утверждение это верно и по отношению к земледельческому

населению Аравии... *Каби* ʕла... это кровнородственное в основе свой объединение, и этим оно по сути своей отличается от *ша*^сба... В Коране (49:13) *ja^calna ʕ-kum shu^cu ʕb^{an} wa-qaba ʕil^{il}* совершенно определенно относится к двум различным типам социальной организации, и Ибн Халду ʕн, когда он говорит об оседлых жителях Аравии, строго употребляет слово *shu^cu ʕb*, а не *qaba ʕil*, которое он использует только для обозначения социальных объединений кочевников".

4. Выделено мною. Стоит еще раз подчеркнуть исключительно важную роль наличия полноценных генеалогий для полноправной интеграции в раннеисламское арабское общество – А.К.
5. "После завоеваний арабы оказались контролируемыми гигантское неарабское население. Немусульманской его части можно легко было дать статус, похожий на статус клиентов в Аравии, так чтобы они сохраняли свою собственную самоорганизацию в обмен на уплату налогов... Но неарабы, принявшие Ислам, представляли собой новую проблему из-за того, что, с одной стороны, их нужно было инкорпорировать в арабское общество, а не просто контролировать; но, с другой стороны, они "ЗАБЫЛИ СВОИ ГЕНЕАЛОГИИ", испытали поражение и зачастую порабощение, так что они не могли представлять собою полноценных *х ʕали* ʕфов (полноправных союзников); единственными неарабами, получившими подобный статус, были *h ʕamra* ʕ и *asa* ʕwira, персидские солдаты, перешедшие на сторону арабов во время завоевательных войн последних в обмен на привилегированный статус... Именно для решения этой новой проблемы и был разработан исламский институт *wala* ʕ [т.е. система включения неарабов в исламское общество в качестве зависимых неполноправных *mawa* ʕl – А.К.]".
6. А старания эти были не безосновательными, ибо часть арабов все-таки какое-то время отказывалась признавать арабами йеменцев (см., например: Пиотровский 1985:67).
7. "Часто приходится встречаться с утверждением, что исламские завоевания велись североаравийцами... Но в настоящее время можно его поставить под сомнение, ибо то число людей, которое было необходимо для многочисленных энергичных военных походов, на Аравийском полуострове можно было найти только в Йемене. В I в. х. / VII в. н.э. (впрочем, так же как и в настоящее время) Йемен был единственной областью Аравийского полуострова с плотностью населения, достаточной для того, чтобы выставить вполне многочисленные войска... Присутствие в армиях арабо-исламских завоевателей I в. х. / VII в. н.э. многочисленных йеменцев (при том, что зачастую в этих армиях большинство воинов было йеменцами) прекрасно документировано; при этом речь идет об опытных бойцах, занимающих в том числе и командные должности всех уровней, а не новобранцах".
8. Впрочем, нельзя здесь, конечно, забывать и о таких факторах как изначальная культурная (в том числе и лингвистическая) близость арабов и южноаравийцев, интенсивные контакты южноаравийской цивилизации с североарабским населением на протяжении всего периода ее существования, некоторая арабизация Южной Аравии еще до прихода туда Ислама (связанная прежде всего с проникновением туда значительных групп арабов-кочевников) и т.д.

ЛИТЕРАТУРА

- Герасимов, О. Г. 1987. *Йеменские документы*. М.
- Голубовская, Е. К. 1984. Становление централизованного государства на Севере Йемена. *Новейшая история Йемена (1917-1982 гг.)*. Отв. ред. Л. В. Валькова и др. М.: 4–36.

- Коротаев, А. В. 1991. Политическая организация сабейского культурного ареала во II–III вв.н.э.: к соотношению племени и государства. *Племя и государство в Африке*. Отв. ред. Ю. М. Ильин и др. М.: 101–19.
- Коротаев, А. В. 1993. Некоторые общие тенденции и факторы эволюции сабейского культурно-политического ареала (Южная Аравия: X в. до н.э. – IV в.н.э.). *Ранние формы социальной стратификации: генезис, историческая динамика, потестарно-политические функции. Памяти Л.Е.Куббеля*. Отв. ред. В.А.Попов. М.: 295–320.
- Коротаев, А. В. 1995. "Апология трайбализма": Племя как форма социально-политической организации сложных непервобытных обществ. *Социологический журнал* № 4:68–86.
- Коротаев, А. В. 1996а. Два социально-экологических кризиса и генезис племенной организации на Северо-Востоке Йемена. *Восток* № 6:18–8.
- Коротаев, А.В. 1996б. От вожества к племени? Некоторые тенденции эволюции политических систем Северо-Восточного Йемена за последние две тысячи лет. *Этнографическое обозрение* № 2:81–91.
- Коротаев, А. В. 1997. *Сабейские этюды. Некоторые общие тенденции и факторы эволюции сабейской цивилизации*. М.
- Коротаев, А. В. 1998. *Вожества и племена страны Ха:шид и Баки:л: Общие тенденции и факторы эволюции социально-политических систем Северо-Восточного Йемена (X в. до н.э. – XX в. н.э.)*. М.
- Лундин, А. Г. 1969. Городской строй Южной Аравии во II–IV вв. н.э. *Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока* 5: 55–7.
- Лундин, А. Г. 1984. Две сабейские надписи из Ма:риба. *Эпиграфика Востока* 22: 41–7.
- Пиотровский, М. Б. 1977. *Предание о химйаритском царе Ас`аде ал-Ка`миле*. М.
- Пиотровский, М. Б. 1985. *Южная Аравия в раннее средневековье. Становление средневекового общества*. М.
- Удалова, Г. М. 1988. *Йемен в период первого османского завоевания (1538–1635)*. М.
- Abu: Gha:nim, F. `A. A. 1985/1405. *Al-bunyah al-qabaliyyah f ʿl-Yaman bayna 'l-istimra ʿr wa-'l-taghayyur*. Dimashq.
- Abu: Gha:nim, F. `A. A. 1990/1410. *Al-qab ʿlah wa-'l-dawlah f ʿl-Yaman*. al-Qaʿhirah.
- Beeston, A. F. L. 1972a. Kingship in Ancient South Arabia. *Journal of the Economic and Social History of the Orient* 15:256–68.
- Beeston, A. F. L. 1972b. Notes on Old South Arabian Lexicography VII. *Le Muséon* 85: 53–544.
- Beeston, A. F. L. 1976. *Warfare in Ancient South Arabia: Second to Third Centuries AD*. London (Luzac and Co) (Qahta ʿn: Studies in Old South Arabian Epigraphy, fasc. 3).
- Beeston, A. F. L. 1978. Epigraphic South Arabian Nomenclature. *Raydān* 1: 13–21.
- Beeston, A. F. L. 1979. Some Features of Social Structure in Saba. *Studies in the History of Arabia*. Vol. I. *Sources for the History of Arabia*. Part 1. Ed. by A. R. Al-Ansary. Riyadh (University of Riyadh): 115–23.
- Bonnenfant, P. 1982 (ed.). *La péninsule Arabique d'aujourd'hui*. T.II. *Études par pays*. Paris.
- vom Bruck, G. 1993. Réconciliation ambiguë: une perspective anthropologique sur le concept de la violence légitime dans l'imamat du Yémen. *La violence et l'état: Formes et évolution d'un monopole*. Ed. by E. LeRoy & Tr. von Trotha. Paris: 85–103.
- Chelhod, J. 1970. L'Organisation sociale au Yémen. *L'Ethnographie* 64: 61–86.
- Chelhod, J. 1975. La société yéménite et le droit. *L'Homme* 15/2: 67–86.
- Chelhod, J. 1979. Social Organization in Yemen. *Dira ʿsa ʿt Yamaniyyah* No 3: 47–62.
- Chelhod, J. 1985. Les structures sociales et familiales. Chelhod, J., et un groupe d'auteurs. *L'Arabie du Sud: histoire et civilization*. 3. *Culture et institutions du Yémen*. Paris (Islam d'hier et d'aujourd'hui, 25): 15–123.
- Crone, P. 1991. *Mawla*.: *Encyclopaedia of Islam* 6: 874–82.

- Dresch, P. 1982. The Northern Tribes of Yemen – Their Organisation and Their Place in the Yemen Arab Republic. Oxford: D. Phil. dissertation, Oxford University.
- Dresch, P. 1984a. The Position of Shaykhs among the Northern Tribes of Yemen. *Man* 19:31–49.
- Dresch, P. 1984b. Tribal Relations and Political History in Upper Yemen. *Pridham 1984*: 154–74.
- Dresch, P. 1987. Placing the Blame: A Means of Enforcing Obligations in Upper Yemen. *Anthropos* 82: 427–43.
- Dresch, P. 1989. *Tribes, Government, and History in Yemen*. Oxford.
- Dresch, P. 1994. Tribalism and Democracy. *Chroniques Yemenites* 2:65–79.
- Dresch, P. 2000. *A History of Modern Yemen*. Cambridge.
- Gerholm, T. 1977. *Market, Mosque and Mafraj: Social Inequality in a Yemeni Town*. Stockholm (Stockholm Studies in Social Anthropology, 5).
- al-Hadi:thi:, N. A. 1978. *Ahl al-Yaman fi: sadr al-Islam*. Bayru:t.
- Höfner, M. 1959. Die Beduinen in den vorislamischen Inschriften. *L'antica società beduina*. Ed. by F. Gabrieli. Rome (Studi Semitici, 2): 53–68.
- Ibn al-Kalbi:, Hisha:m b. Muhammad. 1966. *Jamharat al-nasab /amharat an-nasab/*. Ed. Werner Caskel. Vol. 1–2. Leiden.
- Korotayev, A. V. 1994d. The Sabaeen Community (SB□; □SB□ⁿ) in the Political Structure of the Middle Sabaeen Cultural Area. *Orientalia* 63: 68–83.
- Korotayev, A. V. 1996. *Pre-Islamic Yemen: Socio-Political Organization of the Sabaeen Cultural Area in the 2nd and 3rd Centuries A.D.* Wiesbaden.
- Kropp, M. 1994. The Realm of Evil: the Struggle of Ottomans and Zaidis in the 16th-17th Centuries as Reflected in Historiography. *Yemen – Present and Past*. Ed. by B. Knutsson *et al.* Lund (Lund Middle Eastern and North African Studies, 1): 87–95.
- Loundine, A. G. 1973a. Deux inscriptions sabéennes de Maʿrib. *Le Muséon* 86: 179–92.
- Loundine, A. G. 1973b. Le régime citadin de l'Arabie du Sud aux IIe – IIIe siècles de notre ère. *Proceedings of the Seminar for Arabian Studies*. 3: 26–8.
- al-Mad`aj, M. M. M. 1988. *The Yemen in Early Islam 9–233/ 630–847: a Political History*. London.
- Obermeyer, G. J. 1982. Le formation de l'imamat et de l'état au Yémen: Islam et culture politique. *Bonnenfant 1982*: 31–48.
- Robin, C. A.H. 1399/ A.D. 1979. La cité et l'organisation sociale à Maʿrib (aujourd'hui Baraʿiqi). *The Second International Symposium on Studies in the History of Arabia. Pre-Islamic Arabia*. Riyadh (Dept. of History and Dept. of Archaeology. Faculty of Arts, University of Riyadh): 158–64.
- Robin, C. 1982a. *Les Hautes-Terres du Nord-Yümen avant l'Islam*. I–II. Istanbul: Nederlands historisch-archaeologisch Instituut te Istanbul (Uitgaven van het Nederlands historisch-archaeologisch Instituut te Istanbul, L).
- Robin, C. 1982b. Esquisse d'une histoire de l'organisation tribale en Arabie du Sud antique. *Bonnenfant 1982*: 17–30.
- Robin, C. 1984. La civilisation de l'Arabie méridionale avant l'Islam. Chelhod, J., et un groupe d'auteurs, *L'Arabie du Sud, histoire et civilisation*. Vol.1. *Le peuple yéménite et ses racines*. Paris (Islam d'hier et d'aujourd'hui, 21): 195–223.
- Robin, C. (ed.) 1991a. *L'Arabie antique de Karib'i:l à Mahomet. Nouvelles données sur l'histoire des Arabes grâce aux inscriptions*. Ed. by C. Robin. Aix-en-Provence (Revue du Monde Musulman et de la Méditerranée, 61).
- Robin, C. 1991b. Cites, royaumes et empires de l'Arabie avant l'Islam. *Robin 1991a*: 45–53.
- Robin, C. 1991c. Quelques épisodes marquants de l'histoire sudarabique. *Robin 1991a*: 55–70.
- Robin, C. 1991d. La pénétration des Arabes nomades au Yémen. *Robin 1991a*: 71–88.

- Robin, C. 1996a. Le Royaume Hujride, dit 'Royaume de Kinda', entre Himyar et Byzance. *CRAIBL*. 1996: 665–714.
- Robin, C. 1996b. Sheba dans les inscriptions d'Arabie du Sud. In: *Supplément au dictionnaire de la Bible*. Paris: 1047–254.
- Robin, C. J., Beaucamp, J., and Briquel Chatonnet, F. 1996. La persécution des Chrétiens de Najra:n et la chronologie himyarite. *ARAM*. 10.
- Ryckmans, J. 1974. H[◻]imyaritica (4). *Le Muséon* 87: 493–521.
- Serjeant, R. B. 1977. South Arabia. In: van Nieuwenhuijza, C., ed., *Commoners, Climbers and Notables*. Leiden: 226–47.
- Serjeant, R. B. 1989. Introduction. *Wilson* 1989: IX–XII.
- Shahid, I. 1994. On the Chronology of the South Arabian martyrdoms. *Arabian Archaeology and Epigraphy* 5: 66–9.
- Smith, G. R. 1990. Yemenite History – Problems and Misconceptions", *Proceedings of the Seminar for Arabian Studies*. 20: 131–9.
- Stookey, R. W. 1978. *Yemen. The politics of the Yemen Arab Republic*. Boulder, CO.
- Wilson, R. T. O. 1989. *Gazetteer of Historical North-West Yemen in the Islamic Period to 1650*. Hildesheim.
- von Wissmann, H. 1964a. *Zur Geschichte und Landeskunde von Alt-Südarabien*. Wien.
- von Wissmann, H. 1964b. H[⊙]imyar: Ancient History. *Le Muséon* 77: 429–97.

МОДЕЛИ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭВОЛЮЦИИ У СКОТОВОДОВ НАРОДНОСТЕЙ ТСВАНА

А. А. Казанков

Языки тсвана входят в подгруппу сото-тсвана юго-восточной группы языков банту. По мнению исследователей, современные тсвана подразделяются на 11 групп: тлапинг, ролонг, квена, кгатла, кгалагади, тавана, хурутсе, нгвакетсе, нгвато, тлоква, малете. Кроме этого одна группа кгалагади говорит на диалекте, который при желании можно квалифицировать как отдельный язык. Все языки и диалекты сото и тсвана взаимопонимаемы. Собственно термин тсвана происходит из языка коса (группа нгуни), где он обозначал (собираетельно) любые племена банту внутренних областей субконтинента (Южной Африки). Три четверти тсвана живут в сопредельных районах ЮАР (в основном в провинции Трансвааль). Квена являются доминирующей группой среди южных сото (ЮАР). *Сетсвана* – государственный язык Ботсваны – принадлежит к лингвистической группе квена. На нем говорят около 80 % населения Ботсваны; он является языком образования и средств массовой информации. Наряду с *сетсвана* в Ботсване широко используется диалект нгвато (в северной Ботсване – его подразделение *сетавана*), тогда как Библия переведена на диалект ролонг. Около 40% населения Ботсваны владеют вторым государственным языком – английским (The Tswana of Southern Africa; Tlou, Campbell 1984: 57-62).

Традиционное общество тсвана было построено на патерналистских принципах и почитании предков (*бадимо*), которые, как считалось, оказывали существенное влияние на поступки людей. Общество было организовано по клановому принципу. Линиджи подразделялись на сублиниджи и локальные общины. До сих пор традиционные советы *кготла* регулируют различные аспекты социальной жизни на локальном уровне.

Традиционной религией различных групп народности тсвана был племенной анимизм. *Модимо*, или "Великий Дух", был главным божеством. *Бадимо*, или духи предков, рассматривались в качестве агентов Модимо. Согласно традиционным воззрениям тсвана, вселенная контролируется иерархически организованными трансцендентальными силами, подчиняющимися, в конечном счете, верховному божеству и управляющими различными сферами жизни человека и природы (Schapera 1970: 18-25). Современные тсвана относятся без особого энтузиазма к любым формам религии, включая христианство. Формально 50% граждан Ботсваны являются анимистами; 50% – христианами (евангелистами), среди последних 18 % – активные верующие. Из этих восемнадцати процентов две трети – женщины (The Tswana of Southern Africa).

На основании традиционных устных источников, с которыми в целом согласуются археологические данные, историю зарождения современных тсвана можно () проследить до XIII века н.э., когда в южной Ботсване и западном Трансваале сформировалось ядро будущих народностей, говоривших на языках суто-тсвана (чвана). Эти группы населения занимались в основном земледелием и плавилы железо. Численность их в Ботсване была невелика, и они регулярно смешивались с населением койсанского происхождения – охотниками-собираателями, занимавшими тогда почти всю территорию Ботсваны). Керамика исторически известных народов тсвана типологически сходна с керамикой из западного Трансвааля, датируемой временем, начиная с 1200 г. н.э. От этой группы населения произошли все современные и исторические группы населения, говорящие и говорившие на языках группы суто-тсвана (Tlou, Campbell 1984: 36-37, 57, 60; Phillipson 1977: 198-200).

Современные и исторически известные тсваноязычные народности можно объединить в пять групп:

1. Кгалагади (бакгалакгади), включая бакватенг, банголога, баболаонгве, бапхаленг и башага. Эти группы первыми появились в пустыне Калахари (в южной ее части) – отсюда их собирательное название "бакгалакгади" ("люди пустыни"; по-английски и по-русски – "бакалахари"). Интересно, что остальные тсвана-язычные народности Ботсваны обозначают бакгалакгади только этим собирательным термином. Кроме того некоторые группы тсвана из Трансвааля до сих пор называют всех тсвана Ботсваны "бакгалагади". Таким образом "бакгалагади" это не самоназвание, а, скорее, собирательная внешняя характеристика с оттенком презрения (Tlou, Campbell 1984: 68).
2. Бафокенг, включая бадигойя. Исследователи, основываясь на племенной устной традиции, возводят время их формирования (отделения от общей предковой группы) примерно к 1150 г. н.э.
3. Группы западной Ботсваны, включая бахурутше (бахурутсе) и баквена. Начало формирования (здесь и далее указывается согласно племенной традиции) – 1220 г. н.э. Намного позже из баквена выделились бамангвато, а из последних – батавана.
4. Южные тсвана, включая баролонг (время выделения последних – 1150 г. н.э.), бакгатла и бапеди северного и восточного Трансвааля. Время отделения – 1400 г. Традиции бакгатла говорят о том, что некогда они были единым народом с бахурутше и баквена (Schapera 1943: 13-15, 23-25; 1955: 1-7; Tlou, Campbell 1984: 60).

Традиционный образ жизни и социальная организация народностей тсвана в XIX в. могут быть кратко описаны следующим образом. Тсвана, жившие на возвышенностях в восточной части страны, имели возможность выращивать стабильные урожаи зерновых и бахчевых культур и вели оседлый образ жизни. К этой группе относились бакгатла, бахурутсе, батлоква и часть баквена (*баквена ба га Могона*). Они жили в больших поселениях, насчитывавших до тысячи и более людей и нередко окруженных каменными стенами. Представители указанных народностей также занимались собирательством в годы засух и снаряжали длительные (до нескольких месяцев) охотничьи экспедиции за мясом и шкурами (а в последней трети XIX в. – за слоновьими бивнями и страусиными перьями).

В хозяйстве южных тсвана, таких как баролонг, батларо и батлапинг, охота имела несколько большее значение, а земледелие – меньшее. Западные же тсвана: баквена ба да Кгабо, бангвакетсе, бангвато и батавана, - были в большей степени скотоводами и охотниками, чем земледельцами, поскольку они жили в весьма засушливой зоне, часто подверженной периодическим засухам. Они выращивали относительно скудные урожаи бобовых и тыквенных, а также регулярно устраивали охотничьи экспедиции, причем, зоны их охотничьих экспедиций были исключительно обширными (Tlou, Campbell 1984: 71-72). Так, например, у батавана, контролировавших с 1795 г. области вокруг озера Нгами, зоны летнего выпаса скота и охотничьих экспедиций достигали в начале XX в. района Каракувиса на территории Намибии, т.е. более чем на 300 км к западу от озера Нгами (Gordon 1984: 116-117; Wilmsen 1989: 122-123).

Основу политической организации всех групп тсвана составляли *мерафе*, т.е. правящие дома вместе с боковыми линиями родственников. Во главе их стояли наследственные вожди из правящих патрилинейных линиджей – *кгоси*. Прямые линиджи вождей-*кгоси* образовывали правящую элиту. В том случае, если члены *мерафе* были недовольны политикой вождя, они могли отселиться под началом другого члена правящего дома (естественно, тоже недовольного политикой своего царственного родственника) и начать независимую политическую жизнь в другом, зачастую весьма отдаленном районе. Например, самоназвание одной из народностей тсвана – "*бакаа*" – означает на диалекте *ролонг* (*серолонг*) "Они могут уйти"(Tlou, Campbell 1984: 67; Schapera 1943: 26-33). Подобная система политического "отпочкования" определенно напоминает ситуацию с младшими

братьями полинезийских вождей, отправлявшихся вместе со своими сторонниками на поиски новых островов. И в том и в другом случае необходимым условием для традиционного бытования подобных систем было наличие свободных и неисследованных земель (островов) (см. Кулланда 1992; Бутинов 1985). В этом смысле можно сказать, что окраинные районы Калахари в XIII-XVIII вв. были подобны неисследованным районам Тихого океана.

В некоторых сферах ритуальной деятельности сохранялась иерархическая связь между политически и экономически независимыми *мерафе*, (*морафе* в языке *сетсвана* – означает данное понятие в единственном числе, а *мерафе* – во множественном) если их члены жили достаточно близко друг от друга. Интересно также, что устная традиция дает примеры вождей-женщин (Мохурутше, XVI в., Мосетла XVII в.), (Plou, Campbell 1984: 65, 67), в то время как этнографических примеров такого рода нет. Вместе с тем, хорошо известно, что, по крайней мере, у одного из народов группы нгуни, а именно свази, королевами были и женщины. Все это делает весьма интересной перспективу исторической реконструкции возможных трансформаций систем передачи власти у народов суто-тсвана, но это представляется пока только делом будущего.

Кгоси, за исключением описанной выше потенциальной возможности отселения части подданных, был безусловным властителем в своем *морафе*. Ни одно важное общественное решение не могло приниматься без его ведома. Он был верховным собственником земель и скота *морафе*, осуществлял ритуал вызывания дождя, был главным судьей, олицетворял могущество армии и здоровье народа, следил за оказанием помощи обедневшим членам *морафе* и т.п. В управлении ему помогали тайные советники-*кхудутамага*. Они могли вместе с *кгоси* приговорить кого-нибудь не только к публичной экзекуции, но и к тайному умерщвлению, осуществлявшемуся членами "гвардии" вождя, обычно во время охотничьих походов.

Родственники *кгоси* владели с его разрешения крупными стадами скота и, в свою очередь, передавали в пользование своим родственникам (вплоть до рядовых общинников) более мелкие стада. У общинника, проявившего неуважение к члену правящей фамилии, скот мог быть изъят (Schapera 1943: 40-44, Plou, Campbell 71-80).

Общинник, владевший значительным стадом, мог "сдать его в аренду", которая на языке *сетсвана* называлась *мафуса*. "Арендатор", а точнее работник ботсванского "патрона", нес широкий круг повинностей, включая пастушеские, помощь в сельскохозяйственных работах, переноску мяса, обработку шкур, воинские обязанности и т.д. Взамен клиент в системе *мафуса* пил молоко выпасаемых коров и коз и оставлял себе их приплод. Клиентами могли быть и бушмены, которые к тому же выполняли и обязанности разведчиков, предупреждавших тсвана о приближении врагов (Lee 1979: 32-33, 79-81; Guenter 1986: 178-180).

Среди самих тсвана существовала стратификация не только по степени близости к правящему дому, но и по богатству, измеряемому в первую очередь количеством скота. Любой член *морафе*, получивший в свое распоряжение значительное поголовье скота, становился важным членом общины. Обладание скотом было непременным условием для осуществления всех важнейших ритуалов в жизни тсвана, связанных с рождением, инициациями, женитьбой, лечением и смертью.

Страты внутри *морафе* были весьма ощутимыми. Социальная структура обществ тсвана имела в целом ярко выраженный патерналистский характер. В центре социальной структуры *морафе* стояли лица, которые могли проследить свою родословную непосредственно от основателей *морафе*. Они имели особые ритуальные имена *себоко* и образовывали правящий класс. Среди носителей *себоко* самым главным был, естественно, вождь и его ближайшие родственники.

Второй по значению стратой *морафе* были члены других *мерафе*, присоединившиеся к нему. Их кварталы в центральном поселении примыкают к кварталам правящей страты.

Далее идут "иностранцы", главным образом бакгалагади, а также бирва, овамбандеру, лози, ндебеле, бакаланга и др. Последними идут, бушмены (сан). Их заставляли жить вне деревни и не считали членами *морафе*.

Браки, как правило, заключались только внутри соответствующих страт. Тсвана могли брать вторых жен из кгалагади или бушменов, но дети от этих браков воспитывались как слуги (*малата*) и не признавались членами *морафе*. Например, положение кгалагади, среди баквена было столь же низким, как и положение бушменов. Известны случаи, когда бушменов-слуг, в случае небрежения последними своими обязанностями (например, по охране скота) жестоко убивали (Baines 1864: 147).

Деревни тсвана делились на кварталы-*кготла*, включавшие в себя сыновей *кгоси* от одной матери, их семьи, а также приданных им семей общинников-*батланка*, имевших право владеть скотом и выращивать собственный урожай. Работавшие на родственников *кгоси* или даже на *батланка* слуги (обычно бакгалагади) не имели права ни обладать собственностью, ни, чаще всего, селиться в квартале (Plou, Campbell 1984: 75-77).

Положение бушменов в окраинных зонах расселения тсвана (например, бывших в подчинении у батавана в западном Нгамиленде), было не столь тяжелым, как бакалахари в южной Ботсване, ввиду малочисленности батавана и их неспособности полностью контролировать подвластную территорию. Об изменении взаимоотношений бушменов и тсвана можно судить, сравнив впечатления Д. Ливингстона 1840-х гг. и данные Ричарда Ли по Нгамиленду. Первый пишет:

Несколько бечуанов могут прийти в деревню, где живут бакалахари и безнаказанно распоряжаться всем, но когда эти же авантюристы встречаются с бушменами, они бывают, вынуждены сменить высокопарно-деспотический тон на тон раболепной лести: бечуаны знают, что если они ответят отказом на требование от них табака, то бушмены, вольные дети пустыни, могут решить дело в свою пользу посредством отравленной стрелы (Ливингстон 1955: 41–42, сравн., также: Arbousset 1842: 481–482.).

Соотношение сил заметно изменилось уже к 1880-м годам. К 1879 г. батавана в Нгамиленде уже имели ружья, лошадей, волов и фургоны; все это они получили в результате интенсивной торговли слоновой костью вначале с торговцами-гриква, а затем – с белыми торговцами, охотниками и авантюристами. По данным Р. Ли, батавана стали организовывать летние охотничьи экспедиции в долину /Кангва с начала 1880х гг. Один из информантов Р. Ли описывает эти экспедиции так:

Когда мы, тавана впервые пришли в эти места, все, что мы могли увидеть, это следы на песке. Мы недоумевали: где же сами люди, и кто они? Мы находили их поселения, но они всегда были пустыми, потому что как только мы замечали незнакомцев, они разбежались и прятались в буше. Мы сказали: "О, это хорошо, что эти люди нас боятся, они слабы, и мы легко подчиним их себе. Так мы и сделали. Не было ни столкновений, ни убийств. Мы просто говорили: "Эй, подойди сюда, дай мне воды", или: "Эй, приведи мне эту лошадь", и они приводили... Хорошо, что они нас боялись, потому что если бы они стали сражаться, мы бы перебили их всех (Lee, 1979: 77).

Боязливость бушменов в данном случае была, по-видимому, вызвана деятельностью бурского охотника Хендрика ван Зела, по чьему приказу неподалеку от долины Кангва в 1878 г. были расстреляны тридцать три бушмена !кунг (De Klerk 1977: 51–52).

На этапе медленного проникновения небольших групп пеших скотоводов, имевших оружие, сравнимое по эффективности с бушменским, охотники-собиратели ведут себя с достоинством, и нередко – довольно бесцеремонно. Первые попытки (в начале XX в.) относительно немногочисленных скотоводов-банту (гереро из Ботсваны у которых не было

ружей) выпасать скот на бушменских территориях в районе Каракувисы (этот район находится примерно на 300 км западнее долины Кангва) закончились убийством нескольких банту и прекращением выпаса скота Wilmsen 1989: 134). Каракувиса (Каракобис) представляла собой в это время далекую периферию потестарного влияния батавана, а вот в долину Кангва (ботсванско-намибийская граница) батавана прибывали в фургонах, запряженных волами, имея лошадей и огнестрельное оружие, и, соответственно, их взаимоотношения с местными бушменами складывались по-иному.

Батавана, в отличие от белых колонистов в Капской провинции ЮАР или матабеле на востоке Калахари, ставили своей целью не уничтожить бушменов, а подчинить их своей власти, включить в систему зависимости "мафиса". В этой системе бушмены, жившие на периферии племенных владений батавана, пасли оставленный на их попечении скот, выполняли повинности по переноске мяса во время охотничьих экспедиций скотоводов и сообщали о приближении к племенным границам врагов. Взамен они имели право пить молоко выпасаемых животных и оставлять себе некоторую часть приплода, т.е. получали даже некоторые выгоды от установления таких отношений (см.: Kanjii 2000). Вместе с тем, в случае неповиновения, небрежения своими обязанностями, или кражи скота, их жестоко наказывали (Baines 1864: 147). Сходным образом были выстроены политические и экономические отношения между доминирующими народностями тсвана (бакгатла, баквена, бвнгвакетсе и др.) и бакгалагади.

Типичное *морафе* в XVIII или XIX вв. могло включать самого *кгоси*, его семью, а также членов семей его родных братьев, дядей и кузенов с приданными им семьями *батланка*. Они составляли стержень *морафе*, известный под именем *кгосинг*. Строения отдельных семейных групп с приданными им слугами располагались по отдельности, но недалеко друг от друга. Все это составляло одну деревню (селение) тсвана. Поодаль от этого селения, но в пределах видимости, располагалась другая деревня, сходным образом структурированная, состоящая из членов младшего *морафе* с собственным вождем, в свою очередь подчинившимся *кгоси*. Еще далее, и, вероятно, вне пределов видимости, располагалась деревня слуг-кгалагади.

Со временем (если не было катастроф) численность обитателей этих деревень росла, возникали новые селения из присоединившихся *мерафе*. Деревни включали в себя кварталы, в каждом из которых *кгоси* поселял своего соответствующего родственника для правильного, с точки зрения традиций тсвана, администрирования. К 1800 г. некоторые из таких поселений включали до 10 000 человек. Для обеспечения руководства этим структурированным конгломератом была необходима небольшая армия; она, естественно, имела и состояла из возрастных полков, построенных по принципу совместного одновременного проведения инициации (включая обрезание). Полки-*монхато* получали собственные имена. В их обязанности входило: ведение войн, набеги за скотом, расчистка земли под посевы, сооружение изгородей, заготовка камыша и т.п. Командиром полка мог быть сын *кгоси* или даже его дочь. Полки также охотились, обычно в ходе продолжительных и протяженных экспедиций, причем, заготовленное (высушенное) мясо и шкуры доставлялись в "метрополию" на вьючных волах (с конца XIX в. – в фургонах, запряженных волами).

Военная организация тсвана, по крайней мере в XIX в., весьма напоминала таковую у ближайших лингвистических родичей суто-тсвана – нгуни – и, возможно, была построена по образцу последней. Все вышеописанное было характерно, в первую очередь, для восточной Ботсваны, и не достигало вполне совершенного логического развития в западной части страны, по причине того, что местному населению приходилось вести более подвижный образ жизни. Кроме того, баквена и бангвато западной Ботсваны мало занимались выплавкой железа и в основном выменивали его у баролонгов, балете и батлоква (Glou, Campbell 1984: 71-80).

Согласно археологическим данным, сообщества предков тсвана начала XIII в. н.э. жили небольшими тесно связанными сообществами, распределенными по значительным территориям (Phillipson 1977: 198-202). Предположительно, они говорили на диалектах, значительно менее различавшихся между собой, чем современные языки группы суто-тсвана, такие как *сетсвана*, *секгалагади* и *сесото* (Tlou, Campbell 1984: 60).

Группа баролонг стала называться так по имени своего вождя Моролонг около 1270 г. Около 1400 г от них отделилась группа, именовавшая себя батларо. Примерно в 1500 г. (согласно устной традиции) их вождем был некий Малопе. Одна из историй повествует о том, что у первой жены Малопе не было сыновей, только дочь по имени Мохурутше, в то время как вторая жена имела сына-первенца по имени Квена. После смерти Малопе часть народа захотела иметь правителем Мохурутше, а другие – Квена. Народ ролонг таким образом разделился на бахурутше и баквена. Данные лингвистики говорят о том, что язык *сенгвато* отличается от языка *секвена* значительно сильнее, чем *сенгвакетсе*, следовательно, нгвато, по лингвистическим данным, отделились от квена ранее нгвакетсе, что подтверждается и устной традицией.

Племенные традиции постоянно содержат информацию о том, что группы населения численно увеличивались и разделялись территориально, хотя их правители оставались династически связанными. Такова была основная схема образования новых социальных общностей (племен) тсвана. С правителями были связаны их правящие дома (линиджи) – *мерафе*, составлявшие структурно-политическую основу вновь образовавшихся социально-культурных общностей. Таким образом, к 1400 г. бакгалакгади жили на западе первоначальной территории тсвана, баролонг – на юге, бахурутсе, баквена и бафокенг – на востоке, бакгатла и бапеди – на севере.

Численность отдельных *мерафе* и примыкавших к ним групп политически зависимого населения постоянно колебалась в зависимости от экологических условий: периодов засух и обильных дождей. Засухи способствовали разделению *мерафе*. Например, около 1550 г. вождь по имени Кгабо увел с собой около 60 человек и поселился в местности Дитейване. Через 50 лет численность его группы равнялась примерно тысяче человек. Естественно, что численность подобных групп нарастала не только и не столько за счет рождаемости, но в результате присоединения разрозненных групп населения, оказавшихся без вождей, беженцев, групп, потерявших, по разным причинам, свой скот, зависимых бушменов и т.п. Особенно такие процессы были характерны для периода *дифекане* (*мфекане*), т.е. массовых переселений племен Южной Африки под давлением колонизаторов в конце XVIII - первой половине XIX вв.

Во время засух группы разделялись по причине необходимости поиска новых пастбищ и источников воды. По мере роста численности нового *мерафе*, властные ресурсы его лидеров возрастали настолько, что позволяли им совершать набеги на "родительские" *мерафе* и угонять у них скот. Так менялась конфигурация ранних политий у предков современных народностей тсвана. Впрочем, до середины XIII в. подавляющая часть этих предков все еще проживала за пределами территории современного государства Ботсвана, а именно – в "высоком вельде" Трансвааля (Tlou, Campbell 1984: 60-68).

Одними из первых групп тсвана, проникших на территорию одноименного государства, а именно – в западную его часть, т.е. на окраины пустыни Калахари, были бакгалакгади. В настоящее время их диалекты сильнее отличаются от языка *сетсвана* по сравнению с остальными языками и диалектами группы суто-тсвана.

В период 1200-1400 гг. экологическая ситуация в Ботсване была благоприятна, летние (январь-март) дожди – сравнительно обильны. Росла численность как самих ботсванских *мерафе* так и их их стад. Указанное относится в первую очередь к таким группам как баролонг и бафокенг, и в меньшей степени – к бакгалакгади, ввиду того, что они в этот период проживали в более засушливых природных условиях.

В XIV в. случилось (как сообщает устная традиция) несколько сильных засух, во время которых слабые *мерафе* распадались, а сильные и удачливые наращивали свою власть за счет успешных набегов и притока населения из распавшихся *мерафе*. Все это сопровождалось переселениями племен в поисках новых пастбищ. В частности, баролонги переселились из Трансвааля на юг, в междуречье рек Молопо и Вааль. Здесь они смешались с племенами бакгалагади (той их частью, которая ранее не была оттеснена к границам Калахари) и бакготу. Часть бакгатла выделилась под именем батлоква, племени, сыгравшего впоследствии заметную роль в этногенезе народов тсвана. Движение баролонггов вызвало миграцию ряда общин бакгалагади вглубь пустыни Калахари, в частности, бакгватенгов – район Молепололе и банголога – в район панов (котловин) Матшенг.

Примерно в 1500 г. из народности бапхофу проживавшей в районе верхнего течения р. Лимпопо, т.е. на территории Трансвааля, выделились *мерафе* под началом вождей Мохурутсе и Квена (см. выше). Позднее баквена разделились на бангвакетсе и бангвато. Около 1540 г., после окончания очередной засухи, часть нгвакетсе и бангвато под началом вождя Могопы переселилась в район Претории, а другая часть, находившаяся под началом младшего брата Могопы – Кгабо, переселилась в Ботсвану, в район Дитейване, несколько западнее Молепололе. Это произошло около 1550 г. (см. выше). Здесь они подчинили своей власти местные общины бакгалагади: бакгватенг, баболаонгве и бапхаленг.

Засухи, подобные той, что закончилась примерно в 1540 г. и до сих пор сохранилась в памяти народа тсвана, как "Тлала е е бойтшеганг", и позднее вызвали переселение целого ряда тсвана-язычных народностей с юга на территорию Ботсваны. Кроме баквена это были: батлапинги (примерно середина XVI в.), бакгатла и бахурутше (начало-середина XVII вв.). Из баролонгов, живших в районе Магогшве, выделились бакаа. Выделившиеся ранее из баквена бангвакетсе и бангвато также переселились в Ботсвану (Plou, Campbell, 1984: 60-79).

Многие малые группы (точнее, их вожди) стремились к независимости и единственным реальным способом ее достижения было переселение на север, на неизведанные до тех пор просторы Калахари и ее окраин. К началу XVIII в. различные диалектные группы народности тсвана, часто гетерогенные по происхождению, заняли все пригодные для земледелия зоны и оазисы южной и юго-восточной Ботсваны. Северная и западная части страны к этому времени все еще оставались в распоряжении койсано-язычных народов, большинство из которых вело охотничье-собираТЕЛЬСКИЙ образ жизни (подробнее об этом см: Казанков 2001, гл. 1).

В образе жизни и социальной организации бакгалагади и собственно тсвана Ботсваны имеются существенные различия. Первые занимают в настоящее время, как и на протяжении нескольких предыдущих столетий, в основном оазисы в глубине пустыни Калахари, поэтому земледелие имело в их жизни подсобное значение по сравнению со скотоводством (главным образом – разведением овец и коз). Бакгалагади были всегда более мобильны по сравнению с собственно тсвана, существенную роль в их экономике играли охота и собирательство и они не выплавляли железо, а выменивали его (главным образом у баролонгов). Политически, они были, по крайней мере в XVIII-XX вв., в подчинении у различных групп собственно тсвана.

Возможно, что культура ряда групп бакгалагади имеет некоторую преемственность с культурами раннего железного века Ботсваны, которые появились здесь начиная с 7 в. н.э (Plou, Campbell 1984: 36-37; Phillipson 1977: 200). Обычаи бакгалагади были собственно те же, что и у остальных тсвана, но политическая организация первых была более рыхлой. Младшие братья вождей-*кгоси* постоянно отселялись, вместе со своими приверженцами от главных *мерафе*, чему способствовали экологические условия Калахари и высокая мобильность экономики кгалагади, включавшая значительный элемент охоты-собираТЕЛЬСтва (Plou, Campbell 1984: 70). С высокой степенью вероятности можно предположить, что таковой она стала только после описанных конспективно выше

переселений основных народностей тсвана с юга в те районы Ботсваны, которые были пригодны для стабильного земледелия.

Историю последнего этапа политической интеграции народов тсвана удобно проследить на примере развития политики тавана (батавана), начиная с момента ее зарождения в конце XVIII в. и до исторического момента установления в Ботсване британского протектората. То, что будет изложено ниже, можно условно назвать краткой историей политогенеза батавана.

Около 1790 г. в земле бангвато наметилась политическая смута. Кгоси народа нгвато – Матиба – женился на девушке из народа квена, и она родила ему сына по имени Тавана. После этого он взял себе старшую (главную жену). На совете-*кготла* Матиба объявил, что ему будет наследовать Тавана, а не сын главной жены – Кхама. *Морафе* раскололся и возникла опасность гражданской войны (данный пример показывает границы могущества *кгоси*, а также то, что он не мог именоваться диктатором в строгом смысле этого термина). Матиба не внял совету видных членов *морафе* и его сын Кхама атаковал со своим войском полки Таваны. Последний вместе со своим отцом вынужден был укрыться на территории соседней народности тсвана – баквена. В конце концов, последние вынудили Матибу и его сына покинуть их территорию и переселиться далеко на север – к реке Ботети (Ботлетле), которая соединяет озера Нгами и Доу. Оттуда они переселились через пустыню к холмам Квебе. После этого Матиба вернулся к баквена, а его люди, оставшиеся на севере стали именовать себя батавана, т.е. "люди вождя Тавана".

В Квебе батавана объединились с подразделением кгалагади – банголога, стали брать себе из его среды вторых и третьих жен и восстановили прежнюю численность. К 1984 г. они вполне возродили мощь своего *морафе* и переселились на восточный берег озера Нгами. Там они сравнительно мирно подчинили себе местный земледельческо-рыболовческий народ койкоинского происхождения – байеи, вместе с которыми, а также при помощи банголога и части бушменов переселились на западный берег оз. Нгами, где они долго воевали с овамбандеру (восточными гереро) и в конце концов изгнали их из Нгамиленда.

Далее им пришлось воевать (уже под началом наследника Тавана – *кгоси* Мореме первого) с полчищами пришельцев с юга – знаменитых макололо (см. романы Майн Рида) под началом вождя Себитоане. Макололо, в ходе долгих перипетий и приключений, дважды нанесли поражение батавана и увели большую часть этого народа в качестве пленных к реке Чобе (в Замбию!). Оттуда часть "пленных", уже освобожденных и приближенных к Себитоане, бежала, боясь козней советников Себитоане, на юг, объединилась с оставшимися в районе озера соплеменниками и банголога. Здесь они, используя уже описанную социальную технологию, во второй раз восстановили численность своего *морафе* и вновь стали контролировать Нгамиленд, установив столицу в Тотенге, на западном берегу озера. Байеи платили им дань и восстанавливали мощь армии батавана, посылая в нее своих юношей. Себитоане более не угрожал Нгамиленду, поскольку был связан серьезными военными-политическими затруднениями в районе Чобе.

Ко времени появления первых европейских торговцев в 1850-х гг. (напомним, что озеро Нгами было "открыто" Д. Ливингстоном в 1848 г.) верховный вождь тавана – Лечулатебе контролировал территорию от Мауна до Тсау, т.е. большую часть Нгамиленда. В дальнейшем наследники Лечолатебе еще более расширили зону политического и экономического контроля тавана, используя результаты торговли с гриква и авантюристами европейского происхождения (Plou, Campbell, 1984: 98-100; Sillery, 1971: 14; Vedder, 1938).

Подведем краткие итоги. Вождество (можно сказать – предгосударственное образование тавана) оказалось возможным создать в исключительно сложной политической обстановки, вызванной отголосками великого переселения народов Южной Африки – *дифекане* на языке *сетсвана*; *мфекане* на языках *исизулу* и *исикоса*, – благодаря следующим обстоятельствам:

1. наличие у тавана хорошо отлаженных традиций установления гибких отношений "вассалитета" с различными типами этно-социумов;

2. наличие у тавана ярко выраженной системы политической централизации и подчинению членов *мерафе* воле своих вождей. Не последнюю роль, конечно, сыграло и наличие организаторских (более чем военных) способностей у этих вождей;
3. наличие в Нгамиленде почти неограниченных (в рамках потребностей тавана) территориальных, людских и экологических ресурсов. Образно выражаясь, можно сказать, что Нгамиленд стал для тавана тем, чем Сибирь была для России;
4. наличие у тавана военной организации типа "нгуни", достаточной для подчинения любых местных народов севера Ботсваны (но не нгуни, что показывает пример Себитоане);
5. удачному стечению обстоятельств, т.е. исторической случайности, предотвратившей полное крушение политики тавана войсками макололо.

Все эти обстоятельства, кроме третьего и пятого, имелись и у многих других народностей тсвана, что позволило им создать, на данный момент, вполне благополучное, по африканским меркам государство. Если тенденция к централизованной иерархической самоорганизации скорее всего представляет древнее наследие общего пэттерна культур банту (начиная, по крайней мере, с эпохи керамики "*уреве*" [Phillipson 1977: 144-145]), то способность гибко использовать местные человеческие ресурсы окраин Калахари, вместо их уничтожения (что было характерно, скажем, для матабеле и макололо) можно считать зачительным и достаточно оригинальным достижением африканской социальной инженерии. Скотоводческая ориентация ценностной системы тсвана служила той осью, которая позволяла эффективно восстанавливать мощь их экономического и творческого потенциала. Немаловажно и то, что их общество было патрилинейным, но не догматически патрилинейным, что позволяло быстрее концентрировать ресурсы, подчиненные единой воле (по сравнению, например, с матрилинейными обществами гереро).

Типологизация социальных объединений народностей тсвана весьма интересна. Для них, как и для многих других групп юго-восточных банту, было характерно сочетание идеологий земледельческих и скотоводческих обществ. В частности, крупный рогатый скот выполнял у них (как уже говорилось выше) роль универсального социального медиатора. Это давало широкие возможности для формирования вертикальных (иерархических) социальных структур. Такие структуры не очень характерны для чисто скотоводческих африканских обществ (ср., например с нуэрами [Эванс-Притчард, 1985]), у которых отсутствовала резко выраженная иерархизация общества. У народов тсвана, видимо вследствие того, что они были наследниками культур земледельческих банту, вертикальные принципы иерархии общества (подчинения вождям) были выражены чрезвычайно отчетливо. При наличии систем капитализации социальных отношений через посредство скота, как социального медиатора, было возможно создавать и поддерживать существование разветвленных вертикальных структур власти. Как мы должны классифицировать *мерафе* с точки зрения типологии архаических общин? Если следовать уже существующим классификациям, созданным на базе этнографического материала земледельческих обществ, мы должны отнести *мерафе* к типу соседско-большесемейной гетерогенной общины (Следзевский 1978: 115 прим. 15). Определение общины как гетерогенной предполагает, что она состоит из разнородных компонентов, объединенных связями различного типа. Таким образом, гетерогенные общины могут быть не только соседско-большесемейными, но и, например, "семейно-родовыми" или "большесемейно-соседско-родовыми" (Бутинов 1967). У тсвана, также как у бини (Бондаренко 2001) "ядро гетерогенной общины составляет кровнородственный коллектив (Следзевский 1978: 114–116). В структурном отношении такая община является объединением больших семей, связанных друг с другом соседско-корпоративными узлами при сохранении и уз родовых (Маретин 1975; Следзевский 1978: 114–116). Большим же семьям во многих случаях присущи иерархичность социальной структуры и недемократичность системы ценностей индивидуального и общественного

сознания [подробно см.: (Бондаренко 1995а: 48–89, 133–152; 1997а: 106–122; Bondarenko & Korotayev 2000b; Bondarenko & Roese 1998b)]. Характерной особенностью политических систем тсвана являлось то, что в их создании активно использовался скот как медиатор социальных отношений. В результате создавались такие современные народы, как суто, свази, зулу, тсвана и др.

ЛИТЕРАТУРА

- Бондаренко, Д.М. 1995. *Бенин накануне первых контактов с европейцами. Человек. Общество. Власть*. М.
- Бондаренко, Д.М. 2001. *Доимперский Бенин: формирование и эволюция системы социально-политических институтов*. М.
- Бутинов, Н.А. 1967. Этнографические материалы и их роль в изучении общины древнего мира. *Община и социальная организация у народов Восточной и Юго-Восточной Азии*. Отв. ред. Р.Ф. Итс. Л.: 168–191.
- Бутинов, Н.А. 1985. *Социальная организация полинезийцев*. М.
- Казанков, А.А. 1999. *Факторы агрессии в культурах охотников-собираателей полупустынь*. Дис. ... к.к.н. М.
- Кулланда, С.В. 1992. *История Древней Явы*. М.
- Ливингстон, Д. 1955. *Путешествия и исследования в Южной Африке*. М.
- Маретин, Ю.В. 1975. Община соседско-большесемейного типа у минангкабау (Западная Суматра). *Социальная организация народов Азии и Африки*. Отв. ред. Р.Ф. Итс. М.: 60–132.
- Следзевский И.В. 1978. Земледельческая община в Западной Африке: хозяйственная и социальная структура. *Община в Африке: проблемы типологии*. Отв. ред. Р.Ф. Итс. М.: 61–132.
- Эванс-Притчард Э.Э. 1985. *Нуэры. Описание способов жизнеобеспечения и политических институтов одного из нилотских народов*. М.
- Arbousset, T. 1842. *Relation d'un voyage d'exploration au Nord-Est de la colonie du Cap de Bonne Esperance*. Paris.
- Baines, T. 1864. *Explorations in South-West Africa*. Farnborough.
- Bondarenko, D.M. & Korotayev, A.V. 2000. Family Size and Community Organization: A Cross-Cultural Comparison. *Cross-Cultural Research* 34: 152–189.
- Bondarenko, D.M. & Roese, P.M. 1998. Pre-dynastic Edo: The Independent Local Community Government System and Socio-political Evolution. *Ethnographisch-Archäologische Zeitschrift* 39: 367–372.
- De Klerk, W.A. 1977. *The Thirstland*. Harmondsworth.
- Gordon, R.J. 1984. The !Kung in the Kalahari Exchange: Ethnological Perspective. *Past and Present in Hunter-Gatherer Studies*. Ed. by C. Schrire. Orlando, FL: 195-224.
- Guenther, M. 1986. *The Nharo Bushmen of Botswana: Tradition and Social Change*. Hamburg.
- Kanjji, K. 2000. Interface Between Hereros and San of Namibia: The Ignored Reality <http://www.und.ac.za/und/ccms/articles/ovakuru.htm#juhoan>,
- Lee, R.B. 1979. *The !Kung San: Men, Women and Work in a Foraging Society*. Cambridge.
- Phillipson, D.W. 1977. *The Later Prehistory of Eastern and Southern Africa*. New York.
- Schapera, I. 1943. *Native Land Tenure in the Bechuanaland Protectorate*. Cape Town.
- Schapera, I. 1955. *A Handbook of Tswana Law and Custom*. London.
- Schapera, I. 1970. *Tribal Innovators: Tswana Chiefs and Social Change (1795-1940)*. London.
- Sillery, A. 1971. *John MacKenzie of Bechuanaland: A Study in Humanitarian Imperialism*. Cape Town.
- The Tswana of Southern Africa. <http://www.grmi.org/~jhanna/obj51.htm>
- Tlou, T., Campbell, A. 1984. *History of Botswana*. Gaborone.

Vedder, H. 1938. *South West Africa in Early Times*. Oxford – London.

Wilmsen, E.N. 1989. *Land Filled with Flies: A Political Economy of the Kalahari*. Chicago and London.

КРИЗИСЫ, ИДЕНТИЧНОСТЬ И КОНФЛИКТЫ С ЦЕНТРАЛЬНОЙ ВЛАСТЬЮ У ТУАРЕГОВ

А. Буржо

Вплоть до настоящего времени исследователи, обращавшиеся к теме мятежей туарегов в Мали и Нигере в конце 1990-1991 гг., в целом придерживались культурологического, идентификационного и этнического подходов.

Подобный выбор метода, который имеет свои преимущества и который приносит свой вклад в понимание феноменов 1990-х годов, основывается на стремлении детально анализировать конкретные исторические ситуации. Последние выхватываются из общего контекста исторических процессов *moyenne durée* без попытки понять эти процессы и выявить истинные корни тех или иных конкретных социальных явлений местного или регионального масштаба, изучение которых немислимо вне национального контекста. Я попытаюсь исправить данное упущение. Соответственно, это небольшое исследование на тему кризисов, которые пережило общество туарегов, будет посвящено поиску глубинных причин, приведших к вооруженным восстаниям. Рассматриваемая цепь исторических событий относится к периоду, включающему в себя отрезок времени, начиная с 1950-х годов и вплоть до подписания Мирных соглашений 24 апреля 1995 года. Она отмечена четырьмя большими последовательными кумулятивными кризисами, каждый из которых проходил развивался в три этапа: зачаточная фаза, латентный кризис, и наконец, взрыв вооруженного неповиновения.

Первый мятеж номадов относится к 1950-м годам, тому времени, когда пасторальные общества Западной Африки испытывали на себе влияние развития культуры ренты, из-за которой кочевники теряли лучшие пастбища. Разумеется, ответный удар со стороны кель тамашек¹ не заставил себя долго ждать.

Второй кризис связан с победой колоний в борьбе за независимость. Большинство кель тамашек воспринимали произошедшее как потерю их собственной независимости, выгодное правительству, возглавляемому черными, и как предательство со стороны французских колониальных властей.²

В этой связи следует отметить, что колониальное завоевание наталкивались на ожесточенное сопротивление,³ но, начиная с 1940-х годов, с того времени как политическая и военная власть аристократии туарегов стала ослабевать, туареги в основном поддерживали хорошие отношения с колониальной администрацией, которая пользовалась ими как промежуточным звеном в своей политике. Новые силы, пришедшие к власти после обретения независимости, культурно удаленные от местного населения, с иным фенотипом, политико-авторитарные, практически диктаторские, властвующие безраздельно и репрессивными методами, заставили некоторых туарегов ощутить на себе настоящую колонизацию.

Именно это общее представление о состоянии дел проявляется в северном Мали во время мятежа в Адаг⁴ через некоторое время после ухода французских войск 20 февраля 1961 года. Малийская пресса обвиняла бывшую колониальную администрацию в тайной поддержке этой вооруженной акции, плохо подготовленной и "спонтанной". Она была жестоко подавлена молодой малийской армией. Политические и экономические последствия для региона были катастрофическими, – после подавления мятежа он был провозглашен запретной зоной на 25 лет (целое поколение!). Адаг, где располагались лагеря каторжников,

такие как Кидал и соляные шахты Таоденни, если ограничится перечислением только самых печально известных, а также тюрьмы для политических ссыльных и уголовников, стал той средой, где вспыхнул малийский мятеж 1990 года.

Этот мятеж был первым открытым конфликтом с центральной властью в контексте учреждения в близком к социализму государстве под руководством президента Модибо Кейта.⁵

В Нигере, исключая несколько политических деклараций, исходивших от туарегского меньшинства, переход к независимости происходил мирно, поскольку и ставки в борьбе за власть, и тамошние сторонники "колонизаторов" были уже не те. Кроме того, политическая ориентация независимого Нигера совпадает с французскими экономическими и политическими интересами. Именно в этом состоит существенное различие. На самом деле, социалистическая ориентация Модибо Кейта в Мали, была направлена, с одной стороны, на избавление этого молодого государства от неокOLONиального французского влияния, а с другой стороны, на препятствование потенциальному развитию союзнических отношений с Алжиром, который проповедовал ту же идеологию. Эта относительная гармония с неокOLONиализмом проявлялась в отношении OCRS (Объединенной организации сахарских территорий), созданной 10 января 1957 года, которая объединяла земли Сахары, принадлежащие Алжиру, Судану (Мали), Нигеру и Чаду и к которой и примкнул Нигер.

Политический характер Организации обнаруживается в создании Министерства Сахары, 21 июня 1957 года, то есть 5 месяцев спустя создания OCRS. Более того, Министр становится главным Делегатом и представителем Правительства, от которого он получает инструкции на местах и место Министра Франции на заморских территориях.

Нигер и Чад не доверяли друг другу относительно политического аспекта этого объединения. Они считали, что прерогативы политики Министерства Сахары будут направлены только на французские департаменты Саура и Оазис (т. е. Алжир).

Отмечалось, что создание OCRS осуществляется в том контексте, когда колониальные союзы (Французская западная Африка, Французская Экваториальная Африка и Алжир) начинают распадаться. Она институционализирует стремление к объединению этого пространства в сфере культуры (Туареги, Тубу, Арабские бедуины известные как "чистые" номады) и экономики (традиционное скотоводство и новые многообещающие горные производства), чтобы создать новое политико-административно и культурно однородное целое.

Во времена колониального владычества культурная неоднородность сахарских территорий позволяла колониальным властям постоянно поддерживать силы, противостоящие требованиям северно-африканского населения, и сглаживать народные волнения. Одним ярких сторонников этой политики был Эмиль Белим, Директор и учредитель Управления по делам Нигера (тогда Судана), который с 1951 года начал виртуозную кампанию по пропаганде "национализации Сахары".

В итоге, это наднациональное образование исчезло 18 марта 1962 года, в тот момент, когда два франко-сахарских департамента (Саура и Оазис), надеялись на независимость, и когда распалось французское сообщество, в то время как нефтяные и газовые месторождения стали прибыльными. Если Эвианские соглашения 1962 года положили конец миссии OCRS и ее намерениям в отношении территориального разделения, в таком случае ставилась проблема интеграции сахарских народов, в частности Туарегов, в новых государствах. Попытка учредить, пусть временно, Сахарскую автономную Республику, не прошла без последствий для туарегов, по отношению к которым колонизация проявляла внимание и благосклонность, как писал об этом этнолог Ж. Пети: "По политическим и сентиментальным соображениям, мы до сегодняшнего дня культивируем 'туарегский миф', произвольно способствуем изоляции этих народов в их самобытности, постоянно

восхваляя их качества и иногда даже их недостатки, утверждая, что те идеи, которые у них были, хороши именно в том виде, в котором они были, соглашаясь на все их просьбы".

Этот пассаж о мифе туарегов относится, следуя терминологии того времени, к "белым туарегам", за исключением "черных туарегов" (рабов, вольноотпущенных, но также некоторое количество аристократов с черным фенотипом), численно более многочисленных.

Также отмечалось, что *La lettre touarègue*, поддержавшая мятеж туарегов в Мали, восстанавливает колониальную точку зрения на OCRS. На самом деле *La lettre touarègue* утверждала, что Организация это "некий гибрид по сути экономического толка". П. Буали, один из авторов этого издания, как можно больше минимизирует политическую важность первого проекта: "OCRS, невзирая на явный отход от политического содержания, характерного для первых проектов объединения Сахары, все еще остается источником устойчивого мифа о сахарском государстве, незаконченное строительство которого все еще будоражит людские умы". В самый разгар бурных и страстных политических дискуссий в Национальной Ассамблее, автор, избегая политических дебатов, ставки в которых еще высоки, высказывается за то, чтобы не просто восстановить утраченный "интерес к этому историческому эпизоду, но увидеть, как в нем проявляются идеи, бывшие актуальными в период деколонизации" (Bernus et al. 1993: 230). Тогда же депутат Луи Одрю от имени коммунистической партии голосует "против проекта, реализация которого не приведет ни к чему, кроме усиления политики колониального расхищения богатств Сахары, под эгидой финансовых групп Франции и других иностранных государств." (*Journal des débats, Assemblée de l'Union française, 2e séance du 6 décembre 1956 : 1200*)

Концепция и содержание политики OCRS, которая в своем внедрении стремится опереться на этно-культурный партикуляризм сахарской зоны, и в особенности на туарегов, возродятся вновь 30 лет спустя в меморандуме CRA (Совет Вооруженного сопротивления) 3 февраля 1994 года, выдвинувшего требование установить "туарегскую власть" в пределах территории, которая примерно соответствует OCRS и карта которой была опубликована 25 февраля 1994 года в правительственном еженедельнике *Le Sahel Dimanche*. Фактически, что касается раздела территорий, то регион, обозначенный в меморандуме CRA, составляет две трети современного Нигера или приблизительно 800 000 кв. км из 1 267 000 кв. км.

Третий кризис, экологический, как в Мали так и в Нигере, ознаменовался засухой 1969-1973 гг., которая привела к всеобщему голоду.

В Нигере политические последствия голода состояли в государственном перевороте, возглавленном Сейни Кунче, который свергнул президента Диори Хамани 15 апреля 1974 года. Засуха и голод породили массовое переселение большого количества туарегов в Алжир, Ливию, Нигерию и другие франкоязычные страны. Этот экологический кризис породил существенный экономический кризис и некоторая часть туарегского общества оказалась в нищете.

Вторая засуха, произошедшая в 1983-1986 гг.⁷, усугубила кризис, который уже существовал в то время в туарегском обществе.

В Нигере, кризис, порожденный засухой, осложнялся экономическими и финансовыми обстоятельствами. Внезапное падение цен на уран (напомним, что это страна производитель урана) имела незамедлительные последствия в национальном бюджете. Этому падению цен, сопутствовали предписания Ф.М.И. (Национальный валютный), который взялся за реализацию первого Р.А.С. (План структурного урегулирования), негативные последствия которого, особенно в сферах образования и здравоохранения, хорошо известны. Наконец, создавшуюся ситуацию усугубило ухудшение социальных и политических отношений, вызванное недемократическим политическим режимом. Фактически, диктаторский режим генерала Seyni Kountché был совершенно авторитарным. Таким образом, можно отметить, что этническая концепция политики укоренилась при этом чрезвычайном режиме.

Совмещение и пик кризисных явлений в обществе кель тамашек приходится на 1985 год. Одним из наиболее показательных признаков пика кризиса становятся столкновения между силами правопорядка и группами туарегов, начиная с нападения на банк и почту супрефектуры Тшин Табараден, находящейся на северо-востоке Тахуа.

В отличие от засухи 1969-1973, засуха 1983-1986 гг., менее продолжительная, но более тяжелая, чем первая, провоцирует политический кризис в обществе туарегов. Так, в 1984 году,⁸ массовый исход в Ливию стал для многих из эмигрантов изгнанием.

1983-1986 гг. стали для некоторых туарегов годами необратимых переломов. Многие из них выросли в других странах под влиянием арабской культуры и Зеленой книги Каддафи.

И, наконец, четвертый кризис, который включает в себя пятидесятые годы, затрагивает скотоводческое производство. Последняя, в силу экономической специфики этого вида деятельности у туарегов, определяется двумя основными факторами: экологией засушливых зон и трудностями включения в рынок, подчиняющийся новым мировым экономическим изменениям. Так, например, преобразование продукции дромадеров (одногорбого верблюда), осуществляется лишь в подпольных коммерческих кругах, которые, как правило, касаются лишь небольшой группы туарегов. Такое мошенничество, под которым подразумевается подпольная деятельность и перепродажа, не подкрепляют социально-экономическую ситуацию пасторальной системы туарегов. Последствия всех кризисов знаменуются серьезным социальным кризисом, который послужит причиной дальнейших мятежей, которые затронут, прежде всего, поколения двадцатилетних – сорокалетних. Именно из этой среды с запозданием появится новая интеллектуальная элита, вышедшая из колониальной школы сахарских номадов.⁹

Для многих из них это образование, среднее и высшее, замыкалось в рамках государственной политики, и ограничивалась ее интересами. У них больше не наблюдалось особого желания интегрироваться в их родное общество, которое не отвечало ни их новым запросам, ни их новым стремлениям. Деклассированные и потерявшие свои корни, они не замедлили эмигрировать в Алжир и в Ливию, не по идеологическим соображениям, а по причинам непосредственного выживания и в поисках какого-то нового достоинства, поруганного, по их мнению, властями родной страны. Некоторые из них записались в ливанскую армию и исламские легионы, чтобы овладеть техникой современной войны и сражаться в Чаде, Ливане, Палестине и Иране.

На осколках прежних обществ, в ходе социальных волнений и военных действий, новая интеллигенция способствует возникновению нового туарегского общества, преодолевающего прежние кровнородственные, региональные и национальные барьеры. Эти новые сообщества, выкованные в борьбе за выживание, в вооруженной борьбе, способствовали формированию нового общего самосознания, социального и политического, костяк которого основывался на безработных, вернувшихся из Ливии, некоторые из которых были дезертирами, но все они были окружены ореолом боевой славы.

Многозначность термина *ishoumar*, иллюстрирует переход от бродячих номадов к странствующим без особой цели бродягам. В философском плане, термин воскрешает в памяти странствия тех, кто был лишен своих корней. С прозаической точки зрения, это характеризует новые ливийские объединения малийских и нигерийских туарегов, находящихся с условиях аккультурации, исключенных из экономической, социальной и политической жизни.

Ishoumar превозносят пришествие туарега вышедшего из первобытного строя и способного определить свою этничность как принцип объединения. Они ссылаются на новое "общество избранных", основанное на новом чувстве исключительной этничности, включающее некоторых представителей интеллигенции. Бывшие военные мятежники обратились к культуре, чтобы построить, в некотором роде, политико-культурную

идеологию, в корне своей философскую направленный на объединение общества туарегов и, в конечном счете, на формирование "этничности". Таким образом, объективная цель заключается в превращении культурного сообщества (кель тамашек один из эндогенных этнонимов) в политическое объединение.

С другой стороны, на основе предрассудков и идеологических штампов, разоблачители этнической концепции нации, придумали выражение *temust n imajeghen*, переводящееся как "туарегская нация" и абстрактно представленное как федеральное по природе (H ; Claudot-Hawad, 1992 : 148).

Семантика термина *temust* покрывает три значения, каждое из которых исходит из того или иного исторического периода. Первое значение приписывается к индивидуальной идентичности. Второе приписывается к политико-культурной деятельности и освещается в социологическом аспекте. В этом случае он может переводиться как "дело туарегов". Третье значение выходит непосредственно из политики. Оно относится к условиям учреждения нации туарегов.

Присоединение и принадлежность к *temust* подразумевает обязательное владение языком, быть туарегом и уважать *ashék* ("честь", "достоинство"). Эти ценности, вышедшие из аристократического слоя туарегов, были взяты на вооружение мятежниками, большинство из которых были из низших слоев общества (плательщики дани). Они вложили в эти ценности иной смысл и положили их в основу своей политики.

Присоединяться и принадлежать к *temust*, это защищать дело туарегов с помощью оружия, пропаганды, и т.д. в зависимости от своих обязанностей.

Язык, вокруг которого вырабатывается солидарность, стоит выше родовых, племенных и социальных расслоений. Он апеллирует к общим истокам, к общим предкам, которых уже давно нет.

Инструментализация языка обязательно проходит через его письменные формы. Это обусловлено технологией, приводящей его к единым значениям и дающей ему универсальный характер. Таким образом, в случаях мятежей туарегов, французский становится языком политики, переговоров, дипломатии и администрации. В этом случае существует болезненное противоречие между использованием французского языка и этноцентрической позицией, которая постулирует язык тамашек как основную ценность, уже отодвинутый на второй план и в устной речи. Таким образом, "туарегская нация" в восприятии окружающих оказывается связана с французским языком.

Британский историк Бенедикт Андерсон обращает внимание, с точки зрения национального восприятия, на препятствия против политического использования языка:

Мы все время путаемся, трактуя языки, как орудие некоторых национальных идеологов, некую эмблему нации, имеющую такое же значение как флаги, одежда или народные танцы. Один из основных факторов, относящийся к языку, это его возможность породить выдуманные сообщества, строить своеобразные объединения.

Что в настоящее время преобладает в малообразованных туарегских обществах, так это устная, а не письменная форма языка, которая, тем не менее, стала объектом рассмотрения, в частности присвоения официального статуса *tifinagh* (туарегскому алфавиту).

Как козырь, можно добавить использование королевской казны, которая придает словам политический статус и своего рода сакральность которая укрепляет идеологический смысл песен *ishoumag*. Здесь надо добавить использование посредников.

Несмотря на все эти козыри, мятеж не знал (да и не мог) каким-либо образом переработать всю сумму воззрений, направленных против старой аристократии, ни сформулировать основы новой идеологии. Эта несостоятельность раскрывает отсутствие главного мыслительного звена, и позволяет усомниться в исторической роли *temust*. Зато он

научился пользоваться политическим и военным арсеналом и "предводителей войны" соответствующих "традиционной" системе политики.

Temust также является новым образом бытия, новым способом существования с помощью выдуманных и символических параметров, которые организуют "выдуманное сообщество", которое включает в себя все отношения, явные и неявные, в отношении экономических и/или политических взаимосвязей.

В этих условиях, *temust* понимается как некая величина, создавшая новое "политическое сообщество", а остается на уровне идеологии. Это объясняет, как в Мали, так и в Нигере, фрагментарность мятежей на разных "фронтах", в то же время автономных и сплоченных, в зависимости от обстоятельств и соответственно сегментарной системе так любимой у этнологов.

Temust является также абстрактным понятием, метафизикой, которое взывает к воображению и индивидуальной чувственности. Этот термин не может возводиться в социологическую модель или воплощаться в проект создания общества. Он не направлен на коренные изменения и существует главным образом для образования этнического сообщества, структурировано в других странах и которое потеряло свои культурные корни, но которое хочет быть принятым в туарегских обществах.

Наконец, недоступность для понимания свойственная этому понятию *temust* неотделимо от фанатизма. Оно учреждает новый этнизм, то есть новый сепаратизм который представляет собой спасительный катарсис и чье обозначение остается ограниченным числом людей, делящих единую историческую общность, а также одни и те же ценности, заложенные в новых формах идентичности.

В заключении можно отметить, что туарегские мятежи были продуктом кумулятивных кризисов, которые их привели к потерям идентичности, к феномену аккумуляции. Но эти мятежи, в свою очередь, породили новые формы и новые идентификационные ориентиры, вышедшие из доминантных ценностей этих обществ. Этноцентризм, обозначенный понятием *temust*, кажется возможным в качестве одного из вариантов национализма. Он уступает место, как только стихают страсти, внутренним противоречиям с обществом, которое препятствует образованию "нации туарегов". На это существуют три причины и они способствовали неудаче мятежей:

- "племенная" система и родовая идеология, который органично слиты воедино, стали основными препятствиями в создании этнически более однородной нации;
- важность социальной иерархии и антагонизмов, которые с ней связаны;
- и, наконец, господствующая идеология

Примечания

1. Кель тамашек – наиболее употребительный этноним, чтобы обозначить тех, кого арабы, а затем и европейцы, называли туарегами
2. Отмечают сходство ситуаций у туарегов и мавров. Ибрахима Абу Саль, в дакарском еженедельнике *"Échos d'Afrique noire"* (21-27 апреля 1957 года) подчеркивает: "Мавры хотели воцариться в Марокко, потому что они не хотели быть во власти у черных".
3. Особенно мятежи Каосена в Аире (Нигер) и Фируна в Азаваге (Мали) в 1916-1917 гг. Эти мятежи расшатали колониальную власть. Они были подавлены жестокими репрессиями.
4. Адаг – горный массив на малийской территории. Колониальное название Адрар дез Ифогас (Adrar des Ifoghas), от имени главного племени (Ifoghas, в ед. ч. Afaghis), в конечном счете, ценимые колониальной администрацией, которая сделала в нем совет вождей племен чтобы избавить от зависимости и протекции аристократов Iwllimiden, равнины Azawagh.

5. 5) Военный Модибо Кейта (Modibo Kéita) был задержан 19 ноября 1968 года после государственного переворота под предводительством генерала Мусса Траоре (Moussa Traoré), в настоящее время находится в тюрьме и его дело рассматривается судом. Первый президент Мали умер в тюрьме, отравленный ядом 17 мая 1977 года.
6. Это значит немного меньше чем площадь, установленная OCRS которая включала девять десятых от общей площади Нигера.
7. 7) В 1985 году, река Нигер, в Ниамей (Niamey), прекратила свое существование.
8. Кажется, что малийская эмиграция в Ливию предшествовала нигерской.
9. В 1947 году французская школа внедрилась в сахарское кочевое общество.

ЛИТЕРАТУРА

- Anderson, B. 1996. *L'imaginaire national. Réflexions sur l'origine et l'essor du nationalisme*. Paris.
- Bernus, E., Boilley, P., Clauzel, J., Triaud, J.L. 1993. *Nomades et commandants. Administration et sociétés nomades dans l'ancienne AOF*. Paris.
- Bourgeot, A. 1994. Révoltes et rébellions en pays touareg. *Afrique contemporaine*. La Documentation française No°170: 3-19.
- Bourgeot, A. 1995. *Les sociétés touarègues. Nomadisme, identité et résistances*. Paris.
- Bourgeot, A. 1996. Les rébellions touarègues: une cause perdue? *Afrique contemporaine*. La Documentation française, numéro spécial No°180: 99-115.
- Bourgeot, A. 1999 (éd.). *Horizons nomades en Afrique sahélienne. Sociétés, développement et démocratie*. Collection "hommes et sociétés". Paris.
- Claudot-Hawad, H. 1992. Bandits armés, rebelles et partisans: vision plurielle des événements touaregs 1990-1992. *Politique africaine* N°46: 143-149.
- Devereux, G. 1985. *Ethnopsychanalyse complémentariste*. Paris.
- Erikson, E. 1972. Adolescence et crise. *La quête de l'identité*. Paris.
- Gellner, E. 1989. *Nations et nationalismes*. Paris.
- Gellner, E. 1964. *Thought and change*. London.
- Hamani, Djibo 1994. Une gigantesque falsification de l'histoire. *Niyya*, No°4: 6-8.
- Lévi-Strauss, Cl. 1977. *L'identité*. Paris.
- Petit, J. 1960. L'attitude de la population et le problème de l'éducation au Sahara. *Colloque général sur les problèmes de la zone aride, CHEAM*, No°50.
- Salifou, A. 1993. *La question touarègue au Niger*. Paris.
- Sall, Ibrahima Abou 1999. Crise identitaire et politique en Mauritanie: le cas des Fulbee Aynaabe. *Horizons nomades en Afrique sahélienne. Sociétés, développement et démocratie*. Ed. by A. Bourgeot. Paris.
- Smith, A.D. 1991. *National identity*. London.
- La lettre touarègue*: N°3, juin-juillet 1993
- Le Sahel-Dimanche*: 25 février 1994
- Niyya*: organe mensuel d'information du PNDS-Tareyya; N°4, avril 1994

КИДАНЬСКОЕ ГОСУДАРСТВО ЛЯО КАК КОЧЕВАЯ ИМПРЕИЯ

Г. Г. Пиков

Мы должны радоваться, если наше рассуждение окажется не менее правдоподобным, чем любое другое, и притом помнить, что и я, рассуждающий, и вы, мои судьи, всего лишь люди, а потому нам приходится довольствоваться в таких вопросах правдоподобным мифом, не требуя большего.

Платон. "Тимей"

Многие термины, в том числе и "империя", нередко воспринимаются как внеисторические. Как ни странно, практически никто не задумывался до сих пор о том, что такое "империя" как феномен. К тому же, как правильно заметил В.Л. Махнач, это – "одно из самых десемантизированных понятий в современном языке... Оно утратило прежнее содержание, превратилось в общепринятое наименование нечистой силы" (Махнач 2000). Двумя определяющими признаками империи с начала XVIII в. (французский исследователь Г. Жерар) до сих пор считаются обширность территории и этническая разнородность населения. Этим, по мнению Г. Жерара, империя отличается от царства, которое меньше по территории и этнически однородно. В.В. Малявин несколько пессимистично однажды заметил, что "понятию 'империи' не суждено, возможно, обрести полную меру научной строгости" (Малявин 1983: 9). На специально посвященном империям французском симпозиуме в свое время так и не смогли предложить новые определения империи (Creel 1970: 6).

В свое время (9-10 сентября 1996 г.), на симпозиуме Центра сравнительного изучения древних цивилизаций ИВИ РАН, посвященном империям и имперским идеологиям в древности, Л.Б. Алаев мудро заметил:

Прежде всего, тратить интеллектуальные усилия на выработку понятия 'империя' есть смысл только в том случае, если мы хотели бы этим термином назвать определенный этап развития государственности (скажем, занимающий на шкале развития место между городом-государством и национальным государством). Если же речь идет просто о типологии, т.е. о том, стоит ли нам называть то или иное государство империей или не стоит, то ответ на данный вопрос останется вкусовым, употребление термина 'империя' факультативным, научно незначимым. Если 'империя' есть глобальное и универсальное для истории народов явление, то понятно, что оно может быть определено лишь в самых общих чертах, с большими допусками, но все же каждая конкретно-историческая империя должна в чем-то существенном совпадать со своим идеальным типом. Какие же черты организации государства необходимы и достаточны для выделения имперского типа? (1997: 156).

Попытаемся ответить на этот вопрос на примере киданьской империи Ляо (907–1125). Кидани занимают весьма заметное место в истории Центральной и Восточной Азии. Среди многочисленных народов, с которыми Китаю пришлось вести борьбу на всем протяжении

средневековой истории, кидани занимают, можно сказать особое место. По словам В.С. Таскина,

этот народ как бы открыл новую страницу в отношениях между Китаем и кочевой степью. Дело в том, что до киданей все вожди враждовавших с Китаем племен либо признавали превосходство китайского императора, либо считали себя равными ему. Киданьский же император Тай-цзун в результате военных побед сам возвел на китайский престол угодного ему императора, который официально признал его отцом, а себя сыном, что выражает, по китайским понятиям, отношения подданного к государю. Другими словами, впервые в своей истории Китай признал чужеземное господство.

Кроме того, если раньше в результате военных поражений Китай соглашался платить унижительную для себя дань, называя последнюю подарками, то возведенный киданями император помимо ежегодного предоставления подарков уступил кочевникам шестнадцать китайских областей (Е Лун-ли 1979: 15).

По этому поводу В.П. Васильев в свое время писал:

Это событие имело решительное влияние на дальнейшие происшествия. Допущение инородцев не грабить, а уже властвовать над китайскими городами было пятном, которое стремились смыть все китайские государи. Из-за этого они воевали с киданями, вступили в союз с маньчжурами (т.е. чжурчжэнями – Г.П.) и против них с монголами, и все это для того, чтобы отдать последним весь Китай. Со своей стороны, обладание китайскими землями должно было произвести великий переворот и между обитателями Монголии: они научились владеть китайскими землями и увидели, что можно этот первый опыт повторить и в более обширных размерах (Васильев 1859: 17)

В результате мы можем говорить об уникальном в средневековой истории не только Востока, но и всего мира, одновременном существовании в рамках одного государственного образования двух различных хозяйственных укладов - кочевых скотоводов и оседлых земледельцев. Китайские средневековые историки, говоря о влиянии природной (географической) среды на развитие общества, отмечали антагонизм кочевников и оседлого населения.

Империя Ляо практически с самого начала она складывалась как полиэтническое образование. Уже сам факт установление господства киданей над соседними кочевыми и оседлыми народами неизбежно приводил к сложной этнополитической ситуации. Переход под их власть исконно ханьских районов заставлял ляоских правителей формировать и совершенствовать особую политику взаимоотношений с внутренними и внешними чужими племенами и народностями. История этого государства ярко демонстрирует модель развития типичной кочевой империи. Все сказанное находит достаточно полное освещение в письменных источниках киданьско-ляоского происхождения и в текстах, созданных представителями других народов.

Историю киданьской государственности можно разделить на два этапа:

1. 907/916 – 1125 – эпоха Ляо
2. 1125 – 1218 – трансформация имперской системы в каганат и образование Си (Западного) Ляо.

Движение к универсальной государственной форме началось, как это убедительно показали М.Н. Суровцов (рукопись б.г.), К.А. Виттфогель и Фэн Цзяшэн (Wittfogel, Feng 1949), Л.Н. Рудов (1961), Е.И. Кычанов (1990; 1997), Н.Н. Крадин (1990) и др., не в X веке даже. Прелюдией оказалась борьба между крупными киданьскими вождями за первенство. С

80-х гг. VI в. до 716 г. доминировал род Дахэ, до 907 г. – Яолян. Империю создаст род Ила (Елюй). Его приход к власти можно назвать своеобразной революцией, ибо произведенный переворот и особенно социально-политические и административные преобразования Абаоцзи и Дэгуана вызвали протест родовой знати и серию мятежей, в т. ч. даже связанных с родственниками императоров. Эта революция по значимости, видимо, несколько не уступала перевороту Пипина Короткого, имевшего своим итогом образование империи Каролингов. Елюй Абаоцзи в борьбе за трон существенно помогали выходцы из уйгурского по происхождению рода Сяо. Именно они помогли устранить братьев и дядей императора и тем самым укрепить возможность наследования власти не от брата к брату, а от отца к сыну. Род Елюй в благодарность "поделился" властью с Сяо и в результате возникла бифефальная (двуглавая) система власти (император – из рода Елюй, императрица – из рода Сяо).

Приходу к власти Елюй Абаоцзи способствовала и внешнеполитическая обстановка: незадолго до этого на востоке из местных племен мохэ и когурёских беженцев было образовано государство Бохай. В Китае заканчивала свое существование династия Тан. В степях Центральной Азии продолжала царить анархия, вызванная падением Уйгурского ханства и киргизским вторжением 840 г. Поэтому ни на западе, ни на юге не было силы, которая могла бы помешать завоеваниям киданей.

Принятие Абаоцзи в 916 г. императорского титула Тянь-хуан-ван в соответствии с нормами китайского этикета приводило к серьезным изменениям в формах и методах правления. Император становится "начальной функцией всех дел в государстве" (Суровцов б.г.). Это способствовало становлению элементов государственной власти, формированию бюрократического аппарата.

От Китая было перенято представление об императоре как Сыне Неба (тянь цзу), который получил "мандат Неба" (тянь мин) на правление. Более того, он взял из монгольской традиции право на управление всем миром. Это дает ему Вечное Небо (*mǒngke tengri*). Фактически он становился наместником Неба на Земле, что позволяет ему также быть правителем правителей (наподобие шахиншаха иранской империи). Власть Неба обязательно сочеталась с личной харизмой. В итоге обосновывалось право и обязанность императора быть членом особого, так сказать, императорского рода. Кроме китайской и родовой монгольской традиций на сакрализацию верховного правителя повлияли уйгурская и тюркская. В орхонских текстах видно, что правитель получает два мандата – от Неба вверху и от Земли внизу. У хунну, тобасцев тоже можно было наблюдать нечто подобное (Rachewiltz 1973: 30).

Собственно киданьские представления, безусловно, тоже повлияли на это. Сказался культ великого предка, которому, разумеется, помогало Небо. Он фактически "оправдал" надежды рода, "выведя" его наверх к власти. Род правителя происходит от прародителей всех людей. Перед битвой обязательно приносились жертвы предкам, но прежде всего Небу. Свои победы (а он обязан был побеждать – вспомните подобную обязанность у римских императоров) правитель объяснял поддержкой Неба. Не случайно в китайской религиозной традиции Небо выделялось среди других божеств. Как и монголы впоследствии, кидани приписывали Небу универсальные черты (вечное, высокое). Еще в орхонских надписях VII-VIII вв. говорилось о высоком синем Небе. Но через киданей к монголам придет акцент на воле и силе Неба. "Сила" правителя тождественна силе Неба, сульдэ – "связь миров", основа самоорганизации мира и император – ее достойный посредник. Правитель создает иерархическую лестницу "с Неба на Землю" и утверждает единый закон Неба на Земле. Небо становится делателем королей. Невольно вспоминается начавшееся с Пипина Короткого представление о правителе как помазаннике божьем. Но, обратите внимание, акцент этот столь значителен и существен, что фактически игнорирует отчуждение от кочевого мира с его формальным равенством.

Киданьский правитель получал в результате право даже творить свой особый мир (миропорядок) и подчинять ему все пространство на вечные времена. Все империи претендуют на это и кидани не исключение. Все соседние народы воспринимались как потенциальные члены новой мировой империи. Фактически переосмысливается понятие ойкумены. Это уже не просто населенная людьми зона, а мир своих людей, "наших", до горизонта культуры. Войны против не желающих присоединиться к империи оправдывались морально и идеологически, более того, они обязательны, ибо те не хотят жить "по божеским законами". Так же в Европе оправдывались крестовые походы против альбигойцев. Императора может и обязан поддержать весь культурный мир. Фактически только с Хубилая появляется в монгольском мире представление о равноправии других стран. Правда, кидани, не признавая бохайцев и чжурчжэней равными, вынуждены были считаться с китайской и тангутской империями. Отношения с другими народами находили отражение в символике вассальных отношений, которая фактически копировала внутрисемейные отношения (отец – сын и др.).

Киданьская империя была сложной общественной системой. В ней явно выделяется "кочевое ядро" (по терминологии Н.Н. Крадина [1992; 1996]) и периферия, правда, не только земледельческая. Киданям приходилось иметь дело даже с охотничьими племенами. Под "центром" в статье подразумевается регион, характеризующийся относительной этнической, государственной, политической, экономической и культурной гомогенностью и стабильностью, под "периферией" – располагающиеся вокруг этносы и субэтносы, развитие которых связано с иными характеристиками (более низкий уровень или лежащая в основе иная экономика) и не отличающиеся устойчивостью и однородностью.

Елюй Абаоци "объединил все тридцать шесть иноземных народов" (Кычанов 1966: 272). В империи киданей шли сложные экономические и политические процессы, следствием которых было разрушение локальных социально-экономических организмов и очень медленное складывание организма регионального. Империя и была формой контактов разных регионов и освоения пространства. В этом смысле киданьская империя внесла существенный вклад в трансформацию восточноазиатской экономики. При ней существенно увеличились темпы перехода от присваивающей экономики, производящей что-то для себя, к производящей товары на любой рынок. О широком развитии ремесел и торговли свидетельствуют тексты хроник "*Цидань го чжи*" и "*Ляо ши*".

Здесь неизбежно встает вопрос о характере киданьской империи. Н.Н. Крадиным (1992; 1995; 2001 и др.) вполне справедливо употребляются уместные для таких случаев понятия-термины "внешнеэксплуататорская деятельность", "экзополитарность", "ксенократия". На материале Европы давно уже говорится о борьбе в средние века трех так называемых "идеалов" правления – бюрократии, теократии, ксенократии (например, С.С. Аверинцев). Но Н.Н. Крадин вывел эти понятия на максимально высокий уровень. Действительно, экзополитарность – ксенократия характерны не только для "христианского" и "европейского" миров (гегемонистские устремления Священной Римской империи, Австро-Венгерской монархии, Наполеона I Бонапарта, Адольфа Гитлера). Материал киданьской истории позволяет увидеть этот механизм в действии. Мы видим, что эти понятия не подразумевают лишь подчинение земледельческих цивилизаций кочевникам, хотя наличие земледельческой периферии обязательно для кочевого "ядра" (термин Н.Н.Крадина), которое использует "дистанционную эксплуатацию" (термин АИ.Фурсова). На самом деле, речь идет об отношениях симбиозных – "сотрудничество". Части империи объединяют сложные экономические и политические связи, для которых характерно разрушение локальных социально-экономических и политических организмов и медленное складывание региональной системы. Действительно, нельзя говорить, что кочевники являются преимущественными или даже единственными врагами земледельцев. Кочевники нужны им как: сфера сбыта товаров металлургии, текстильного производства, предметов роскоши,

оружия и т. п., барьер от других миров, средство устрашения, подавления, разгрома других земледельческих цивилизаций и т. п.

Сказанное хорошо иллюстрируется киданьско-китайскими отношениями. Как уже было отчасти сказано, кидани проводили особую политику по отношению к Китаю. Они не стремились к завоеванию всей территории Китая, хотя сделать это было, видимо, вполне возможно. Для так называемой феодальной экономики характерна особая роль насилия. Оно – своеобразная форма решения многих проблем, которые не в состоянии решить аграрная или кочевая экономика. Спектр соответствующих "средств" достаточно широк: периодические набеги, регулярный грабеж, война, взимание контрибуции, данничество, навязанный вассалитет и, как последнее средство, - непосредственное завоевание. Кидани грабежами и набегами периодически "выдаивали" китайские земли, но использовали и другие средства. Держа войска наготове и укрепляя границы, они запугивали китайцев перманентной и непредсказуемой опасностью. Чередуя войну и мир, они добивались увеличения подарков, привилегий, добивались необходимых союзов. Кидани уже ко времени правления Дао-цзуна (1055-1101 гг.) гордились тем, что их цивилизация была "не хуже китайской". В то же время, негативно относясь к китайской культуре как культуре чуждого и непонятного им оседлого мира, кидани во многом копировали принципы и методы китайской политики, - государственной, экономической, внешнеполитической. Более того, антикитайская оппозиция медленно и незаметно будет сменяться избирательной синизацией, о чем много писали Груссе, Ховорс, Виттфогель (Grousset 1948: 154ff; Wittfogel, Feng 1949: 4-7, 14-23, 206ff). Знания и навыки они получали через китайских посредников - перебежчиков, путешественников, учителей, послов. Многие кидани получали образование в Китае или по китайскому образцу. Правители пытались семиотическим путем (издание императорских эдиктов и внесение статей в кодекс законов) сделать китайскую культуру приемлемой для иного общества. Надо заметить, что китайцы поощряли подобные действия.

Китайцы в свою очередь, не желая разрушения киданьского государства окончательно, проводили политику сдерживания и медленной аккумуляции. Рецепт был выработан еще в ханьское время Бань Гу: надо варваров "считать... внешними и не делать своими, держать их на дистанции и не считать близкими" (цит. по: Исаева 2000: 44). Средства тоже были разнообразными: наращивание оборонительной и наступательной мощи, пропаганда "великой китайской культуры", политика "пяти искушений" ("испортить глаза" - дать ткани и колесницы, т. е. предметы роскоши; "закрыть рты" – дать вкусную пищу и напитки; "закрыть уши" – усладить музыкой; "успокоить желудки" – дать монументальную архитектуру, зернохранилища, рабов; Давать богатые дары и покровительствовать тем, кто их принимает), пропаганда представления о пути развития китайского государства как магистрального, передового для всего человечества. На этот путь должны вступить и варвары.

Таким образом, видно, что экзополитарность имеет различные степени. Н.Н. Крадин прав - у кочевников это выражено максимально ясно и полно. Действительно, существенным барьером для развития общества является технологический. Многие страны пытаются преодолеть его по-разному. Европа использовала в конце концов идею научно-технического прогресса. Средневековые народы, в том числе кидани, пытаются свою технологическую слабость преодолеть с помощью насилия, хотя и дозированного.

Для киданьской империи характерна пестрота экономик (кочевая в разной степени развитости у монголоязычных, тюркоязычных и тунгусских племен; оседлая у различных подчиненных народов и народностей), этносов и языков, культур (клерикальная [буддистская, даосская, конфуцианская, шаманизм], сельская и городская китайская, цивилизованная и варварская). По образному выражению Ф. Шиллера, различные народы толпятся вокруг главного народа как дети вокруг взрослого человека.

Экономическая ситуация на территории обитания киданей благоприятствовала складыванию империи. Хозяйство киданей, так же как и родственных им си (хи), было многоотраслевым. Еще империя Тан и Когурё старались подчинить себе киданей, чтобы взимать с них большую дань, так как земли киданей были богаты природными ресурсами: пушниной (соболь, енот, рысь, лисица белка), золотом, жемчугом, жэньшенем, рыбой; земли были пригодны и для земледелия. В лесных районах население занималось охотой на пушных зверей. В "Бэйши" сообщается, что кидани торговали с Китаем преимущественно лошадьми и соболями (Бичурин 1950а: 74-76). В районах, пригодных для земледелия, кроме проса гороха, ячменя, пшеницы возделывались конопля, огородные и бахчевые культуры. Е.М.Залкинд еще в первой половине XX в. обратил внимание на то, что исследователями недооценивалась роль земледелия в культуре киданей, у которых были местные названия для бахчевых культур (1948). Экономика киданей была неоднородна, и в ней большое значение имели районы с местным оседлым, земледельческим хозяйством (Викторова 1980). Об этом есть записи и в "Ляо ши", где в I цз. говорится о развитии земледелия, скотоводства и ремесел. Земледелие, где большое место занимало огородничество, садоводство и выращивание технических культур у киданей достигло высокого по тем временам уровня (Васильев 1859; Wittfogel, Feng 1949:., 1949). Из полевых культур кидани сеяли просо, ячмень, бобы, горох. Из садовых, огородных и технических выращивали груши, дыни, коноплю, тутовые деревья (Викторова 1961: 32). Развитие земледелия было связано с имущественной дифференциацией. Правители киданей поощряли развитие ремесел и даже переход к оседлости. Особое внимание было обращено на добычу и обработку железной руды, изготовление оружия, шелководство, выращивание тутовых деревьев, конопля, ткачество. Кидани постепенно становились поставщиками сельскохозяйственной и ремесленной продукции для соседних кочевников и охотников.

Наличие ремесел, скотоводства, земледелия и охоты создавало реальные возможности и для развития внутреннего рынка, который укреплял связи, усиливал коммуникации между отдельными районами и подготавливал экономические условия для консолидации населения в единую киданьскую народность (Викторова 1980: 141).

Территория империи была пригодной и для скотоводства. В "Мэнгу ю муцзи" ("Записки о монгольских кочевьях") указывается, что земли около Шанцзина (Верхней столицы киданей) были "по тучности пригодны для земледелия, а по обилию травы и воды—для скотоводства" (Попов 1895: 253).

При Дэгуане (927—947 гг.) к государству было присоединено 16 округов в северной Шаньси, Хэбэе и Чахаре. Эти земли составляли около 1/15 части всей территории империи. Завоевание районов в Центральной Азии, Бохая и земель, на которых некогда обитали сяньбийцы и южные хунну превратило империю в одно из крупнейших государств Востока. Кидани стали контролировать караванные пути в Восточный Туркестан и Среднюю Азию в обход Шелкового пути. С империей установили дипломатические отношения ("союзы мира и родства") Корея, Китай, уйгурские государства Восточного Туркестана, Средний Восток, Япония и даже арабские государства. Тангутское государство Си Ся считалось вассалом киданей. Ее международные связи и известность в истории того времени во многом объяснялись объемом киданьской торговли с соседними и отдаленными странами (Викторова 1961). В Самарканде восточные ворота города так и назывались—"киданьские".

Медленно формировалась имперская культура. Этот процесс был рассмотрен А.Л. Ивлиевым, который отметил, что в империи Ляо на основе смешения различных этносов были выработаны новые элементы, которые составили новую синкретичную имперскую культуру отличную от догосударственной культуры киданей. Он на представительном материале (письменность, одежда, праздники, склепы, посуда) пришел к выводу о складывании "ляосского народа" и "синкретической культуры государства". В

империи Ляо на полиэтнической основе вырабатывались новые элементы культуры, отличавшие ее от изначальных культур составивших империю народов: киданьская письменность, официальная дуалистическая система одежды ляоских чиновников (чиновники Северной администрации во главе с императрицей носили киданьскую одежду, а чиновники Южной администрации во главе с императором—ханьскую, своеобразная система государственных праздников, синкретически соединяющая в себе буддийские и конфуцианские воззрения с древней религией и обрядами киданей, специфическое устройство могильных склепов ляоской знати (Ивлиев 1984; Е Лунли 1979: 316, 336-341; Пиков 1980: 150-152). Аналогичные явления в различной степени происходили во всех степных империях, образованных кочевыми народами (Плетнева 1982).

Для киданьской империи характерен еще ряд признаков: многоступенчатая социальная структура с резкими полюсами; многоуровневая социальная организация, где низшие звенья основаны на узах кровного родства, а высшие – на военно-административных связях и фиктивном генеалогическом родстве; образование империи путем узурпации (монгольский вариант); переход от типичной (дистанционной) модели империи к даннической по Н.Н. Крадину; развитая экономика с присутствием земледелия; незначительная роль внутренних форм эксплуатации, в том числе рабства; внутренняя седентаризация (образование "хань эр"); регулярная армия, дополняемая отрядами отдельных феодалов; акцент на экономике во внешней политике (грабеж, контрибуции, "подарки", неэквивалентная торговля, данничество); переход от дуального (крылья) к триадному (центр – крылья) принципу административного деления; иерархическая система государственных чиновников, дополняемая традицией передачи должности по наследству; общегосударственная письменность; жесткие законы; достаточно развитая пенитенциарная система; медленное складывание синкретической религиозной системы.

В Ляо существовала пять столиц во главе с Верховной, что отражает концепцию "одного ствола и множества ветвей"; развитая система управления, связанная с военными и административными функциями. Она сочеталась с типичной феодално-кочевой практикой управления ("кочевые короли"): у киданей существовала перенятая от бохайцев система пяти столиц. (Окладников 1957: 201) Ляоские императоры передвигались от одной подобной резиденции к другой и на местах решали все необходимые проблемы. В походах и постоянных перекочевках проводил время и Хубилай (Марко Поло 1955: 117, 228) Походный режим был характерен и для маньчжурских правителей цинского Китая (Покотиллов 1892: 12).

Во главе управленческого аппарата находились, как правило, сами кидани или представители родственных им племен. Для управления земледельческими территориями необходима была особая административная система. Поэтому кидани в 947 г. были вынуждены издать декрет о формировании двух самостоятельных аппаратов управления. Северная администрация воспроизводила традиционные "варварские" институты кочевников. Южная администрация состояла из китайских чиновников и управляла завоеванными оседло-земледельческими территориями. Для дополнительного контроля над покоренными китайцами была создана система военных лагерей ордо. Бохайцы и китайцы привлекались по мере необходимости. Это означает, что ляоские чиновники не обладали ни опытом или навыками управления такой сложной общественной системы, как империя, ни соответствующим бюрократическим менталитетом. Подобную политику проводили чжурчжэни. Пытался так поступать и Чингис-хан, но его остановил мудрый Елюй Чуцай, заявивший, что нельзя управлять государством, "сидя на лошади".

Завоеванное население стало существенно преобладать над киданями (китайцы - 63%, бохайцы - 12%, некиданьские племена - 5%). Созданная киданями империя Ляо была полиэтнична. В ее состав входили кидани, подчиненные им кочевые скотоводческие монголоязычные и тюркоязычные племена и покоренные ими земледельческие народы

(ханьцы и бохайцы). По некоторым подсчетам, сделанным на основе данных "Ляо ши", население империи составляло 3800 тыс. чел. Из них кидани насчитывали 750 тыс. чел., некиданские скотоводческие и охотничьи народы—200 тыс. чел., бохайцы—450 тыс. и ханьцы—2400 тыс. чел. (из них около 2000 тыс. чел. проживало на завоеванных киданями землях Северного Китая) (Wittfogel, Feng 1949: 52-58; Ивлиев 1984: 38). Скотоводческое население обитало в степных северных, северо-западных и центральных районах империи, а земледельческое в основном концентрировалось в традиционных районах его обитания — на завоеванных киданями китайских и бохайских землях на юге и востоке империи, а также на территории нынешней Монголии, в долинах рек Орхона и Керулена, где земледелием продолжало заниматься бывшее население Уйгурского каганата (Киселев 1957: 95-96). Кроме того, в результате активной политики киданьских императоров по переселению покоренных народов значительные массы бохайцев (до половины их общего числа) и ханьцев занимались земледелием в собственно киданьских землях — в окрестностях Верхней и Центральной столиц киданьской империи Ляо (Wittfogel, Feng 1949: 62-79).

В империи существовало глубокое противоречие между менталитетом киданей и имперской идеологией. Менталитет как матрица есть совокупность разного рода установок социальной и этнической общности действовать, мыслить, чувствовать и воспринимать мир определенным образом. Он формируется спонтанно, как "естественный" способ когнитивного и аффективного реагирования вовне. На его основе возникает сумма "естественных" чувств, настроений, обычаев, традиций. Идеология же как более "высокий" элемент общественного сознания разрабатывается верхушкой определенной социальной группы или класса и привносится в массы. Здесь всегда присутствует момент интеллектуального и ценностного насилия. Многое зависит от того, насколько совпадают ценностные ориентации основной массы населения и правящей этносоциальной группы. Ценностные ориентации же этнических общностей кристаллизуются, прежде всего, в религиозных верованиях. В государстве киданей буддизм оказался ближе к традиционным ценностям и менталитету кочевников. Она оказалась наиболее подходящей идеологической основой для складывающегося киданьского государства, ибо, отрицая родоплеменную исключительность, провозглашая единство культа и абсолютного божества, способствовала преодолению прежней родоплеменной разобщенности и становлению централизованного государства. Конфуцианство и даосизм были более понятны и привычны для "китайского" сектора. Поскольку эти два "учения" находились в ситуации перманентного конфликта и в этих условиях создать единую идеологическую систему было сложно, если вообще возможно.

В результате, кочевники отчуждались от китаизированных киданей, а Китай их презирал. В перспективе киданям не находилось места в мире. Как оседлые китайцы, так и кочевые племена в принципе не принимали такую ситуацию, когда в мире могут быть два центра. Для дальневосточного мира, как и для средиземноморско-европейского, характерна "монокультурная" концепция, подразумевающая распространение культуры из одного центра, "строительство" "мира" как "космоса" - порядка на основе культуры метарегиона. Для межплеменных отношений характерны постоянные миграции, военные походы, соперничество, создание и распад союзов племен. Кидани же достаточно искусственно переносили в Степь такую концепцию государственного строительства и межгосударственных отношений, которая характерна для "оседлого" мира и практически только там эффективна. Характерен в этом плане отказ монгольских племен присоединиться к плану Елюй Даши реставрировать киданьскую империю, перенеся ее политический и сакральный центр в западные регионы.

Но связь с Китаем привела и к другой беде. Социальные противоречия киданьского общества наложились на социальные противоречия земледельческих китайских районов. В результате это повело к социальной нестабильности Ляо. Столь же слабыми и по той же

причине оказались поселившиеся в Галлии племена вестготов и бургундов, легко сокрушенные более "примитивными" франками. Кидани проиграли "холодную войну" Китаю. Китайская политика вкупе с другими факторами сыграла свою роль. Происходило элементарное спаивание верхов и низов. Развивались социальная апатия, лень, менялась система ценностей. Подвластные Ляо племена в период агонии империи получили, если воспользоваться мыслью Ж. П. Сартра, наибольшей свободой - свободой выбора между сопротивлением и покорностью. Возникла ситуация "экзистенциального выбора". Китайский философ Конфуций сказал: "Народ можно заставить подчиняться, но нельзя заставить понять, почему". Империя как раз хочет заставить каждого разделить желания, мировоззрения и философию ее элиты и, когда она гибнет, племена и отдельные индивиды воспринимают этот как свой "звездный час".

ЛИТЕРАТУРА

- Алаев, Л.Б. 1997. Империи и имперские идеологии в древности. *Восток*, №1. 155-157.
- Бичурин, Н.Я. 1950аб. *Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена*. Т. I-II. М.,- Л.
- Васильев, В.П. 1859. *История и древности восточной части Средней Азии от X до XIII века*. СПб. (*Труды восточного отделения Русского Археологического Общества*, Т. 3-4).
- Викторова, Л.Л. 1961. *Ранний этап этногенеза монголов*: Автореф. дис. ...канд. ист. наук. Л.
- Викторова, Л.Л. 1980. *Монголы. Происхождение народа и истоки культуры*. М.
- Е Лун-ли. 1979. *История государства киданей (Цидань го чжи)*. Пер. с кит., введ., комм. и прил. В.С. Таскина. М.
- Залкинд, Е.М. 1948. Кидани и их этнические связи. *Советская этнография*, № 1: 47-62.
- Ивлиев, А.Л. 1983. Городища киданей. *Материалы по древней и средневековой археологии юга Дальнего Востока СССР и смежных территорий*. Отв. ред. В.Д. Леньков. Владивосток: 120-133.
- Ивлиев, А.Л. 1984. Соотношение культур империи Ляо и киданей. *Археология и этнография народов Дальнего Востока*. Владивосток: 38-41.
- Исаева, М.В. 2000. *Представления о мире и государстве в Китае в III-VI веках н.э. По данным "Нормативных историописаний"*. М.
- Киселев, С.В. 1957. Древние города Монголии. *Советская археология*, № 2: 91-101.
- Крадин, Н.Н. 1990. *Социально-экономические отношения у кочевников (Современное состояние проблемы и ее роль в изучении средневекового Дальнего Востока)*: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Владивосток.
- Крадин, Н.Н. 1992. *Кочевые общества*. Владивосток.
- Крадин, Н.Н. 1995. Кочевничество в цивилизационном и формационном развитии. *Цивилизации*. Вып. 3. М.: 164-179.
- Крадин, Н.Н. 1996. *Империя хунну*. Владивосток.
- Крадин, Н.Н. 2001. Кочевничество в современных теориях исторического процесса. *Время мира. Альманах. Вып. 2: Структуры истории*. Новосибирск: 369-396.
- Кычанов, Е.И. 1966. Чжурчжэни в XI в. Материалы для этнографического исследования. *Материалы по истории Сибири. Древняя Сибирь. Вып. 2. Сибирский археологический сборник*. Новосибирск: 269-281.
- Кычанов, Е.И. 1990. О ранней государственности у киданей. *Центральная Азия и соседние территории в средние века*. Отв. ред. В.Е. Ларичев. Новосибирск: 10-24.
- Кычанов, Е.И. 1997. *Кочевые государства от гуннов до маньчжуров*. М.
- Малявин, В.В. 1983. *Гибель древней империи*. М.
- Марко Поло. 1955: *Книга Марко Поло*. М.
- Махнач, В. 2000. Империи в мировой истории. <http://www.russ.ru/antolog/inoe>

- Окладников, А.П. 1957. Остатки бохайской столицы у г. Дунцинчэн на р. Муданьцзянь. *Советская археология*, № 3: 198-214.
- Плетнева, С.А. 1982. *Кочевники средневековья: Поиски исторических закономерностей*. М.: Наука.
- Покотилов, Д.И. 1892. *У Тай, его прошлое и настоящее. Отчет о поездке, совершенной в мае 1889г. Зап. Имперю РГО по общей географии*, Т. 22, Вып. 1.
- Попов, П.С. 1895 (перев.). Мэн-гу-ю-му-цзи. Записки о монгольских кочевьях. *Записки Импер. Русского географического общества*. Т. XXIV. СПб.
- Суровцов, М.Н. б.г. О владычестве киданей в Средней Азии (Архив востоковедов ЛО ИВ РАН, Фонд А.М. Позднеева, № 44, ед. хр. № 278).
- Фурсов, А.И. 1988. Нашествия кочевников и проблема отставания Востока. *Взаимодействие и взаимовлияние цивилизаций на Востоке*. Т. 1. М.: 182-185.
- Creel, H.G., 1970. *The Origin of Statecraft in China*. Chicago.
- Grousset, R. 1948. *L'Empire des steppes*. Paris.
- de Rachewiltz, I. 1973. Some Remarks on the Ideological Foundation of Chinghis Khans Empire. *Papers on Far Eastern History* 7: 21-36.
- Wittfogel, K.A., Feng Chia-sheng 1949. *History of Chinese Society Liao (907—1125)*. Philadelphia (Transactions of the American Philosophical Society. New series, Vol. 36).

СТРУКТУРА ВЛАСТИ МОНГОЛЬСКИХ КОЧЕВНИКОВ ЭПОХИ ЧИНГИС-ХАНА

Т. Д. Скрынникова

В начале XIII в. в результате деятельности Чингис-хана была создана Монгольская кочевая империя, которая эволюционировала от суперсложного вожества к племенной конфедерации. До сих пор остается нерешенным вопрос о структуре власти в Монгольском улусе, которая должна была выступать как механизм регулирования функционирования общественного организма с целью сохранения его целостности. Характерной чертой монгольского общества являлась корпоративная собственность на власть, что было связано с оформлением привилегированного положения рода борджигин, к которому принадлежал Чингис-хан, получившему наименование "Золотого рода"¹. Властные отношения выражались, при отсутствии развитого административного аппарата², через систему кровнородственных связей в двух формах: а) легитимация социальных связей, через которые проявляются властные отношения и осуществляется доступ к верховной власти, посредством генеалогии, способной приспосабливаться к социальной и политической практике, порождая зачастую фиктивные генеалогии; б) обозначение отношений в конфедерации племен через термины кровного родства, маркирующих их лидеров: отец - сын, старший брат - младший брат, побратим (анда) (Скрынникова 1997: 30-32).

Как разделялся Монгольский улус и власть в улусе? Специалисты, изучающие социальную организацию и политическую систему кочевых обществ Евразии, единодушно отмечают распространение в качестве организационного принципа разделение кочевников на три части: центр и крылья (правое и левое). Традиционно признается, что это деление впервые отмечается у хунну, империя которых

была разделена Модэ на три части: 'центр', 'левое' и 'правое' крылья. Центром управлял сам шаньюй, а руководство крыльями было вверено его наиболее близким и доверенным родственникам. Левым крылом командовал, как правило, старший сын шаньюя - наследник престола (Крадин, 1996: 115-116).

Географически, согласно Сыма Цяню, это распределяется следующим образом: *Все князья и военачальники левой стороны живут на восточной стороне...; князья и военачальники правой стороны живут на западной стороне...; граница с юэчжи* (там же: 115).

Обозначение восточной стороны как левой, а западной как правой соответствует восточноазиатскому архетипу традиционного сознания с его общей ориентацией на юг, что сформулировано в китайской традиции следующим образом: "Истинно добродетельному государю, как полагал Конфуций, не было нужды заниматься делами администрации; ему было достаточно 'с почтением сидеть к югу' (выделено мной - Т.С.) и только" (Малявин 1989: 523). Значение сакральной функции правителя для функционирования даже раннегосударственных обществ отмечалось Х. Классеном (цит. по: Крадин 1996: 101).

Разделение на крылья было связано с наследованием сыновьями владений отца. О принципе распределения наследства отца между сыновьями писал Е.И. Кычанов:

В Центральной Азии господствовал принцип передачи имущества по наследству, близкий к ультимогенитуре, - младший сын получал оставшееся от отца имущество, его юрту и домашний очаг после получения долей имущества старшими братьями и выделения их из семьи. Старший сын

наследовал титул и социальный статус отца. Так монголы поступали при династии Юань. Однако в доюаньскую эпоху монголы, как кидани, всегда придерживались принципа примогенитуры и при выборе наследника социального статуса и титула отца способности претендентов часто брали верх над старшинством (1997: 204).

Так ли это было у монголов на самом деле, попробуем разобраться на конкретном монгольском материале "Сокровенного сказания". Однако прежде чем обратиться к этому вопросу, необходимо выяснить сколько было крыльев в Монгольской империи. Несмотря на то, что наличие в улусе Чингис-хана трех частей стало общим местом монголоведческих и кочевниковедческих исследований, следует сказать, что проблема структуры властных отношений, связанных с этим делением, остается нерешенной. Например, Е.И. Кычанов пишет:

Первоначально армия Чингисхана была поделена на два крыла, две тьмы (вспомним тьмы Чжамухи и Ван-хана), и центр. Правую, западную тьму (бараун гар), прилегающую к Алтаю, возглавлял Боорчу, левую, восточную (чжун гар), примыкающую к Хараун Чингду, Большому Хингану - Мухули с китайским титулом го ван. Центром командовал Наяа (1997: 197).

Здесь автор отмечает связь с правым и левым крыльями и центром прежде всего военного руководства, оставляя за пределами исследования проблему распределения властных функций.

В.В. Трепавлов, который специально исследовал проблему социально-политической организации монголов, упомянул и властный аспект:

Монгольское государство делилось на центр и крылья - правое (барунгар) и левое (джунгар) при формальном старшинстве восточных (здесь и далее курсив мой - Т.С.) (левых) ханов над западными (правыми). Теперь поставим вопрос: ранг какого из крыльев у монголов считался выше? Обратимся к мнению авторитетных авторов. Абулгази: 'По понятиям монголов, левая сторона почетнее правой, потому что сердце есть царь в государстве тела, а сердце бог устроил на левом боку' (О специфике сакральности левой стороны у монголов см. ниже - Т.С.). Пэн Дая: 'Самым почетным считается центр, за ним идет правая [сторона], а левая [сторона] считается еще ниже'. Между данными констатациями нет противоречия. Для монголов и некоторых тюркских народов традиционной была южная ориентировка, при которой восток оказывается слева, а запад - справа; у китайцев же, ориентировавшихся на север (на самом деле, для китайцев наиболее сакральная сторона - южная. - Т.С.), наоборот - справа восток, слева запад. Значит, более высокий статус - у джунгара... По воцарении Темучин распределил ополчения монгольских племен и соответственно племенные кочевья по двум крыльям (тогда они назывались туменами - sic! Т.С.) - правому, приалтайскому, и левому, хинганскому, или хараун-жиданскому. Между крыльями туменами помещался срединный тумен в бассейне Онона, Керулена и Толы. Все три тумена объединялись в удел центра - Голун улус - и представляли собой Коренной юрт, фамильные владения Чингисидов (Трепавлов 1993: 96-97).

Автор отмечает одновременное распределение по крыльям как ополчения, так и монгольских кочевий. Ниже он пишет о том, что

источники согласно относят улусы двух старших сыновей Чингисхана к правому крылу; столь же единодушно отмечается расположение уделов братьев Чингисхана в джунгаре империи; удел центра - под началом Толуя (Трепавлов 1993: 98).

Из сопоставления фактов этих двух цитат следует, что в Монгольской империи статус братьев Чингис-хана был выше, но остается непонятным, почему и какой статус.

Мы видим, что автор не указывает, как распределяется власть в крыльях и какие типы власти выделяются. Остается неясным и то, что означает формальное старшинство восточных ханов. На мой взгляд, понять потестарно-политические отношения у монголов можно, если обратить внимание на распределение власти у монголов в трех сферах: властной³, военной и сакральной. Попробуем ответить на эти вопросы, опираясь на монгольский текст "Сокровенного сказания". Надо отметить, что эксплицитных данных по этому поводу в источнике нет, решению проблемы помогают косвенные факты, связанные с распределением Чингис-ханом обязанностей среди своих родственников и нукеров в 1206 г. Именно тогда впервые появляется известное деление Монгольского улуса на два крыла (ji'ür) или руки (qar) - правое/левое.

Привлекает внимание тот факт, что власть разделяется на светскую и военную (последняя связана с выделением в каждом крыле военных единиц - тумэнов, которые состояются из населения правой и левой руки). Четко определяются только военачальники тумэнов, о чем сообщается в § 220:

Тогда я сказал, что они поступили согласно Закону, думая о Великом деле, одобрив, решил назначить его на высокий пост. Боорчу я поручил Тьму правой руки, Мукали Ко-вану я доверил Тьму левой руки. Наяа (№ 31 в общем списке 95 сподвижников Чингис-хана - Т.С.) же пусть ведает тьмой центра (Nayaа Тiib-ün Түмен медетүкей).

В этой цитате стоит обратить внимание на понятие центра, выраженного монгольским термином *Tiib*. Это примечательно в связи с тем, что себя Чингис-хан, когда говорит о формировании расширенного до тумэна подразделения кешиктенов, связывает тоже с *центром*, но выраженным другим монгольским словом *qol*: § 226:

Так набралось восемь тысяч туркаутов. Кебтэулы и хорчины составили две тысячи. Так кешиктен составил Тумэн. Чингис-каган еще молвил: 'Пусть за Нами, усиливая тумэн кешигтэнов, стоит войско Большого Центра!' (minqat minqad-aca ilqaju irekset naiman minqat turqa'ut bolba kebbe'ül qorcin-lu'a qoyar-gü minqat bolba түмен кесиктен болба cinggis-qahan jarliq bolorun bidan-u ca'ada түмен кесиктен-i bökelejü yeke qol bolun atuqai ke'en jarliq bolba).

В этом тексте совершенно определенно говорится, что формирование *Великого центра* связано с укрупнением всегда находившейся при Чингис-хане группы (*кешиктены*), которое было осуществлено за счет дополнительного набора воинов из всех частей Монгольского улуса, с чем не согласуется утверждение В.В. Трепавлова о том, что Голун улус представлял собой объединение трех тумэнов - правого, левого и срединного.

Здесь следует сделать одно важное для понимания механизма функционирования системы крыльев замечание, основанное на упоминании В.В. Трепавловым вторичных крыльев, на которые разделялись тюркские каганаты, дорбэтские княжества, монгольские улусы и др. Необходимо рассматривать систему крыльев для определенного временного периода и отдельно в каждом поколении (или при каждом новом хагане, вступившем на престол), поскольку разделение наследства умершего правителя ведет к делению улуса на уделы, главы которых в свою очередь распределяют власть в своих владениях по крыльям, что и рождает разноуровневую систему крыльев: первого порядка (Великий урук Есугэя), второго порядка (урук Чингис-хана), третьего порядка (уруки его сыновей) и т.д. Например, Есугэй (отец Чингис-хана) и его младший брат Даридай-отчигин, Чингис-хан и его младший брат Тэмугэ-отчигин, сыновья Чингис-хана (старшие - Джучи и Чагатай, и младшие - Угэдэй и Толуй) и т.д. К сожалению, чаще всего исследователи совмещают в одном контексте и разные регионы и разные уровни, что нашло отражение в выводе В.В. Трепавлова (1993: 98)

о составе правого и левого крыльев и центра. Совершенно очевидно, что перечисленные выше случаи (§§ 220, 226) связываются с военным управлением правого, левого и центрального подразделений Монгольского улуса (о различии *tüb* и *qol* см. ниже) при жизни Чингис-хана.

Что же касается гражданского/светского управления его частями, то прямых указаний на это в тексте "Сокровенного сказания" нет, мы можем это реконструировать, исходя только из косвенных данных. Так, в § 212 Чингис-хан называет Толуя *другим крылом* (*ögöle ji'ür*) отца, когда говорит младшему сыну, что дает ему тысячу, а за то, что тот помогал ему в собирании улуса, жалует титул черби: "cinggis-qahan tolun-a ügüleriñ ecige kö'un ö'ere minga ker medegü büle'e ci ulus qurıyaldun ecige-dece öröle ji'ür bolun jiktüldüjü ulus qurıyaldıqsan tula cerbi nere ökba-je". Фиксация другого крыла позволяет предположить, что было еще и первое (правое), которое в источнике не было специально названо и в составе которого были старшие сыновья Чингис-хана, о чем справедливо писал В.В. Трепавлов. Кто же из двух старших сыновей (Джучи и Чагатай) был главнее? Следует заметить, что из всех сыновей, кроме Толуя, Чингис-хан упоминает еще Джучи в следующем контексте: "kö'üd-ün minu aqa joci bui-je qunan geniges-iyen teri'ülejü joci-yin dooro tümen-ü noyan boltuqai". Здесь подчеркивается то, что Джучи является старшим сыном, по-первых, а во-вторых, то, что именно ему подчиняется военачальник тумэна - Гунан. Но выше, в этом же параграфе, манифестируется военная иерархия власти, когда этому же Гунану Чингис-хан говорит: "ta bo'orci tuqalı teri'üten noyat-ta (Вы, нойоны, во главе с Боорчу и Мухали)".

В традиционных обществах символическое охватывало все поле культуры, поэтому соположение имен *Боорчу - Мухали* в тексте, может интерпретироваться как старший - младший, что соответствует оппозиции правый - левый⁴ и позволяет определить статус Джучи как главы Правого крыла. Дополнительным доказательством того, что Джучи был связан с Правым крылом, может служить следующее указание "Сокровенного сказания": "§ 239. В год зайца (1207) Джучи был отправлен с войском Правой руки на лесной народ (ta'ulai jil joci-yi bara'un qar-un ceri'üd-iyer hoi-yin irgen-tür morila'ulba)". Можно сказать, что так распределялись военные и гражданские властные функции в Правом и Левом крыльях Монгольского улуса начала XIII в., причем гражданская и военная власть могли быть в одних руках.

Специальной интерпретации заслуживает понятие Центра, поскольку в "Сокровенном сказании" применяются два термина. На мой взгляд, определяется это более сложными факторами, чем просто лингвистическим различием. Сначала выявим случаи употребления термина *qol*. Можно говорить о двух его значениях в тексте "Сокровенного сказания". Одно всегда связывается с военными действиями и обозначает, вероятно, центральную группу войска. Например, в § 247 прямо указывается, что Чингис-хан возглавлял войска центра - cinggis-qahan *qol cerik* dagusaju (с.224). В § 142, где описывается начало войны Чжамухи против Чингис-хана и Ван-хана, сообщается, что "решив сразиться утром, авангард вернулся и заночевал в Центре (*qol-tur neyilen qonoba*)" (с.86). Аналогичное значение слова *qol* отмечается в § 193 (война Чингис-хана с найманами): "Откормив коней, прогоним их караул до соединения с Центром/в Центре (*qoltur anu neyile'ülün*)" (с.150-151), как и в § 195 "Чингис-хан... сам возглавил авангард, Касару поручил Центр (*qasart qol jasa'ulba*)... Найманы, возвратившись из Чакир-мауда, укрепились у основания Наку-кунской горы Эбур (думаю, что точнее было бы перевести 'на южном склоне горы Наку-кун' - Т.С.). Наш караул преследовал Найманский караул до тех пор, пока он не соединился с Большим Центром (*yeke qol-tur anu neyetelele*) у Нукунской горы" (с.155).

В последнем случае мы видим второе значение центра, он обозначается как *Большой Центр*, что позволяет предположить, что у него иной статус, чем быть просто центральной группой в бою. Это подтверждается и данными из § 208, где Чингис-хан, перечисляя заслуги Джурчедая в войне против керейтов, говорит: "Всех лучших воинов ты подавил, добрался до

Большого центра (yeke *qol-tur qürcü*) и Сэнгума до падения подстрелил в нежную щеку" (с.181).

Два последних факта позволяют предположить, что понятие *Центра* (yeke *qol*) связано не просто с лидером, стоящим во главе войска, но и с его ставкой, с одной стороны, о чем свидетельствует керейтский случай. С другой стороны, если исходить из найманского материала (§ 195), Центр не имеет жесткого географического прикрепления, он кочует с войском, а не остается с основным населением на родовой территории, что связано со спецификой жизни кочевников. Можно сказать, что термином *qol* маркируется центр, связанный с властной функцией.

Какое же значение имеет Центр, обозначаемый термином *tüb*? Выше отмечалось его упоминание в связи с назначением Наяя в качестве командующего тумэном этой части Монголии. Но можно вспомнить и второй случай употребления этого термина в тексте "Сокровенного сказания", связанный с Толуем (§ 213). Во-первых, ему сразу же было жаловано Левое крыло, во-вторых, отмечалась его центральная позиция в линидже Чингис-хана. Чингис-хан говорит Тулюю:

§ 212. *Так как ты участвовал в собирании Улуса, являясь другим крылом отца, даю тебе титул черби (ecige-dece öröle ji'ur bolun jiktüldüjü ulus quriyalduqsan tula cerbi nere ökba-je).*

Продолжая распределение обязанностей, Чингис-хан дает следующее распоряжение:

§ 213. *Онкур и Бороул, вы вдвоем, сидя по правую и левую сторону, распределяя пищу, не обделите кого-либо из тех, кто сидит справа, кто рядом рос и сидит слева... Онкур и Бороул, оба разъезжайте по кочевью и раздавайте пищу людям. На пиру сидите по правую и левую стороны Большой Винницы и руководите раздачей. Толуй пусть сидит между вами (точнее: Пусть Тулуй сидит с вами в центре. - Т.С.) (монг. önggür boro'ul qoyar bara'un jewün ete'et ta qoyar bawurcin ide'en tüke'erün bara'un ete'et bayiqsan sa'uqsan-a ülü duta'ulun je'un ete'et jergeleksen eseksen-e ülü duta'ulun ta qoyar-i teyin tüge'e'esü minu qo'olai ülü qucin setkil amuyu edö'e önggür boro'ul qoyar morilaju yabuju ide'e olon gü'ün-e tüge'etkүн ke'en jarlig bolun sa'uri sa'urun yeke tüsürge-yin bara'un jewün ete'et ide'e basa'alaju sa'utqun tolun-tan-lu'a tüblen sa'utuqai ke'en sa'urin ji'aju ökba).*

Этот пассаж заслуживает специального внимания, поскольку известные переводы не дают нам понимания, о каком распределении пищи идет речь. На самом деле это никак не связано с распределением еды для удовлетворения биологических потребностей человека.

Рассмотрим значения слов, выделенных в тексте курсивом. Глагол *tüke'erün*, который в этом контексте указывает на распределение пищи, без сомнения, связан по смыслу с известным до сих пор у западных бурят действием, который называется тохорёон⁵ и который может сопровождать разные обряды. При проведении этого обряда выделяются центральная фигура - исполнитель обряда и два помощника - справа и слева. Исполнитель обряда совершает жертвоприношение божествам - духам местности, а помощники раздают ритуальную пищу всем участникам обряда, который, как правило, имеет родовой характер. Подтверждением того, что именно об этом идет речь в § 213, служит упоминание атрибутов обряда жертвоприношения, которые располагаются перед исполнителями обряда, стоящими лицом на юг, следующим образом с юга на север: священный сосуд - yeke *tüsürge*,⁶ трон/престол - *sa'uri sa'urun*, с которым связан Толуй. В монгольском тексте центральный атрибут yeke *tüsürge* соотносится с *sa'uri sa'urun*⁷, обряд которому проводит Толуй, что и определяет его центральную позицию (*tolun-tan-lu'a tüblen sa'utuqai*), в то время как Онкур и Бороул располагаются справа и слева от yeke *tüsürge*.

Нет никакого сомнения в том, что в данном случае мы имеем дело с констатацией места Толуя в ритуальной системе, вероятно, линиджа Чингис-хана (урук Чингис-хана), а термином *tüb* выражается сакральный центр новой общности. Центру (*tüb*), имевшему сакральное значение, поскольку он был связан с родовым очагом, всегда принадлежало особое место. Хранителем огня родового очага был младший рода - *отчигин*⁸. Таковым в 1206 г. был Даритай - младший брат Есугэя, отца Чингис-хана. Убить его - значит погасить свой огонь, что ведет к гибели сообщества. Именно так обосновывали Боорчу, Мухали и Шиги-Хутугу для Чингис-хана необходимость сохранения Даридая, которого Чингис-хан хотел наказать за участие в сговоре с кереитами против монголов, в Монгольском улусе: "§ 241. Это равно, что тушить свой огонь! Это равно, что разрушить свой дом! Он единственный дядя, оставшийся как память об отце... Пусть в кочевье твоего отца клубится дым!".

Важным для понимания смысла функции отчигина является следующий пассаж "Сокровенного сказания": "§ 257. De'ü-ner-ece otcigin-noyan-ni yeke a'uruq-tur tüsüjü" (Рахевилц 1972: 153). Е.И.Кычанов, ориентируясь на перевод С.А.Козина, писал: "Еще в 1219 г., отправляясь в поход на запад, Чингисхан 'управление Великим Аурухом возложил на младшего брата Отчигин-нойона (Тэмугэ. - Т.С.)'... термин Аурух был равнозначен термину орда.." (Кычанов 1997: 189), предполагая, как мы видим, что речь идет о передаче власти над ставкой хана. На самом деле перевод звучит так: "Из младших братьев⁹ отчигин опирается на Великий урук" (пер.мой). На мой взгляд, здесь важно обратить внимание на то, что, во-первых, Чингис-хан не просто называет отчигина, а подчеркивает, что он младший брат. Во-вторых, большое значение для понимания смысла отрывка имеет перевод глагола *tüsüjü*, который означает "опираться, полагаться, надеяться", т.е. указывает на связь ритуальной деятельности отчигина и Великого урука.

И в 1206 г., и в 1219 г. речь идет о роли сакрального центра и, соответственно, ритуальной значимости отчигина (Даридай, Тэмугэ) в сохранении целостности общности, связанной с объединительной деятельностью Есугэя - Великим Уруком (*yeke uruq*). Уже при жизни Чингис-хана мы наблюдаем, возможно, несколько уровней деления на крылья (правое/левое, старший/младший): Есугэй - Даридай, Чингис-хан - Тэмугэ, Джучи - Толуй. "Толуй-хан, почетные прозвища которого Еке-нойон и Улуг-нойон, глава дома и коренного юрта своего отца" (Рашид ад-дин, 1960: 19). Фраза "глава дома (= очаг) и коренного юрта (= место, где родился; место захоронения послета, в данном случае Чингис-хана)" позволяет предположить, что от был хранителем огня очага Урука Чингис-хана, но без официального титула отчигин. Представляется, что для этого периода равно актуальными была две модели, структурировавшие монгольское общество: Великий Урук Есугэя и Урук Чингис-хана (впоследствии Золотой Урук). Это находит отражение в актах интронизации, когда происходит пере моделирование властной структуры.

Тэмугэ-отчигин, младший брат Чингис-хана, располагался восточнее Чингис-хана и составлял левое по отношению к нему крыло. У нас нет сведений о правом крыле Великого Урука, сам Чингис-хан был в Центре, как мы видели. В 1206 г., провозгласив себя ханом, Чингис-хан моделирует и властные отношения через утверждение системы крыльев: правое - Джучи и Чагатай, левое - Угэдэй и Толуй. Можно сказать, что назначением Толуя Чингис-хан моделирует и манифестирует новое социально-потестарное пространство - общность членов своего линиджа и их главенствующее положение в более широкой конфедерации племен, входящих в Монгольский улус.

Сохранении актуальности обеих моделей (Великий Урук и Золотой Урук) источник ("Сокровенное сказание") констатирует следующим образом в § 269:

В год Мыши (1228) Чаадай, Бату во главе сыновей Правой руки, отчикин-нойон, Еку, Есунке во главе сыновейлевой руки, Толуй во главе сыновей Центра (Tolui teri'üten qol kö'üt)... Старший брат Чаадай возвел в ханы младшего брата Угэдэй-хана... будучи особым десяти тысячным

кешиктеном, расположенным позади хана-отца моего, брат Чаадай и Толуй признали Угэдэй-хана ханом. Таким же образом признал и народ Центра (qol-un ulus-i mün yosu'ar tawulba). Угэдэй-каган, став ханом, приняв внутренний тумэн кешиктенов (dotona yabuqun tümen kesikten-i) и народ Центра (qol-un ulus-i) (с.252-253).

Более точное значение этого пассажа следующее: Угэдэй-хаган, став ханом, взял в свое ведение (ö'er-dür-iyen bolqa'ulun) внутренний тумэн кешиктенов и людей центра. Из этого текста следует, что левое крыло Золотого Урука приобретало при Чингис-хане значение центра (*qol*), с сохранением значения сакрального центра (*tüib*). Но если при жизни Чингис-хана власть, обусловленная характером сакральности, в левом крыле (в центре) принадлежала Толую при отсутствии какого-либо упоминания места во власти Угэдэя, то со смертью Чингис-хана власть в левом крыле (коренном юрте Чингис-хана) переходит к старшему родовой территории - Угэдэю. При этом за Толую сохраняется ритуальная функция (§ 271: "напоминать забытое, будить заснувшее").

После смерти Чингис-хана и в связи с дальнейшим дроблением его улуса на крылья появляется проблема соотношения хагана (старшего в Центральном улусе, расположенном на родовой территории) и старшего в коническом клане Золотого рода. Следует обратить внимание на функции старшего. Так, при интронизации Угэдэя, "Чагатай-хан взял Угэдэй-каана за правую руку, Тулуй-хан за левую руку, а дядя его Отчигин за чресла и посадили его на каанский престол" (Рашид ад-дин 1960: 19). Посылая войска на завоевание западных стран, Угэдэй распорядился: "Пусть во главе всех юношей будет Бату (старший сын Джучи. - Т.С.)!... Выходцев из Центра пусть возглавит Гуюк (Qol-aca qaguqsad-i güyük aqalatuqai)" (там же). В период правления Угэдэя отмечается выполнение им властных функций, осуществляемых для всего населения Центрального улуса. При этом главенство закрепляется за старшей ветвью чингисидов - Бату (Правое крыло). Здесь мы видим перераспределение власти в следующем, после Чингис-хана, поколении. Можно прийти к заключению, что *qol* формируется из властно/военной, а *tüib* - из ритуальной деятельности.

Нельзя не отметить сопряженности двух сакральностей в организации социального пространства: сакральности старшего в роду, обладавшего верховной властью, с сакральностью младшего - хранителя очага родовой территории. Следует обратить внимание на сакральность старшего, имеющую универсальный характер. Для традиционной культуры, к каковой можно отнести и средневековую монгольскую, доминирующим элементом картины мира, санкционировавшей существующий порядок, был Центр, выполнявший космогоническую функцию, через который осуществлялась связь между зонами мироздания и благодаря которому гармонизировалось не только социальное, но и космическое пространство. Маркерами Центра могли выступать как отдельные атрибуты (= очаг рода), так и избранные личности, в качестве которых выступали старшие рода и хаганы в качестве правителей собственно монгольской территории (например, одновременно Чагатай и Угэдэй, Бату и Мунке). Последнее представляет для нас особый интерес, поскольку выполнение избранниками Неба сакрализующей и гармонизирующей космос и социум функции связано через обладание харизмой (*sülde*) с Высшим Законом - *törü/Yeke törü*. Связанное с правителем благодаря харизме (= Центр, который ассоциировался с "пупом Земли", где зарождается и откуда развивается Мир), *törü* сакрализует пространство благодаря распространению по сторонам света. Эта связь правителя - харизмы - Высшего Закона определяет жреческие функции¹⁰, характерные в традиционной монгольской культуре как для правителей, так и для старших в роде (Скрынникова 1997: 100-148). Старший сын - восприемник отца, носитель священного - харизмы рода и проводник Высшего Закона. В "Сокровенном сказании" прямо указывается, что старший брат Чагатай поднял на ханство младшего брата Угэдэя (Ca'adai-aqa ögödei-qahan-ni de'ü-yü'en qan ergjü). Старшие обладают верховной сакральной властью: Чагатай возводит на трон Угэдэя, Бату - Гуюка,

что на мой взгляд, определяется тем, что они, как старшие рода, являются носителями харизмы рода и, соответственно, исполнителями общественно значимых ритуалов.

Ритуально актуальными были оба лидера. Если старший выступает в роли исполнителя ритуалов, которые носят общий мироустроительный характер через реализацию Высшего Закона, то в ритуальной деятельности младшего выделяется аспект, связанный с функционированием правящего рода через почитание огня в земле предков. Младший сын связан с культом очага/огня рода (урука) с последом предка, что, вероятно, объясняется обычаем захоронения последа под очагом и, соответственно, с местом рождения предка рода (урука - Чингис-хана или Великого урука - Есугэя). В обоих случаях право власти легитимировалось их способностями к ритуальной практике и в этом качестве они могли выступать гарантами целостности и благоденствия коллектива.

Их сопряженность реализуется в акте интронизации, которая проводится в сакральном центре родовой территории старшим чингисидом с помощью младшего, который, присутствуя в обряде слева, признает свой более низкий статус. Понятие Центра, на мой взгляд, моделируется не только в профанном поле культуры, но и, пожалуй, прежде всего в сакральном, и связано это как с харизмой, так и с родовым очагом, в данном случае, чингисидов.

Может быть стоит рассматривать сопряженность двух сакрально значимых и, соответственно, властно значимых парадигм: старший рода - верховный глава как носитель харизмы рода, младший рода (отчигин) - связан с престолом/троном, находящимся на родовой территории, где важнейшую роль играл центр (*tüb*), маркируемый очагом, культ которого и являлся функцией младшего. Проблемы не было при Чингис-хане - он выполнял властные функции (харизматический тип власти). После его смерти, когда должны были восстановиться традиционные механизмы, постоянно возникала проблема перераспределения власти - дальнейшее дробление уделов на крылья. Поскольку, как я показала, актуальными были оба принципа: ультима- (младший из младших) и примогенитурный (старший из старших), то для монгольского общества XIII и XIV вв. характерно перепроизводство элиты, что усиливало борьбу за власть. Соответственно, постоянно противоборствовали две тенденции: власть старшего или власть хана, который был связан, как правило, с левым крылом - сакральным центром монгольского мира.

Изучение системы крыльев позволяет выявить усложняющуюся структуру власти у кочевников, хотя основным принципом ее организации по-прежнему оставался родовой принцип. Постоянное перераспределение властных функций связывается, на мой взгляд, с изменениями в структуре власти между линиями даже в границах одного рода - правящего рода борджигин. При этом стоит отметить, что, если власть в Правом крыле сразу и навсегда закрепились за старшими сыновьями Чингис-хана (не учитываются последующие поколенные дробления), то власть в Левом крыле и Центре могла перераспределяться, что хорошо демонстрирует пример Толуя, связанного с сакральным центром (*tüb*) и одновременно с Левым крылом при Чингис-хане (§ 212, 213), и с Левым крылом и Центром (*qol*) при Угэдэе (§ 269) . Как видим, сакральный центр *tüb* и светский *qol* могут совмещаться.

Можно вспомнить хунну, у которых отмечается аналогичное распределение власти: Правое и Левое крылья и Центр. Монгольский материал позволяет понять характер власти у них. С одной стороны, "у гуннов считалась почетной левая, восточная сторона" (Кычанов 1997: 12), с другой стороны, манифестируется главенство правой стороны распределением мест свиты вокруг центральной фигуры:

те, кто находятся справа и слева от него (там же: 13).

То, что правая сторона называется первой, маркирует ее старшинство. На левой стороне располагаются младшие:

При шаньюе Хуяньти (85-68 гг. дэ н.э.) левым луливаном был младший брат шаньюя, левым сяньваном был также младший брат (там же: 15-16).

Но связь младшего с родовой территорией (сакральностью земли предков) определяет, на мой взгляд, то, что титул шаньюя практически всегда, оставаясь в левом крыле, наследуется лилиджем младшего сына. В Монголии также престол всегда сохранялся за левым крылом, связанным с родовой монгольской территорией. Что же касается распределения владений, то *очевидно, что территория левого и правого крыла гуннского государства складывалась из владений сяньванов, луливанов, и прочих владений-улусов, поскольку, если были владения 'самые большие', то были и владения-уделы менее крупные и менее сильные (там же: 15).*

Исследование социальной организации и структуры монгольских кочевников может способствовать решению проблемы политогенеза в его региональных и временных формах. Тем более, сейчас стало очевидным, что догосударственные общества могут быть не менее сложными и механизмы, действующие в них, не менее эффективными, поскольку выбор пути развития общества определялся самим обществом как результат его адаптации не только к природной, но и к социокультурной среде, что и демонстрирует, на мой взгляд, материал "Сокровенного сказания", составление которого связано со временем описанных в нем исторических событий. Распределение власти в крыльях определялось характерными для традиционного монгольского (и шире: кочевого) общества представлениями о сакральной сущности власти, согласно которым ее носитель был способен обеспечивать мировой космический порядок и целостность социума (Монгольского улуса или правящего "Золотого рода"). Нерасчлененность традиционного сознания определяла и возможность соединения в одном лице ритуальных, властных и военных функций.¹¹

Примечания

1. О том, что речь может идти о корпоративной собственности на власть рода Чингис-хана, свидетельствуют факты даже XX в., когда потомки Чингис-хана, даже если они не владеют собственностью и абсолютно нищие, сохраняют свое отличие от всего населения благодаря обозначению их термином *тайджи* независимо от их социального и имущественного положения. Этот титул имел не только, а может быть даже и не столько, социальный, сколько сакральный смысл, поскольку только носители этого титула могли быть участниками некоторых ритуалов. О происхождении и значении титула писал Ч. Далай: "Царевич-наследник (по-китайски 'хуан тай-цзы') - 'сын хагана, имеющий права на наследование хаганского престола'. По-китайски 'тай-цзы' - 'сын хагана' или 'внук хагана'. Так как в число 'тай-цзы' иногда входили и внуки хагана, то его толкуют и как 'хаганские потомки'" (Далай 1983: 189).
2. Сложно сказать, действительно ли Чингис-ханом было создано административное управление Монгольским улусом, хотя, начиная с С.А. Козина, сделавшего первый перевод "Сокровенного сказания" на русский язык, исследователи рассматривают упомянутые там назначения как формирование аппарата: "Именно из гвардии кешиктенов прежде всего и формировалась администрация улуса, ведавшая ханской ставкой и армией хана. Это были управители, некоторые с титулом черби, отвечавшие за имущество хана, его скот, конюшни, ханский стол, перекочевки, выполнявшие полицейские функции" (Кычанов 1997: 188). Эта проблема - наличия или отсутствия административного аппарата у монголов - до сих пор требует специального исследования, а сложность ее решения определяется недостатком материала. Но стоит заметить, что титул черби получил от Чингис-хана и его младший сын Тулуй и получение титула сопровождалось описанием функции, связанной с этим титулом, -

- ритуальной. Можно вспомнить, что и появление письменности (найманский Тататунга) и административное управление (киданьский Елюй Чу-цай) в "Сокровенном сказании" связывается с чужеземцами, хотя они и были лишь исполнителями воли хана (Сандаг 1970: 37).
3. Это выделение трех сфер деятельности достаточно условно для традиционного общества, для которого характерна нерасчлененность сознания и, соответственно, деятельности. Выделяя властную функцию, я имею в виду, что для этого периода еще не характерны оформленность и автономное существование авторитета, руководства и управления как категорий, связанных с осуществлением власти, наблюдается их синкретическое единство.
 4. Вероятно, поэтому именно на востоке монгольского мира отмечается культ Мухули, который до сих пор актуален в Ордосе и описан Кл. Загастером (Sagaster 1995: 629).
 5. Можно интерпретировать этот обряд через бурятскую традицию, где сохранилось слово тохереон, для обозначения ритуальной деятельности. При этом совершенно необязательно, чтобы в нем участвовали только женщины, как на это указывает И.А. Манжигеев: "Тухэроон - коллективный женский религиозный обряд жертвоприношения молочной водкой, пенкой или саламатом духам - покровителям молочных коров. Тухэроон устраивался обычно в день мужского тайлгана исключительно замужними женщинами под руководством пожилой многодетной и почтенной женщины" (Манжигеев 1978: 73). Обряд тохереон проводился также в свадебной обрядности бурят, как в локусе невесты, так и в локусе жениха. М.Н. Хангалов сообщает, что в локусе невесты обряд тохереон проводился на южной стороне усадьбы родителей. Центром обряда был костер и привезенные стороной жениха мясо, головы животных, вино и тарасун. С северной от центра располагались отцы брачующихся: справа - жениха, слева - невесты. В таком же порядке размещаются и остальные, образуя полукруг. *Старик*, т.е. старший, со стороны невесты совершает жертвоприношение божествам-покровителям этой местности тарасуном и мясом. В локусе жениха все рассаживаются также: сторона жениха - справа, сторона невесты - слева, и всех угощают вином и мясом (Хангалов 1959: 94, 96).
 6. Вероятно, *yeke tüsürge* является аналогом *boro öndür* (сосуд для кумыса), используемого в Эжэн-Хоро в обряде поклонения сульдэ Чингис-хана.
 7. *sa'uri sa'urun* - выражение, которое может быть связано с другим феноменом - ритуалом в месте захоронения последа, а не только с тронном/престолом. Возможно, последнее значение сформировалось на базе первого. У баргузинских и селенгинских бурят на месте, где был захоронен послед (бур. *хуури* = *sa'uri*), было принято справлять обряд *хуурида мургэхэ* (почитание последа) (Басаева 1991, 70), на который собирались все члены данной общности. У булагатов этот обряд назывался "тоонто тайха": "Весной и осенью все разбредшиеся люди родов племени булагат съезжались к горам Ухэр Манхай и Удэгэ Бэлээн и устраивали по обычаю дедов и отцов кровавое жертвоприношение своим предкам. Это жертвоприношение называлось тоонто тайха - 'приносить жертву на месте хранения материнского последа своих предков'" (Балдаев 1970: 59). В "Сокровенном сказании" нам известно и другое написание места захоронения последа - *yeke-yin qajar*, где первым словом, которое сохранилось по сей день у западных монголов, обозначается послед - ихэс.
 8. О значении места захоронения последа свидетельствуют и данные Юань ши, на которые ссылается монгольский исследователь Ч. Далай: "При Хубилай-хагане территория вокруг Каракорума была переименована в Юаньчан лу. Но в 'Юань ши' отмечается, что она так называлась еще при Чингисхане, в 1210 г." (Далай 1983: 64).

- "Юаньчан' означает 'место, откуда произошел', 'земля, на которой вырос'" (Далай 1983: 189).
9. Термин *отчигин* переводят как "князь огня", "господин огня", "младший сын", имея в виду что младший сын является хранителем родового (урук) огня и исполнителем его культа (Скрынникова, 1997: 35-37, 55), что связано и с родной землей (отоком). Изучение родословных по "Сокровенному сказанию" показывает, что отчигин был связан именно с родом (урук) и был в роду, в данном случае правящем, один. Во времена Есугэя, начавшем объединение монголов, это был его младший брат Даридай-отчигин, сохранивший свои функции и при Чингис-хане. После его смерти (Даридай был убит вместе с Алтаном и Кучаром) это место занял младший брат Чингис-хана Тэмугэ, который назывался отчигин или Отчи-нойон. При распределении долей членам рода Чингис-хан говорит: "Старший из моих сыновей - Джучи, младший из моих младших братьев - Отчигин и, выделив матери и Отчигину [на двоих одну] часть, дал тумэн" (пер.мой) (Rachewiltz 1972: 138). Толуй - младший сын Чингис-хана, возглавлявший левое крыло, связанное с сакральным центром урука Чингис-хана, не являлся отчигином - еще был жив Тэмугэ-отчигин. Функции отчигина сохраняются и при Юань: "Его область и юрт находились на северо-востоке в отдаленной части Монголии [Мугулистан], так что по ту сторону их не было больше ни одного монгольского племени (всегда в левом крыле - Т.С.). На совещаниях во [время] хурилтая и при [обсуждении] важных дел он постоянно находился при Кубилай-каане и пользовался большим почетом и уважением. В то время, когда Ариг-Бука восстал против Кубилай-каана, Кубилай-каан поставил его во главе войска и послал на войну [с Ариг-Бука]. [Отчи-нойон] разбил войско Аориг-Буки. Впоследствии он непрерывно выступал в походы по велению ярлыка Кубилай-каана" (Рашид ад-дин 1956: 56).
 10. В монгольских языках до сих пор нет общего слова для обозначения понятия *братья*, оно передается словосочетанием "аха дуу", т.е. старшие и младшие братья, поскольку обе группы связаны с выполнением разных социальных функций в обществе. В переводе необходимо сохранять эту маркировку.
 11. Отмеченное мною в традиционной монгольской культуре не выходит за рамки архетипа, известного в восточноазиатской традиции и нашедшего наиболее яркое воплощение в Китае. "Из определения дэ как интегратора сразу же возникает одна из первых его характеристик - единство дэ с основным мировым законом - дао. Действительно, чтобы результаты воздействия на мир были благоприятными, 'дао и дэ должны быть едиными' - дао дэ и" (Мартынов 1978: 30). В качестве сына Неба, обладающего дэ и реализующего дао, император являлся и первым жрецом государства, главной обязанностью которого было принесение жертв Небу, Земле, предкам, моление об урожае, прекращении ненастья (засухе, дожде). Регулярными обрядами были ежегодные жертвоприношения в Храме Неба (в дни зимнего солнцестояния) и в Храме Земли (в дни летнего солнцестояния).

ЛИТЕРАТУРА

- Балдаев, П. 1970. *Родословные предания и легенды бурят*. Ч. I. *Булагаты и эхириты*. Улан-Удэ.
- Басаева, К.Д. 1991. *Семья и брак у бурят*. Улан-Удэ.
- Крадин, Н.Н. 1996. *Империя Хунну*. Владивосток.
- Кычанов, Е.И. 1997 *Кочевые государства от гуннов до маньчжуров*. М.
- Малявин, В.В. 1989. Идеологические течения в Китае V-III вв. до н.э. *История древнего мира*. Т.2. *Расцвет древних обществ*. М.
- Манжигеев, И.А. 1978 *Бурятские шаманистические и дошаманистические термины*. М.

- Мартынов, А.И. 1978. *Статус Тибета в XVII-XVIII вв. в традиционной китайской системе политических представлений*. М.
- Рашид ад-дин 1946. *Сборник летописей*. Т. II. М.-Л.
- Рашид ад-дин 1952. *Сборник летописей*. Т. I. Кн.2. М.-Л.
- Рашид ад-дин 1960. *Сборник летописей*. Т. II. М.-Л.
- Сандаг, Ш. 1970. Образование единого монгольского государства и Чингисхан. *Татаро-монголы в Азии и Европе*. Отв. ред. С.Л.Тихвинский. М.: 23-45.
- Скрынникова, Т.Д. 1997. *Харизма и власть в эпоху Чингис-хана*. М.: Восточная литература.
- Трепавлов, В.В. 1993. *Государственный строй Монгольской империи XIII в.* М.
- Хангалов, М.Н. 1959. *Собрание сочинений*. Т. 2. Улан-Удэ.
- de Rachewiltz, I. 1972. *Index To The Secret History of the Mongols*. Bloomington. 1972.
- Sagaster, Kl. 1955. The "Real Support" (Jingini Sitügen) of the Cult of Cinggis-Khan. – *Mongolica* . Vol.6 (27). Ulaanbaatar.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА ТЮРКО-МОНГОЛЬСКИХ КОЧЕВНИКОВ В ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

С. В. Дмитриев

Основной проблемой, рассмотрению которой посвящена данная работа, является изучение поведения человека в политическом пространстве. На это поведение влияет целый ряд факторов, исследованием которых занимаются самые разные научные дисциплины, имеющие точкой своего пересечения политологию, изучающую феномен политической культуры

Несмотря на то, что данный объект исследования вычленен политической наукой сравнительно недавно, для его определения существует уже большое количество формулировок, разбор которых, однако, не является целью данной работы. Отметим только, что стала обычной констатация факта трудноуловимого характера этой дефиниции (см., напр.: Пивоваров 1996: 8).

В частности, авторы коллективной монографии "*Политическая культура: Теория и национальные модели*", приводя в эпиграфе введения пример дискуссии о том, что же такое на самом деле Чеширский кот, где говорится о неуловимом характере его сущности, считают, что этот образ может послужить "хорошим ориентиром для определения феномена политической культуры", так как дает "ощущение зыбкости, неуловимости, размытости феномена". В качестве примера приводится несколько попыток описания его с помощью конкретных проявлений и дается представление о том, что не может быть строгого, жесткого и однозначного его истолкования. Несмотря на эту зыбкость, авторы монографии выдвигают свою версию данного феномена, признавая при этом, что их версия может оказаться и ошибочной.

По их мнению, политическая культура

это некая ранее неизвестная величина, заполняющая громадный пробел в наших представлениях о политических реалиях той или иной страны, позволяющая выйти за рамки традиционных подходов (политическая система, политический режим, общественное сознание), объясняющая, почему одни и те же политические институты по-разному функционируют в различных странах. Понятие политической культуры уводит вглубь от обычного плоского и одномерного восприятия политической системы, позволяет нащупать глубоко спрятанные корни национальных мифов, представлений, идей, связанных с общим восприятием жизни, которые в виде матриц существуют в головах всего населения страны - от короля до бродяги и которые проецируются затем на политическую сферу. Только изучение этого фона (выделено мной - С.Д.) даст возможность понять современные явления и процессы в политической сфере (Гаджиев 1994: 5-6).

Указанный выше фон обычно именуется общей культурой, которая

образует, - по словам А.Я.Гуревича, - в данном обществе в данную историческую эпоху некую глобальность. Это как бы тот воздух, которым дышат все члены общества, та невидимая всеобъемлющая среда, в которую они погружены. Поэтому любой поступок, ими совершаемый, любое побуждение и мысль, возникающие в головах, неизбежно получали свою окраску в этой всепроникающей среде. Следовательно, чтобы правильно понять поведение этих людей, экономическое, религиозное,

политическое (выделено мной - С.Д.) их творчество. семейную жизнь, нужно знать основные свойства этого "эфира" культуры. Рассматриваемое в отрыве от культурного контекста их поведение едва ли может быть истолковано правильно (Гуревич 1984: 11).

Таким образом, в настоящей работе в качестве рабочего понятия "политической культуры" автор придерживается следующих основных тезисов. Политическая культура является органичной частью общей культуры этноса. В качестве общей культуры в данном случае выступает этническая, традиционная культура, которая в сфере политических отношений в значительной степени определяет поведение политических персонажей. При этом политический оттенок могут приобретать самые разные проявления традиционной культуры. В таких случаях для адекватного понимания действий политических персонажей необходимо исследование субстанционных установок этнической культуры. Одновременно учитывается тот факт, что действия в условиях традиционных установок являются творческим актом политического персонажа, удачное или неудачное их применение способствует успеху или краху политических начинаний.

Непосредственным объектом данного исследования служит традиционная политическая культура центральноазиатских кочевников в широком ретроспективном аспекте. Предполагается, что политическая культура народов этого региона представляет собой временное и пространственное единство. Это единство определяется как целостность кочевой модели культуры, относительное единство происхождения и длительное многовековое сосуществование, вхождение их на протяжении своего существования в обширные кочевые государственные объединения и, в силу этого, существование схожих или во многом аналогичных общественно-политических представлений, основанных на общекультурных ценностях и традициях. Традиционная политическая культура тюрко-монгольских народов рассматривается в общеазиатском контексте.

Хронологические рамки в разных разделах статьи различны и связаны с потребностями конкретного исследования, но в общих чертах их можно определить началом новой эры и концом XIX века.

Тема традиционной политической культуры евразийских кочевников является очень широкой, требующей исследования не одного поколения ученых. Поэтому в данной работе, которая носит характер постановки проблемы, рассматриваются лишь некоторые ее аспекты, архетипы, выбор которых обусловлен тем, что корни их достаточно явственно уходят в этнический субстрат и, судя по историческим и этнографическим материалам, они являются ритуальными точками концентрации живой силы этнополитического или социального организма. Вокруг них и с их помощью разворачивается ритуально-символическая борьба за политическую власть, за доминирование на определенном символическо-политическом пространстве.

В этой связи конкретной задачей исследования в указанных выше рамках является попытка проследить историко-этнографические аспекты формирования и функционирования некоторых, с точки зрения автора, чрезвычайно важных, архетипов политической культуры тюрко-монгольских кочевников, рассмотреть конкретные процессы их формирования.

Сульде: к проблеме истории формирования политической терминологии кочевников Центральной Азии

Исследование политической культуры, ее генетических аспектов - это, прежде всего, исследование терминов, применяемых в первую очередь для легитимации власти конкретного лидера или династии, если речь идет о монархической форме правления. Одним из таких ключевых терминов в политической культуре средневековых кочевых народов центрально-азиатских степей является термин "сульде".

Проблема изучения этого термина уже имеет свою длительную историю, в первую очередь связанную с сульде Чингис-хана. Открыл тему, связанную с изучением этого феномена, акад. Б.Я. Владимирцов. В своих работах (1922: 72; 1927: 23, пр.2; 1934: 145) он выдвинул тезис о том, что сульде в виде "девятиножного белого знамени", которое было воздвигнуто во время коронации Чингис-хана и, будучи главным атрибутом государственного культа в Монгольской империи, являлось "хранителем гения рода Чингиса", которое "оберегает его войска, водит их к победам, покоряет всех, все страны, потому что Чингис-хану Вечное Синее Небо повелело править всеми народами". Сульде, трактуемое как гений-хранитель, значит, по словам Б.Я. Владимирцова, "собственно душа" великого человека, в данном случае Чингис-хана, который и становится собственно "гением-хранителем" своего рода, племени и народа, воплощенном в знамени.

Эти основные положения гипотезы Б.Я. Владимирцова развивались в дальнейшем другими исследователями (см.: Банзаров 1955: 274-275 [комм. Г.Н.Румянцева №22]; Новгородова 1984; 1989; Rintschen 1974: 498; Галданова 1987 и др.), в том числе в последнее время Т.Д. Скрынниковой (1987; 1989; 1992аб; 1992/1993; 1993; 1995; 1997), которая однозначно переводит тюрко-монгольский термин "сульде" как "харизма". По словам Т.Д. Скрынниковой, термины *sülde*, *suu jeli* и др. "первоначально обозначали один и тот же феномен - харизматическую сакральную субстанцию (правителя) солнечной природы, выполняющую функцию организации природы и социума". Локализовалась она, по ее мнению, в голове и проявлялась в виде сияния или нимба. Носителем харизмы являлся глава рода (племени). "Сульде - обозначение субстанции, защищавшей собственный социум и устрашавшей и побеждавший чужой" (Скрынникова 1993: 164, 165, 188-189).

Прежде всего, отметим, что, начиная с Б.Я. Владимирцова стало традицией при анализе термина сульде выделять в нем корневую основу "сул", но интерпретировать ее с точки зрения основы "сур". "Сур" - чрезвычайно распространенный в тюрко-монгольских языках термин, обозначающий, по общему мнению, одну из основных "душ". Этот термин отражает энергетическую сущность человека, его активность: он является олицетворением энергии, воли человека. Развитие термина идет в сторону значений "страх, ужас; грозный, страшный, свирепый; величие, мощь" и т.д. Именно это семантическое поле и предлагается для интерпретации термина сульде.

Но так ли бесспорно это направление?

Прежде всего, обратим внимание на чрезвычайно распространенный термин, используемый в традиционной культуре тюрко-монгольских народов для обозначения части туши животного, приносимого в жертву, связанный с исследуемым нами корнем. Это — *жулдэ/юулдэ/йуулдэ/зюлд/зюльд*. У монголов этим термином обозначается "голова жертвенного животного, освежеванная вместе с дыхательным горлом, легкими, печенью, сердцем" (Бертагаев 1961: 132); "часть туши животного, состоящая из головы с дыхательным горлом, с легкими и печенью" (Номинханов 1975: 304, пр.4), жертвуемая огню грудная часть с внутренностями и челюстью (по его словам, также вырезали *зюльду* и алтайские охотники: они приносили его в дом и вешали на запад от входа, "где у алтайцев висят пенаты"). Очистив мясо, грудную часть (*зюльду*) вместе с мясом варили в котле, некоторые присутствующие вынимали кости из котла, а оставшуюся мелочь (сердце, легкое и проч.) завертывали в *зюльду* и завязывали белыми шерстяным шнурком (Потанин 1893: 90). Развивая этот сюжет, Л.П. Потапов пишет, что охотник, сразивший зверя, получал сверх равного пая еще сердце, легкие и нижнюю челюсть убитого зверя на том основании, что охотник должен был "угостить" наиболее лакомыми частями добычи своих "духов-покровителей". Охотник в тот же день или на следующий день покидал своих товарищей и шел домой. В день возвращения с промысла он подвешивал сердце и челюсть в жертвенный угол, где хранились обычно изображения охотничьих духов-покровителей и оставлял на всю ночь. Утром провисевшее всю ночь мясо крошили, варили и съедали всей семьей; шорцы

объясняли ... эту привилегию представлением об "охотничьем счастье" (Потапов 1949: 35, 36). На *зулд* как важный символ и оберег охотничьей удачи обращают внимание К.В. Вяткина (1960), Б.Х. Тодаева (1976) и др.

Эти ритуальные куски жертвенного животного, отходящие духам, имея значение "содержащие суть, душу животного", как правило, не самые вкусные и лучшие: *cyldu* (кирг.) "жалкие остатки; огрызки"; *саламала* (як.) "давать что-л. в жертву...; стараться сбить другому что-либо негодное". Однако, именно в них заключена изначальная, ритуально значимая "удача, охотничье счастье > судьба": *zol* (монг.) "счастье, удача, фарн"; *чол* (тувин.) "судьба, доля, счастье" > *чолдуг* "счастливейший"; *дјол* (якут.) "благо, благополучие, счастье, фортуна, добыча, сокровище"; *сьомг* (кирг.) "счастье, удачливость"; *sülde* (монг.) "счастье, благословение, домашние боги" и т.д.

Пытается проследить возможное происхождение и эволюцию понятий, в связи с чем расширяет поле, связанное с корнем *сул-/сул*.

Корень *сул/сул/сой/сойт/сойю/саја/сајал/суи/сала/сой/шола/сьвь/салх/шулх* и т.д. является общеалтайским с базовым значением "свежевать тушу животного", "сдирать шкуру с тела животного". Этимон отсылает нас в охотничью среду и охотничью культуру - и с охотой этот термин связан непосредственно: *жолдук* (казах.) "доля, на получение которой имеется право" > *сьј* (кирг.) "подарок", *сойус* (кирг.) "подарок в виде животного" и т.д.

Последняя тема - охотничьего подарка - выводит нас на тему ритуального охотничьего поведения и жертвоприношения, где коммуникативный аспект между мирами выступает особенно отчетливо. Этот диалоговый характер связи с миром иным и его населением, от которого зависит удача в охоте, связанный с ней достаток, также находит отражение в семантическом поле исследуемого корня: *чолук* (тувин.) "жертва, жертвоприношение, *ојолук* (уйг.) "жертва", *јолу* др. тюрк.) "выкуп—жертва" и т.д.

Диалоговый характер взаимоотношений имеет выход в теме награды, которая тесно связана с жертвой: *зал* (кирг.)/*дъал* (алт.)/*жал* (казах.) и др. "награда, вознаграждение, заработок".

В ходе жертвоприношения, согласно системе знаков, партнеру по коммуникации надлежит отправить "душу" жертвенного животного, т.е. ту его часть, которая наиболее полно репрезентирует передаваемый объект, и, во-вторых, наиболее адекватна получателю ценности. Отсюда существование особых приемов умерщвления и расчленения туши, призванных способствовать "правильному" извлечению из нее "души". Это могло быть удушение, разрывание аорты, собирание крови – т.е. манипуляции, связанные с дыханием или кровью, этими основными "вместилищами" (знаками) "души"; обычай сохранять в целостности шкуру, кости ног, голову и копыта указывает на стремление обеспечить контакт, возможность получения ценности духами.

Как представляется автору, выстраивается достаточно четкая цепочка возможных переходов значений и расширения семантики в сторону абстрактных категорий "удачи", "фарта", "судьбы" и далее *зульд/сульде* Чингис-хана.

Именно этимологические разыскания в тюрко-монгольских языках вкупе с этнографическим материалом дают нам возможность проследить историю формирования концепции "удачи" в условиях охотничьего общества и эволюцию ее в дальнейшем. По словам С.Ю. Неклюдов (1988: 187), "мифологическая модель мира звероловов надолго сохраняет свое обаяние концептуалистического единства". Как это часто бывает, многие понятия, выработанные на ранних этапах существования общества, где они имели гораздо более натуралистическое значение, чем позднее, в процессе общественно-исторического развития переходят, адаптированные к новым условиям, в культуру и лексикон более поздних эпох.

Не избежало такой судьбы и одно из таких основных понятий охотничьей культуры тюрко-монгольских народов, как *сул* (>*сульде*). С изменением социально-политической

ситуации и общей мировоззренческой концепции, естественным образом возникла необходимость адаптировать и ранние космологические представления к условиям более позднего времени. В данном случае речь идет о смене субъекта, дающего блага. В охотничьем обществе таковым выступает хозяин местности, зверей и т.д., и именно от него охотник получает удачу в ее материальной форме - добытых зверей. На этом моменте "удачливости" зиждется вся так называемая охотничья экономика догосударственного общества. Приобретая с помощью своей "удачи" материальные блага в виде охотничьей добычи, потенциальный лидер, чтобы получить больший авторитет внутри общины, щедро их раздает соплеменникам. Чем больше он раздаст, тем больше возрастет его престиж, тем весомее представлялись его аргументы при управлении.

С усложнением социально-политической структуры изменялась не система поведения лидера - он должен был оставаться прежде всего удачливым, "счастливым" с точки зрения наделяния всех остальных материальными благами, применительно к политической культуре древних тюрков на этот момент, в частности, указывает С.Г. Кляшторный:

Во всех надписях тюркских каганов ... настойчиво повторяется, что только каганы... способны "вскормить" народ. В уцелевших фрагментах Бугутской надписи эта формула повторена трижды: про Мухан-кагана (553-572) сказано, что он "хорошо вскормил народ"... Бильге-каган постоянно напоминает "слушателям", что он "одел нагой народ", "вскормил голодный народ", "сделал богатым бедный народ", благодаря ему "тюркский народ много приобрел", "ради тюркского народа" он и его младший брат Кюль-тегин "не сидели без дела и не спали ночью"... Бильге Тоньюкук напоминает "неустанных приобретениях" ради тюркского народа, осуществлявшихся Эльтериш-каганом и им самим (Кляшторный 1986: 323).

Легитимность в форме благодати лидера в условиях формирования монархического правления и монархического пантеона должна быть получена от высшей сакральной власти. В зависимости от того, как решался этот вопрос, как формировался пантеон, такая власть и санкционировала избранника. В монгольском варианте, как и в более ранней кочевой традиции, таковой выступает власть Неба и небожителей. Именно они даровали государю счастье, благодать (в конкретном, а не абстрактном смысле), подтверждая его легитимность. И с помощью этой "удачи", "благодати" он правил, раздавая ее результаты подданным, а последние обязаны отдавать часть приобретенной, в том числе в военных операциях, добычи лично лидеру - как бы в виде платы за пользование его благодатью.

Основной наш вывод заключается в том, что в этой ситуации обладатель *сул* выступает в качестве *сульде*, т.е. собств. "сульдедержателя" (афф. *-де/-дэ/-д* и т.д. в тюрко-монгольских языках означает "обладание каким-либо свойством, вместилище чего-либо"). Эти представления генетически уходят в охотничьи традиции народов Центральной Азии и Сибири. Именно в недрах охотничьей экономики и охотничьей культуры выработалось понятие "счастья", "удачи", "фарта", без чего, по мнению аборигенного населения - охотников, невозможна добыча зверя - основного средства существования человека в условиях охотничьей культуры.

В процессе эволюции общества и возникновения объединений протогосударственного и государственного типа, терминологический аппарат, обозначающий и более общие понятия, которые выработала охотничья культура, был использован для формирования концептуальных понятий сословно-классового общества, где возникла необходимость в развитии и абстрагировании ранее конкретных, нередко натуралистических представлений. Итогом развития понятий, связанных с *сул/сульде* у монголов явилось формирование концепции *сульде* Чингис-хана, которое превратилось в широкое культовое понятие, и в условиях правления "золотого рода" чингизидов приобрело теологический характер,

связанный с персонифицированным общемонгольским культом этого великого правителя (более подробно см.: Дмитриев 2001a).

К семантике некоторых конкретных форм ритуально-политического насилия у кочевников Центральной Азии

Еще древние и средневековые авторы описывали сюжеты, связанные с отрубленной головой или головой, существующей автономно от тела и утилизированной определенным образом. Авторы нового времени неоднократно использовали эти материалы и составляли их сводки. Так как из работы в работу кочует довольно ограниченный их круг, нашей непосредственной задачей явилось расширение источниковедческой базы, связанной с темой отрубленной головы, систематизация, выявление и уточнение мотивов, с ней связанных - в первую очередь в русле традиционной политической культуры народов региона (см. материал, частично изложенный в: Дмитриев 1997).

Там, в частности, анализируется отношение к голове противника, союзника, родственника. Специально автор останавливается на мотиве ценности голов "именитых", т.е. известных по имени противников. Далее исследуется мотив автономного существования головы в фольклорных сюжетах народов Северной и Центральной Азии, утилизация голов в ритуально-магических целях и т.д.

Однако мотивы, связанные с отрубленной головой этими сюжетами не исчерпываются. Например, интересен мотив, связанный с правовыми представлениями народов Центральной Азии, который мы здесь и рассмотрим.

Источники говорят, что приобретение головы неприятеля, убитого во время сражения, тесно связывали с правами при разделе добычи. Геродот приводит следующие сведения на этот счет относительно скифов:

То, что имеет отношение к войне, у них (скифов - С.Д.) устроено следующим образом... Сколько человек он убьет в битве - головы он принесет царю. Если он принесет голову, то получит долю в добыче, которую захватят, если не принесет - не получит (Геродот IV, 64).

Здесь мы имеем интересный пассаж, сравнимый с аналогичным у другого древнего автора, творившего в рамках другой культурной традиции, но писавшего о том же историко-культурном регионе, что и Геродот - Сыма Цянь, китайский историк древности, в "Исторических записках" в главе 110 ("Повесть о сюнну"):

Тот, кто в сражении отрубил голову неприятелю или возьмет его в плен, жалуется одним кубком вина, ему же отдают захваченную добычу, а взятых в плен делают (его) рабами и рабынями (Материалы 1968: 41).

Как мы видим, почти идентичные тексты, различающиеся только названиями народов, что подтверждает общность их обычаев в этом плане. С другой стороны, четкость изложения в том и другом случае, возможно, указывает и на определенную юридическую кодификацию, вероятно зафиксированную письменно и, может быть, послужившую материалом для обоих историков. Этот мотив стал одним из постоянных в военно-политической культуре кочевников. Источники прямо-таки пестрят сообщениями о доставляемых государям головах. Их дружинники и вассалы как бы устраивают соревнования с целью получения награды и подтверждения своей боевой мощи. Огузский эпос приводит следующую формулу, характеризующую удальца: "Он отрубил головы, пролил кровь, получил награду, достиг славы" (Бартольд 1962:).

Тот же юридический мотив платы за голову убитого противника звучал еще в XVIII веке из уст турок, которые удивлялись, что у "гяуров" (неверных, т.е. русский) нет обычая "выдавать по червонцу награды за каждого пленника, каждую голову, отрезанную Аллах вест где и у кого" (Ресми 1842: 109). А в Средней Азии А. Вамбери наблюдал во время своего путешествия наградные халаты, которые посылались в воинский лагерь героям. Эти

халаты были четырех сортов: их называли "четырёх-", "двенадцати-" "двадцати-" и "сорокоголовыми" и давались они за предоставление соответствующего числа голов убитых врагов (1874: 123-124). Назывались такие подарки *ин'ам* - "подарок за голову или пару ушей" (Брегель 1961: 183).

Как повествует тот же огузский эпос "*Деде Коркуд*", "в тот век юноше не давали имени, пока он не отрубил голову, не пролил крови" (Бартольд 1962: 33). По обычаю молодой человек не мог жениться, пока не добудет чьей-то головы. Э.К. Пекарский в своем "*Словаре якутского языка*" приводит пример фразеологического оборота из якутского эпоса: "Если принесет его голову с шеей, пойду замуж за победителя" (1959: 1582).

Для сравнения приведем материал из китайской практики. В древности в китайской армии никому не платили жалования, но солдаты получали награду за каждую предьявленную голову убитого ими неприятеля.

Такая поощрительная мера имела последствием, что военные отряды искали неприятеля, скрывшись где-либо в засадах, стараясь хитростью и разбойнически одолеть его; а когда предвиделось открытое сражение, то, не умея и боясь идти в бой, откровенно обращались в бегство,

и таким образом, эта мера, по мнению древних авторов, вела к ослаблению войска (Скачков 1879-1890: 266). Видимо, при таких требованиях и столь конкретных формах вознаграждения были нередки и злоупотребления. Например, головы похищались и отбирались у непосредственных "добыдчиков". Поэтому в китайской юридической практике, согласно опубликованному в 1044 году военному трактату "*У цзинь цзун яо*", где были собраны военные законы династий Тан и Ранняя Сун, за присвоение головы противника, добытой другим, с целью получения награды полагалась смертная казнь (Кычанов 1986: 246).

Особую ценность представляли головы "именитых" противников, т.е. людей, известных победителю по имени. Обычно в эпосе победитель после единоборства задает вопрос побежденному о его имени - и только после этого процедурного момента его убивает. Нередко этим именем нарекают сына победителя. Например, Чингис-хан, до получения этого имени-титула, звался Темучином - по имени татарского вождя, убитого его отцом (Козин 1941: 85-86). Это напоминает мотивировки охотников за головами маринд-аним (Юго-Восточная Азия) - они обычно стремились захватывать людей живыми и узнавать их имена, так как в противном случае голова считалась "обесцененной". "Головные" имена у них также давались детям (Иванова 1980: 122-123).

В фольклоре народов Северной и Центральной Азии широко распространен мотив автономного существования головы (или черепа) (Богораз 1939: 182; Эскимосские сказки 1988: 272; Окладников 1946: 73-109; 1971: 107 и др.). Та же тема присутствует и в мифологизированно политической истории народов этого региона. В "*Описании киданей*" Е Лунли приводится рассказ о некоем киданьском владетеле, который предстал из себя "всего-навсего череп, находившийся в куполообразной юрте... Люди не могли видеть его. Когда у государя появлялись важные дела, то убивали белую лошадь и серого быка для жертвоприношения, и только тогда он принимал вид человека и выходил смотреть. По окончании дела входил в куполообразную юрту и снова превращался в череп".

Исторические источники, повествующие об отношениях в центральноазиатской степи в начале XIII века, в ходе политической борьбы, приведшей в возвышению Темучина, называемого в дальнейшем Чингис-ханом, описывают любопытную ситуацию, связанную с именем одного из его основных соперников, а именно - с Ван-ханом керейтским, и с его кончиной. Разбитый, всеми покинутый, он пил воду из источника, и, будучи неузнанным, был убит одним найманом. Слухи о его кончине достигли Таян-хана найманского, и мать последнего сказала: "Ван-хан ведь был древнего рода. Пусть привезут сюда его голову. Если

это действительно он, принесем ей жертву". Голову Ван-хана доставили в ставку найманов и опознали. После чего

разостлали большую белую кошму и, положив на нее голову, стали совершать перед нею жертвоприношение, сложив молитвенно ладони и заставив невесток, совершая положенную для них церемонию, петь под звуки лютни-хура. Как вдруг голова при этом жертвоприношении рассмеялась. "Смеешься!" - сказал Таян-хан и приказал вдребезги растоптать голову ногами,

и это было истолковано окружающими как признак его слабости, что и подтвердилось впоследствии поражением от Чингис-хана (Козин 1941: 141-142; Палладий 1899: 100; Рашид ад-дин 1952, 1: 132, 137).

Сибирские и центральноазиатские материалы близки представлениям об отрубленной голове из других регионов Евразии. Вячаслав Иванов, анализируя этот мотив, выделил еще один круг представлений, связанных с ней, а именно - представление о ее пророческой силе (Иванов 1923: 122). Такова голова Иоанна Крестителя, голова Орфея, приплывающая от устья Стримона к берегам Лесбоса и там пророчествующая, а также, можно добавить, голова Адама, которую отталкивает Василий Буслаев, герой русской былины, прибывший с дружиной в Иерусалим и там "буянивший" (Веселовский 1880: 3). Отделенная голова выступает в роли советчика (Пропп 1946: 136). В эддической саге голова Мимира, убитого Ванами, сохранена Одним от разрушения и способна говорить, и Один с нею часто беседует и советуется (Беовульф 1975: 188; Эдда 1917: 106).

На Востоке широко распространена сказка о выловленном в воде черепе. От порошка, в который истолчают череп, обычно происходит зачатие героиней с последующем рождением воплощения умершего владельца черепа (см., напр.: Газаров 1889: 77-79). Сюжет сказки, правда, может быть и не связан с водой, но плодородием связан обязательно.

Эта последняя функция мертвой головы в представлениях разных народов специально рассмотрена Вяч. Ивановым, который связывает ее с представлениями о голове как оместилище половой, возбуждающей силы. В дионисийском и родственных с ним культах, бог умерший и его голова, как его воплощение, почитались "как мужское начало подземной растительной мощи и нового возврата из сени смертной на лицо земли". Вяч. Иванов в связи с этим считает, что именно поэтому

в Лерну сеяли мужские головы, как зрелые плоды, несущие в себе зародыш новой жизни, должествующие возродиться и воскреснуть как семена, оплодотворяющие лоно подземной ночи (Иванов 1923: 120, 121% см., также, о связи головы с плодородием земли и людей: Иванов, Топоров 1974: 181, 194, 207; Назаренко 1995: 79).

Тема аграрного плодородия, связанного с отчлененной головой, типологически прямо сближает культ головы с охотой за головами, которая фиксируется очень широко и которая, по ряду некоторых исследователей, существовала и в Северной и Центральной Азии (см., напр.: Окладников 1971: 110).

По мнению В.А. Шнирельмана, охота за головами являлась особым социоритуальным комплексом, требовавшим непременно осуществления вооруженного нападения. В ходе исторического развития смысл охоты за головами, видимо, неоднократно подвергался переинтерпретации, некоторые идеи забывались, другие, напротив, усиливались, что и порождало неоднозначную картину (1994: 130-134).

В связи с этим автор считает нужным подчеркнуть, что культ отрубленной головы и, как следствие, охота за головами, является одним из проявлений общего мировоззренческого комплекса, свойственного человеку, существующему в рамках определенной культурной традиции. Возможно, что в разных концах мира основные посылки для создания первоначального представления, связанного с головой, были весьма похожи друг на друга.

Наиболее общими вопросами, которые стояли перед людьми, были вопросы жизни и смерти, отношения к природе, представления о месте человека в природе, отношение с животным миром, землей, другими людьми т.е. все то, что составляет, в конечном счете, культуру как целостную систему. В зависимости от того, как решались эти общие вопросы, каким образом создавалась мировоззренческая схема, можно сказать, "основной миф", вокруг которого объединялись другие, вторичные мотивы такового было и конкретное проявление; в нашем случае - отношение к голове и сопутствующие ей темы.

Можно отметить, что мотив плодородия земли и человека, связанный с головой, один из наиболее распространенных в культурах мира. Но в системе жизни/смерти, возрождения=воплощения этот мотив является только вариантом, проявлением более общего понятия - существования общей жизненной силы. Эта сила может уходить, приходить, концентрироваться, и в таком последнем виде ее могут использовать в разрешении ряда вопросов, в том числе и вопросов власти. Видимо поэтому так часты случаи концентрации большого количества голов и черепов в какой-то определенной точке пространства, зафиксированные источниками на протяжении эпох со времен неолита до конца XIX в. (напр., в виде пирамид из голов).

По многим признакам, создавая такие концентрации голов, инициаторы этих сооружений хотели получить ту силу, близкую той, о которой мы говорили в первой главе, силу, которая суммирует силы разных людей, одновременно изымая ее у противника. Эта сила выступает у разных народов под разными названиями (харизма, фарн, дэ, мана и т.д.). Каждая из них концептуально обоснована с точки зрения господствующей мировоз-зренческой схемы, типичной для конкретных историко-культурных областей. В зависимости от основных установок, с этой силой могут бороться, разрушать, добывать, концентрировать, использовать для собственной цели. Аналогично, ее, вместе с головой, могут скрывать, охранять в рамках этнической политической или иной общности. С утратой головы эта сила или часть ее, которая воплощается после смерти одного из ее носителей в каком-либо другом члене того же общества, покидает социум, уходя, вместе с именем человека, в другой этносоциальный организм. Утрата головы члена общества, морально оцениваемая как позор, инициирует стремление вернуть ее с целью приобщения. Впрочем, можно добыть голову аналогичного социально-политического "качества" для компенсации нарушения равновесия в социуме, утратившем ее, то есть для повышения жизнестойкости социального организма (с возможным последующим подзахоронением к чужому для нее телу).

Особая тема, связанная с отрубленной головой, ее утилизация. Широко известны варианты изготовления из черепной коробки человеческого черепа чаш; голову именитого противника оправляли в золото и серебро, этой голове оказывали почести, перед ней разыгрывали умиловительные представления, перед ней плясали и т.д.

Тема отсеченной головы тесно связана с темой расчленения трупа. Считается, что человек, пройдя жизненный путь на этом свете, должен быть готов к возрождению в новой ипостаси. Состояние готовности в таком случае обычно заключается в наличие целостного скелета. Отсутствие хотя бы одной кости (а иногда и всех ногтей, зубов и волос, которые поэтому собирались на протяжении всей жизни) влечет за собой невозможность возрождения. Тем более это касалось наличия головы как основного вместилища души. Отсюда отсечение головы и расчленение тела было наиболее болезненным наказанием для преступников и могло быть использовано в физической и духовной расправе с политическим противником.

Как видно из представленных материалов, центральноазиатские данные органично вписываются во многие общеазиатские сюжеты, часто их дополняя, и эту вплетенность в контекст мировой культуры надо учитывать при общих интерпретациях. В нем есть общая для Евразии тема исключительного положения головы в теле и космосе, тема наличия в ней особой силы, способствующей организации космоса и социума, основанная, в свою очередь,

на теме плодородия как проявления общей жизненной силы, и, соответственно, попытки лишить этой силы конкурирующий этнополитический организм. Отмечается наивное желание суммировать силы разных голов - и с этим своим контекстом "идея головы" инкорпорируется в политический контекст и традиционную политическую культуру. При этом необходимо отметить, что эти представления поразительно близки в самых отдаленных уголках Евразии, также как и формы их проявления, которые, в принципе, достаточно органичны, вполне вычлняемы при помощи аллюзий и аналогий, и достаточно логичны с точки зрения по-своему рационалистического взгляда на мир.

Рассмотренные выше натуралистические аспекты традиционной культуры, которые можно наблюдать в реалиях политической борьбы тюрко-монгольских кочевников, существуют в достаточно логичных идеологических и легитимных рамках мировоззренческой системы. Как следует из материала, эта система предусматривала определенные насильственные действия.

Интерпретация универсалии единства живых и мертвых в этнополитическом пространстве (практика разорения могил)

Реальные насильственные действия часто носят как прямой, так и опосредованный характер. Прямые действия, например, физическое наказание за содеянное, часто легко объяснимы. Труднее понимать действия опосредованные, которые могут носить и отвлеченный характер. Опосредованность, в соответствии с ритуальной теорией, должна способствовать достижению каких-то реально запланированных целей и носить по-своему логически объяснимый характер. В этом плане интересно заметить, что внешне прямые действия часто могут в зависимости от контекста носить ритуально-отвлеченный характер, объяснимый с точки зрения традиционной мировоззренческой системы.

Здесь автор рассматривает именно отвлеченно-ритуальные формы насилия, обычно непрямого действия, направленные как против отдельных личностей, так и против групп людей (династии, родоплеменной группы).

Среди видов символического насилия, имеющих форму ритуала, автор останавливается на практике разорения могил, в основном на материалах по тюрко-монгольским кочевникам. Эта тема достаточно подробно представлена в источниках по истории Центральной Азии, но подвергалась, однако, пока детальному и систематическому исследованию.

Происхождение выявляемой универсалии теряется в глубине тысячелетий. Она фиксируется археологами на огромной территории Евразии. При рассмотрении вопросов интерпретации этого феномена археологи фрагментарно используют и этнографический, т.е. более поздний для них материал. В результате возникает значительный временной и содержательный разрыв, и возникающие "пустоты" заполняются логическим домысливанием. Привлечение исторического материала достаточно редко. В данной работе автор пытается в какой-то степени ликвидировать этот разрыв, проследив функционирование интересующего мотива в сквозной историко-этнографической ретроспективе в рамках политической культуры в основном кочевников Евразийских степей и сопредельных территорий.

Проблемы, которые выявляются в связи с этой темой, весьма неравномерно разработаны в науке. Во-первых, это проблема своих/чужих в конкретных этносоциальных организациях; во-вторых, вера в возможность злокозненных действий со стороны мертвецов, и, в-третьих, единство живых и мертвых в рамках единого этносоциального организма и этнополитического пространства.

Династийные и родовые кладбища в системе традиционной культуры относятся к числу священных объектов. К останкам предков относились с высшим пиететом, и борьба за могилы приобретала политический оттенок. Обычно охраняются "свои" могилы, в то время как "чужие" могут быть легко подвергнуты разорению.

Широко распространена вера в возможность "порчи" со стороны мертвецов. Особенно это касается в отношении умерших, которые при жизни были людьми чем-либо выдающимися. Такой человек мог поддержать членов своего рода в каких-нибудь начинаниях и после своей смерти, но может и вредить и им, и другим, посторонним для рода людям, в том числе по "заказу" живущих родственников и потомков. С целью нейтрализации его действия, могилу обычно раскапывали, а кости умершего разрубали или выбрасывали из нее. В политической культуре такие эпизоды встречаются нередко и тем самым служат примером продолжения существования этнографических реалий бытового характера на политическом уровне.

Третий пункт - единство мертвых и живых в рамках единого социально-политического организма. Здесь целый комплекс ранненатуралистических представлений. Во-первых, идея перерождения умерших в своих потомках; во-вторых, общая сила социально активных членов общества, которая составляется из суммы отдельных сил. Утрата части их ведет к ослаблению этого общественного организма.

Суммируя все эти три пункта, приходим к выводу о том, что в описываемом нами акте при его оценке и осмыслении на первое место следует поставить причинно-следственную логическую схему, основанную на комплексе шаманистических представлений. Убитый, являясь членом коллектива, социально-политического организма, представляется обладателем определенной части совокупной силы; организм этот состоит не только из ныне живущих, но и из их предков. Он представляется в качестве закрытой системы, в которой существует свой реестр имен; достаточно часто потомок представляется новым воплощением какого-либо предка, именем которого его и называют, и обращаются к нему соответствующим образом. Уходя в "тот мир", человек может вернуться. Условием его возвращения является обычно, или чаще всего, непотревоженный костяк, наличие всех костей в целом виде. Нарушение этого положения, с точки зрения такой логики, необходимо приводит к мысли о возможности выхватывания из совокупного социально-политического организма каких-либо его частей. Ритуально-магические аспекты политической культуры здесь выходят на первый план в действиях противников и их по-своему рационально сформулированных целях.

Вероятно, массовое уничтожение захоронений и костяков предков противника могло иметь этот оттенок, и таким образом совершался как бы акт насилия над целым социально-политическим организмом, правящим родом и т.д., умалялась его совокупная сила, копившаяся на протяжении ряда поколений, способствующая удержанию этим родом власти. Уничтожение родовых и династийных кладбищ являлось внешним признаком упадка силы старой династии и освоения реального географического и политического поля династией новой.

По всей видимости, поэтому в XIII в. монголы, преследуя султана Джалал-ад-Дина, выкапывали из земли и сжигали кости всех погребенных султанов, "так как они считали, что все эти султаны одного происхождения" (Насави 1973: 242).

С целью защиты своей совокупной социально-политической силы от ритуального политического насилия применялись различные способы. Одними из наиболее распространенных являлись тайные захоронения и охрана кладбищ специально выделенными для этой цели группами людей (подробнее по этой теме см.: Дмитриев 2001б).

Знаменный комплекс в военно-политической культуре и вопросы его семантики

Существование знамени имеет значительную историческую ретроспективу, уходящую в глубь тысячелетий. Идеологически обусловленный характер знаменного комплекса имел особую роль в системе оформления власти и в военно-политической культуре вообще.

В системе политических отношений знамя маркировало суверенитет или же, напротив, зависимость местного лидера. Оно вручалось правителем вассалу как признак делегирования власти. Внутри объединений знамя являлось одним из священных атрибутов власти. По представлению монголов, если знамя будет похищено, то в этом случае невозможно будет противостоять неприятелю (Потанин 1899: 305).

У казахов каждый род имел свое большое знамя, а каждое объединение свой значок, которые вывозились только на войну. В этом случае султан выставлял знамя у своей кибитки, в союзных аймаках поднимались значки и к ним собиралось ополчение, которое, сойдясь в одном месте, разделялось на "круги" и выбирало военачальников. Последние выбирали двух предводителей, один из которых становился во главе войска, а другому поручалось хранение главного знамени (Левшин 1832: 51). С принятием решения о войне старейшина или султан, управлявший родом, выставлял у своей кибитки знамя; тотчас весь род спешил вооружиться, в союзные аулы спешили гонцы. Соединившись в одном месте, ополчение разделялось на "круги", во главу которых выбирался военачальник. Эти военачальники выбирали двух предводителей, известных мужеством и опытом. Один из них становился во главе войска или, по словам А. Гейнса, был "председателем и правителем совета", без которого никакое предприятие не производилось, а другому поручалось хранение родового знамени. Если в военном предприятии участвовало несколько родов, то избиралось четыре верховных полководца, из которых двое хранили главное знамя собравшегося войска, а остальные управляли советом (1897: 72-73).

Войско обычно измерялось в *тугах*, то есть в знаменах. По мнению Э.Хара-Давана, это были "частные армии" (1929: 73) — так в его времена называли "большие корпуса", на которые расчленялись большие армии. Главнокомандующий большой армией ставил в рамках "общей цели" на всем театре военных действий так называемые "частные цели" отдельным частям, для достижения своих целей им предоставлялась свобода выбора действий (Леер 1877: 39).

Распространены были в кочевых объединениях "великие знамена", обычно огромных размеров, которые возились на специальных повозках (Ларичев, Тюрюмина 1975: 103; Иоанн Киннам 1859; Рерих 1962: 440).

У разных объединений и их частей, если объединения были достаточно крупные, были знамена различных цветов. В разных ситуациях цвет имел как политическое, так и тактическое значение (маркируя отдельные части войска).

Церемония начала войны у кочевников была чрезвычайно сакрализована. В числе ритуальных действий, обязательно приносили жертвы знаменам; нередко эти жертвы были человеческими. По представлениям кочевников, кропление знамени возбуждало духа войны, он начинал проявлять активность в помощь окропившему знамя.

Как уже было упомянуто, знамена, наряду с другими средствами, были основным способом управления войсками. В отношении кочевников эпохи Монгольской империи, исследователи отмечают удивительную слаженность действий их конницы. Обычно она маневрировала "в немую", т.е. в соответствии с условными знаками, подаваемыми флагом начальника (см., напр.: Горелик 1990: 156-157).

Главные события в сражении развивались вокруг главного знамени, расположенного в центре главных сил противника. Его старались опрокинуть, растоптать, а наверх воткнуть в землю и разломать (в фондах Российского этнографического музея в Санкт-Петербурге хранится знамя с таким обломанным навершием - № 6772-128).

Присутствие в войске "коронованной" особы оказывало огромное моральное воздействие на менее именитых соперников, которые часто просто уклонялись от сражения. Этот обычай был широко распространен, так как именно в личном споре решались вопросы власти, владения областью и т.д. Это положение довольно часто использовалось, в т.ч. в качестве военных хитростей с применением знамен. Иногда хан находился в тактическом резерве, и

его появление в решающий момент под своим знаменем оказывало решающее воздействие на ход сражения. Были случаи, когда правитель, даже не обладая в определенный момент превосходящими силами, просто ставил свое знамя, чем способствовал сумятице и панике в лагере противника.

Здесь нами рассмотрен ряд функциональных характеристик знамени, намечены некоторые, далеко не исчерпанные данной работой, идеологические категории, которые знаменный комплекс обслуживает. Было определено место знамени в системе военно-политических координат. Это, прежде всего, знамя как символ власти, маркировка системообразующего центра с идеологическими функциями в системе племенных и, далее, государственных культов. Как представляется автору, являясь одним из центров социально-политической маркировки социума и пространства, знамя, с одной стороны, вбирает в себя, втягивает в орбиту своего влияния и не связанные с ним первоначально многие представления, с другой, распространяет на другие сферы культуры свои энергетические (ритуальные) функции, способствуя консолидации социума и его идеологии в своем конструируемом поле политической культуры. Многоаспектность функционирования знамени определяется тем, что оно достаточно мобильно, в отличие от так называемых "сакральных мест", которые, являясь стационарными объектами культуры, привязаны к определенным географическим точкам. Знамя же, может перемещаться и внезапно возникать в неожиданных местах, неся с собой целый комплекс идеологических представлений, что немаловажно, так как способы консолидации усилий социума, и, соответственно, части социума войск, в нужный момент в нужном месте, относятся к числу основных в системе военно-политической культуры. Обычно в сражении знамя является основной целью, объектом главного удара, утрата которого приводит к полной дезорганизации и дезориентации войсковой единицы и, далее, к поражению. Воинская, военно-политическая обрядность, ритуальным центром которой является знамя, возбуждение сил, которые, по традиционным представлениям, находятся в знамени, или через которое их можно призвать (напр., "помощь неба"), имеет сильное психологическое значение. Борьба за сакральный организующий центр в ходе сражения являлась основной целью такого ритуала политической культуры, военной игры, как сражение. В трудах военных теоретиков древности, так называемых "*Тактиках*" и "*Стратегиях*", имеющих рекомендательный для военачальников характер и используемых для военного образования лидеров, в том числе кочевых, описываются разные пути к достижению одних и тех же целей. И не последним звеном в такой цепи является знамя. Описывая прежде всего сигнальную функцию знамени, авторы этих трудов, будучи всем своим существом вплетенными в определенную систему культурных ценностей, отлично осознавали и их культовое значение. Поэтому утрата знамени имела обычно ритуально негативный характер – наказания были адекватно радикальны, так как с утратой ритуального комплекса – знамени, социально-политический культ, как полагается, терял определенную, а нередко и главную силу. Такие культурно-политические дефиниции, связанные со знаменем и его культом, определяли особое к нему отношение как со стороны политической элиты общества, так и со стороны рядовых его членов.

В данной работе были рассмотрены ряд элементов политической культуры тюрко-монгольских народов, относящиеся к области политической символики и политического (военно-политического) поведения. Можно отметить, что они являются выражением общих представлений общества о существовании самой политической власти – они носители животильной, жизненной силы индивида и общества, частью которой этот индивид или группа (род, социальная общность) являются. В силу этого, обладатель этих атрибутов –

символической концентрации этой силы – сам превращается в неотъемлемую их часть и выступает выразителем некоего сакрального пространства, сакрального мира, легитимирующего его поступки и дающего основание для подчинения других его политической воле. Будь то *сульде*, голова, места захоронений или знамена – все они вещные свидетельства существования сакрального мира, суть точки концентрации живой силы этнополитического или социального организма различного таксономического уровня. Соответственно, борьба за власть не может игнорировать эти центры символического поля и в значительной мере выражается в борьбе за захват этих центров. Их разрушение или захват, выражающиеся как в разрушении захоронений, ломке или захвате знамен, собирании голов и пр. в целом символизирует один и тот же процесс – истребление жизнеспособности оппонента и накопление, подчас – для дальнейшего перераспределения среди единомышленников или соратников, живительной силы, которой некогда обладал противник. Рассмотренные нами элементы ритуально-символического осмысления политической реальности основываются на широком общекультурном контексте, который их объясняет и управляет политическими персонажами. Эти действия нередко имеют кровавый и оскорбительный для противной стороны характер. Политическая борьба в условиях традиционной культуры, кроме своих явственно физических проявлений, идет на уровне символического противоборства и освоения политического и географического пространства. Освоение этого пространства символическими средствами, которые произрастают из культурно-натуралистических представлений традиционной культуры, в народных представлениях и в устном народном творчестве имеют оттенок магического действия. Тем самым образуется симбиоз символично-магического характера или пласт магической символики. Чаще всего такие проявления традиционной ментальности, с точки зрения представлений европейского нового времени, называются предрассудками. Следует иметь в виду, что "предрассудки эти санкционированы авторитетом традиции" (о теории предрассудков см.: Гадамер, 1988). По словам М.Лифшица, "иной предрассудок выше иного рассудка и превосходно служит прозрачной формой для глубокого рационального содержания" (1980). Рациональность же, в свою очередь, многолика, и рациональное объяснение внешне иррационального поступка лежит в плоскости той мировоззренческой схемы, которая доминирует в данном конкретном обществе (Мамардашвили, 1984: 51-73; Коул, Скрибнер. 1978; Морева, 1977: 5-20).

В данной работе автор попытался понять (правильно прочитав) некоторые символические аспекты политической культуры тюрко-монгольских народов, которые, в результате, выглядят вполне рациональными с точки зрения их традиционной культуры, и показать, что этнографическая база, несомненно, является источником формирования категорий политической надстройки.

ЛИТЕРАТУРА

- Банзаров, Д. 1955. *Собрание сочинений*. М.: Изд-во АН СССР.
- Бартольд, В.В. 1962 (перев.). *Книга моего деда Коркута. Огузский героический эпос*. М.- Л.
- Беовульф 1975: Беовульф. *Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах*. Вступ. статья А.Я. Гуревича. М.
- Бертагаев, Т.А. 1961. *К исследованию лексики монгольских языков. Опыт сравнительно-статистического исследования лексики бурятских говоров*. Улан-Удэ.
- Богораз, В.Г. 1939. *Чукчи*. Т. II. Л.
- Брегель, Ю.Э. 1961. *Хорезмийские туркмены в XIX в.* М.
- Вамбери, А. 1874. *Путешествие по Средней Азии*. М.
- Веселовский, А.Н. 1880. *Разыскания в области русских духовных стихов*. Т. 2. СПб.
- Владимирцов, Б.Я. 1922. *Чингис-хан*. Берлин - Петербург - Москва.

- Владимирцов, Б.Я. 1927. *Этнолингвистические исследования в Урге, Ургинском и Кентейском районах*. Л.
- Владимирцов, Б.Я. 1934. *Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм*. Л.
- Вяткина, К.В. 1960. Монголы Монгольской Народной Республики. *Труды Института этнографии АН СССР*, нов. сер., Т. 60: 159-271.
- Гадамер, Г.-Х. 1988. *Истина и метод: Основы философской герменевтики*. М.
- Гаджиев, К.С. 1994 (ред.). *Политическая культура: Теория и национальные модели*. М.
- Газаров, А. 1889. Армянские сказки: "Череп-царь" и "Невеста-всадник". *Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа*. Т. 7. Тифлис.
- Галданова, Г.Р. 1987. *Доламаистские верования бурят*. Новосибирск.
- Гейнс, А.К. 1897. Киргиз-Кайсаки (в Зауральской степи). *Собрание литературных трудов Александра Константиновича Гейнса*. Т. I. СПб.
- Горелик, М.В. 1990. Степной бой (из истории военного дела татаро-монголов). *Военное дело древнего и средневекового населения Северной и Центральной Азии*. Отв. ред. Ю.С. Худяков, Ю.А. Плотников. – Новосибирск: 155-160.
- Гуревич, А.Я. 1984. *Категории средневековой культуры*. 2-е изд. М.
- Дмитриев, С.В. 1997. Тема отрубленной головы в политической культуре народов Центральной Азии (общеазиатский контекст). *STRATUM. Структуры и катастрофы: Сборник символической индоевропейской истории*. Отв. ред. М. Ткачук. СПб., Кишинев, 1997.
- Дмитриев, С.В. 2001а. Сульде: к проблеме истории формирования политической терминологии кочевников Центральной Азии. *Mongolica V*. СПб. (в печати).
- Дмитриев, С.В. 2001б. Практика разорения могил в политической культуре евразийских кочевников. *Этнические аспекты власти: Антропология насилия*. Отв. ред. В.В. Бочаров и В.А. Тишков. М. (в печати)
- Дмитриев, С.В. 2001в. Знаменный комплекс в военно-политической культуре народов Евразийских степей. *Para bellum*, № 13 СПб. (в печати).
- Иванов, Вяч.Вс. 1923. *Дионис и прадионисийство*. Баку.
- Иванов, Вяч.Вс., Топоров, В.Н. 1974. *Исследования в области славянских древностей*. М.
- Иванова, Л.А. 1980. Охота за головами у марнид-аним и время ее возникновения. *Символика культов и ритуалов народов зарубежной Азии*. Отв. ред. Н.Л. Жуковская, Г.Г. Стратанович. М.: 117-143.
- Иоанн Киннам. 1859. Краткий обзор царствования Иоанна и Мануила Комнинов (1118-1180). Труд Иоанна Киннама. *Византийские историки*. – СПб.
- Кляшторный, С.Г. 1986. Формы социальной зависимости в государствах кочевников Центральной Азии (конец I тысячелетия до н.э. – I тысячелетие н.э.). *Рабство в странах Востока в средние века*. Отв. ред. О.Г. Большаков, Е.И. Кычанов. – М.: 312-339.
- Козин, С.А. 1941 (перев.). *Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г.* М.- Л.
- Коул, М. Скрибнер, С. 1977. *Культура и мышление*. М.
- Кычанов, Е.И. 1986. *Основы средневекового китайского права (VII-XIII вв.)*. М.
- Ларичев, Тюрюмина 1975. Военное дело киданей (по сведениям из "Ляоши"). *Сибирь, Центральная и Восточная Азия в Средние века*. Отв. ред. В.Е. Ларичев. Новосибирск: 99-112 (*История и культура Востока Азии*, Т. III).
- Левшин, А. 1832. *Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей*. Ч. 3. *Этнографические известия*. СПб.. 1832.
- Леер 1877. *Прикладная тактика*. Т. 1. СПб.
- Лившиц, М. 1980. *Мифология древняя и современная*. М.
- Мамардашвили, М.К. 1984. *Классический и неклассический идеалы рациональности*. Тбилиси.

- Материалы 1968. *Материалы по истории сюнну (по китайским источникам)*. Предисл., пер. и прим. В.С. Таскина. Вып. 1. М.
- Морева, Л.М. 1989. К вопросу о культурно-исторических формах рациональности. *Проблемы социально-гуманитарного знания: История и современность*. Отв. ред. Ю.В. Перов. Л.: 5-20.
- Назаренко, Ю.А. 1995. Феномен человека в славянской традиционной культуре: голова. *Кунсткамера*. № 8/9 СПб.: 75-97.
- Насави 1973: *Шихаб ад-Дин Мухаммад ан-Насави. Жизнеописание султана Джалал ад-Дина Манкбурны*. Пер с араб., предисл., комм., прим. и указ. З.М. Буниятова. Баку.
- Неклюдов, С.Ю. 1988. Рец на.: Н.Л. Жуковская "Категории и символика традиционной культуры монголов" (М., 1988). *Народы Азии и Африки*, № 1: 184-190.
- Новгородова, Э.А. 1984. Сулдэ и туг – хранители рода и племени. *Всесоюзная науч. конф., посвященная 100-летию со дня рожд. акад. Б.Я.Владимирцова*. Тез. докл. М.: 24-26.
- Новгородова, Э.А. 1989. Новгородова Э.А. Знамя – вместилище души (сулде и туг) у тюрко-монгольских народов. *Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока*. Тез. докл. междунар. конф. Ч. 3. М.: 81-83.
- Номинханов, Ц.-Д. 1975. *Материалы к изучению истории калмыцкого языка*. М.: Наука.
- Окладников, А.П. 1949. Исторические рассказы и легенды Нижней Лены. *Сборник МАЭ*, Т. XI. Л.
- Окладников, А.П. 1971. *Петроглифы Нижнего Амура*. Л.
- Палладий 1866. Си ю цзи или описание путешествия на Запад. Пер. с китайского, с прим. архимандрита Палладия. *Труды членов Российской духовной миссии в Пекине*. Т. IV. 1866.
- Пекарский, Э.К. 1959. *Словарь якутского языка*. 2-е изд. Т. 1-3. М.
- Пивоваров, Ю.С. 1996. Концепция политической культуры в современной науке. *Политическая наука: теоретико-методологические и историко-культурные исследования*. Отв. ред. Ю.С. Пивоваров. М.: 6-46.
- Потанин, Г.Н. 1893а. *Ордынские параллели к поэмам лонгобардского цикла*. Этнографическое обозрение, Кн. XVIII. М.
- Потанин, Г.Н. 1893б. *Тема усеченной головы в Орде*. Этнографическое обозрение, Кн. XVI. М.
- Потанин, Г.Н. 1893в. *Тангутско-тибетская окраина Китая и Центральная Монголия. Путешествие Г.Н. Потанина 1884-1886 гг.* Т. I-II. СПб.
- Потанин, Г.Н. 1899. *Восточные мотивы в средневековом европейском эпосе*. М.
- Потапов, Л.П. 1949. *Черты первобытно-общинного строя в охоте у северных алтайцев*. Сборник МАЭ, Т. XI. М.-Л.
- Потапов, Л.П. 1969. *Очерки народного быта тувинцев*. М.
- Пропп, Н.Я. 1946. *Исторические корни волшебной сказки*. Л.
- Рашид ад-дин 1946: *Сборник летописей*. Т. III. М.-Л.
- Рашид ад-дин 1952: *Сборник летописей*. Т. I. Кн. 1. М.-Л.
- Рашид ад-дин 1960: *Сборник летописей*. Т. II. М.-Л.
- Рерих, Ю.Н. 1962. Упоминание о бунчуке в "Ригведе". *Древний мир. Посвящ. В.В.Струве*. Отв. ред. Н.В. Пигулевская и др. М.
- Ресми 1842: Ресми, Ахмед-Эфенди. Список достопримечательного. Пер. с тур. О. Сенковского. *Библиотека для чтения*. Т. 51. Ч. 1. М.
- Скачков, К.А. 1879. Исторический обзор военной организации в Китае с древних времен до воцарения манджурской династии. *Труды третьего международного съезда орьенталистов в Санкт-Петербурге. 1876*. Т. I. СПб.
- Скрынникова, Т.Д. 1989. Сакральность правителя в представлении монголов XIII в. *Народы Азии и Африки*, № 1: 67-75.

- Скрынникова, Т.Д. 1993. Идеи "Сокровенного сказания" о власти в летописях XVIII в. *Mongolica: К 750-летию "Сокровенного сказания"*. Отв. ред. В.Н. Солнцев и др. М.: 157-168.
- Скрынникова, Т.Д. 1995. Представления о харизме и культ Чингисхана у монголов. *Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки*. Вып. XV. СПб.
- Скрынникова, Т.Д. 1997. *Харизма и власть в эпоху Чингис-хана*. М.
- Сыма Цянь 1972: *Исторические записки ("Ши Цзи")*. Т. I. М.
- Сыма Цянь 1986: *Исторические записки ("Ши Цзи")*. Т. IV. М.
- Тодаева, Б.Х. 1976. *Опыт лингвистического исследования эпоса "Джангар"*. Элиста: Калмыцкое книжное издательство.
- Хара-Даван, Э. 1929. *Чингис-хан как полководец и его наследие. Культурно-исторический очерк монгольской империи XII-XIV веков*. Белград.
- Шнирельман, В.А. 1994. У истоков войны и мира. *Война и мир в ранней истории человечества*. Т. I. М.: 3-176.
- Эдда 1917: *Эдда*. М.
- Эскимосские сказки 1988: *Эскимосские сказки и мифы*. Сост., предисл и прим. П.А. Меновщикова. М.
- Rintschen, В. 1974. Die Seele in den schamanitischen Vorstellungen der Mongolen. *Schriften zur Geschichte und Kultur des Alten Orients*. Bd. 5. Berlin.

ЧИНГИСИДЫ И ИХ СТАТУС В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ

Д. Ю. Арапов

Важным вопросом истории Евразии является проблема статуса членов правивших на ее территории династий. Особый интерес вызывают в связи с этим титулы, права и привилегии представителей царского дома, основанного "великим мирозавоевателем" Чингис-ханом.

Накануне создания Монгольской империи, по словам академика В.В. Бартольда, тюркский титул "хан" употреблялся как княжеский титул, в отличие от высшего светского титула государя "султан". С XIII в. в державе Чингис-хана и государствах – ее преемниках в Центральной Азии и Восточной Европе слово "хан" был собственно именем государя, исключительно Чингисида, а слово "султан" – титулом каждого члена династии, как правило, потомка ее основателя по мужской линии (Бартольд 1968: 604).

Наиболее серьезные вопросы жизни рода Чингисиды решали на съездах ("курултаях"), которые превратились в собрание членов правящего дома и стали "органом, поддерживающим государство" (Сафаргалиев 1960: 44). Здесь обычно происходило официальное провозглашение нового "хана".¹ Присутствующие при коронации избранного владыки члены династии в знак своей покорности обнажали головы, развязывали пояса или даже вешали их на шею (Трепавлов 1993а: 69, 70). Они также участвовали в обряде поднимания "хана" на войлоке, возводили его на трон, усаживали на лошадь, как правило, белого цвета, приносили ему присягу на верность, в завершении всего совершали перед ним обряд девятикратного поклонения.²

На протяжении XIV в. в западной части монгольских владений в Евразии Чингисиды в основном приняли Ислам. Они, однако, "столь же высоко, как прежде, ставили свои унаследованные от Чингис-хана права", ибо в глазах их подданных не вера, а лишь происхождение от "великого мирозавоевателя" определяло их исключительное право занимать царский трон (Арапов 1998: 45). Постепенно реальная власть все чаще стала переходить из ханских рук к другим, не столь знатным правителям. Последние, не имевшие возможности называть себя потомками Чингис-хана по мужской линии, старались породниться с царским родом и приобрести право на титул его зятя ("гурган").

Так знаменитый Тимур в Средней Азии вначале носил только титул "эмир" (предводитель), после своей женитьбы на одной из чингисидских принцесс стал "гурганом" и управлял своей огромной державой от имени подставных "ханов" из рода Чингисидов (Бартольд 1964: 35, 47). По мусульманским правилам, имена последних чеканились на монетах и упоминались в "хутбе" (пятничная молитва) в соборных мечетях империи Тимура (Ислам 1991: 285). Аналогичная практика в то время сложилась и в Орде, где другой зять дома Чингисидов, Мамай, также до 1380 г. управлял своими владениями в Восточной Европе от имени подставных чингисидских "ханов" (Сафаргалиев 1960: 116).

После смерти Тимура в 1405 г. его потомки – Тимуриды правили Средней Азией в XV в. как светские государи "султаны". Практика использования ими подставных "ханов" - Чингисидов была постепенно свернута. На рубеже XV – XVI вв. в Средней Азии произошла "чингисидская реставрация". Тимуриды были свергнуты и изгнаны пришедшими с севера из Дешти-Кипчака потомками Чингис-хана – Шейбанидами. Авторитет и значение института ханской власти были снова восстановлены. Самый известный из Шейбанидов Абдулла II смог крутыми мерами подчинить себе всю территорию Средней Азии. Со второй половины XVI в. центром государства Шейбанидов стала Бухара, отчего оно и приобрело название Бухарского ханства (Гафуров 1989: 274).

На смену Шейбанидам в Средней Азии в начале XVII в. пришла еще одна ветвь Чингисидов – Джаниды, которые правили в Бухаре до середины XVIII в. По мере нового ослабления института ханской власти последние Джаниды стали марионетками в руках узбекской племенной знати. Аналогично ситуация складывалась и в отпавших к этому времени от Бухары Коканде и Хиве. Кочевая племенная верхушка здесь развернула настоящую "игру в ханы" и то и дело меняла одних подставных государей-Чингисидов на других (Иванов 1958: 100).

В условиях полной анархии в Бухаре к концу XVIII в. властью овладели представители знати одного из крупных узбекских племен "эмиры" Мангыты (правили до 1920 г.). Со времени установления их господства более точным названием Бухары был термин "эмират", однако в силу сложившейся традиции в русских официальных документах и научной литературе на протяжении XIX – начала XX вв. по отношению к Бухаре продолжал употребляться одновременно и термин "ханство" (Агаров 1993: 13). В других государствах Средней Азии на рубеже XVIII – XIX вв. к власти также пришли новые правители: в Хиве – династия Кунграт (правила до 1920 г.), в Коканде – династия Минг (правила до 1875 г.) (Иванов 1958: 108, 158). В Хиве и Коканде в силе остался ханский титул главы государства, хотя новые носители его не являлись потомками Чингис-хана по мужской линии и, присвоив себе данный титул, нарушили установившуюся с начала XIII в. в Евразии традицию.

Последними настоящими "ханами" можно считать представителей самой западной ветви Чингисидов – Гиреев, правивших Крымским ханством в 1428 – 1783 гг. Как известно, Крым постепенно превратился из независимого государства в вассала Османской империи. К концу XVI в. владения Гиреев стали своеобразным мусульманским буфером между Турцией, Московским государством и Речью Посполитой. "Ханы" - Гирейи были зачастую марионетками в руках турецких правителей, но этот род в турецкой иерархии по своей знатности считался вторым после дома Османов. По словам английского историка К.Э. Босворта, в Турции "все безотчетно сознавали, что, если бы Османская династия прекратила свое существование, Гирейи заявили бы свои притязания на турецкий престол" (Босворт 1971: 210, 211).

На Руси, находившейся в XIII – XV вв. в зависимости от Орды, сложилось свое отношение к дому Чингисидов. В русских средневековых источниках чингисидских "ханов" титуловали "царями", другие потомки Чингис-хана именовались "царевичами". Происхождение от Чингис-хана очень высоко ценилось, его потомки считались равными потомкам Рюрика и Гедемина. Подчинение Москвой Казанского и Астраханского ханств-"царств" в 1550-х гг. имело важное политическое значение для подъема международного статуса первого русского царя Ивана IV (Трепавлов 1993б). Ранее этого, начиная с XIV в., многочисленные выходцы из Орды постоянно пополняли ряды русской знати. Те из них, кто принимали православие, в том числе и Чингисиды, сразу же получали все права и привилегии, имевшиеся у высших слоев русской элиты.

Правовой статус мусульманской части знати ордынского происхождения, в том числе потомков Чингис-хана, был урегулирован позже, уже в период Российской империи в конце XVIII в. Вскоре после присоединения в 1783 г. Крыма к России появился указ императрицы Екатерины II от 22 февраля 1784 г. По данному законодательному акту в Европейской России на "Князей и Мурз Татарского происхождения, оставшихся в Магометанском законе", распространялись "все те вольности, выгоды и преимущества", которыми обладало российское дворянство, кроме права владения крепостными – христианами (ПСЗРИ I, 1830а, т. 22: № 15936). Подобное правовое решение вполне соответствовало нормам "Соборного уложения" 1649г., по которым мусульманам не разрешалось иметь в услужении и собственности христиан.

Вскоре после принятия указа 22 февраля 1784 г. власти империи столкнулись с определенным юридическим казусом. Разделы и переделы территории бывшей Речи Посполитой в конце XVIII – начале XIX вв. сделали подданными Романовых западных дворян-мусульман

("литовские и польские татары"), традиционно владевших крестьянами различных, в том числе христианского, вероисповеданий. Убедившись, однако, в лояльности по отношению к русскому трону западных мусульман-дворян, имперская власть указами 1795 и 1840 гг. сохранила все сложившиеся на Западе России особенные формы собственности светской мусульманской элиты (Арапов 1999).

Важные законодательные меры по привлечению на Юго-Востоке России на русскую службу потомков Чингис-хана были приняты по инициативе выдающегося государственного деятеля М.М. Сперанского, в 1819–1821 гг. являвшегося сибирским губернатором. В 1822 г. император Александр I утвердил "*Устав о сибирских киргизах*", который был подготовлен Сперанским и его помощником, будущим декабристом Г.С. Батеньковым (Федоров, 1997: 158). По данному законодательному документу "внешние округа Омской области" определялись, как "страна сибирских киргизов" (казахов – Д.А.). Эта группа населения рассматривалась как часть "сословия кочевых инородцев" над которыми учреждалась особая система управления. Значительное место в ней было предоставлено потомкам Чингис-хана.

Чингисиды определялись в "*Уставе*" как "султаны", то есть "наследственное... высшее и почетнейшее между киргизами сословие", освобожденное от телесных наказаний. Проявившие свою верность и преданность русскому трону "султаны" были главным источником для формирования руководящих кадров местной окружной и волостной администрации. Утвержденные в должности представители данной сословной группы получали казенное содержание, имели право носить русский мундир, им предоставлялись на время службы особые земельные пожалования, они могли отправлять для торговли внутри и вне русских владений свои личные караваны и т.д.³ "*Устав*" сохранял за "султанами" на время их пребывания на службе право получать от их "обществ... по нынешнему их обыкновению... вспоможения".⁴

Авторы "*Устава*" достаточно четко определили место и роль султанов в имперской административной иерархии. По данному закону "султаны" не являлись по отношению к другим жителям степи "ни владетелями, ни помещиками", они рассматривались как "местные чиновники, для управления народом постановленные". "Султаны" не имели права самостоятельного суда, они выступали прежде всего как исполнители судебных приговоров высших областных инстанций, их действия и поступки могли обжаловаться населением. Важной обязанностью "султанов" являлась необходимость содержать за счет своих доходов мусульманских духовных лиц для совершения последними конфессиональных ритуалов на подведомственных "султанам" территориях.

В волости "султаны" выступали, как "волостные правители от высшего начальства с согласия народа постановленные". Пребывание в должности волостного правителя, избираемого сроком на три года, давало ее носителю по "*Уставу*" право числиться в чине XII класса (в армейской службе до 1884 г. – чин поручика, в гражданской службе – губернского секретаря). На личную ответственность "султанов" - волостных правителей возлагались "исполнение всех предписанных правил, охранение общей и частной безопасности и вообще спокойствие и тишина в волостях". В качестве помощников "султаны" могли использовать своих сыновей или ближайших родственников.

Полтора-два десятка волостей объединялись в округ, для управления которым жившие на его территории "султаны" избирали сроком на три года "старшего султана". Последний определялся "*Уставом*" как "земский начальник, которому по избранию его родовичами вверяется от российского правительства местное управление". "Старший султан" был обязан стремиться "к сохранению тишины и порядка и к достижению благосостояния подведомственных ему людей". "Старший султан" имел право "быть везде признаваем в чине майора российской службы, пока пребывает в должности".⁵ Прослужив в качестве окружного начальника по выборам три трехлетия, "старшие султаны" имели право просить русского царя о пожаловании им диплома на потомственное дворянство Российской империи (ПСЗРИ I, 1830б, т. 38: № 29127). Подобным способом в состав мусульманского нобилитета империи

попал ряд семейств потомков Чингис-хана, в том числе род Валихановых, из которого вышел прославленный казахский просветитель Чокан Чингисович Валиханов (Стрелкова 1983).

Таким образом, власти Российской империи старались достаточно гибко использовать в своих интересах огромное уважение традиционного азиатского общества к авторитету происхождения от основателя Монгольской империи. Почитание принадлежности к роду "великого мирозавоевателя" сохранилось незыблемо в Центральной Азии (но уже неформально) на протяжении всего советского периода ее истории, оно живо там и сейчас, и несомненно будет влиять здесь и в дальнейшем на ход этнополитических процессов (Масанов, 1996).

Примечания

1. Наследниками владений Чингис-хана по его завещанию являлись его четверо сыновей от главной жены Борте – Джучи, Чагатай, Угэдей и Тулуй. Лишь происхождение от них по мужской линии давало право претендовать на трон государя.
2. Число "девять" в монголо-тюркской традиции считалось священным. Чингис-хан всегда придавал данному числу особое значение. Так он лично определил круг своих приближенных, которые избавлялись от наказаний за девять совершенных проступков (Владимирцов 1934: 166, 169).
3. Начальник округа – "старший султан" имел право в период пребывания в данной должности использовать для своего хозяйства "удобные для земледелия, скотоводства и других заведений", находящиеся рядом с его резиденцией земли площадью от 5 до 7 квадратных верст (примерно 6 – 8 км² – Д.А.). Кроме этого, "старшие султаны" сохраняли право пасти свой скот и на пастбищах своих "обществ".
4. В кочевых обществах существовал традиционный обычай регулярного подношения подарков старшим от младших в знак признания своей подчиненности и особого уважения. Важным было определение числа включаемых в дары предметов. Обычно выбирались нечетные, священные с точки зрения монголо-тюркской традиции числа: 3, 5, 7, 9, 11, 13, 15. Если основой для подношения избиралось число "девять", то в каждом разряде подносимого подарка число предметов должно было состоять из девяти: 9 лошадей, 9 тюков с халатами (в каждом тюке по 9 халатов), 9 головок сахара и т.д (Андреев, Чехович 1972: 98, 132).
5. В XVIII – первой половине XIX вв. получение чина армейского майора (VIII класс) давало право на потомственное дворянство, чина прапорщика (XIV класс) – на личное дворянство. По указу 1856 г. произошло повышение служебного ценза дворянской выслуги: теперь право на потомственное дворянство было связано с производством в чин полковника (VI класс), право на личное дворянство приносил чин капитана (IX класс) (Рикман 1992: 19-21).

ЛИТЕРАТУРА

- Андреев, М.С. Чехович, О.Д. 1972. *Арк (кремль) Бухары в конце XIX – начале XX вв.* Душанбе.
- Арапов, Д.Ю. 1998. В.В. Бартольд о ханах Улуса Джучиева. *Русское средневековье*. Вып. 2, М.: 34-47.
- Арапов, Д.Ю. 1999. Политика Российской империи по отношению к славянским и неславянским группам дворянства на территории бывшей Речи Посполитой. *Межславянские взаимоотношения и связи. Средние века – раннее новое время*. М.: 10-12.
- Бартольд, В.В. 1964. Улугбек и его время. - Бартольд В.В. *Сочинения*. Т. II, Ч. 2, М.: 23-196.
- Бартольд, В.В. 1968. Хан. – Бартольд В.В. *Сочинения*. Т. V. М.: 604.
- Босворт, К.Э. 1971. *Мусульманские династии. Справочник по хронологии и генеалогии*. М.
- Владимирцов, Б.Я. 1934. *Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм*. Л.

- Гафуров, Б.Г. 1989. *Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история*. Кн. 2. М.
- Иванов, П.П. 1958. *Очерки по истории Средней Азии (XVI – середина XIX в.)*. М.
- Ислам. 1991. *Энциклопедический словарь*. М.
- Масанов Н. 1996. Казахская политическая и интеллектуальная элита: клановая принадлежность и внутриэтническое соперничество. *Вестник Евразии*, № 1 (2): 46-61.
- ПСЗРИ I. 1830а: *Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. 1784 – 1788*. Т. 22, СПб., № 15936.
- ПСЗРИ I. 1830б: *Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. 1822 – 1823*. Т. 38, СПб., № 29127.
- Рикман, В.Ю. 1992. *Дворянское законодательство Российской империи*. М.
- Сафаргалиев, М.Г. 1960. *Распад Золотой Орды*. Саранск.
- Стрелкова, И.И. 1983. *Валиханов*. М.
- Трепавлов, В.В. 1993а. *Государственный строй Монгольской империи XIII в. Проблема исторической преемственности*. М.
- Трепавлов, В.В. 1993б. Статус "Белого царя": Москва и "татарские ханства" в XV – XVI веках. *Россия и Восток: проблема взаимодействия*. Ч. II, М.:302–311.
- Федоров В.А. 1997. *М.М. Сперанский и А.А. Аракчеев* М.
- Агаров, D.Yu. 1993. The Bukhara khanate at the end of the 19th century. – *Bukhara*. London: 12–23.

УПРАВЛЕНИЕ КОРЕННЫМ НАСЕЛЕНИЕМ ТУРКЕСТАНСКОГО КРАЯ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Д. В. Васильев

Население присоединенных к России во второй половине XIX века среднеазиатских владений во времена ханского владычества не имело одинакового административного деления. Кочевники делились на роды, роды на отделения, а последние – на подотделения. Оседлые жители делились на аксакальства. В основании такого деления у кочевников лежал родовой принцип, между тем как оседлые туземцы группировались в мелкие административные единицы по принципу единства поселения. Родовыми группами у кочевников управляли родоначальники, называвшиеся манапами, султанами или старшими биями. В подчинении у последних находились бии, которым вверялись отделения, а тугачи управляли подотделениями. Звание манапов, султанов и биев, как старших, так и управлявших отделениями, признавалось наследственным. Исключение составляли лишь редкие случаи, когда род или отделение признавали данных лиц недостойными управлять народом. В подобных случаях по усмотрению старейшин избирались другие родоначальники и бии, которые утверждались представителями хана – беками. (Пален 1910: 3).

Хотя по обычаю бекам принадлежало только право утверждать избранных населением родоправителей, они часто смещали по своему усмотрению неудобных должностных лиц, назначая на их место приемлемые для себя кандидатуры.

Из упомянутых лиц только тугачи почти всегда избирались старейшинами, причем звание это не считалось наследственным.

Первоначально в руках всех этих родоправителей сосредоточивалась лишь полицейская власть, в то время как власть судебная осуществлялась особыми судьями, должности которых мог занять любой, пользовавшийся уважением народа. Со временем, по мере роста влияния султанов и биев, последние захватили и судебную власть, лишь изредка предоставляя возможность тяжущимся избирать посредника для решения своих споров. Тугачи судебной властью не пользовались, оставаясь исключительно полицейскими органами.

Иной была форма управления оседлого населения. Каждое оседлое селение или квартал в многолюдном селении управлялись аксакалами, избираемыми населением и утверждавшимися беками. В руках аксакалов находилась вся полицейская и распорядительная власть, а также отчасти и заведывание взиманием податей. Порядок и срок полномочий беков ни законом ни обычаем не регулировались.

Свои властные полномочия аксакалы делили с другими органами. В многолюдных селениях находились назначавшиеся беками раисы, следившие за строгостью соблюдения Корана, религиозных обрядов и за правильностью торговли на базарах. Раисы обладали также правом разбирать и семейные дела.

Ведавший податным делом штат служащих был гораздо многочисленнее. Сбором земельных податей заведовали особые правительственные чиновники – серкеры, нанимавшие себе помощников – мирабов. Заметную роль во взимании податей играли и арык-аксакалы, наблюдавшие за равномерным распределением воды. Налог с движимого имущества взимали назначавшиеся беками или ханами зякетчи под контролем мирза-баши. Сбор податей с кочевого населения был организован вообще неудовлетворительно.

Вскоре после присоединения Средней Азии к Российской империи новая власть, занятая решением политических проблем, не могла уделять достаточного внимания решению

вопросов внутреннего управления коренного населения. Действительно, первоначально все должностные лица из коренного населения были оставлены на занимаемых должностях. Не было внесено никаких серьезных изменений и в порядок назначения родоправителей и аксакалов.

Однако уже Временное положение об управлении Туркестанской областью 1865 г. продемонстрировало стремление к вовлечению среднеазиатских владений в орбиту внутренней жизни Российской империи. Управление коренным населением военный губернатор области осуществлял на основании общих правил, установленных для губернаторов. При этом он имел право назначать и смещать лиц из коренного населения, заведующих местным управлением. Для кочевников сохранялись родоправители, бии и манапы, а для оседлых – аксакалы, раисы, базар-баши и казии. Непосредственными начальниками всей местной администрации стали управляющие туземным населением. Подчинялись они непосредственно начальникам отделов, на которые делилась Туркестанская область. На управляющих возлагались следующие обязанности: надзор за работой народных судов, забота о неприкосновенности караванов, об охране лесов и оросительных систем, наблюдение за исправностью взимания податей, исполнением повинностей и предписаний администрации со стороны местного населения. (ПСЗРИ II, отд. I, 1867, Т. 40: № 42372).

В 1867 г. область была преобразована в Туркестанское генерал-губернаторство и принятый в том же году проект Положения об управлении Семиреченской и Сырдарьинской областей стал первым шагом в деле упорядочения управления местным населением. Он делил все коренное население края, по условно-этническому признаку, на сартов (оседлых) и киргизов (кочевников).

Кочевое население в каждом уезде* делилось на волости**, волости – на аулы. Волости управлялись волостными управителями, аулы – аульными старшинами. Волостные и аульные избирались населением сроком на 3 года на аульных сходах и волостных съездах. Таким образом, выборы должностных лиц туземной администрации были двухступенчатыми, а их результаты утверждались представителями царской администрации. Волостные управители и аульные старшины сосредоточили в своих руках полицейскую и распорядительную власть. Волостные управители подчинялись уездному начальнику (представителю российской администрации) и обязаны были заботиться о сохранении общественного порядка, о приведении в исполнение судебных решений и постановлений народных судов, налагали административные взыскания за незначительные поступки.

В местах жительства оседлого населения местная полицейская и распорядительная власть находилась в руках аксакала, должность которого учреждалась в каждом значительном селении или городском квартале. Процедура выборов устанавливалась в том же виде, что и у кочевого населения. Аксакал селения или квартала в городе в полицейском отношении пользовался властью волостного управителя кочевого населения.

Интересно, что в 1867 г. была установлена система поощрений для туземных должностных лиц. Особо отличившиеся представители местного населения могли награждаться званием почетного гражданина, медалями, почетными халатами и денежными премиями. Таким образом, туркестанская наградная система приняла вид, наиболее соответствующий традиционным местным взглядам, что делало ее более эффективной и привлекательной для новых российских подданных. (Материалы, 1960: 289-293).

Разработанный в недрах туркестанской администрации в 1871 г. новый проект Положения об управлении в Туркестанском генерал-губернаторстве структуру волостного управления, его права и полномочия оставил практически без изменений. Изменения коснулись лишь процедуры выборов аульного старшины в сторону ее ограничения.

* Административно-территориальная единица, группа волостей, как правило, тяготеющих к городу.

** Административно-территориальная единица, подразделение уезда в сельских местностях России.

Положение же волостного съезда и волостного управителя осталось без изменений. (РГВИА 1871 – 1872: 22 – 24).

Неутвержденный проект Положения об управлении в областях Туркестанского генерал-губернаторства 1873 г. вместо принятого прежде деления местного населения на киргизов и сартов предполагал установить более общее деление коренного населения по хозяйственно-социальному признаку на оседлых и кочевых, отнеся к числу первых и киргизов, у которых земледелие стало постоянным и преобладающим над кочевым промыслом. Тем и другим предполагалось дать совершенно единообразную полицейско-административную организацию по образцу двухступенчатого киргизского управления. Аксакальские управления в местных селениях предполагалось заменить сельскими в первой инстанции, соответствующей аульному управлению у кочевников; и дополнить волостными во второй (высшей) инстанции в соответствии с такими же у киргизов. (РГВИА 1873: 34 – 36).

Разработанный в 1881 г. очередной проект Положения об управлении в Туркестанском генерал-губернаторстве пришел к выводу, что местное население Туркестанского края по своему положению больше всего подходило к низшему податному сословию империи – к состоянию сельских обывателей и не должно было пользоваться никакими особыми преимуществами. Проект освобождал коренных жителей от отправления воинской повинности, от телесных наказаний и предоставлял льготы в отношении гербового сбора. Новый законопроект приравнивал туркестанских сельских и аульных старшин и волостных управителей в их правах и обязанностях к соответствующим должностным лицам в сельских обществах империи. Учреждение сельских сходов и волостных съездов для заведывания общественными, хозяйственными делами и выбора должностных лиц, допускалось, применяясь к местным условиям, на основаниях *Положения 19 февраля 1861 г.* (Объяснительная записка 1881: 53-59).

Направленная в Туркестан сенатская ревизия Ф. Гирса подготовила очередной проект Положения об управлении Туркестанским краем 1883 г., который лишь подтвердил общую тенденцию к приближению коренного населения генерал-губернаторства по своему положению к низшим податным сословиям внутренней империи. Новый проект Положения предполагал разрешить военным губернаторам в городах и многолюдных селениях назначать особых полицейских аксакалов (курбаши), обязанностью которых должно было стать сохранение общественной безопасности и порядка. (Положение 1883: 5-9).

Составленный в 1884 г. очередной проект Положения об управлении Туркестанским краем не внес существенных изменений в положение коренного (и особенно кочевого) населения за одним, пожалуй, исключением. Продолжительность службы на должностях волостных управителей, сельских и аульных старшин предлагалось определить в пять лет. (Положение 1884: 7-8, 11).

Рассмотренные выше законопроекты 1871, 1873, 1881 и 1883 гг., хотя и не получили законодательного утверждения, совершенно определенно продемонстрировали два направления в развитии институтов туземной администрации. С одной стороны, это приобщение к общеимперским порядкам, а с другой – осторожность и постепенность каких-либо изменений, опасение вызвать противодействие и отторжение со стороны местного населения.

Новое Положение об управлении Туркестанского края было законодательно утверждено в 1886 г. В нем была представлена усовершенствованная система организации власти у оседлого коренного населения. Вызвано это было тем, что с течением времени неуклонно возрастала доля именно оседлого населения среди местных жителей, поскольку на переход к оседлости и была нацелена политика русской власти в этой части империи. Положение 1886 г. окончательно утверждало единообразную двухступенчатую административную систему для кочевников и оседлых жителей края. Однако нельзя обойти вниманием тот факт, что по новому Положению участниками сельского схода становились все домохозяева

общества, а не выборные от 10 дворов (как в 1867 г.). Это нововведение полностью соответствовало *Общему положению о крестьянах 1861 г.* Кроме того, в Положении 1886 г. подчеркивалось, что права, обязанности и круг деятельности волостного управителя, сельского старшины, волостного съезда и сельского схода определялись Общим губернским учреждением, хотя и с некоторыми дополнениями (ПСЗРИ III, 1886, Т. 6: № 3814).

Следует обратить внимание на тот факт, что представители русской власти, приступая к организации управления коренным населением подчеркивали необходимость взять за образец систему управления, сложившуюся у кочевников (Кауфман 1885: 51; Гирс 1883: 60). Новая власть активно стремилась привлечь кочевников на административную службу, создавала благоприятные условия для получения ими среднего и специального образования. (Кауфман 1885: 440-442). Такое особое расположение к кочевникам объясняется тем, что они, по мнению представителей царской администрации, были далеки от исламского фундаментализма, в большей степени расположены к установлению твердой русской власти, гарантировавшей им покой и стабильность. (Гирс 1883: 7, 8). Следовательно, именно кочевое население призвано было стать опорой для царской администрации в Центральной Азии. Кочевники рассматривались в перспективе как проводники политики царского правительства в Туркестане.

Исследование динамики туркестанского законодательства наглядно показывает, как, начав с робких попыток внедрения лишь некоторых элементов общеимперской административной системы, царское правительство в 1886 г. перешло к созданию в крае управленческой структуры, весьма близкой к общегосударственной. Некогда весьма разноликая местная администрация кочевников и оседлого населения постепенно приобретала все более стройные черты. И к исходу первых двух десятилетий российского правления вполне стала европейской по характеру, вплотную приблизившись к положению органов местной администрации остальной России.

Дальнейшее развитие административной системы и государственности в Центральной Азии вплоть до сего дня показало тенденцию к симбиозу европейской традиции государственности с догосударственными и раннегосударственными формами иерархии. Это в общем-то и было заложено царской администрацией в первые годы российского правления в Туркестане.

ЛИТЕРАТУРА

- Гирс, Ф.К. 1883. *Объяснительная записка к проекту Положения об управлении Туркестанским краем.* б.м.
- Кауфман 1885: *Проект всеподданнейшего отчета генерал-адъютанта К.П. фон-Кауфмана I по гражданскому управлению и устройству в областях Туркестанского генерал-губернаторства. 7 ноября 1867 – 25 марта 1881 г.* СПб.
- Материалы 1960: *Материалы по истории политического строя Казахстана.* Т. I. Алма-Ата.
- Объяснительная записка 1881: *Объяснительная записка к проекту Положения об управлении в Туркестанском генерал-губернаторстве.* б.м.
- Пален 1910: *Отчет по ревизии Туркестанского края, произведенной по высочайшему повелению сенатором гофмейстером графом К.К. Паленым.* Т. Сельское управление русское и туземное. СПб.
- Положение 1883: *Положение об управлении в Туркестанском генерал-губернаторстве.* б.м.
- Положение 1884: *Положение об управлении Туркестанским генерал-губернаторством.* б.м.
- ПСЗРИ II. 1867: *Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе.* Т. 40. Отделение первое. 1865. СПб., № 42372.
- ПСЗРИ III. 1886: *Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье.* Т. 6. 1886. СПб., № 3814.

РГВИА 1871–1872: Российский государственный военно-исторический архив, Ф. 400, оп. 1, д. 261.

РГВИА 1873: Российский государственный военно-исторический архив, Ф. 400, оп. 1, д. 334.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

д-р, проф. *Уилльям Айонс*, департамент антропологии, Северо-западный университет, Эванстон, Иллинойс, США

к.и.н., доц. *Дмитрий Юрьевич Арапов*, доцент исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Россия

д-р, проф. *Томас Барфилд*, Зав. кафедрой социальной антропологии Бостонского университета, Массачусетс, США

д.и.н. *Дмитрий Михайлович Бондаренко*, зав. сектором культурной антропологии Центра цивилизационных и региональных исследований РАН, Москва, Россия

д-р *Андре Буржо*, ведущий научный сотрудник сектора социальной антропологии Французского национального научно-исследовательского центра, Париж

к.и.н. *Дмитрий Валентинович Васильев*, Москва, Россия

к.и.н. *Сергей Александрович Васютин*, старший преподаватель кафедры истории средних веков Кемеровского государственного университета, Россия

к.и.н. *Сергей Васильевич Дмитриев*, старший научный сотрудник Российского этнографического музея, Санкт-Петербург, Россия

к.и.н. *Александр Алексеевич Казанков*, старший научный сотрудник Центра цивилизационных и региональных исследований РАН, Москва, Россия

д.и.н. *Андрей Витальевич Коротаев*, ведущий научный сотрудник сектора культурной антропологии Центра цивилизационных и региональных исследований РАН, Москва, Россия

д.и.н., проф. *Николай Николаевич Крадин*, ведущий научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии ДВО РАН, Владивосток, Россия

д.и.н., проф. *Александр Павлович Медведев*, профессор кафедры археологии и истории древнего мира Воронежского государственного университета, Россия

к.и.н, доц. *Геннадий Геннадиевич Пиков*, доцент кафедры всеобщей истории Новосибирского государственного университета, Россия

д.и.н., проф. *Татьяна Дмитриевна Скрынникова* главный научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Улан-Удэ, Россия

д.и.н., проф. *Анатолий Михайлович Хазанов*, член Британской академии, профессор им. Э. Геллнера университета Висконсин-Мэдисон, США

к.и.н. *Сергей Александрович Яценко*, старший преподаватель кафедры истории и теории культуры Российского государственного гуманитарного университета, Москва, Россия